

«АЛПАМЫШ»

Советский
издатель

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, А. Н. Болдырев,
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, А. В. Западов,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис,
С. А. Рустам, А. А. Сурков*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

«АЛПАМЫШ»

УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Перевод Л. М. Пеньковского

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Т. М. Мирзаева*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1982

«Алпамыш» — один из самых замечательных памятников узбекского народного эпоса. Древнее сказание о богатыре Алпамыше, сложенное в форме героического дастана, объединяющего стихотворную и прозаическую речь, запечатлело многовековую борьбу узбекского народа за свою независимость, единство и социальную справедливость. Главные герои произведения — Алпамыш и Барчин — наделены лучшими человеческими качествами — бесстрашием, силой воли, преданностью своему народу. Дастан отличается ярким национальным колоритом, богатством изобразительных средств и приемов. Перевод «Алпамыша» на русский язык (по варианту сказителя Фазыла Юлдаш-оглы) осуществлен Л. М. Пеньковским.

БЕССМЕРТНЫЙ ПАМЯТНИК УЗБЕКСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

1

Узбекский народный героический эпос, имеющий многовековую историю и уходящий своими корнями в глубокую древность, дошел до нас в форме живой устной традиции. До Октябрьской социалистической революции о существовании и распространении узбекского эпоса имелись лишь скудные сведения. Во второй половине XIX и начале XX века русскими ориенталистами, путешественниками, этнографами, дипломатами были записаны и опубликованы отдельные образцы узбекского фольклора. Тогда же, во второй половине XIX века, усилиями любителей фольклора, а иногда и по инициативе самих народных сказителей впервые были зафиксированы в виде отдельных рукописных списков народные дастаны: «Сказание о Гороглы», «Санабар», «Диларам», «Бахрам и Гуляндам», «Ашик Гариб и Шахсанам», «Юсуф и Ахмед», «Тахир и Зухра», «Тулумбий» и другие. Эти фольклорные произведения, подвергшиеся литературной обработке, а порой и сильно искаженные, распространялись путем снятия с них копий, а начиная с последней четверти XIX века издавались типографским и литографским способами. Уровень этих изданий не отвечал требованиям научной фольклористики.

Хотя дореволюционная востоковедческая наука имела ряд достижений в изучении эпоса казахского, киргизского и каракалпакского народов, эпическое творчество узбеков оставалось за пределами ее внимания. Существовало даже мнение, что живая устная традиция древнего узбекского эпоса вообще не сохранилась, что она вытеснена городской культурой и письменной литературой. Поэтому обнаружение в советскую эпоху талантливых народных сказителей и запись в их передаче замечательных эпических произведений можно назвать одним из крупных открытий нашего времени.

В советское время было выявлено около двухсот народных сказителей, в том числе такие выдающиеся эпические певцы, как Эргаш

Джуманбульбуль-оглы, Фазыл Юлдаш-оглы, Пулкан-шаир, Ислам Назар-оглы, Абдулла-шаир, Берди-бахши и многие другие. Результатом огромной собирательной работы узбекских фольклористов явилась запись трехсот эпических произведений, охватывающих около ста сюжетов, среди них такие крупные дастаны, как «Алпамыш», «Ядгар», «Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек», «Кунтугмыш», «Мурадхан», «Рустамхан», «Ширин и Шакар», «Арзигуль», «Киранхан», обширный цикл дастанов «Гороглы» (свыше сорока дастанов), новые дастаны «Товарищ Ленин», «Джизакское восстание», «Маматкарим-палван», «Хасан-батрак», «Мардикар», «Ачилдав» и другие. Выявление и запись такого обширного эпического материала наглядно продемонстрировали чрезвычайное богатство узбекского устного народного творчества.

Дастан — наиболее крупный жанр узбекского фольклора. Складывавшийся на протяжении многих веков в различных общественно-политических и экономических условиях, дастан — произведение сюжетно организованное, многосоставное и многотемное. Классический дастан сложен рифмованным стихом, который перемежается с рифмованной прозой. Обычно сказания исполнялись в сопровождении музыкальных инструментов (домбры или дутара, гиджака¹ и балабана²). Узбекские народные дастаны по тематике разделяются на несколько видов: героический эпос, воинские повести, дастаны исторического содержания, романтический эпос. Эти же разновидности представлены в дастанах литературного происхождения, которые вошли в репертуар сказителей и тем самым получили новую жизнь в качестве устно-поэтических произведений.

Героический эпос тесно связан с патриархально-родовыми отношениями, с жизнью, бытом и нравами узбекских племен, которые в далеком прошлом вели кочевой и полукочевой образ жизни. Эпос в идеализированной форме изображает реальные события действительности. Дастаны подобного типа создавались в патриархально-родовом обществе или в эпоху раннего феодализма, когда в процессе столкновения различных родов и племен происходило их оседание на определенной территории, их консолидация в народность. Процесс слияния родов и племен в народность, появление зарождающихся форм ранней государственности и — в ходе этого процесса — самоотверженная, мужественная борьба союза племен и народностей с внешними врагами за свою независимость давали богатейший материал для героического эпоса. Героический характер эпического содержания — решающий признак таких дастанов.³ Именно это качество определяет сущность, идейную направленность эпических сказаний и их художественное своеобразие.

Под влиянием героических дастанов возникли произведения о воинских подвигах — воинские повести. Если в героическом эпосе харак-

¹ Трех- или четырехструнный музыкальный инструмент.

² Род флейты.

³ См.: Пропп В. Я., Русский героический эпос, М., 1958, с. 5.

тер главного героя раскрывается в единоборстве с врагом или при выполнении условий богатырских состязаний, то в воинских повестях герой действует на поле битвы. Преобладающие мотивы воинских повестей — мужество и отвага, борьба за свободу и независимость родной земли, благородство, патриотизм и дружба («Юсуф и Ахмед», «Алибек и Балибек» и другие).

Основой для создания исторических дастанов служила деятельность реальных личностей, измененная и обогащенная творческой фантазией народа. Для исторических дастанов характерно переплетение правды с легендой, факта с художественным вымыслом («Айсулу», «Шейбанихан», «Айчинар», «Толганай», «Маматкарим-палван», «Джизакское восстание» и другие).

Романические дастаны тесно связаны с бытом раннефеодальной эпохи. Их отличительная особенность — наличие любовной интриги, страшных приключений, что сближает их с волшебной сказкой. Сюжетные схемы романических дастанов имеют немало общего между собой. Во многих из них герой отправляется на поиски красавицы. В пути с ним происходят необыкновенные события. Он борется со сверхъестественными чудовищами и, преодолевая все преграды, находит свою невесту. Традиционность сюжетных схем не снижает художественной оригинальности произведений. Каждое из них отличается своеобразной композицией и разработкой образов, различной мотивировкой поступков персонажей и т. д. (цикл «Рустам», «Раушан», «Кунтугмыш», «Ширин и Шакар» и другие).

К дастанам литературного происхождения относятся произведения фольклора, которые возникли под влиянием памятников письменности либо являются своего рода перепевами классических образцов письменной литературы («Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Бахрам и Гуляндам», «Зевархан» и другие). Дастаны эти принципиально различаются по времени, месту и среде своего происхождения, по тематике, по идейному содержанию и по методу изображения исторических событий. Обычно дастаны разных видов исполнялись одними и теми же сказителями-бахши. Отсюда — смешение, диффузия компонентов различного типа дастанов. Отсюда же естественность появления в романических дастанах элементов, свойственных чисто героическому эпосу, а в героических дастанах — романических мотивов и эпизодов. Это общее для эпоса многих народов явление подтверждает и многовековая традиция дастанного творчества узбекского народа.

Особое место в устно-поэтическом творчестве узбекского народа занимает дастан «Алпамыш». «Алпамыш» — яркий образец героического эпоса. Правда, в нем содержится ряд романических мотивов и эпизодов (например, своеобразный песенный дуэт Алпамыша и Барчин во сне, когда герой на пути в страну калмыков заночевал на кладбище, причем в ту ночь подобный же сон видела и героиня; любовные приключения Кайкубата, выступающего в двух обликах — чабана, помощника

героя на чужбине, и китайского принца, завладевшего престолом калмыцкого «шаха», и т. п.). Однако, несмотря на это, дастан является единственным произведением узбекского фольклора, сохранившим все основные особенности героического эпоса. Он отображает славное прошлое узбекского народа, в монументально-идеализированных формах дает широкую картину его быта, нравов, выражает его лучшие устремления, светлые идеалы.

Дастан получил широкое распространение среди народов тюркской семьи, а также территориально близких им, хотя и неродственных. Известны узбекские,¹ каракалпакские² и казахские³ версии эпоса в форме дастана, таджикские⁴, алтайские⁵, татарские⁶ и башкирские⁷ версии в форме преданий и сказок. Сказание о «Бамси Бейреке»⁸, вошедшее в состав крупнейшего памятника средневекового огузского эпоса — «Книги моего деда Коркута», — по своему содержанию и сюжету весьма близко дастану «Алпамыш».

2

Собирание и издание эпоса «Алпамыш» («Алпамыс» — название казахской и каракалпакской версий эпоса) начались в конце прошлого — начале текущего столетия. В дневнике ориенталиста Е. Ф. Каля упоминается, что он в 1890 году, «остановившись недалеко от Термсаза в селении Салихабад, слушал эпос «Алпамыш» в исполнении сказителя, узбека рода аинлы, Аманназара, певшего около трех часов подряд, под аккомпанемент дутара»⁹ Первое упоминание о бытовании «Алпамыса» среди казахов принадлежит известному ташкентскому этнографу А. А. Диваеву.¹⁰ Он же в 1896 году получил от бывшего начальника

¹ Алпомиш, Ташкент, 1979; Жирмунский В. М., Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960.

² Алпамыс, Нукус, 1981; Сагитов И. Т., Каракалпакский героический эпос, Ташкент, 1962.

³ Алпамыс-батыр. Под ред. М. Ауэзова и Н. Смирновой, Алма-Ата, 1961.

⁴ Алпамыш. Таджикские варианты текстов, Сталинабад, 1960.

⁵ Улагашев Н., Алтай-Бучай, Новосибирск, 1941; Суразаков С. С., Об алтайском сказании «Алып-Манаш». — В кн.: «Об эпосе „Алпамыш“». Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш», Ташкент, 1959.

⁶ Валитова А. А., Татарская версия эпоса «Алпамыш». — В кн.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960.

⁷ Киреев А. А., О башкирском эпосе «Алпамыш». — В кн.: «Вопросы башкирской филологии», М., 1959.

⁸ «Книга моего деда Коркута». Перевод академика В. В. Бартольда, М.—Л., 1962.

⁹ Зарифов Х. Т., К изучению узбекского народного эпоса. — В кн.: «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, с. 101.

¹⁰ «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1896, т. 11, вып. 1—4, с. 292.

Амударьинского отдела Сырдарьинской области генерал-майора К. И. Разгонова текст «Алпамыса», записанный от каракалпакского сказителя Джиемурата Бекмухамедова из Турткульской волости Амударьинского отдела. А. А. Диваев ошибочно счел его казахским¹ и издал в оригинале и в русском переводе как казахский эпос, составленный, усвоенный и исполняемый певцом-каракалпаком.² Первой публикацией собственно казахской версии «Алпамыса» является книжка под заглавием «Кисса-и-Алфамыш» («Повесть об Алпамыше» — здесь имя героя дано в узбекской транскрипции), изданная в 1899 году в Казани Джусупбеком Шейхулисламовым. Его версия без изменений неоднократно переиздавалась в Казани (1901, 1905, 1907, 1910, 1912, 1914, 1916 годы). К дооктябрьским публикациям эпоса также относится прозаический вариант казахской версии, переведенный на русский язык и опубликованный А. А. Диваевым под названием «Великан Алпамыс».³

После Октябрьской социалистической революции интерес к народному творчеству, в частности к эпосу «Алпамыш», возрос. Во всех национальных республиках, в том числе в Узбекистане, началась интенсивная работа по выявлению, записи и изучению версий эпоса. В советское время «Алпамыш» в виде полных текстов, а также фрагментов, пересказов зафиксирован в исполнении двадцати восьми узбекских бахши (сказителей) тридцать три раза. Полные варианты дастана записаны в исполнении таких знаменитых бахши, как Фазыл Юлдаш-оглы, Пулкан-шаир, Берди-бахши, Бури Садык-оглы, Бекмурад Джурабай-оглы, Саидмурад Панах-оглы, Умир Сафар-оглы.

Самым полным и художественно совершенным текстом «Алпамыша» считается вариант дастана, записанный от выдающегося народного поэта Фазыла Юлдаш-оглы, который исполнял его на протяжении всей своей жизни.

Здесь уместно рассказать о жизни и творчестве этого замечательного человека, самообытного, высокоодаренного народного певца.

Фазыл, сын Юлдаша, родился в семье дехканина-бедняка в 1872 году в кишлаке Лайка тогдашнего Булунгурского уезда Самаркандской области (ныне Бахмальского района Джизакской области). В раннем детстве осиротев, мальчик прошел суровую, типичную для своей среды школу жизни: был домашним слугой, подпаском у баев. В юности у своих друзей, простых чабанов, научился петь и играть на домбре. При этом он так и остался до конца жизни неграмотным.

Чуть позже, в родном кишлаке, Фазыл становится учеником знаменитых в то время шаиrow — поэтов так называемой «булунгурской школы», особенно славившихся исполнением героического эпоса. Для

¹ Сыдыков Т., Казахские версии «Алпамыса». Автореферат кандидатской диссертации, Алма-Ата, 1958, с. 3.

² Диваев А. А., Алпамыс-батыр. — В кн.: «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», т. 10, Ташкент, 1902.

³ «Туркестанские ведомости», 1916, 8(21) и 9(22) октября.

певцов этой школы были характерны предельная простота и доходчивость повествования, сочетавшиеся в особых случаях с архаичной, традиционной вычурностью, синтезом трагического и комического, — что само по себе послужило материалом для преданий, из уст в уста передаваемых до наших дней. Один из старейших представителей этой поэтической школы Юлдаш-шаир обратил внимание на талантливую юношу Фазыла, приблизил его к себе, стал терпеливо приобщать к тайнам искусства, даже ввел в свою семью — выдал за него дочь. И вскоре молодой Фазыл-шаир, с неизменной домброй, с песней на устах, прославился далеко за пределами родного селенья.

Неустанно обогащая свою память произведениями фольклора, Фазыл-шаир запомнил и в поздние годы жизни исполнял до сорока дастанов, среди них такие шедевры, как «Алпамыш», «Ядгар», «Юсуф и Ахмед», «Рустам», «Мурадхан», «Ширин и Шакар», «Интизар», «Машрика», «Нурали», «Фархад и Ширин», «Ашик Гариб и Шахсанам», «Толга-най», то есть произведения как героического, так и романического типа, происхождения книжного или народно-поэтического. Из уст сказителя в разное время, начиная с 1922 года, было записано около тридцати дастанов — число рекордное в практике изучения узбекского фольклора.

Это лишь одна сторона многогранной деятельности Фазыла Юлдаш-оглы. Вторая сторона — его собственное поэтическое творчество. Уже в юности он прославился не только как исполнитель, но и как автор дастанов, а также терма — произведений своеобразного жанра, богатого возможностями для самовыражения поэта.¹ Еще до революции он создал — сложил в памяти, так как не имел возможности записывать, — крупные дастаны «Маматкарим-палван» и «Джизакское восстание» (последний — о важном историческом событии 1916 года, своего рода «прелюдии» революционных потрясений в тогдашнем Туркестане).

Естественно, что поэт всей душой, с восторгом приветствовал победу Октября, сразу же включился в созидание новой жизни, до конца своих дней (он умер в 1955 году) оставаясь активным участником и сопереживателем всего, что за десятилетия свершилось на узбекской земле и во всем Союзе. Это самым благоприятным образом запечатлелось в его творчестве послереволюционной эпохи. Достаточно упомянуть — и уже сами названия свидетельствуют об этом — автобиографический дастан «Дни мои», терма «Приветствую Октябрь», «Сельмаш» (название крупного завода сельскохозяйственных машин в Ташкенте, одного из первенцев социалистической индустрии в Узбекистане), «Мой колхоз», «Пушкину», «Орденосу Джамбулу».

В годы войны вдохновенное слово поэта — его терма «Сыну моему, бойцу», «Вооружайтесь!», «Пусть слушает мир» — помогало тем, кто

¹ Терма — вид стихотворения, которое сказители исполняли до начала дастана; оно имеет назидательный, а порой автобиографический для данного сказителя характер.

сражался с врагом, ковал победу в тылу. Деятельность Фазыла Юлдаш-оглы, популярнейшего в республике шаира-сказителя, была отмечена высшей наградой Родины — орденом Ленина. Член Союза писателей, член Коммунистической партии с 1942 года, поэт оставался в гуще народа, работал в правлении колхоза, созданного в родном кишлаке.

Фазыл Юлдаш-оглы отличался не только феноменальной памятью и мастерством исполнения. Он был, как сказано, талантливым поэтом и выдающимся импровизатором, который по-своему истолковывал, видоизменял и дополнял исполняемые им произведения фольклора. Увлекательная, пока еще никем не выполненная задача — выявить, что именно привнес Фазыл-шаир в тот вариант «Алпамыша», который единодушно признан непревзойденным по своим художественным достоинствам, — именно тот, который предлагается читателям в настоящем издании. Можно лишь утверждать, что значительность и глубина его идейного содержания, тонкость психологической разработки центральных образов, композиционная пропорциональность и завершенность, богатство, красочность, а также уместность традиционных образно-поэтических средств и приемов — все это несет на себе отпечаток творческой индивидуальности талантливого поэта, чем и обусловлены идейно-художественные достоинства данного варианта.

В 1939 году выдающийся поэт Узбекистана Хамид Алимджан издает с некоторыми сокращениями полный вариант дастана «Алпамыш», предпослав ему свое предисловие. Хамид Алимджан исследовал идейное содержание, образы, художественные особенности дастана, показал, что основу его составляют мотивы мужества, патриотизма, дружбы, поборничества, добродетели.¹ Не случайно именно в это время «Алпамыш» включается в учебную программу средних школ и высших учебных заведений.

С переводом дастана на русский язык начинается новый, в научном плане, этап изучения этого героического эпоса. В основу художественного перевода узбекского дастана на русский язык было положено издание Хамида Алимджана. Первоначально переводятся отдельные главы,² а затем и весь дастан полностью.³ С переводом на русский язык расширяется проблематика в изучении дастана. Принципиальное значение имеют предисловия В. М. Жирмунского, написанные к русским изданиям «Алпамыша», и его совместная с узбекским ученым Х. Т. Зарифовым монография «Узбекский народный героический эпос». В исследо-

¹ См.: Алпамыш, Ташкент, 1939, с. 5—20 (на узб. яз.).

² Алпамыш. Главы из поэмы. Перевод Л. Пеньковского. Предисловие В. М. Жирмунского, Ташкент, 1943; Алпамыш. Первая часть. Перевод В. Державина, А. Кочеткова и Л. Пеньковского. Предисловие В. Жирмунского, Ташкент, 1944.

³ Алпамыш. Узбекский эпос по варианту Фазыла Юлдаша. Перевод Л. Пеньковского. Предисловие М. Шейхзаде, Ташкент, 1949; Алпамыш. Узбекский эпос по варианту Фазыла Юлдаш-оглы. Перевод Л. Пеньковского. Предисловие В. Жирмунского, М., 1949.

вании В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова дастан «Алпамыш» обстоятельно рассмотрен в отдельной главе,¹ а также в итоговой части работы «Общая характеристика узбекского эпоса».²

Проведение регионального совещания, посвященного дастану «Алпамыш» и проблемам его изучения,³ публикация материалов совещания⁴ послужили толчком для дальнейшего изучения различных версий и национальных вариантов дастана.⁵ Основная часть материалов по эпосу «Алпамыш», собранных в национальных республиках и областях вне Узбекистана, а также результаты исследований обобщены в капитальном труде В. М. Жирмунского.⁶

3

Определение времени создания того или иного произведения устного народного творчества — дело чрезвычайно сложное. Произведения фольклора в процессе исполнения и устного бытования доходят до нас в сильно измененном виде. Поэтому, выясняя время создания произведения фольклора, надо уметь видеть его основную идею, его исторически обусловленное ядро, отделить главное от второстепенного, выявить поздние, по времени возникновения, мотивы и образы.

На протяжении нескольких столетий в процессе устного бытования дастан «Алпамыш» подвергался многократной переработке, сокращениям и добавлениям различного характера. Не случайно мнения ученых о времени и месте сложения дастана «Алпамыш» совпадают далеко не во всем. Так, по мнению А. К. Боровкова, «Алпамыш» был эпосом рода конграт, в своей «кипчакско-тюркской» редакции, притом возник он в степи Дешт-и-Кипчак в XII—XIV веках.⁷ В. М. Жир-

¹ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т., Узбекский народный героический эпос, М., 1947, с. 61—108.

² Там же, с. 303—457.

³ Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш», Ташкент, 1956.

⁴ Об эпосе «Алпамыш», Ташкент, 1959.

⁵ См.: Мирзаев Т., Узбекские варианты эпоса «Алпамыш», Ташкент, 1968 (на узб. яз.); Смирнова Н., Сыдыков Т., О казахских версиях «Алпамыса». — В кн.: «Алпамыс-батыр», Алма-Ата, 1961, с. 429—487; Хошниязов Ж., Историко-фольклорная характеристика каракалпакской версии эпоса «Алпамыс». Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1978; Брагинский И. С., Предисловие. — В кн.: «Алпамыш». Таджикские варианты текстов, Сталинабад, 1959, с. 3—8; Сагитов М. М., Эпическое творчество башкирского народа. — В кн.: «Башкирское народное творчество. Эпос», кн. 2, Уфа, 1973, с. 5—25 (на башк. яз.).

⁶ См.: Жирмунский В. М., Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960.

⁷ Боровков А. К. Героическая поэма об Алпамыше. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш», Ташкент, 1956, с. 7.

мунский полагал, что сказание об Алпамыше «с кочевыми узбеками Шейбани-хана (начало XVI в.) было перенесено в Южный Узбекистан (Байсунское бекство — конгратская версия), где на основе древней богатырской песни или сказки сложился героический эпос «Алпамыш», получивший отсюда распространение среди узбеков, каракалпачков и казахов».¹ Несколькими иными точками зрения придерживается Х. Т. Зарифов. Он считает, что дастан «Алпамыш» сложился в условиях разложения патриархально-родовых отношений до монгольского нашествия в низовьях Сырдарьи, в Приаралье в среде тюркоязычного скотоводческого племени конграт.²

Приведенные точки зрения ученых о времени и месте сложения эпоса «Алпамыш» по существу не противоречат, а дополняют одна другую. Отметим, что исследователи почти солидарны в вопросе о месте (Приаралье, степь Дешт-и-Кипчак, простирающаяся на север и северо-запад от Аральского моря) и среде (тюркское скотоводческое племя конграт), а также условиях сложения эпоса. Несходны их мнения в вопросе о времени (X—XI, XII—XIV, XVI века).

Если исходить из исконных сюжетных ситуаций и ведущих мотивов дастана «Алпамыш», то гипотеза Х. Т. Зарифова представляется более убедительной, так как в сюжетной ткани дастана отображены патриархально-родовые отношения и общественный уровень жизни того времени. Обращение Байсары за советом к «десятитысячным юртам» — явный реликт племенного совета («Родичи мои, подайте мне совет»). То же самое — массовая откочевка части племени конграт во главе с Байсарой, в чем сказывается особенность родоплеменного быта. В дастане описано и стремление отдельных старейшин рода (например, Байбури) к власти в исторической обстановке еще не сложившихся феодальных отношений. Но в Калмыкии, куда откочевывает часть племени конграт (эта эпическая страна в дастане называется страна калмыков, Аймак, Кашал), нет признаков развитых феодальных отношений. Так, девяносто богатырей хана (или «шаха») живут в пещере Токаистан. Они размышляют: «То ли каждому в отдельности добиваться Барчин, то ли взять ее общей женою для всех?», — здесь отголосок времен группового брака. Приметы подобного типа, указывающие на определенную стадию развития общественной жизни, важны прежде всего для установления генезиса дастана. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что процесс перехода от патриархально-родовых к феодальным отношениям не везде происходил в одно время и в одной и той же форме. Процесс этот в отдельных местах продолжался вплоть до нового времени. «Если в не-

¹ Жирмунский В. М., Вопросы генезиса и истории эпического сказания об Алпамыше. — В кн.: «Об эпосе „Алпамыш“, Ташкент, 1959, с. 23.

² Зарифов Х. Т., Основные мотивы эпоса «Алпамыш». — В кн.: «Об эпосе „Алпамыш“, с. 6—14.

которых частях Дешт-и-Кипчака, — пишет Х. Т. Зарифов, — уже в X—XI вв. господствовал феодальный строй, то в других частях еще сохранялись патриархально-родовые отношения в общественной жизни и в быту... Эпос «Алпамыш» сложился еще до монгольского нашествия именно в этих частях Дешт-и-Кипчака, заселенных племенем конграт». ¹

Для определения времени и места сложения эпоса «Алпамыш» важное значение имеет и другое предположение Х. Т. Зарифова. Он отмечает, что употребляемое в эпосе название племени «конграт» первоначально не имело отношения к монгольскому «кунхурат» (или «хунгират»). Согласно легенде, племя получает свое название от слова «конграт» — конь каурой, бурой или темно-серой масти, что также является отражением тотемизма (культ коня). Добавим, что в отдельных вариантах эпоса Алпамыш и его богатырский конь Байчибар изображаются молочными братьями.

Из всего вышеизложенного мы вправе сделать вывод, что дастан «Алпамыш» сложился в среде кочевого скотоводческого племени конграт в нижнем течении Сырдарьи и Приаралье в X—XI веках, в период патриархально-родового строя, отмеченного некоторыми чертами раннего феодализма. Вывод этот подтверждается и тем, что процесс консолидации ряда тюркских племен в народности происходил именно в это время. Кочуя с места на место, племя конграт передавало свой дастан другим племенам и народностям. Новая среда перерабатывала его на основе своих эпических традиций. Так происходило распространение дастана «Алпамыш» в среде тюркоязычных народностей. Если учесть, что племя конграт занимало важное место в этногенезе не одного народа, а нескольких — в частности, узбекского, каракалпакского и казахского, — то становится понятной широкая распространенность эпоса.

Узбекская версия дастана в конце XV и начале XVI века прошла процесс «обновления» и окончательно сформировалась. Однако основа произведения, ряд сюжетных сплетений и мотивов в нем чрезвычайно древние по своему происхождению.

4

Выраженная в эпосе мечта народа всегда отражает идеалы эпохи. Как уже было отмечено, эпос «Алпамыш» запечатлел эволюцию патриархально-родовых отношений в племени конграт. В этот период одно из главных мест в социальных отношениях занимала борьба за прочность моногамной семьи, возникшей в процессе отмирания семьи патриархальной. Появление моногамной семьи, будучи прогрессивным фактором, расшатывает устои патриархально-родового общества.

¹ Зарифов Х. Т., Основные мотивы эпоса «Алпамыш», с. 8.

Стремления передовых социальных сил и их борьба за нерушимость семьи определяют идейную направленность дастана «Алпамыш». На той ступени общественного развития, которая изображена в нем, борьба за семью, невесту, против тех, кто этому препятствует, была борьбой не только за личную, собственную любовь и судьбу, но и за новые общественные отношения. Вот почему победа Алпамыша над темными силами имеет социальный смысл. В эпосе неоднократно звучат высказывания, поясняющие главную цель жизни Алпамыша. Его героические деяния направлены на то, чтобы спасти из неволи Барчин, ставшую объектом споров и раздоров между иноплеменными богатырями. «Привезу невесту я из страны калмыков», «Вплоть до смерти искать буду Барчин-ай», — подобные слова Алпамыша, лейтмотивом проходящие через весь дастан, подчеркивают главную цель поступков героя. Столкновение же героя с калмыцкими богатырями очень напоминает способ решения семейно-бытовых конфликтов в патриархально-родовом обществе.

Существует мнение, что в дастане отображены калмыцко-узбекские отношения XVI—XVIII веков, междоусобицы военной аристократии двух народов. Тщательное исследование текста дастана показывает, однако, что в нем нигде не говорится о прямой войне между калмыками и конгратами. В этой связи представляют интерес такие моменты сюжета. Бий Байсары, обиженный братом (о сущности обиды — ниже), после совещания с родичами откочевывает в страну калмыков, мало обеспокоенный тем, что калмыки — иноверцы, говорят на другом языке и т. д. Затем, отправившись в путь и достигнув цели, конграты, по неведению, потравили посевы злаковых. Оказывается, калмыки дастана — земледельцы, дехкане, чего в действительности никогда не было и быть не могло. У них есть столица — крупный город, где живет многочисленный «люди мастеровой». Дальше говорится о калмыцких богатырях, у которых — тюркские имена (Кокальдаш, Караджан и проч.). Пришельцы и аборигены вполне понимают друг друга, пытаются даже породниться, состязаются за невесту (Барчин сама выдвигает условие, чтобы Алпамыш участвовал в традиционных состязаниях претендентов на ее руку наравне с калмыцкими богатырями). Калмык Караджан становится побратимом, ближайшим другом Алпамыша. Наряду со всем этим моменты вражды, соперничества — налицо. Однако здесь следует видеть не межнациональную рознь, а скорее традиционное для фольклора противопоставление, в немалой степени схематичную поляризацию добра и зла. Олицетворение первого — Алпамыш и Караджан, второго — калмыцкий «шах» Тайча со своими царедворцами и воинами. Закономерно предположить, что на ранних этапах сложения и бытования эпоса «Алпамыш» враги героя, носители всего злого, не именовались калмыками, а столкновения, подобные описанным в дастане, могли явиться отражением исторически реальных, весьма частых войн между

тюркскими родами и племенами либо между тюрками и соседними нетюркскими народностями. Ко всему этому надо добавить, что народность с самоназванием «калмыки» появилась в степи Дешт-и-Кипчак намного позже того исторического периода, который с большой вероятностью надо считать временем возникновения эпоса. И появление в нем наименования «калмык», видимо, результат позднейшего переосмысления исторических событий; после неоднократных калмыцко-ойротских нашествий XVI—XVIII веков калмыко-ойроты стали олицетворять постоянных врагов эпических героев. Совершенно справедливо поэтому замечание В. М. Жирмунского: «Тема эпической поэмы остается личной, семейно-родовой, как в богатырской сказке, в более широком смысле — племенной (судьба племени конграт, возглавляемого Байбури и Алпамышем), но не исторической и народно-государственной в собственном смысле, как и социальное расслоение и борьба, характерные для феодального общества, лишь поверхностно и косвенным образом отразились в развитии эпопеи. История входит в древнее сказание как бы обходным путем, вместе с историко-географической локализацией эпоса в Байсуне, среди племени конграт, в период калмыцких набегов, этого страшного исторического бедствия для среднеазиатских народов, в значительной степени содействовавшего их национально-государственному сплочению в XVI—XVIII вв. Но сами калмыцкие войны также получают в эпосе лишь косвенное отражение — в национальной противоположности узбеков (конгратцев) и чужеземцев-калмыков».¹

Подобным же образом следует рассматривать присутствующие в дастане мотивы, связанные с мусульманской религией. Кочевники-тюрки Дешт-и-Кипчака по-настоящему приобщились к исламу значительно позже предполагаемого времени сложения дастана об Алпамыше. И элементы мусульманства в дастан, очевидно, были внесены сказителями уже в период его бытования в среде мусульман Средней Азии.

Укажем некоторые подробности сюжета, прямо отражающие мусульманскую идеологию и обрядность. Это, во-первых, появление полубезумного каландара — странствующего мусульманского монаха-отшельника — на пиршестве по случаю рождения Алпамыша, Барчин и Қалдыргач. Каландар и нарекает детей именами (будущему Алпамышу дает многозначительное имя Хаким). Тут же сообщается, что дети (две девочки и мальчик) ходят в школу — факт, совершенно невероятный в среде степняков-кочевников. Дальше речь пойдет о требовании Байбури (сюзерена) к своему брату Байсары (вассалу), чтобы тот платил ему налог, названный закятом, как у мусульман. Всем этим моментам отведено в дастане совсем немного текста, и чи-

¹ Жирмунский В. М., Тюркский героический эпос. — Избранные труды, Л., 1974, с. 346—347.

татель (слушатель) способен был попросту забыть, что герои — мусульмане, так мало в них специфически мусульманского. Они, к примеру, не совершают обязательной для мусульман молитвы (намаза), не призывают в свидетели и заступники Аллаха, пророка Мухаммеда и т. д. Лишь когда палачи калмыцкого «шаха» подступили к Байсару с обвинением в потраве посевов, он, оправдываясь, для доказательства своей невинности готов «произнести святую калиму» — символ мусульманской веры. Но дальше ту же «калиму» Алпамыш советует — явно некстати — произнести калмыку Караджану, который позднее и сам ее произносит, подбадривая этим себя. Братья, с которыми решительно порвал этот благородный богатырь, обвиняют его в том, что он перешел в ислам и отрекся от «латманата» (т. е. они отождествляют свою веру с языческой, как ее представляли себе мусульмане-арабы, что никак не характерно для шаманистов-язычников, какими были кочевники Дешт-и-Кипчака в домусульманские времена), но обвиняют как-то неуверенно, и в итоге неясно — сделался Караджан в полном смысле слова мусульманином или нет...

Несколько раз герои (Барчин, Алпамыш) призывают себе на помощь «чильтанов» (святых). Но характерно, что в один из наиболее драматических моментов сюжета призыв этот остается чисто риторическим: выбраться из подземной темницы Алпамышу помогли отнюдь не «чильтаны», а его верный конь Байчибар.

Так же неорганичны для эпоса упоминания, явно позднего происхождения, о Коране (в устах Караджана, впервые встретившего Алпамыша, это упоминание, по сути, необъяснимо логически), муллы на свадьбе Алпамыша и Барчин, на которой собственно мусульманский обряд занимает весьма скромное место.

Нетрудно понять сказителей, которые с целью сделать изображаемое близким и понятным для слушателей — среднеазиатских мусульман, вносили в дастан элементы исламской идеологии, мифологии, обрядности. Высокоодаренным сказителям, таким, как Фазыл-шаир, удавалось вводить эти элементы с соблюдением вкуса, такта и чувства меры, почему они не предстают явно инородными, не нарушают идейно-художественной цельности произведения. Однако первооснова его, при восприятии непосредственно-эмоциональном (в чтении ли, на слух), предстает все же как бы «безрелигиозной», во всяком случае немусульманской. Чтобы лучше понять это, следует вспомнить, что кочевые и полукочевые тюркские племена, обитавшие и в степи Дешт-и-Кипчак, и в степных районах Средней Азии, приобщались к исламу медленно, без особого энтузиазма, почти вплоть до XVIII столетия. Ревностными же мусульманами, тем более фанатиками, они не были никогда — эти истины общеизвестны.

Завершая тему позднейших наслоений в «Алпамыше», следует сказать о присутствии в нем некоторых реалий, с которыми действующие лица не могли быть знакомы в эпоху сложения дастана и

в первые века его бытования в родной среде. Это — огнестрельное оружие (ружья и пушки), а также подзорные трубы. Редкие упоминания об этих предметах рассеяны по тексту. И характерно: подзорную трубу герои еще применяют по прямому назначению, в ситуациях, когда она способна оказать действительную помощь. А огнестрельное оружие используется героями, ведущими напряженные кровавые сражения, по сути, лишь для забавы: из ружей стреляют по мишеням на свадебных состязаниях, из пушек же палят просто для того, чтобы подчеркнуть значительность момента (перекочевка рода Байсары), могущество племенного властителя.

Талантливость сказителей, их бережное отношение к сокровищу народной мудрости — эпосу об Алпамыше — обусловили то, что позднейшие интерполяции и напластования были как бы «переплавлены» в системе идей и образов дастана в его лучших вариантах, составляя органические частности высокохудожественного целого.

5

«Алпамыш» — эпос, воспевающий мужество, патриотизм, единство народа, любовь и верность, прочность семьи. Эти идеи нашли замечательное художественное воплощение в варианте дастана, записанном от Фазыла Юлдаш-оглы. В этом варианте рассказывается о бездетности братьев Байбурн и Байсары, о чудесном рождении будущего героя, о его богатырской юности, о первом героическом подвиге, о состязании с калмыцкими богатырями в борьбе за невесту Барчин, о семилетнем пребывании Алпамыша в плену, об освобождении из неволи с помощью богатырского коня, о том, как Алпамыш нагрянул на «свадьбу» узурпатора Ултана, как одержал над ним победу и освободил свою жену Барчин, после чего установил свою власть над объединившимся после временного распада племенем конграт.

Проявление мужества изображается в дастане в органической связи с идеей патриотизма. Положительные герои эпоса тесно связаны с родным народом, со своей страной Байсун-Конграт. Где бы они ни были, они разделяют все горечи и печали родного народа, родной страны, тоскуют в разлуке с ними:

Не в тумане ль Аскар-гора?
Правильным ли еду путем?
Стар отец мой и мать стара,
Ничего не знаю о них.
Ты, конгратское племя где?
То счастливое время где?
Что с друзьями моими там?
Что с Барчин любимой там? . .

В дастане мотивы любви к родной земле смыкаются, органически спаяны с идеей единства рода. Раскол повергает родоплеменной союз в пучину бедствий. Барчин, Қалдырғач, даже сам вождь племени Байсары в чужой стране подвергаются унижению. Об этом в дастане говорится много раз, причем в гиперболизированной форме. Женитьба Алпамыша на Барчин приводит к воссоединению племени. Произведение тем самым рельефно выражает основную идею: только тот достоин любимой и семьи, кто сможет совершить подвиг, проявить отвагу и мужество, отстаивать свою честь и благополучие своих близких.

Главный герой дастана Алпамыш — богатырь степных просторов, надежда и опора племени конград, олицетворение силы своего народа:

Белый свой шишак надену броневой,
В золотой своей кольчуге боевой,
Вытянув из ножен меч алмазный свой,
Я всю силу рук богатырских напрягу,
Брошусь на врага — несдобровать врагу!
Разъяренным я верблюдом зареву,
Гневом загорясь, подобен стану льву,
С тигра грозного я голову сорву!

В древности и в средние века человек, обладавший могучей силой ратоборца, ценился необычайно высоко. И это естественно, потому что в тех исторических условиях в борьбе с иноземными врагами и свирепостью природы решающую роль играла физическая сила. Именно поэтому в героических песнях, сказках, в произведениях эпоса каждый народ создавал образ богатыря, который мог в одиночку вступить в битву с несметными полчищами врагов, с могучими и грозными чудовищами и выйти победителем.

Не случайно в дастане особое внимание уделяется изображению колоссальной физической мощи и богатырской хватки Алпамыша. В семь лет он, натянув тетиву лука весом в четырнадцать батманов своего деда Алпин-бия, сбил вершину у горы Аскар. За это он получил прозвище «алп» (богатырь). Богатырские способности Алпамыша испытываются в ходе выполнения условий Барчин, которые она поставила перед претендентами на ее руку. В борьбе с иноплеменными богатырями Алпамыш превосходит их не только в силе, ловкости, но и в уме. Алпамыш стоит гораздо выше их по своему интеллекту, поскольку в отличие от них не преследует узколичных цели, а видит свою задачу в том, чтобы объединить распавшееся племя.

Алпамыш точно знает, за что и с кем он борется. Это герой с ясным умом и благородной целью. Он легко отличает правого от виноватого, угнегаемого от насильника. Без крайней необходимости Алпамыш не применяет своей громадной силы. Прежде всего он стремится решить дело мирным путем. Это герой, умеющий подчинить

разуму обуревающие его эмоции. Выразителен в этой связи следующий эпизод. Конгратцы колена Байсары, подпавшие под власть «шаха» калмыков Тайчи, решают откочевать в пределы своих родных земель. Чтобы воспрепятствовать этому, Тайча посылает против мирных конгратцев войско. Караджан, ставший другом Алпамыша, готов кинуться на защиту конгратцев. Алпамыш отговаривает его:

Слово ты мое за трусость не считай:
Гневу над рассудком воли ты не дай,
О делах подобных, друг мой, не мечтай.
Сгоряча такой расправы не чини.
Не своею волей прибыли они,
Зря да не найдут погибели они.

Однако этот мужественный, но и добрый богатырь, поддавшись уловке старухи Сурхайль, олицетворяющей само зло, попадает на семь лет в плен к врагам. В неспособности Алпамыша противостоять обману и подлости проявляется его детское простодушие, душевная чистота и доверчивость.

Вторая часть дастана выделяется богатством бытовых мотивов и реалистических эпизодов. После семилетнего заточения Алпамыш возвращается на родину. На пути он встречается с родичами, чабанами и табунщиками, а также с караванами купцов и путешественников, с людьми различных сословий. Из их рассказов он узнает о положении своего народа и близких, об отношении людей к нему и его сопернику Ултану, который в его отсутствие захватил власть над племенем. В этих сценах Алпамыш раскрывается как идеальный герой, которому не чуждо ничто человеческое.

Алпамыш, узнавший, что Ултан хочет насильно взять в жены Барчин, приходит на свадьбу в обличье своего воспитателя Култая. На свадьбе он встречает своих униженных родителей, горюющих о пропавшем сыне. Видит он в плачевном состоянии и своего сына Ядгара, запуганного угрозой убийства. Алпамыш наказывает Ултана, льстивый сонм бакавулов и поваров. По его богатырской мощи народ узнает в нем своего любимца. Так происходит возвращение героя на родину, в свой дом, семью, к своему народу.

Победа Алпамыша над Ултаном, как и над калмыцким «шахом» Тайчой, неотделима от борьбы героя за свою любовь, семью, за свой народ, его независимость и целостность.

Итак, монументальный образ богатыря сконцентрировал в себе мечты и чаянья народа о героическом и прекрасном, его идеалы социальной справедливости.

Чрезвычайно важен и содержателен в дастане также образ Барчин, который считается одним из самых совершенных женских образов узбекского фольклора. Любовь к родине и семье, уважение к на-

роду, близким, отвага и самостоятельность составляют сущность ее характера. Это умная и деятельная девушка. Когда ее отец решил уйти на чужбину, она советует матери отговорить его. Как дочь, уважающая возраст отца, Барчин не смеет сама обратиться к нему и свое понимание ситуации высказывает матери, утверждая, что жена должна быть советчиком мужа:

Верной мужу быть всегда жена должна,
Но при нем вазиром быть она должна, —
Держит мужа ум в своих руках жена...

В образе Барчин воплощены традиционные для эпоса представления о девушке-богатыре. Ее мужество, отвага, смелость, вера в собственные силы с особой наглядностью проявляются в эпизодах, когда калмыцкие богатыри хотят насильно ее увести из родного дома. «Не считай меня слабой, останешься без головы», — с достоинством отвечает Барчин первому же из претендентов на ее руку. И эти ее слова лейтмотивом проходят через весь дастан. Барчин знает, что по своей физической силе она не уступит любому богатырю, и доказывает это в единоборстве с Кокаманом, одерживая над ним верх. Глубоко веря в то, что Алпамыш разделяет ее чувства и придет к ней на помощь, она с презрением отвергает притязания чужеземных богатырей:

Разве к Алпамышу не домчится весть?
Разве на коня он побойтся сесть?
Светопреставленьем будет его месть,
Никому из вас голов тогда не снести! ..
Коль хотите знать — я в силе вам равна.
Только никому из вас я не жена.

Ни в присутствии духа, ни в находчивости Барчин не уступает калмыцким богатырям. Она не только отважна, но и горда. И от богатырей, претендующих на ее руку, также требует достойного ее мужества и воинского искусства. Об этом красноречиво свидетельствуют условия, поставленные героиней перед Алпамышем и девяноста богатырями (натянуть лук, попасть стрелой в монету, одержать победу в скачках и в борьбе).

В победоносном для Алпамыша исходе состязаний — большая заслуга Барчин. Она побуждает уставшего Алпамыша быть стойким в единоборстве с богатырем Кокальдашем. Байчибар — крылатый конь Алпамыша, участвовавший в скачках, — услышав голос Барчин, опережает соперников и выигрывает состязание. Теплым лиризмом, глубоким волнением пронизано ее обращение к боевому товарищу Алпамыша:

Курухайт, Чибар, конь моего тюри!
Веселей скачи, не отставай смотри!
Для тебя яйлой высокогорной будь
Белая моя девическая груди!
Волосы мои на щетку отдаю,
Чтобы чистить шерстку мягкую твою. . .

. . . Конь алмазноногий, первым доскачи,
Снежные холмы грудей моих топчи,
Только с милым другом нас не разлучи! . .

Образ Барчин уходит своими корнями в реальный общественный быт давнего прошлого. При патриархально-родовом строе у кочевников-скотоводов женщина в семье пользовалась самостоятельностью и фактическим равноправием с мужчинами. Нередко она с оружием в руках участвовала в войнах. При всей традиционности эпических ситуаций, в которые попадает или которые создает героиня, это не может заслонить от нас реальную историческую почву, на которой возник образ Барчин.

Об особо активной и ответственной роли женщин в жизни кочевых народов Средней Азии свидетельствует и образ Калдыргач. Отнюдь не случайно он выполняет в дастане важную сюжетную функцию, связывая различные эпизоды и события. Так, Калдыргач находит письмо Барчин, спрятанное Байбури, и понуждает своего брата Алпамыша поехать в калмыцкое кочевье. Та же Калдыргач открывает ему глаза на его истинное призвание, указывает ему на возвышенную цель жизни — спасение Барчин, Байсары и объединение рода конграт. Провожая Алпамыша в долгое странствие, Калдыргач напутствует его:

Жив и невредим скорее приезжай,
Недругам коварных козней не прощай, —
Все свои дела успехом увенчай,
Любящую мать свою не огорчай,
Приезжай, свою невесту выручай.

Духовная красота Калдыргач — в ее трепетной и требовательной любви к брату, в ее отношении к невестке Барчин, племяннику Ядгару.

Ултан, в отсутствие Алпамыша захвативший власть в племени, безжалостно унижает Калдыргач, изгоняет ее в степь и заставляет пасти верблюдов. Но Калдыргач не сдастся. Она верит, что брат вырвется из заточения, вернется домой. Видя угнетенных и униженных сородичей, Калдыргач протестует против несправедливости. В ее жалобе столько боли и гнева:

Солнце мне мозги насквозь уж пропекло!
От судьбы за что терплю такое зло?
Ултан-таз меня унизил тяжело. . .

К образам Барчин и Калдыргач вполне применимо утверждение С. П. Толстова относительно того, что «женщины эпоса занимают равное положение с мужчинами, не уступая им ни в чем — и не только в делах мира, но и в делах войны. Это весьма характерная черта среднеазиатского эпоса, возвышающая его над эпосом многих других народов». ¹

Тема дружбы и побратимства героев, широко распространенная в произведениях мирового эпоса, занимает немалое место и в узбекском дастане. Трогательная дружба Караджана и Алпамыша замечательна тем, что она выше любых проявлений национальной ограниченности, отчужденности и вражды. Человеколюбие Алпамыша, его нетерпимость к угнетению, несправедливости и низости становятся причиной сближения Караджана с узбекским богатырем. Караджан отказывается от службы злему и несправедливому Тайча-хану и в борьбе, хотя и с соплеменными ему калмыцкими пахлаванами, становится на сторону Алпамыша. Помогая ему, он вступает в единоборство с богатырями, оспаривавшими руку Барчин, в частности со своими родными братьями. Несмотря на всевозможные бедствия, оскорбления, клевету, он продолжает защищать своего побратима из рода конграт. Совместная борьба со злом и несправедливостью еще больше укрепляет дружбу Алпамыша и Караджана. Согласно эпической традиции, Караджан вместе с героем едет к нему на родину. Отец Алпамыша и мать ласково приветствуют его как сына:

— Вот каков ты есть, оказывается,
Моего сынка товарищ боевой!
Жаль, что не был раньше я знаком с тобой!—
Тут, своим гордясь возлюбленным сынком,
Бросилась к Хакиму и старуха мать,
Стала дорогого сына обнимать.
Также Караджана обняла она,
И благословенье им дала она. . .

Из этнографической литературы известно, что побратимство делало друзей членами одной семьи, а через нее — и всего рода. В дружбе и соратничестве Алпамыша, в соответствии с эпической традицией, поэтизируется древний народный обычай побратимства, сближающий различные племена и народности.

¹ Толстов С. П., Древняя культура Узбекистана, Ташкент, 1943, с. 12.

О богатстве социально-нравственных идеалов дастана свидетельствуют и образы преданных друзей Алпамыша — Култай и Кайкубата.

Култай — представитель трудового народа — значителен тем, что в героический эпос, где главными действующими лицами являются, по традиции, бии, беки, составляющие родо-племенную аристократию, он привносит элемент демократизма. Култай хотя и патриархальный раб, но он и воспитатель героя, и олицетворение народной мудрости племени.

Согласно эпической традиции, герой, скитающийся на чужбине, знакомится с бедняком и между ними возникает дружба. В трудные минуты бедняк приходит на помощь герою, а когда тот одерживает верх над врагами, помогает бедняку возвыситься, стать властителем вместо свергнутого жестокого и несправедливого тирана. Такую роль играет в дастане «Алпамыш» чабан Кайкубат. Он обрисован как народный умелец, наделенный мудростью, которая у него — от жизненного опыта, помноженного на достоинства природного ума. При этом Кайкубат добросердечен, порой кажется даже глуповатым. И далеко не сразу обнаруживается, что такое обличье — маска, под которой скрывается человек благородный как по своим душевным качествам, так и по происхождению. Эпизоды, в которых изображен Кайкубат, пронизаны подлинным реализмом, окрашены светлым и мягким юмором. Вся линия Кайкубата — мотив авантюрно-приключенческого фольклора, естественно вплетаемый в героический эпос.

Как говорилось, в дастане проведена резкая поляризация персонажей по их нравственным качествам. Алпамыш, Барчин, Калдыргач, Караджан, Култай, Кайкубат, Байбури, Байсары противостоят «шаху» Тайче, «ведьме» Сурхайль, Ултану, Бадам, Кокальдашу, девяноста богатырям — образы всех этих персонажей олицетворяют темные силы зла.

Тайча — «шах» эпических (не исторических) калмыков, угнетатель и насильник. Вместе с тем он марионетка в руках Сурхайль и девяноста богатырей. После поражения в открытом бою Тайча направляет войска против мирных конгратцев, решивших вернуться в родные места. По его вине дважды вспыхивают кровопролитные войны, и оба раза Алпамыш разбивает его. Поражение и гибель «шаха» Тайчи символизируют поражение темных сил зла.

Старуха Сурхайль — это активный пособник зла, зачинщица раздора и столкновений между конгратцами и калмыками. Хитростью она заточила Алпамыша в темницу, погубила его сотоварищей-богатырей. В образе Сурхайль посрамляются и развенчиваются темные силы общества, все те, кто сеет рознь между людьми, между народами.

Важное место в композиции дастана занимают образ злодея Ултана и отношение главного героя к нему. Ултан, сын бия Байбури,

хотя и от наложницы, имеет определенное право наследовать отцу. Алпамыш относится к нему как к брату и считает справедливым, что в его отсутствие Ултан правит племенем. Однако со временем Ултан все более проявляет свои узурпаторские наклонности. Он притесняет и угнетает родичей Алпамыша, а на его жене Барчин решает жениться сам. Он нарушает неписанные законы патриархально-родовых отношений, нанося вред интересам рода. Култай, встретивший возвращающегося на родину Алпамыша, с горечью говорит:

Ты, сынок, в плохое время к нам попал, —
Свищет над Конгратом Ултан-таза плеть.
На его дела немислимо глядеть,
Поглядишь — и сам не сможешь утерпеть...

Идея «справедливого монарха», несмотря на ее историческую ограниченность, в конечном счете утопичность, была тем не менее прогрессивной на той стадии развития общества, когда племена, близкие по происхождению, в условиях зарождения нового — феодального — строя беспрестанно враждовали, нанося ущерб себе же, способствуя тем иностранным властителям, которые стремились их поработить.

Не случайно чабаны выражают недовольство новым повелителем первому встречному. Племя, воссоединенное усилиями Алпамыша, вновь стало рушиться. На долю богатыря выпала еще более почетная миссия — избавить свой народ и своих близких от деспотического властителя, т. е. от внутреннего угнетения. Так досказывается одна из важнейших мыслей произведения — мысль о том, что благосостояние народа зависит от крепкой и справедливой власти, сосредоточенной в руках могущественного, грозного для врагов и кроткого для соплеменников правителя. Всеми чертами такого правителя сполна наделен Алпамыш, который закономерно становится вождем всех конгратцев.

6

Дастан «Алпамыш», произведение многоплановое и многостилевое, в соответствии с эпической традицией рассчитан на песенное исполнение сказителем (бахши) при музыкальном сопровождении струнного инструмента — домбры или дутара. В композиции текста дастана стихотворные части чередуются с прозой, что также является традиционной особенностью эпоса тюркоязычных народов. Стихи в дастане — семи-, восьми- и одиннадцатисложный бармак.¹ Смена тураков (стоп),

¹ Бармак — стихотворная строка, буквально: «палец»; как палец состоит из суставов, так строка — из стоп (тураков), заключающих в себе строго определенное количество в заданном порядке расположенных кратких и долгих (неударных и ударных) слогов.

система рифмовки своеобразны и соответствуют устоявшейся эпической традиции. Короткий — семи- и восьмисложный — бармак используется при передаче быстро разворачивающихся событий, воссоздает их динамику. Таковы скачка героя на коне, картины сражений, сообщение неожиданных известий, призывы, описания торжества. Одиннадцатисложные длинные стихи воспроизводят эпическую плавность, размеренность действия, ими передаются монологи, диалоги героев, всевозможные характеристики. Одиннадцатисложник в дастане количественно преобладает.

Не углубляясь в анализ стиховой материи оригинала, недоступного русскому читателю, отметим лишь богатство и глубину, фонетическую точность и полнзвучность используемых здесь рифм, причем обычно зарифмовано несколько строк стихотворного отрывка, смежных либо разделенных строками, которые не рифмуются с соседними. Этим усиливается элемент напевности, играющий важную роль для достижения полноты эстетического эффекта в аудитории слушателей.

Художественно своеобразны и выразительны также прозаические части дастана. В них используется садж — рифмованная ритмизованная проза. Саджем передаются как повествование, так и прямая речь персонажей.¹ Прозаического текста в дастане значительно меньше, чем стихотворного. По своим поэтическим функциям прозаические и стихотворные части эпоса равноценны.

Как явление искусства дастан «Алпамыш» обнаруживает много общего с памятниками узбекского, тюркоязычного и — шире — мирового фольклора. Это общее проявляется на разных уровнях: идейно-тематическом, сюжетно-композиционном, образном, стилистическом и т. д. Одним из важных творческих приемов в богатом арсенале безымянных сказителей было постоянное использование ими своего рода сюжетных моделей, известных аудитории по произведениям, услышанным и усвоенным ранее, и потому легко «узнаваемых», сочувственно встречаемых в новом произведении, которое воспринимается впервые. Укажем лишь на некоторые из таких моделей.²

Первая, исходная посылка сюжета, — чудесное, как бы predeterminedное свыше, рождение героя, его сверхъестественное возмужание «не по дням, а по часам», обретение им богатырской силы уже в раннем детстве. Именно таким предстает Алпамыш при первом знакомстве. Далее, уже при рождении сплетаются воедино судьбы героя и героини; так Барчин становится суженой Алпамыша, и этот мотив — стержень всего сюжета, вплоть до благополучного (тоже по устойчивой фольклор-

¹ Только в этом последнем случае переводчик использует рифму и лишь слабо выраженный ритм.

² Многие из них являются общими или схожими в фольклоре самых различных народов, совсем не обязательно родственных.

ной традиции) финала. Однако до финала далеко, герою еще следует полностью выявить свои положительные качества — и создается, даже несколько натянутыми средствами, болезненная «обидчивость» Байсары — конфликтная ситуация, которую призван разрешить главный герой.

Одна из традиционных моделей — сцена снаряжения богатыря в странствие, где ему суждены подвиги в борьбе с врагом:

Шлем его булатный гудит,
Куполоподобный, гремит
Кожи носороговой щит,
Медный наконечник ножен
Звякает о стремя, звенит.
Вздрагивает конь и фырчит...

Этому предшествуют сборы Алпамыша в путь с помощью верного Култая, а также любящей сестры Калдыргач, которая сперва укоряет брата за его якобы медлительность и колебания, затем напутствует его (мотив напутствия — один из основных в эпосе):

Ехать, милый брат, ты можешь в добрый час!
Счастливым будь твой путь в чужие страны, брат!
Да найдется друг, тобой избранный, брат!
Да сопутствуют тебе чильтаны, брат!

В дальнейшем фольклорно-стандартными в самом общем плане — при яркой самобытности образного наполнения привычной схемы — являются встреча и «препирательство» с Караджаном, после чего между ними завязывается искренняя дружба (у богатыря, по традиции, должен быть верный друг-побратим), пространные в разных частях дастана и при этом высокохудожественные описания того, как герой преодолевает невзгоды долгого и трудного пути:

Скачет Алпамыш напрямиком.
Пену отряхает Чибар,
Фыркает, чихает Чибар.
Путь в страну калмыков далек,
Ветер пылью степи облек,
Но не отдыхает Чибар.

Важнейшие узловые моменты сюжета — картины битв, которые ведет Алпамыш — в одиночку, вдвоем с Караджаном либо во главе горстки удалыцов — против несметных вражеских полчищ, причем неизменно одерживает победу. Чтобы еще ярче оттенить силу и непобедимость

положительного героя — Алпамыша, в дастане допускается известная перестройка обстановки, явно не соответствующая реальности. Так, в то время когда конгратцы рода Байсары возвращаются на родину, калмыцкое войско устремляется за ними вдогонку и в момент приближения врагов конгратцы — воины-степняки, ни в чем не уступающие калмыкам, — якобы заняты исключительно тем, чтобы не дать разбрестись многочисленным стадам, а об отпоре врагу даже не помышляют. Все это делается для того, чтобы дать возможность Алпамышу вдвоем с Караджаном еще раз победить многочисленного врага.

Из числа традиционных сцен отметим также сцены байги и копкари — козлодрания, этих издревле излюбленных тюрками конно-спортивных состязаний. Красочны эпизоды поединков (при сватанье и т. п.), нередко завершающихся гибелью участников. Такие описания, как правило, откровенно гиперболичны, и в этом следует видеть одну из существеннейших черт героического эпоса вообще, узбекского в частности.

Гипербола, гиперболизация фактов биографии героя, гротескное описание внешности его эпических врагов — один из основных стилистических приемов дастана. Это определяется характером и масштабом изображаемых событий. Вот одна из типичных гипербол в речи Алпамыша:

Высушу я взглядом море-океан,
Громко закричу — обрушится курган.

Прием гротеска в лепке образов отрицательных героев делает их уродливыми, громадными, чудовищными. В гротескно-иронической манере подаются «портреты» претендентов на руку Барчин, в битву с которыми вступают Алпамыш и его побратим Караджан:

И еще выходит на майдан калмык,
Истинно громадный пахлаван-калмык,
Если разъярится, если в гнев придет —
Камень раскалится и растает лед.

... След в песке оставит этот великан —
Можешь в след насыпать хоть мешок семян.
... Палицу держал он — и была она
Пятистам локтям без десяти равна.

Непомерная величина эпических калмыцких богатырей, описанная гротескно-иронически, должна, с одной стороны, показать беспочвенность их притязаний на Барчин, а с другой — возвеличить подвиг положительных героев, оттенить их ловкость, силу, находчивость.

Прием иносказания, широко используемый не только в узбекском героическом эпосе, нашел замечательного мастера в лице Фазыла Юлдаш-оглы. Вот как он изображает приезд Алпамыша в страну калмыков. Когда герой в первый раз встречается с Қараджаном, между ними происходит резкий, неприязненный диалог — «айтышув», традиционный для произведений фольклора. Он полон намеков, иносказаний, загадок и отгадок. Здесь слышится и скрытая угроза, желание запугать противника. Такого рода диалоги — один из стандартов восточной фольклорной поэтики, оживляемый и варьируемый в зависимости от индивидуального дарования сказителя.

В иносказательно-образной форме Алпамыш поведал Қараджану и о цели своего приезда:

С коккамышских вод я как-то упустил
Утицу одну — и крепко загрустил.
Сокол я, что ищет утицу свою. . .
. . . Знай: на Алатаге некогда была
Скакунами их покрыта вся яйла.

Та юрта, что сорок тысяч стад пасла,
Самой неимущей в их краю слыла.
С теми же стадами вдаль давно ушла
Та верблюдица, что страсть мою зажгла.
Нар-самец, ишу верблюдицу свою. . .

Қараджан отвечает в том же духе:

Утица, тобой упущенная, есть:
На Ай-Коле ей пришлось, бедняжке, сесть, —
Девяносто коршунов над ней кружат,
День и ночь ее, бедняжку, сторожат.

При всей зашифрованности диалога смысл его предельно ясен. Иносказательная манера выражения мысли, восходящая к древним представлениям народа, создает предпосылки для отражения в дастане той природной среды и предметного быта, в которых протекает жизнь скотоводческого народа. Уподобление богатыря — нару (одногогорбому верблюду), соколу; девушки — утке, верблюдице; отрицательного персонажа — стервятнику, птице, питающейся падалью, — все это важные средства художественной изобразительности.

Из числа художественных средств, общих для фольклора тюркоязычных народов, отметим еще лепку портретов действующих лиц, притом почти исключительно главных — второстепенные обычно лишь поименованы и как бы безлики (кроме тех случаев, когда требуется в

гротескной форме выпятить отталкивающие черты отрицательного персонажа). Вот каким Караджан видит Алпамыша при первой встрече:

Взгляд Рустама твой огневой,
Плечи как утес кремневой,
С гордою большой головой. . .
Грудь и твой хребет становой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Лукобровье, взор заревой. . .

Это — гротеск, но скорее возвеличивающий, в отличие от уничижающего в портретной характеристике отрицательных персонажей.

Для образной характеристики героя, как и для описаний пейзажных, батальных, бытовых сцен, важнейшую роль играет эпитет. Многие эпитеты в дастане традиционны для узбекского фольклора в целом. Многие — сквозные для повествования — усиливают эмоциональное впечатление, которое должен произвести на слушателя описываемый предмет. Так, богатырский лук Алпамыша — всегда «четырнадцатибатманый» (это значит как минимум тридцать пудов весом), народ конгратский — «десятитысячюртный», меч — «алмазный исфаганский», юрта знатного родича — «бархатная», скакун — «арабский». Традиционны в дастане и характерные для поэзии Востока в целом распространенные уподобления, например, стана красавицы — кипарису, ее бровей — лукам, ресниц — стрелам и т. п.

Важную роль играет аллегория. Так, многие стихотворные отрывки, содержащие прямую речь персонажа, начинаются и в дальнейшем понижаются двуступенями (варьируемыми лишь незначительно), которые предваряют, оттеняют смысл и эмоциональную окраску высказывания. Вот зачин оптимистический:

Розы куст в саду благоухан весной.
Соловей поет, любовью пьян весной.

Вот пессимистический, предвещающий недоброе:

Осень подоспела — розе облететь.
На увядших розах соловьям не петь.

Вот рассчитанный на устрашение собеседника-недруга:

Да истают все нагорные снега!
Да сгниет в земле поганый труп врага!

Повторяемые не однажды на протяжении нескольких десятков строк, такие «затравочные» формулы нагнетают у слушателя те эмоции, которые сказитель ставит своей целью возбудить у них.

Подобную функцию выполняют и повторы (обычно из одной строки), неоднократно «прошивающие» прямую речь на протяжении целого отрезка текста. К примеру, в словах Караджана при встрече с Алпамышем:

За другого я принял тебя. . .

Алпамыш в ответ спрашивает:

За кого меня принял, калмык?

Вариант подобной же «сквозной» строки, но видоизменяемой на протяжении монолога, — в обращении Алпамыша к гусю, с которым он пересылает письмо на родину, своим близким. Сперва об отце:

Жалобу мою скорей доставь ему.

Затем о матери:

Жалобу мою ты ей доставь скорей.

Дальше:

Жалобу мою жене моей доставь. . .

Жалобу мою сестре моей доставь. . .

Ултан-тазу жалобу мою доставь.

Разнообразие и своеобразие используемых в дастане «Алпамыш» художественных приемов придает повествованию особый лад, благодаря которому они прекрасно укладываются в памяти слушателей (читателей). Стихотворные строки дастана до такой степени отшлифованы поэтически, что многие из них, вообразившие в себя в концентрированной форме мудрость и опыт народа, звучат как пословицы и афоризмы.

«Дастан «Алпамыш» — повествование о свободных, вольных, гордых и прекрасных людях, это гимн в их честь, это эпос, нашедший путь к сердцу народа»,¹ — писал Хамид Алимджан. «Алпамыш» — произведение, отобразившее сложный, многотрудный и героический период в истории народа, искавшего путей к консолидации разрозненных племен и родов в народность.

Эстетическая и познавательная значимость этого дастана, воспитывающего чувства братства, патриотизма и интернационализма, чрезвычайно велика. Эпос «Алпамыш» — произведение непреходящей куль-

¹ А л и м д ж а н Х а м и д, Вместо предисловия. — В кн.: Алпамыш, Ташкент, 1939, с. 16 (на узб. яз.).

турной и художественной ценности. «Подобно эпосу, приписываемому Гомеру, — писал В. М. Жирмунский, — дастан об Алпамыше в классической узбекской редакции, несомненно, является одним из прекраснейших образцов мирового героического эпоса, с чертами благородной простоты, спокойного величия, патриархальной человечности, свойственными той ранней, „эпической“ ступени развития общества, которую Маркс недаром называет прекрасным „детством человеческого общества“».¹

Будучи образцом героико-эпического отражения жизни, обычаев, понятий, умственного кругозора конгратцев (предков современных узбеков), дастан «Алпамыш» является поэтическим зеркалом своей эпохи. В то же время это монументальное произведение занимает важное место в истории мировой культуры как многовековой художественный памятник творческому гению узбекского народа.

Тура Мирзасв

¹ Жирмунский В. М., Тюркский героический эпос. — Избранные труды, Л., 1974, с. 348.

АЛШАМЫШ

ПАМЯТИ ПОЭТА

Х А М И Д А А Л И М Д Ж А Н А —
редактора первого узбекского издания
эпоса «Алпамыш»
и инициатора моего перевода —
труд свой посвящаю с благодарностью.

Лев Пеньковский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

В стародавние времена шестнадцатиколленным племенем конгратским управлял некий бий Дабан-бий. Был сын у него — Алпин-бий.

У Алпин-бия было два сына: звали старшего — Байбури, звали младшего — Байсары. Байсары управлял десятидесятью родом байсунским, старший же брат его — Байбури — был главою всей земли Конгратской.

Были братья бездетны.

Справлялся однажды в народе конгратском большой той. Явились на пирование и Байбури с Байсары. Приехали они, а старшины той почета им, как бывало прежде, не оказывают, навстречу им не выходят, коней под уздцы не берут, стремена знатым братьям не поддерживают. Подумали братья: «Не ожидали, видно, эти люди, что мы им такую честь окажем, не догадываются, что это мы приехали». Братья сами привязали коней своих к коновязи, пришли на сборище, сели среди прочих гостей. Но опять почета им никто не оказал, мягких подстилок не подстелил, плов раздавать стали — обделили их, — положили им на блюдо очень мало, да и то остатки, что похуже.

Возмутились братья-бии:

— Мы — богатейший бай байсунский и шах шестнадцатиколленного Конграта. Почему нам не оказывают почета по положению нашему, как бывало когда-то?

Эти слова услышав, некий байбача, неотесанный с виду, сидевший у самого порога, грубо рассмеявшись, ответил:

— Э, Байбури, э, Байсары! Что ни говори про богатство и честь, ответ вам — простой: окупится той через тех, у кого наследники есть. А на вас, бездетные бии, надежды плохие. Где ваши джигиты, где ваши красавицы? А умрете — на

ваши богатства наследников много объявится, да с такой пастью, на наше несчастье, что живьем человека проглотят. Богатства ваши нам не сладки. Потому-то вам и подают остатки!..

Оскорбились бии. Швырнули они за плов восемьдесят червонцев, с места встали и уехали домой.

Дома постелили им жены постели, разделись бии, легли под одеяла, каждый в своем шатре, открыли объятия женам своим, — гляди-ка, дервиши какие! — соединились они с женами. Уснули братья, во сне святой человек явился к обоим — детей предсказал им. Действительно, забеременели жены байские.

Месяцы за месяцами текут, дни за днями бегут — девять месяцев истекло, девять дней да девять часов. Время родов подошло. Говорят друг другу братья-бии:

— Проявим шахское наше величие — на охоту поедем — приедем с добычей. На обратном пути, если дети родятся к тому времени, выйдут люди встречать нас, оказать нам честь, чтобы награду получить за добрую весть. Не поскупимся тогда на дары — будем по-шахски щедры!..

Уехали братья на охоту. Возвращаются они с охоты — встречают их с поздравлениями старухи-повитухи: у Байбури двойня родилась — сын и дочь, у Байсары — одна дочь. Возликовали бии. Приехали домой — разослали гонцов сзывать со всех концов земли Конгратской гостей на великий пир. Скачут гонцы, оповещают народ — старших и младших биев, аксакалов и арбовов и прочих людей — больших и малых, всякого звания и состояния. Едут конгратцы на пир — пожелать братьям счастья. Дружья биев ликовали, недруги их досадовали, но, досаду тая, хоть и не от чистого сердца, тоже обоих счастливых отцов поздравляли. Толпами-толпами валил народ на пир. Всё необходимое запаса, много убойного скота заколов, много шурпы наварив, приготовив обильный плов, сорок дней и сорок ночей угощали братья-бии гостей, справляли пир.

Гости уже разъезжаться собирались — видят бии: вдалеке идет каландар бродячий, пена изо рта его падает. Бредет каландар, от молитвенного радения пьяный, — тоже на пир идет. Присмотрелись братья — вспомнили: это тот самый каландар, что, напрогочив им во сне детей, дать детям имена обещал. А народ об этом ничего не ведал. Встали бии с места, вышли каландару навстречу, поклонились ему, руку ему поцеловали, привели с почетом на пир. Вынесли бии всех своих троих детей, положили их святому человеку в полы халата. Нарек старец святой сына Байбури

Хаким-беком, шлепнул младенца рукой по спине — остался на ней след благодати, отпечаток его пятерни. Дал старец имя дочери Байбури Калдыргач-айм, дочери Байсары — Ай-Барчин. Тут же с колыбели он и помолвил Хаким-бека и Барчин-ай, сказав:

— Да будут эти двое мужем и женою, да будет Хаким велик и славен и никто ему да не будет равен! Аминь!..

Дни за днями бегут, месяцы за месяцами текут, исполнился детям год, второй год минул — стали они все говорить. Когда трех лет достигли они, когда речью хорошо овладели дети, отдали их всех троиц в школу. Ходили они в школу до семилетнего возраста, читать и писать научились, хорошими грамотеями стали.

Подумал бий Байбури — так решил: «Мой сын теперь не только меж детей грамотей, даже среди взрослых. Достаточно он учен. Сам уже стал муллой. Ну-ка обучу его теперь падишахским и воинским делам!» И взял он сына своего от муллы.

По примеру брата и Байсары-бий взял свою дочь Ай-Барчин от муллы, говоря: «В школе сидеть ей нечего зря, пусть учится овец доить».

Хаким-беку в ту пору семь лет исполнилось. Был у него от деда его Алпин-бия наследственный бронзовый лук весом в четырнадцать батманов.

Взял семилетний Хаким тот четырнадцатибатманый лук, поднял — натянул тетиву, стрелу пустил. Молнией полетела стрела — сбила макушку Аскарских гор. Слава пошла о Хакиме: батыр! Удивлялись люди: «Весу в луке четырнадцать батманов! Не только мальчугану, иному великану и то не под силу. Откуда в мальчике мощь — невозможно понять!» Друзья ликовали, враги горевали. Собрался весь конгратский народ и решил:

— Считалось в мире девяносто без одного алпов — батыров самых могучих. Рустам-Дастан был первым среди них. Теперь пусть алпом станет наш семилетний Хаким. О подвигах его мы скоро услышим. Пусть он зовется Алпамышем!

Так вошел Хаким в число девяноста прославленных в мире батыров...

Сидел однажды Хаким-бек-Алпамыш, мудрую книгу читал, — речь в ней шла о скупости и о щедрости. Спрашивает Байбури у сына:

— Скажи, сынок, если ты неглуп: кто щедр, а кто скуп? Алпамыш встал и сказал:

— Если войдет к человеку случайный гость, — вовремя он иль не вовремя будь, — и у хозяина место есть, и гостя он примет и, оказав ему честь, отправит с честью в обратный путь, — такого человека щедрым надо считать. А если у человека в доме и место есть и чем угостить, а он гостя того не оставит на ночлег, не предложит ему присесть, не накормит, — такой человек скупец... И если человека не давит нужда и подати он платит исправно, — это человек со щедрой душой. А если он имеет достаток большой, а зякет платить не любит, то он — скупец, душу свою погубит.

Задумался бий Байбури.

«Я богатый бай, но я — шах Конграта. Зякет мне кому платить? Выше меня никого нет. Но не сочли бы люди скупцом моего младшего брата Байсары. Пусть он мне платит зякет!..»

Призвал Байбури четырнадцать своих слуг — махрамов, приказывает:

— Поезжайте к моему младшему брату, махрамы. Боюсь, чтоб не опозорил он себя, — чтоб не прослыл он в народе нашем скупейшим среди скупцов, не закоснел бы в скупости, — душу свою не погубил бы. Разговор поведите осторожно, чтобы не обиделся брат мой. Хоть одного паршивого козленка, хотя бы для вида, пусть он мне пришлет в зякет.

А Байсары в ту пору с десятью тысячами юрт конгратского племени стоял на летовке на озере Коккамыш, где народ его богател, пуская скот привольно пастись на тучных пастбищах.

Сидел Байсары со знатными байбачами в своей бархатной юрте,пил кумыс, — охмелел, веселился. Приезжают к нему махрамы Байбури. Байские сыновья приняли их коней, ввели махрамов в юрту. Байсары место им указал, — поклонились махрамы, поблагодарили, сели. Спросил их Байсары, хорошо ли ехали, с каким делом пожаловали. Передали махрамы слова Байбури. Очень обиделся Байсары, сказал:

— Э, до этой поры зякета с нас никогда не брали. Но очень, видно, вознесся мой старший брат. Податью уже притеснять меня хочет!

И приказал он бывшим возле него байбачам:

— Схватите этих бастрыков!

Схватили махрамов, посадили на коней задом наперед, привязали к седлам, погнали коней в Конграт.

Но не успокоился от этой мести Байсары-бий. Слишком задела его обида. Собрал он свой десятитысячеюртный народ, поведал все дело и такое слово сказал:

— Родичи мои, подайте мне совет!
Дочь моя Барчин, вступившая в расцвет,
Счастья твоего ужель померкнул свет?
Брат родной решил с меня взимать зякет.
Скажите вы «да» иль скажете вы «нет», —
Родичи мои, подайте мне совет! . .
Чтоб он высох, мой племянник Хаким-бек!
Чересчур ученый стал он человек!
Дочь моя Барчин, забудь его навек!
Выдумал закон — плати ему зякет!
Родичи мои, подайте мне совет! . .
Я несчастный раб, нет утешенья мне,
Стал пришельцем жалким я в родной стране!
Чтоб родному брату брат платил зякет —
Так ведь не бывало ни в одной стране!
Родичи мои, подайте мне совет! . .
Осень наступила — цвет в садах поблек,
Горе на меня обрушил злобный рок,
Брат родной поюртный требует налог!
Чем родному брату мне платить зякет, —
Да пойдет ему такой закон не впрок! —
Лучше на чужбину мне откочевать
И чужим налог подушный там платить.
Родичи мои, подайте мне совет! . .
Я ведь не последний человек в стране:
Я — правитель сам, я тоже — бек в стране.
Обречен страдать не по своей вине,
С приговором неба что поделать мне?
Сыном предо мной кичится брат-хвастун:
«Очень, мол, ученый, хоть годами юн!»
Тяжело покинуть мне страну Байсун,
Но могу ль закон разбойный признавать?
Родичи мои, подайте мне совет! . .
Иль родному брату мне платить зякет,
Иль в чужой калмыцкий край откочевать?
Как же тут не плакать и не горевать!
Кто сумеет боль мою уврачевать?
Родичи мои, подайте мне совет!

Байсары-бий такие слова сказал, а народ молчит. Видя, что все, на почетном месте сидящие, большими людьми

себя считающие, набрали песку в рот, некий аксакал Яртыбай, с места встав, такое слово сказал Байсары-бию:

— Бию Байсары какой совет дадим?
В петле Байбури висеть мы не хотим.
Добрый наш совет и сам ты знаешь, бай:
Яму, если хочешь, сам себе копай.
Как замыслил в сердце, так и поступай.
Что бы ни решил ты, но одно решай,
Мужественней будь — что суждено, решай.
На своей земле ты сам себе тюря.
На слова мои не обижайся зря,
Говорим тебе, от сердца говоря:
Коль уйдешь в страну калмыцкого царя,
Мы с тобой уйдем, с тебя пример беря,
Хоть на край земли, за дальние моря.
Мужественней будь — что суждено, решай.
Брату ль подати платить или чужим, —
Вашей братской распри мы не разрешим.
Ведь своим добром мы тоже дорожим.
Лезть, однако, в петлю сами не спешим,
А советом — жизни мы себя лишим.
Мужественней будь — что суждено, решай.
Ты совета просишь, весь народ собрав,
Ты ли, Байбури ли в этом деле прав?
Из-за вашей распри голову терять —
Надобно иметь другую про запас,
А никто из нас, однако, не двуглав:
Байбури погубит каждого из нас. . .
Мы тебе совета дать не можем, бай!
Власть твоя, как хочешь — так и поступай.
Слово это молвит раб твой, Яртыбай. . .

Речь Яртыбая выслушав, так сказал Байсары-бий собравшемуся народу:

— Байсары вам снова слово говорит:
Сердце Байсары страдает и скорбит, —
Гнева и обиды в нем пожар горит:
Брат родной платить ему зякет велит, —
Горем и позором Байсары убит.
Чем налог платить мне брату моему,
В униженье жить в своем родном дому,
Чем в своей стране мне привыкать к ярму —
Лучше мне Байсун покинуть самому! . .

В чужедальний край откочевать хочу.
Там, в изгнание, век свой доживать хочу.
Опостылел мне несправедливый мир!
За горой — гора, за ними — степь Чилбир, —
Может быть, я там найду счастливый мир.
Лучше мне Байсун покинуть самому! ..
Боль моя — как нож отточенный, остра,
Боль моя — как пламя жаркого костра.
Если птица счастья, выпорхнув с утра,
Счастьем осенить захочет комара,
Хоть Симург в сравнение с комаром — гора,
Голову он склонит перед комаром.
Может быть, в степи калмыцкой Чилбир-чоль
И ко мне судьба окажется добра.
Лучше мне Байсун покинуть самому! ..
Э, мой притеснитель, Байбури, мой брат!
Тесен для него, как видно, стал Конград.
Видимо, меня он вовсе выжить рад.
Если брата ввергнул он в подобный ад,
Пусть живет один, не ведая услад! ..
Степи у калмыков, слышно, хороши, —
Лучше б им платить налог с души.
Может быть, Аллах поможет мне и там,
А родному брату я зякет не дам!
Мыслимо ли мне терпеть подобный срам?
Бог мне сына не дал, как известно вам,
Эту рану сердца брат мне растравил,
Коль такой приказ, глумясь, мне объявил:
Бог тебя, мол, сыном не благословил.
Если бессыновность он задел мою,
То и дочь унижить он хотел мою.
Если суждено терпеть чужую власть,
Лучше мне под власть калмыцкую подпасть.
Раз у Байбури столь ненасытна пасть,
Пусть он без меня хозяйничает всласть.
Лучше мне Байсун покинуть самому! ..
Наступает осень — увядает сад.
От своей судьбы не повернешь назад.
Ты прощай, Байсун, родной мой край, прощай!
Впереди лежит сухой разлуки степь,
Горького скитанья, тяжелой муки степь! ..
На вершины гор Аскарских пал туман.
Я пройду просторы незнакомых стран.
Шахом станет мне чужой, калмыцкий хан...
Родичи мои, что мне таить от вас?

Свет моей звезды на рдине угас.
Льются мои слезы в два ручья из глаз.
Лучше мне Байсун покинуть самому!

Выслушав слова Байсары, ответное слово сказал ему
опять Яртыбай:

— Краткий миг беды за время не считай,
Вьюк людских обид за бремя не считай.
Если ты владеешь головой пока,
То не так уж мал достаток твой пока.
О своем народе даром слезы льешь:
Если ты в Чилбир калмыцкий побредешь,
Если ты другую землю изберешь,
Коль откочевать за благо ты сочтешь, —
Выдерни из сердца опасений нож:
Ты ведь не один юрту свою свернешь,
Мы с тобой пойдем, куда ты сам пойдешь.
Нам теперь с тобою всякий путь хорош.
Бий наш Байсары, ты вот что в толк возьми:
По свету кочуя с нашими детьми,
Вольный мир увидим, да и то пойми,
Что своих детей мы сделаем людьми!
Будем мы с тобой до самой смерти жить
И родством и дружбой нашей дорожить...
Что нам Байбури, чума его бери!
Совесть потерял он, брат твой Байбури!
Разорить нас хочет — так и говори,
Десять тысяч юрт стояло, — посмотри, —
Станет пуст Байсун, тогда один цари
И всю жизнь за жадность сам себя кори.
Камень, а не сердце у него внутри!..
С баем Байсары уйдет и весь народ.
Ну, а если с нами кто и не уйдет,
Он у Байбури, оставшись, пропадет, —
Байбури отнимет у такого скот,
За овцой — овцу, и стадо, и окот.
Э, не плачь, наш ясный сокол, Байсары:
Ты еще взлетишь высоко, Байсары!
Минет черный день, как давний, темный сон.
Что нам Байбури — пускай погибнет он!
Выдумал вводить разбойничий закон!..
Яртыбай, об этом говоря тебе,
Стонет, сокрушаясь о твоей судьбе.
Яртыбая стон — всего народа стон.

Если ты уйдешь, мы все с тобой уйдем —
С женами, с детьми, с рабами, со скотом.
Дом наш будет там, где ты поставишь дом!

Понравились людям слова аксакала Яртыбая, сказали: — Э, Яртыбай-аксакал прав, у шаха Байбури испортился нрав! Если он с брата родного зякет хочет брать, то сколько же с нас начнет он драть! Заберет весь наш скот! Лучше всем нам откочевать вместе с Байсары, — пусть Байбури управляет безлюдным краем...

Отделились от шестнадцатиколленного племени конгратского десять тысяч семейств баев-скотоводов, землепашества не знавших, зерна не сеявших, хлеба не собиравших, от скота богатевших. Так они были богаты, таким несметным скотом владели, что, у кого было сорок тысяч верблюдов, тот немущим считался. Овцам своим и сами они счета не ведали, считали овец по загонам: один загон, два загона, десять загонов. А коней и кобыл так считали: «Один табун — на таком-то пасется тугае, два табуна — на таком-то тугае».

У Байсары-бая счет лошадям был таков: девяносто тугаев было у него. По всем девяноста тугаям — в долинах горных, на низинах приозерных, в зеленых камышовых зарослях Коккамышы, вольно рассыпавшись, — паслись несметные табуны его коней и кобыл. И всякого другого скота было у него неисчислимое множество.

Решив откочевать вместе с бием Байсары, разослали байсунские бан гонцов ко всем старшим и младшим пастухам своим, к чабанам, к табунщикам и к верблюжатникам. «Из пастбищ этих байсунских, из всех тугаев коккамышских гоните всех овец, и лошадей, и верблюдов наших в чужедальний край, в страну калмыков. Туда откочевываем!»

Поднялась на Байсуне великая суета-суматоха, забегали и большие и малые, и старые и молодые, оповещая друг друга, крича: «Э, откочевывай!» Стали все байсунцы юрты свои разбирать — грузить на верблюдов. Женщины тоже увязывали в тюки пожитки свои, утварь свою домашнюю — навьючивали на верблюдов.

Десятитысячеюртный байсун-конгратский народ бня Байсары, шумя и хлопоча, с криком «ха!» стал трогаться с места. Байсары-бий, приказав своим людям гнать весь его скот, возглавлял караван свой со скарбом своим, с казной своей, с драгоценностями. Ехал он на иноходце отличным. Женщинам тоже подали хороших коней. Мать Ай-Бар-

чии отобрала для дочери гнедого иноходца, оседлала его золотым седлом со стременами золотыми, золотую сбрую надела на него, подтянула подпругу, положила на седло бархатную пуховую подушку — повела коня к Барчин-ай. Крики и шум услышав, увидав, что народ в откочевку собирается, увидав, что мать ей коня подводит, заплакала Ай-Барчин и такое слово сказала:

— Для чего мне подан этот конь гнедой?
В путь зачем пускаться за своей бедой?
Чую наперед я свой конец худой! . .
Что с моим отцом случилось — не пойму!
Расцвела, как роза, я в родном дому, —
Стану ли женой калмыку я тому?
Сердца моего да не сгорит юрта,
Пусть она не рухнет, не стоит пуста!
Слишком рано роза сорвана с куста!
Как листок осенний, стану я желта! . .
Что с моим отцом случилось, не пойму! . .
Верной мужу быть всегда жена должна,
Но при нем вазиром быть она должна, —
Держит мужа ум в своих руках жена.
Если муж решил вступить на ложный путь,
Трудно ли жене придумать что-нибудь,
Обмануть его, на верный путь вернуть?
Что с моим отцом случилось, не пойму!
Мать моя, послушай дочь свою Барчин!
Если ей румянец алой розы дан,
Пусть не пожелтеет, как сухой шафран.
Что с моим отцом случилось, не пойму! . .
Снарядила ты напрасно мне коня!
На чужбину, мать, не увози меня!
Дочь свою за слово дерзкое прости,
Увезешь — смотри, из рук не упусти.
Неужель не можешь ты меня спасти?
Ты свое дитя заставила рыдать, —
Родину свою должна я покидать,
Вряд ли вновь ее придется увидеть!
Что с моим отцом случилось, не пойму! . .
Школьных не увижу я друзей своих,
Жить придется мне среди людей чужих.
Много бед мы все натерпимся от них!
Розы по весне румяно зацветут,
Соловьи, любовью пьяны, запоют,
Только я веселой песни не спою,

Я, бедняжка, слезы горькие пролью
Там, в стране калмыцкой, в том чужом краю,
Там похороню я красоту свою!
Нам калмыки жить спокойно не дадут,
Будут притеснять, жестоко угнетут,
Вашу дочь, быть может, в рабство продадут!
Чем же, мать моя, нам худо было тут? . .
Что с моим отцом случилось, не пойму, —
Образумь его, вазиром будь ему!

Речь эту выслушав, мать Барчин-ай стала ее утешать,
наставляя — и такое слово ей сказала:

— Э, Барчин, доверься матери своей,
Сердце без причин не рви на сто частей.
Белый свет увидев, станешь веселей,
В странствиях узнаешь много новостей.
Нас калмыки примут как своих гостей.
А пройдут года — в родной вернешься край
И тогда с друзьями школьными играй.
Ой, дитя мое, живи — не умирай!
Ты еще всего не можешь понимать,
Юный ум незрел, нельзя ему внимать,
Пожалей себя, не мучь родную мать!
Доченька моя, утешься, ободрись,
Ты отцовской мудрой воле покорись,
С участью своей на время примиришь,
На коня садись, мой стройный кипарис!
Слушай, Барчин-гуль, что я тебе скажу:
Я тебя, дитя, чем хочешь ублажу.
Как невесту, в путь-дорогу снаряжу.
К счастью, может быть, нежданный наш отъезд.
Разве ты одна с родных уходишь мест?
Мало ль вас, красавиц, молодых невест?
Почему же их тоска-печаль не ест?
Посмотри на сверстниц — шутки, песни, смех, —
Что же ты одна несчастна среди всех?
От всего народа нам нельзя отстать,
Пожалей, дитя, свою старуху мать,
Плакать перестань, на иноходца сядь!
Свет в моей юрте убогой не гаси.
От обид и горя бог тебя спаси!
Всё, о чем мечтала, у меня проси,
Я тебя утешу в прихоти любой.
Родинку иметь ты хочешь над губой —

Щечку я тебе надрежу, бог с тобой!
Только не упрямясь — на коня садись...
Э, дитя, твои косички расплелись,
Шелковой волнистой пряжей развилась, —
Дай-ка я твою головку причешу,
У тебя, дитя, загадку я спрошу —
Может быть, тебя немного рассмешу:
Если бы за каждый волос брать калым,
Сколько взять калыма за Барчин-айм?
Беден был бы мир со всем скотом своим!..
Что в твоём сердечке, твой отец не знал,
Как я ни просила — он не уступал,
Снарядиться в путь немедля приказал.
Коль откочевать решили в край иной
Десять тысяч юрт — весь наш народ родной, —
Можно ли тебе остаться тут одной?
Знай, мое дитя, мне тоже тяжело.
Только всё равно придется сесть в седло!
Пусть от дум твоя не сохнет голова,
Год иль два пройдут иль даже дважды два —
Ты в Конграт вернешься, только будь жива!
Вещи мои да сбудутся слова!
Птицей быстрокрылой ты, дитя, была, —
Горе надломило легкие крыла.
Резвым скакуном, тулпаром ты была, —
Но копыта сбились — ты изнемогла.
А теперь, дитя, благоразумной будь,
Не горюй, не плачь, пора нам ехать в путь.

Видя, что весь народ байсунский откочевывает, смирилась Барчин, отобрала себе в спутницы сорок сверстниц-прислужниц и села на скакуна. Десятитысячюртный народ тронулся в путь.

Для задержек людям больше нет причин.
Шестьдесят верблюдов-наров подают
И на них грузят приданое Барчин.
Соблюдал свое величье Байсары,
И установил обычай Байсары:
Он две конных пушки у себя имел, —
Перед откочевкой он стрелять велел.

Двинулись в дорогу люди Байсары.
Высокопородны все и матери,
Первыми пошли верблюды Байсары.
Меж одним верблюдом и другим — аркан,

Каравану вслед шагает караван.
Вьюки на горбах — паласы да ковры,
Много в них атласа, бархата, парчи.
Мало ли добра имеют байбачи!
Только скорбь влюбленных не изгонишь прочь:
Едет Барчин-ай, печалясь день и ночь.
Байсары не знает, как печальна дочь,
Если бы и знал, не мог бы ей помочь! . .

Едут люди, едут много дней подряд.
Родины утрата — горше всех утрат.
Далеко остался их родной Конграт,
И калмыцкий край далеко, говорят.
Истомились люди телом и душой —
Как-то примет их калмыцкий край чужой?
Не на горе ли пустились в путь большой?
Нет теперь хозяев у родной земли!
Сколько дней тащиться по степной пыли!
Девяносто гор в пути перевали!
Едет и в унынье думает народ.
«Что с Байсуном ныне? — думает народ. —
Станет он пустыней! — думает народ. —
Проклят будь кривой, коварный небосвод!
Должен стать пришельцем вольный скотовод.
Калмыку рабом не станет ли узбек?
Если край отцов покинул человек,
Значит, сам себе он голову отсек! . .»
Днем идут, а ночью — станут на ночлег,
До зари поспят — и снова в путь с утра;
Перевалят гору — новая гора.
Э, не ведать шаху Байбури добра!
Далека страна родная, далека!
Истинно, печаль скитальцев велика,
Доля чужака, где б ни был он, — горька!
Но уж коль судьба такая суждена,
Скоро ль наконец калмыцкая страна? . .
Едет Ай-Барчин, тоской удручена,
Едет меж прислужниц-девушек она.
Сорок с ней подруг, но всех милей одна, —
Как с родной сестрой, она с Суксур дружна.
Сердце открывает сверстнице своей,
Неразлучна с ней, с наперсницей своей. . .

Держат баи путь с зари и до зари,
На уме одно, о чем ни говори:

До чего довел их жадный Байбури!
Если бы не он, — шайтан его бери! —
Жили б у себя в Байсуне, как тюри,
А пришлось им, знатным баям и тюрям,
Ехать в чужедальний тот калмыцкий край —
Может быть, на голод, может быть, на срам!
— Мир несправедлив! — так баи говорят.
— Правит в мире кривда! — баи говорят. . .
Держат баи путь под солнцем, под луной
Пыльною, ковыльной целиной степной,
Снится им цветущий край, Конграт родной,
Плещет Коккамыш озерною волной.
Долгим тем путем так думают они:
«Коль идем — дойдем!» — так думают они.
С криками «курхайт!», снуя туда-сюда,
Гонят чабаны несчетные стада.
«Э, с таким скотом, — так думают они, —
Мы не пропадем!» — так думают они.
По чужой земле кочуя долго так,
Иногда устроят по пути улак.
Переходят баи горы Алатаг.
От одной горы и до другой горы,
Переваливая перевалы так,
Десять тысяч юрт кочуют с Байсары.
Носит он джигу на голове не зря:
В племени своем он господин, тюря!
Сколько на горах весной тюльпанов есть!
Сколько у него овец, баранов есть!
Ни его верблюдов, ни коней не счесть.
На калмыцких землях он решил осесть.
Путь туда — не месяц и не два, а шесть!
Братом оскорбленный, странником он стал,
Пред лицом насилья чести он не сдал.
Сделать дочь снохою брата не желал,
Из Байсун-Конграта он откочевал.
Он себе две медных пушки приобрел, —
Парная упряжка, кожаный чехол!
Любит он свое величье объявлять
И завел обычай — по пути стрелять.
Перешли они все девяносто гор,
Вновь необозримый впереди простор.
Кочевать придется до каких же пор! . .

Гонят чабаны отары их овец.
Где скоту начало, где ему конец?

Нет числа скоту, да славится творец!
Слышат баи крики, видят — суета;
Зашумел народ, как видно, неспроста:
Скот уже вступил в калмыцкие места!
Степь лежит пред ними — зелень, красота!
Э, свежа трава калмыцкая, густа!
А степи калмыцкой имя — Чилбир-чоль.
Вот он наконец пред ними, Чилбир-чоль! . .
Нет и нет конца потоку байских стад.
В Чилбир-чоль вступили первые стада,
Задним — путь еще шесть месяцев сюда,
Задние отары топчут Коккамыш!
Э, таким скотом Байсун не посрамишь!
Пусть калмыцкий шах подушную берет —
В том для Байсары большого нет вреда, —
Брату своему платить с юрты — беда!
Хватит им скота на многие года. . .
Держат баи путь, свой направляя скот,
Затмевает пыль высокий небосвод.
— Путь мы завершаем, — баи говорят, —
По чужой земле ступая, — говорят. —
Что судьба нам даст? — вздыхая, говорят. —
Может быть, калмыки зла не сотворят,
Но вернемся ль мы когда-нибудь в Конград? . .

Барчин-гуль тоской-печалью налита,
Стала, как осенний лист, она желта.
Не сбылось ее желание-мечта,
Выпало ей горе в юные лета!
Суженый ее, Хаким ее, далек!
Плачет Ай-Барчин, а людям — невдомек. . .
Едет весь народ байсунский кочевой
Дальнею дорогой полугодовой,
На чужбину едет, край покинув свой,
По калмыцким землям, по траве сплошной,
Корм скоту в пути — подножный, даровой,
Лакомится скот диковинной травой.
Встретится калмык — качает головой,
Встретится другой — глядит как сам не свой,
А в себя придет — поднимет плач и вой!
Ой, не травы это, это — злак живой!
Баям труд неведом хлебный, полевой,
Хлебные посевы спутали с травой!
Вот что с ними сделал небосвод кривой!
Край в пятнадцать дней пути — опустошен,

На земле калмыцкой — горький плач и стон:
Тамошний народ на голод обречен,
Смотрит на пришельцев, горем поражен.
Видя, как потоки байских стад текут,
Из своей страны иные прочь бегут.
— Кто этот народ? — калмыки говорят. —
С виду — благороднолики, — говорят. —
Но от них ущерб великий! — говорят. —
Ой мы горемыки! — говорят они.
Даже не слышали про Конграт они. . .

Так, пробыв целых шесть месяцев в пути, перевалив через девяносто гор, перегнали откочевавшие байсунцы в страну калмыков скот, привели караваны свои. Некоторые баи впереди скота ехали — дорогу указывали. Прибыв на место, в землю калмыцкую, в государство Тайча-хана, в чилбирские степи, баи-скотоводы, землелашества не знавшие, всходов хлебных никогда не видевшие, посчитали их по невежеству своему за кормовую траву — пустили на посевы свой несметный скот. Потравили, потоптали они калмыцкие хлеба; беду стране причинили, сами о том не ведая! Остановились баи в той степи Чилбир-чоль, на берегах озера Айна-коль разбили свое кочевье. А скот байсунский все идет и идет непрерывным черно-черным потоком, прах в небо взметая, движется, как несметная саранча, — уничтожает хлебные посевы. Передние стада байские давно уже на берегах калмыцкого озера Айна-коль пасутся, а задние еще только выходят из далекой земли Конгратской! . .

Ну и пусть они себе идут спокойно, пусть баи стоят себе в степи Чилбир, на озере Айна-коль, пасут и поят прибывающие свои стада, юрты ставят, в порядок себя приводят, а вы послушайте о том, что дальше было, о калмыцкой стране послушайте.

Увидав, что пришлые баи посевы их погубили, побежали калмыки к шаху своему — Тайча-хану. Пришел к нему один из потерпевших аксакалов-арбовов и говорит:

— С жалобой пришел я, повелитель-шах!
Сердцем своему рабу внемлите, шах!
Был я свеж лицом, как яблоко румян,
Весь я высох, сморщен от забот, мой хан!
Сгорбила беда мой крепкий, стройный стан:
Прибыл к нам народ из чужедальних стран.
Им язык какой-то непонятный дан,
То ли их страна зовется Туркестан,

То ль Байсун-Конграт. А вера их — Коран...
Как же вы о них не ведаете, шах?!

Перед богом, видно, много я грешил:
Небосвод меня ударом оглушил,
Страх нагнав, меня он разума лишил.
Сесть на наши земли тот народ решил!
Счесть их скот — не хватит времени и сил.
Весть такую к вам я принести спешил.
Скот их все посевы наши потоптал!
Сокол был, но крылья быстрые сломал;
Был тулпар — копыта сбил и захромал;
Были сыты мы — ты подати взимал...
Можно ли терпеть, чтоб столь великий шах
Ничего в делах своих не понимал!
Подати с чего тебе теперь платить?
Смертный голод нас не минет посетить.
Чайрикёры все решили уходить.
Что мы будем делать, семьи чем кормить?..
Пришлый тот народ богат и родовит,
Женщины у них — красавицы на вид.
Подле Айна-коля табор их стоит,
Их скотом Чилбир, как саранчой, покрыт.
Ничего не знает столь великий шах!..
Тем скотом потравлен дочиста посев.
Пришлый тот народ, на наши земли сев,
Съест и нас самих, всю нашу пищу съев!
Разорен калмык, велик народный гнев.
Ничего не знает столь великий шах!
Вопли, плач народа у меня в ушах,
От такой беды я высох и зачах.
Если всходы все потравлены в полях,
Сам уразумей, какой в дехканстве страх!
К осени не будет ни зерна в шатрах,
Перемерут, гляди, твои калмыки, шах!
Стон стоит в стране, смятение в умах.
Ведь стряслось такое бедствие в полях!
Как же это так, что столь великий шах
Ничего не знает о своих делах!
Голову иметь ведь надо на плечах!..

С шахом аксакал беседовал в шатре,
Шах сидел, поджавши ноги, на ковре,
Пил вино и сласти ел на серебре, —
Вдруг он слышит шум и крики на дворе.

Стражу оттеснив от кованых ворот,
В ханский двор ворвался трудовой народ —
Пастухи, дехкане, люд мастеровой.
Все шумят, кричат, проклятий полон рот.
Вышел шах во двор — толпа вопит, орет:
— Все мы передохнем, видно, не в черед!
Чем теперь питаться подданным твоим?
Все потрясены мы ужасом таким!
Жалобу тебе приносим, — говорят. —
Ведь ни колоска не скосим! — говорят. —
С баев получить мы за ущерб хотим,
Неужель простишь ты наш убыток им?
Мы такого шаха сбросим! — говорят.

Услыхав эти слова, ус покручивая, калмыцкий шах,
к аксакалам и арбобам своим обращаясь, такое слово ска-
зал в ответ:

— Много я богатства разного припас,
Я одет в парчу, и в бархат, и в атлас.
В шелковой чалме ношу большой алмаз,
Грозен я — и строго спрашиваю вас:
Баи эти к нам откуда вдруг пришли?
Как такой разор в стране произвели?
Самовольно как селиться тут могли?
Из какой такой пришли они земли?
К вам, большим и малым, мой вопрос таков.
Вы должны ответить без обиняков.
Неужели дам в обиду бедняков?
Не щадя ни юных и ни стариков,
Накажу байсунских баев-чужаков, —
Будут меня помнить до конца веков!
Кто прикочевать позволил им сюда?
Баям в полной мере гнев свой покажу —
По заслугам их пытать я прикажу,
Самых знатных биев изобью, свяжу,
Как собак, на цепь в зинданы посажу!
Я ль трудом дехкан своих не дорожу?
Всех, кто потерпел, сторицей награжу.
Стану ль потакать такому грабежу?
Кто их подпустил к родному рубежу?
Справедливый суд-расправу я творю,
Я на знатность пришлых баев не смотрю.
Слушайте, дехкане, что я говорю:
Баев именитых в прах я разорю,

Их стадами вас я убогаторю,
Преданных моих дехкан я поощрю.
Верьте мне, дехкане, своему царю! . .
Палачи мои и миргазабы, эй!
Что вы тут стоите, словно бабы? Эй!
В степь Чилбир скачите! На коней, живей!
Выведать на месте всё, да поскорей!
Выбрать самых знатных байских сыновей,
Самых их богатых биев и тюрей —
Захватить их в плен, заложниками взять,
Как баранов, их арканами вязать,
Гнать ко мне, в пути — камчами истязать,
Слова о пощаде не давать сказать!
Буду им носы и уши отрезать,
Вырывать глаза и души их терзать,
Буду сечь башки и буду вешать я, —
Должен ведь своих дехкан утешить я!
Дерзких я узбекских баев проучу!
Скот нагнали свой сюда, как саранчу.
Потравили хлеб! Ужели я смолчу!
За убытки с них семижды получу!
Я великий шах и, хоть ношу парчу,
Шахский свой рукав по локоть закачу,
В знатной их крови одежды омочу, —
До конца свой гнев я истощить хочу! . .
Палачи мои! Любой из вас — батыр!
Дать коням ячмень да подмешать аир!
Поживее в седла, вихрем в степь Чилбир!
С пришлых баев-беков попустите жир!
Изгону пришельцев — и устрою пир,
Пир такой, какого и не видел мир! . .
Выпал снег — свой след оставит караван.
Вызвать, кто калмыцких разорил дехкан!
Буду я к виновным беспощадно лют!
Раз мои калмыки слезы горько льют,
Я, как шах, утешу трудовой свой люд! . .

Послушные приказанию шаха своего, пятьсот калмыцких палачей во главе с начальниками своими сели на коней — поскакали на озеро Айна-коль, где узбеки-пришельцы разбили становище свое. Десять тысяч юрт людей, шутка ли! Приезжают палачи — видят: расселился неведомый десятитысячюртный народ, посмотришь — все один на другого похожи. Никаких отличий на узбекских людях нет, кто большой, кто малый из них — не разобрать палачам.

Вдруг видят они — кругом все юрты кошмовые, а в одном месте бархатную юрту ставят. Порог бархатной юрты золотом и серебром изукрашен. Была эта юрта Байсары-бия. Сказали палачи:

— Э, да эта юрта богата. Белым бархатом крыта, золотой порог! С нею не сравнится и шахский чертог. Видимо, тут самые главные узбеки живут. Вот какие отличия дают они старшим своим!

Подъехали палачи к юрте Байсары:

— Э, приезжий бай!

Встал Байсары, откликнулся:

— Ляббай! — и вышел из юрты.

Крикнули палачи:

— Ты старший здесь?

Слова не успел сказать Байсары — соскочили палачи с коней, схватили бия, связали ему руки назад. Как снег в буран, как дождь проливной, посыпались на голову Байсары удары их камчей. С криками: «Ступай, ступай!» — погналли палачи бия, толкая его вперед и хлеща камчами. Только что приехавший в эту страну, ничего худого не ожидавший, гордого своего величия не уронивший, ни в чем виноватым себя не считая, ошеломлен был таким внезапным насилием Байсары. Зарыдал бий от боли и от позора и, умоляя палачей сжалиться над ним, сказал им такое слово:

— Нес в стране своей заботы шаха я, —
На чужбине стал ничтожней праха я!
Шел я мирно к вам, не ждал ведь страха я,
Думал: тут гнездо, как птица, я совью, —
Лишь о том весь путь молил Аллаха я.
Беглецу приют и враг дает в беде!
Думал: шах калмыцкий — мой оплот в беде.
А теперь я сам и мой народ — в беде.
Я искал защиты — гнет у вас нашел!
Вот я сам себе какое сделал зло!
К вам меня, увы, несчастье занесло.
Некому поведать, как мне тяжело! . .
Не за что меня так мучить, палачи!
Душу вышибают из меня камчи.
Я старик, а вы джигиты-силачи!
Сжальтесь, душегубы, сжальтесь, палачи!
Я искал защиты — гнет у вас нашел!
Так не мучат даже вора и врага!
Хоть по голове не бейте старика,

Голова моя мне всё же дорога!
Сжальтесь! Жизнь моя и так уж недолга!
Я страной большой недавно управлял,
А теперь я к вам в жестокий плен попал.
Чем я вас обидел, чем вам помешал?
Ничего на вас я не злоумышлял.
Ой, какая мука каждый ваш удар!
Будьте милосердны, я ведь слаб и стар.
Я искал защиты — гнет у вас нашел!
Из беды попал я в новую беду.
Не гоните так, я чуть живой бреду.
Нет конца страданиям, меры нет стыду:
Пред своим народом связанным иду!
Мирный странник-старец, в чем я виноват?
Шел я к вам, как в рай, — попал при жизни в ад!
Ой, не бейте так безжалостно, ой-бой!
Никакой вины не знаю за собой.
Что за произвол! За что такой разбой!
Умоляю — верьте слову моему, —
Произнести могу святую калиму,
Худа я у вас не сделал никому!
Бить меня за что, позорить почему?
В чем вина моя — никак я не пойму!
Разве можно гостя бить в своем дому?
Мочи нет страдать! Уймитесь, палачи!
Видите кровавых слез моих ручьи?
Вы свирепей стаи бешеных волков!
Иль калмыцкий здесь обычай ваш таков:
Странников почтенных, мирных стариков
Избивать камчой, как подлых ишаков?
Я искал защиты — гнет у вас нашел!

Долго плакал и причитал Байсары-бий, пока наконец
объяснили ему палачи, в чем его вина.

В клочья истрепав на Байсары камчи,
Так ему тогда сказали палачи:
— Э, не вой, старик несчастный, помолчи!
Как баран, под нож ведомый, не кричи,
Делу не поможешь плача и крича:
Нас прислал калмыцкий грозный шах Тайча, —
Раз прислал — прислал, на то мы — палачи.
Он проведаль, грозный шах наш, Тайча-хан,
От обиженных арбовов и дехкан,
Что в калмыцкий край из чужедальних стран,

Из какой-то там земли Байсун-Конграт,
Свой неисчислимый ввел ты караван.
Если бы на въезд ты испросил фирман,
Был бы ты у нас, как знатный гость, желан.
Ты же свой народ и все свои стада
Без согласия шаха перегнал сюда.
Все-таки не это главная беда!
Э, ты сам не знаешь, что ты натворил!
Всходы на полях дехканских потравил,
Хлебные посевы ты скоту скормил,
Трудовых дехкан-калмыков разорил.
Не оставил им ни одного зерна!
Вся страна тобою в прах разорена,
Голодать она теперь обречена!
Вот она какая на тебе вина! . .
Шах наш, Тайча-хан, пришел в великий гнев,
Он рассвирепел, как разъяренный лев,
И, своих дехкан несчастных пожалев,
Нас погнал в Чилбир, сурово повелев
Вызвать всё, разведать, кто стравил посев,
Старшего найти над вашими людьми,
А найдя — схватить, связать и бить плетью.
Вот что во вниманье ты, старик, прими!
Если б не приказ от шаха самого,
Нам тебя хватать и мучить для чего?
Мы ведь палачи у шаха своего,
Смеем ли нарушить мы приказ его?
Видишь, ремесло-то наше какво!
Раз твое в твоём народе старшинство,
Значит, пострадать ты должен за него.
Как ни плачь — палач к чужим слезам привык.
Ты на нас обиды не имей, старик,
Слово мы тебе сказали напрямик:
Речь у палачей, как и рука, — груба.
Если ты сгубил дехканские хлеба,
Будет, так и знай, горька твоя судьба.
Как же от хлебов травы не отличать!
Нам таких людей не довелось встречать!
Что теперь ты будешь хану отвечать,
Разъяренным всем дехканам отвечать?
Мыслимо ль дела подобные прощать!
Наперед тебе должны мы обещать —
Косточкам твоим придется потрещать!
Грозен Тайча-хан, умеет он карать:
Может быть, тебя дехканам он самим

Выдаст на расправу; попадешься им —
Зол народ: смотри, затеют копкари,
Станут, как козла, тебя на части драть!
Там — ни слез, ни слов напрасно ты не трать:
С головы иль с ног — придется умирать.
Шах потом прикажет твой повесить труп,
Скот и ваши все богатства отберет,
За рубеж страны изгонит твой народ...
Ты прости, коль наш язык немного груб,
Будь мы подобрей — пришлишь не ко двору б!

Слово палачей выслушав, Байсары-бий такое ответное слово сказал им:

— Всё свое богатство, всё добро отдам!
Золото свое и серебро отдам!
На своих верблюдов всё навьючу сам, —
Пропaday добро, жив буду лучше сам!
Вам мои верблюды и бараны — вам!
Сам не знаю счета я своим стадам.
По числу загонov счет могу вести:
Мелкий скот в загонах — сто без десяти!
Табуны привык тугаями считать, —
Всех моих коней согласен вам отдать!
Всё отдам, но больше не могу страдать,
Страшно столь жестокой казни ожидать...
Искренние вам я говорю слова:
В жизни нам всего дороже голова.
Хоть аркан снимите с рук моих сперва!
От стыда и боли прах готов я грызть!
Погубить меня — какая вам корысть?
Небосвод коварный влил мне в пищу яд!
За посевы ваши всё отдать я рад.
Если мало вам моих богатств и стад,
Отдаю в придачу свой последний клад:
Дочь мою, Барчин, возьмите, наконец,
Лишь бы сиротою не был мой птенец.
Где на свете есть несчастнее отец?
Пусть я буду нищий, но земли жилец!
Я и сам не знал, что я такой глупец:
Пас коней своих, верблюдов и овец,
В мире ничего не видя, как слепец.
Злаков хлебных я не сеял никогда,
Как тот хлеб растет в полях, я не видал.
Если по незнанию всходы потоптал,

Потому что хлеб травую посчитал,
Неужель я злостным душегубом стал?
О своей вине впервые узнаю.
Все мои богатства, дочь вам отдаю —
Только пощадите голову мою!
Смерть стократ страшнее не в своем краю!..
Темный разум мой от мыслей изнемог.
Мне свидетелем будь всемогущий бог,
Перед вами я полуживой стою
И ручьями слезы сожаленья лью.
Палачи мои, молю, поверьте мне,
Дайте избежать жестокой смерти мне,
Не хочу попасться шаху на глаза, —
Пусть меня минует гнев его — гроза.
Разве шаха тронет странника слеза?
Лучше я в письме прощенья попрошу,
В челобитной всё несчастье опишу.

Услышав такие слова от Байсары, подумали палачи: «Бедняга этот, пожалуй, прав. По невежеству, не отличая травы от посевов, погубили они все наши хлеба. Всякие на свете живут народы. Он искренне кается. А если мы его пригоним к шаху, тот его слушать не станет, сразу расправу над ним учинит. Пусть он свое дело в письме изложит. Пусть он здесь подождет, — доставим шаху письмо, всё, может быть, и уладится».

Составили они со слов Байсары письмо, отослали с двумя миргазабами к шаху калмыцкому. Прочел шах жалобу Байсары-бия, обрадовался вдруг и так сказал:

— Если он под защиту мою прибыл, казнить его — какая мне прибыль? Окажу ему дружбу — пусть остается жив, и всё его богатство — все его верблюжьи караваны, все его конские табуны, все его овцы-бараны, всё золото его казны, — пусть всё остается при нем. Ничего мы с него не возьмем! И дочь его — принадлежит ему. И дочь его, красавицу, от него не возьму. Объявляем ему дружбу и мир, отдаем ему степь Чилбир на летовки скоту, Айна-коль отдаем на водопой скоту. Семь лет податей с него не взимать, стадам его описи не делать. Кто зло причинит узбекским баям, непочтителен будет с ними, с того мы головы снимем, всё достояние отберем в казну... Ну?..

Это услышав, калмыцкие арбобы сказали:

— Так ты распорядился, шах? Потравили пришельцы посеvy бедняков и вдов, а ты им все прощаешь! А через

несколько дней ты потребуешь от дехкан уплаты налогов. А из чего их платить? Последние одеяла продать?!

Тайча-хан на это так ответил:

— Время года еще раннее. Было бы желание — успеете еще посеять просо или что-нибудь такое другое. Как-нибудь прокормитесь до зимы. А мы с вас податей взимать не будем. Так и передайте людям!

Так пообещал Тайча-хан, но лживо пообещал — обманул их: вероломцем был калмыцкий шах!

А дехкане обрадовались, поверив ему, запрягли парамн волов, пошли под просо и другое зерно перепаживать пашни.

«Весь урожай будет наш, податей платить не придется — сыты будем!» — так думали они.

Бан-узбеки тоже возликовали: «Просторны, прохладны степи Чилбира, свежи пастбища, травы хороши, потучнеет скот наш — расплодится, разбогатеет еще больше!»

Осели они на земле калмыцкой — шахом калмыцким были очень довольны.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В области хана Тайчи, в стране калмыцкой, жила старуха одна, имя ей было Сурхайль. Необычайно рослая женщина она была. Семеро сыновей она имела. Старшего звали Кокальдаш, а остальных: Кокаман, Коккашка, Байкашка, Тойкашка, Кошкулак, а самый младший звался Караджаном. Все они батырами были. Вместе с восьмьюдесятью тремя другими калмыцкими батырами содержал их шах калмыцкий в дальнем Токаистане, в особых пещерах. Каждый из этих девяносто батыров был отличным наездником и искусным стрелком. Носил каждый из них панцирь весом в девяносто батманов, каждый съедал в день девяносто тучных баранов, получал каждый от шаха ежемесячно девяносто золотых туманов. Знаменитые они батыры были. Каждый из них имел по сорок девушек-прислужниц, девушки подстилали им мягкие подстилки и прислуживали им, когда батыры возвращались с охоты или с набега.

Барчин-ай, дочери пришлого узбекского бая, никто из них не видел, хотя всю страну облетела слава о ее красоте. В ту пору была Ай-Барчин в расцвете зрелости своей девической, плечи у нее были — пятнадцать четвертей каждое! Молва о красавице узбечке и до батыров калмыцких дошла. Собрались они — мечтают-гадают, как оно будет: то ли каждому в отдельности добиваться ее, то ли взять ее

общей женою для всех? Долго совещались батыры, долго спорили, всё никак решить не могли.

А старуха Сурхайль-ведьма — так называли ее, — мать семерых братьев-батыров, решила к шаху отправиться. Много ее сыновья шаху калмыцкому послужили, не мог бы шах отказать принять ее, не мог бы и в просьбе ей отказать.

Пришла старуха Сурхайль к Тайча-хану и такое слово сказала:

— Семь батыров, шах, тебе я родила,
Ведомы тебе их славные дела.
С просьбою к тебе я потому пришла,
Эта просьба так ничтожна, так мала!
Выслушать меня, великий шах, изволь, —
Разреши, мой шах, сходить мне в Чилбир-чоль.
Хочется мне тех узбеков повидать.
Почему бы мне досуг не скоротать?
Очень, говорят, у них богата знать.
Как они живут, мне хочется узнать.
В чем хвалить их нужно, в чем их осуждать,
Преданы ль тебе — хочу их испытать.
Если б разрешение ты изволил дать,
Я бы к ним пошла по бедности своей.
Милости такой я вправе ожидать,
Семерых родив батыров-сыновей.
Никому бы я не причинила зла,
Если бы себе с приезжих дань взяла:
Люди говорят — нет их стадам числа.
Собирает мед с любых цветов пчела.
Я бы шаху тоже пользу принесла:
Разговор с одним, с другим бы завела,
Что в душе таят, я б выведать могла:
Похвала тебе иль, может быть, хула...
Я бы к ним, султан мой, не одна пошла,
Трех бы, четырех других старух взяла.
Сердца моего кому поведать боль?
Разреши, мой шах, сходить мне в Чилбир-чоль!

Калмыцкий шах позволил баям-пришельцам жить как они хотят. Но даже сам шах опасался зловредной старухи Сурхайль и ее могучих сыновей. Поневоле пришлось ему дать ей разрешение.

«Теперь что хочу, то получу!» — подумала коварная старуха. Домой вернувшись, взяла она с собой девять от нее

зависящих старух родственниц, и отправились они вдесятером в путь. Идут за ней девять согбенных старух-побирух.

Младший сын Сурхайль батыр Караджан с тринадцатю своими махрамами в это время коней пас. Видит он — мать его в степь Чилбир идет, девять старух за собой ведет. Подумал Караджан:

«Что за пронырливая такая старуха наша мать, ноги бы ей поломать! Пойдет в степь Чилбир, нас объявит своей опорой, болтать станет, наговорит всякого вздора — обидит приезжих людей, пропасть бы ей! Как-никак на чужбине они! Э, нечестивцы, старухи-паршивицы! Что им в байском становище делать? И нам срам, и сам шах возмутится — скажет: „Силой выроdkов ее дорожа, напрасно пустил я старуху к баям-пришельцам. Испортила мне все дело ведьма эта!“»

Подошел Караджан к матери и, доброго ей пути пожелавав, так сказал:

— Быть живой, богатой дай тебе господь!
Множество халатов дай тебе господь!
Сыном быть брюхатой дай тебе господь!
Девять верных спутниц в путь с тобой идут —
С первой до десятой дай вам всем господь
Доброго пути, куда б вам ни идти!
Мать моя, скажи, далеко ль ты идешь?
Старые свои зачем ты ноги бьешь?
Слово Караджана выслушать изволь:
Может быть, домой с пути ты повернешь?
Нечего тебе таскаться в Чилбир-чоль!
Много разных слов тебе сказать могу,
Только от греха язык уберегу.
Лишними словами я пренебрегу,
Слово я хочу хорошее сказать,
Матери своей скажу, а не врагу.
Сыну своему такую речь прости,
Только разговор за шутку не сочти:
В Чилбир-чоль к узбекам что тебе плестись?
На подарки баев пришлох не польстись —
С этого пути домой повороты.
Говорю тебе и этим девяти:
Нечего, старуха, голову ломать.
Я тебя ведь знаю — ты коварна, мать,
Что-нибудь привыкла ты злоумышлять.
Пришлох этих баев ты не трогай, мать,
Незачем у них тревогу поднимать.

Возвратись домой своей дорогой, мать!
Ты стара — и смерть уж на пути к тебе,
Думай о загробной ты своей судьбе!

Услыдав эти слова, видя, что сердит Караджан, нрав его зная, Сурханль-ведьма такое слово ему сказала:

— Э, не горячись напрасно, мой сынок!
Если прогуляюсь — не лишусь я ног.
Девушки у них прекрасны, мой сынок:
Зятем я тебя в узбекский дом введу.
Сговорив невесту, ей надев платок,
Я благополучно и домой приду...
Ты меня с пути, сынок мой, не сбивай.
Высмотрю, узнаю, кто первейший бай,
Первую у них красавицу найду,
Вызнаю, свободна ль, нрав каков у ней, —
Сделаю невестой и женой твоей!
Если сговорюсь, то жди, сынок, вестей.
Породнимся с ними, наплодишь детей,
Все-таки утеха старости моей!
Ведь не век тебе с махрамами бродить.
Холостым живешь — пора тебя женить.
Поспешив меня в злокознях обвинить,
Счастья своего чуть не порвал ты нить.
Если хочешь знать — иду я для тебя.
Младшенького сына горячо любя,
Я ведь ни о чем не думала плохом,
Душу я свою не отягчу грехом!
Я тебя мечтала сделать женихом, —
Я ведь мать твоя, хочу тебе добра.
Как-никак и вправду я уже стара,
А тебе жениться, мой сынок, пора:
Хочется мне видеть внуков у шатра!
В жены я тебе хочу узбечку взять,
Чтобы красотой была тебе под стать.
В знатный дом узбекский ты войдешь как зять,
Погляжу, как будешь радостью сиять
Рядом с молодой, прищурясь, мой сынок!
Брось-ка холостую дурость, мой сынок!

Эти слова услыдав, очень обрадовался Караджан, сказал матери:

— Э, мать, если такое в сердце твоём, желаю тебе удачи! Приходи, дай знать. Здесь буду дожидаться.

Получив согласие сына, довольная старуха в степь Чил-бир побрела своим путем.

Сурхаиль пошла веселей.
Хоть немало лет было ей,
Славилась ходьбою своей!
Ведь недаром был о ней слух
Среди всех калмыцких старух,
Среди свах и средь повитух
Говорили: нечистый в ней дух!
Ведьмою старуха слыла —
Столь была коварна и зла.
Девять ее спутниц-старух,
Родственниц ее, побирух,
Вслед за ней бегут во весь дух,
А никак за ней не поспеть.
Хоть бы ей скорей околеть!
А она любопытства полна,
Жадности, бесстыдства полна.
«Баи-бии, — мыслит она, —
Кто такие? — мыслит она. —
Хоть чужие, — мыслит она, —
А сосватаю бека их дочь!»
Их приданое числит она, —
Всё пронюхать успела и тут! . .
Чуть живые старухи бредут,
Замертво сейчас упадут.
Не догнать Сурхаиль, отстают,
Всячески хулят Сурхаиль:
«Э, шайтан ей дал этот рост!
Если шить халат Сурхаиль,
Сколько надо пряжи напрясть,
Сколько это бязи наткать?!
Где такую ведьму сыскать,
Чтобы ей, коварной, пропасть! . .»
К баю в гости спеша, к Байсары,
Сурхаиль, как верблюдов-скороход,
Всё уходит вперед и вперед.
Ноги у лукавой быстры,
Мысли у коварной хитры,
Хочет Караджана женить,
С баями себя породнить.
Где же та юрта Байсары? . .
А старухам ее невдомек,
Что у ней, коварной, в душе,

Завязала зачем в узелок
Новенький зеленый платок...

Чуть бредут старухи... Ведьма Сурхайль
Далеко ушла, метет подолом пыль,
Спутницам своим она и не видна!
Наконец пред нею озеро Айна.
Так пришла в кочевье байское она.
Спрашивает: «Где живет ваш главный бай?» —
Указали ей жилище Байсары.
Думает: «Богат, однако, Байсары!»
Девять было злых собак у Байсары.
Долговязую такую увидав,
Поднимают псы свирепый, громкий лай,
Как на зверя, мчатся на нее стремглав,
Тесно окружают — и бросают в грязь,
Словно меж собой заране сговорясь,
Рвут ее на части, кто во что вцепясь:
В руки, в ноги, в грудь и в зад, ворча и злясь,
В клочья разрывают и рубахи бязь!
Что старухе делать, если не реветь?
И ревет она, как раненый медведь!
Вовсе потеряла голову она.
Шаровары в клочья, грудь обнажена,
Выпав из одежд, вся голая она!
А собаки рвут ее и так и сяк.
Раз она попала в круг таких собак,
Что ей остается, если не реветь?
И ревет она, как раненый медведь!
Долго так она редела, но, увы,
Нет людей на помощь, словно все мертвы.
Или у пришельцев нравы таковы?
Как жестокосердны, как они черствы,
Не идут на крик беспомощной вдовы!
Осень подошла — не вянут ли цветы?
Смерть пришла — всю допил чашу жизни ты!..
Псы ее терзали, яростно рыча,
А она лежала, в ужасе крича,
Еле теплилась ее души свеча...
Вышла из юрты хозяйка-байвуча,
Слышит вздохи, стоны: «Прочь!.. Подите прочь!..»
Сильно удивясь, она спешит помочь.
Меж собак старуху увидав тогда,
Закричала: «Ой, тяжелая беда!»

Впору умереть старухе от стыда:
Очень уж была вся голая!.. Беда!..

Побивши как следует собак, осведомившись у старухи о ее состоянии, вернулась хозяйка в юрту, взяла новую женскую одежду, дала старухе переодеться; сердце старушечье радуя, повела ее с почетом в юрту. Ай-Барчин с девушками своими в юрте сидела; старуху увидав, подумала: «Кто бы она ни была, она в чужой стороне».

С места встав, низко поклонясь госте, оказала она ей уважение. А старуха, увидав Барчин, сразу же подумала: «И по красоте и по уму — отличная пара Караджану моему!..»

Немало еще времени прошло, пока до места добрались те девять старух — спутниц Сурхайль-ведьмы. На этот раз вышел им навстречу человек, не дал собакам трогать их, привел старух в юрту. Хозяйка угощение стала готовить — плов варить. О том о сем разговор завели, четыре-пять слов проронили — Сурхайль-ведьма, к хозяйке обратясь, так сразу и спрашивает:

— Кажется, барашек варится у вас?
Не свободна ль дочь-красавица у вас?
Вижу я — прекрасный тут расцвел цветок!
Дома у меня есть холостой сынок, —
Если б сговориться с вами бог помог,
Повязать невесте я б могла платок.
Сговор совершив, пошла бы я домой, —
Очень был бы рад сынок любимый мой
Караджан-батыр, он у меня меньшей.
В гости к вам идя, прошла я путь большой,
Посмотреть хотелось мне народ чужой.
К вашей дочери всей прикипев душой,
От нее большую радость испытав,
Я, от ваших псов жестоко пострадав,
Половины чувств приятных лишена...
Эта ваша дочь — свободна ли она?
Сыну моему она как раз нужна.
Слушай, байвуча, что я тебе скажу:
Чем скорей — тем лучше, так я нахожу.
Сватовством своим тебе я удружу.
Эта дочь твоя причесана — гляжу,
Убрана во много кос она — гляжу;
Голову я ей платочком повяжу!..
Вот что я тебе должна еще сказать:
Караджан тебе хороший будет зять —
Сына моего заглазно можешь взять.

Он среди батыров наших знаменит,
Шах наш, Тайча-хан, к нему благоволит,
Добрая молва о нем везде гремит —
Он юрте твоей стыда не причинит.
Сколько он сердец девических томит!
Только до сих пор всё ходит холостой,
Не прельщается ничьею красотой:
«Эта мне не пара, эта не ровня!
Я — батыр известный да к тому же — бек!..»
Очень огорчает этим он меня.
Как бы не остался холостым навеки!
Вижу — здесь живет почтенный человек,
Думаю: у сына будет тесть — узбек!
Дочь твоя и сын мой — пара ведь они,
Ты мне свой обычай сразу объясни.
Долго ли еще песок речей толочь?
Я любой калым тебе отдам за дочь.
Сговор совершим — и все сомненья прочь.
Голову себе напрасно не морочь!
Если ты в беде, друзья придут помочь,
Преданнейший друг для всех влюбленных — ночь...
Байвуча, что скажешь на мои слова?
Дочь твоя Барчин — я вижу какова:
Лучших для себя я б не желала снох,
Но и Караджан мой тоже ведь неплох.
Он, коль хочешь знать, из-за Барчин засох, —
Да услышит бог его влюбленный вздох!..
За Караджан-бека выдай свою дочь,
И да будет радость им из ночи в ночь!

Услышав речь старухи, так ответила ей мать Барчин-ай:

— Ничего теперь не варится у нас!
Не свободна дочь-красавица у нас!
Дочь моя давно уже сговорена,
С сыном дяди, чуть родясь, обручена.
Этот дядя, знай, он мужа старший брат,
Деверь мой, он шах страны Байсун-Конград.
Он за нашу дочь нам уплатил калым, —
Не прельщай меня калымом ты своим!
Если поступить как ты мне говоришь,
Разве преступленье долго утаишь?
Разве усидит в Конграде Алпамыш?
Если он приедет, Алпамыш-султан,
Разве не подохнет сын твой Караджан?
Плачет по тебе, проклятая, аркан!

Старая карга, зачем ты бродишь зря,
Целый день сидишь, пустое говоря?
Каждый у себя не бек ли, не тюря? . .
Делится ль добычей с вороном шункар?
Иль простым батырам не гроза кайсар?
Иль орлу дорогу преградит комар?
Весть в страну Конграт ужель не долетит?
Сокол Алпамыш сюда ль не прилетит?
Разве калмыков он здесь не истребит?
Разве он ублюдка твоего простит?
Старая карга, ужель тебе не стыд?
Бродит, рыщет, где кто пловом угостит!
Розу ли мою твой выродок прельстит?
Осень подошла — садов поблекнул цвет.
Бог твой разум отнял — горя хуже нет!
Кто тебе столь глупый нашептал совет?
Если хочешь знать, Хакиму равных нет,
На земле таких батыров славных нет!
Всех вас перебьет, с земли сотрет ваш след!
Хаким-бек достиг четырнадцати лет!
Если хочешь знать, то он — непобедим,
Мой племянник-бек по имени Хаким!
Если с Караджаном встретится твоим,
Станет в мире сразу тесно им двоим, —
Сыну твоему не устоять пред ним. . .
Глупая твоя старушья голова,
Надо же такие говорить слова!
Видно, что не знаешь Алпамыша-льва!
Шла б себе своим путем, пока жива!
Если хочешь знать, Байсунский край богат,
Лучше всех краев цветущий наш Конграт!
Конь у Хаким-бека — истинно крылат,
Взгляд у Хаким-бека — соколиный взгляд,
Тверже, чем алмаз, в его руке булат!
Родом он — конгратец, книжности учен,
С девушкой моей с рожденья обручен,
У себя в стране владыкой станет он.
Мерзкая старуха, убирайся вон!
Если будет здесь народ наш угнетен,
Думаешь, к нему не долетит наш стон?
Светопреставленье вам устроит он!
Думаешь, невесте он не будет рад?
Думаешь, ее не увезет в Конграт,
Не познает с ней супружеских усад?
Если б ты старухой путною была,

Разве ты себя не лучше бы вела?
Говорю добром, ступай, пока цела!..

Сурханль, к хозяйке обращаясь, так ей ответила:

— Постыдилась бы ты глупых слов своих:
Посуди сама — годится ль тот жених,
Что провел полгода на путях степных?
Думаешь, он так сюда и прилетел?
Думаешь, приедет — будет жив и цел?
Всех батыров наших одолеет он?
Если и приедет, пожалеет он!
Ты мои слова за шутку не считай,
Долгим размышленьем душу не пытай,
Дочь свою Барчин в невестки мне отдай.
Очень уж хочу ее сосватать я!
Сына моего возьми себе в зятя!
Не возьмешь — не будет от него житья!
Иль своим желаньям он не господин?
Думаешь — не сядет на коня мой сын,
Не увидит он своей женой Барчин?
Думаешь — приедет он к тебе один?
Он тринадцать слуг с собой в набег возьмет —
Дочь твою, узбечка, силой увезет!

Услыхав слова эти, хозяйка, мать Барчин-ай, тоже сказала старухе слово свое:

— На вершинах горных да истают снег!
Вражий труп в земле да изгниет навек!
Да иссохнет твой урод Караджанбек!
Ты послушай, что тебе хочу сказать:
Эту дочь мою твой сын не может взять!
На мои слова обиды не имей,
Сыном похвалиться предо мной не смей,
Хитрая старуха, сдохни поскорей!.. —
Так ей мать Барчин сказала сгоряча.
Слышала всё это Барчин-аймча.
— Прекратите спор! — она им говорит. —
Это же позор! — она им говорит.
Спорят байвуча и Караджана мать,
Начинают, споря, кулаки сжимать.
Стали их старухи-гостьи разнимать!..

Розняли их в конце концов старухи-гостьи. Поделили им руки помыть, скатерть постелили. Наложили три блюда

плова, поставили перед десятью женщинами, — одно блюдо на четырех пришлось. Мать Караджана, на хозяйку разобиженная, взяла два зернышка риса, в рот положила. Девять товарок ее побоялись взять и на одно зернышко больше, — Сурхаиль-ведьма головы бы им свернула. В трех блюдах плова на двадцать зернышек меньше стало.

— Хватит, наелись мы, — сказали гости, возвращая блюда с пловом. Блюда убрав, ладонями по лицу проведя, гости ушли. Мать Караджана, своих спутниц не дожидаясь, изо всех сил пустилась вперед. Девять старух, из виду ее не выпуская, ковыляли ей вслед, ворча:

— Возьми ты ее от нас, Аллах, чтоб ей подохнуть! Вздумала сынка своего женить не в пору, убудка такого! Уж затевать ссору — так хоть после плова!.. Богато, однако, эти баи живут! Если бы мы и одни пришли, без этой карги злой, нас бы тут приняли не хуже — угостили бы и шавлей на ужин. Э, как жалко — весь плов остался! Неприятность причинила, плову не дала поесть! По два зернышка на каждый рот, чтоб ей такие поминки устроил народ! Убери ты ее, Аллах, от нас! В другой раз без нее придем...

Далеко вперед ушла Сурхаиль. А Караджан всё на дороге смотрит, ее поджидает. Видит — идет она.

Подошел к ней Караджан, спрашивает:

— Ну, мать, как дела? Лисою ты иль волчихой пришла?

Ответила ему мать:

— Э, сынок, намотай себе на ус: куда ни иду, куда ни бреду — лисой не вернусь, волчихой приду! Женю я тебя, вспомнишь мое слово! Видишь — на мне обнова. Это мне, как сватье, подарили новое платье...

А Караджан говорит:

— Вот она, мать моя, какая! Сосватала мне невесту узбечку! Не пожалели ей новой одежды бязевой! Ну, мать, как стала волчихой — рассказывай!

Стала старуха сыну рассказывать, как дело было:

— Даром время я, сынок, не провела.

К тем приезжим баям в стойбище пришла,

У Байсары-бая там в гостях была.

Хороша юрта, оказывается!

Девушка — мечта, оказывается;

Как цветок чиста, оказывается;

И не занята, оказывается!

Нет ее нежней, оказывается,

Сохнут все по ней, оказывается!
Ровно сорок с ней подружек для услуг,
Как луна — Барчин меж сорока подруг.
В мире не найдешь кудрявее волос!
Заплетают их во много длинных кос.
Голоса такого слышать не пришлось!
Каждый глаз сияет, как большой алмаз, —
Сердце сразу тает от сиянья глаз!
А наряд на ней невиданный у нас —
Тонкий, полосатый, дорогой атлас!
Чересчур, однако, узки рукава!
В зрелости она девической как раз.
Именно такая, говорю, точь-в-точь,
У Байсары-бая оказалась дочь.
Спрашиваю: «Дочь свободна ли у вас?
Сына Караджана я женить хочу,
За нее калым хороший заплачу».
Наизнанку вывернула байвучу,
Выведала всё, что знать хотела я.
Э, сынок, немало попотела я!
Девушка свободна — так и знай, сынок!
Сговорив невесту, ей надел платок,
Я бежать к тебе со всех пустилась ног...
Но такой обычай заведен у них:
Сговор был — приходит в тот же день жених.
Поспешить к невесте должен ты, мой сын,
Завтра будет поздно, хоть бы сто причин, —
Завтра, говорю, откажется Барчин!..
У Барчин — подружка, имя ей Суксур.
Всё моргает мне, гляжу — хитер прищур!
Шепчет: «Сватовства таков узбекский чин —
Пусть жених стыдлив не будет чересчур».
Слышала я то же и от остальных:
«Главное — пускай не мешкает жених!..»
Помни же, твоя невеста какова:
Имя — Барчин-ай, в косичках голова.
В бархатной юрте тебя сегодня ждут
Песни, смех, веселье — радости уют.
Тучка в сердце есть — исчезнет сразу тут!
Сорок тех подружек тоже хороши,
Будут угождать тебе от всей души...
Взяв своих махрамов, сын мой, поспеши —
Сам своей звезды счастливой не туши.
Ты не будь стыдлив и не ходи в тени,
Робость и смущенье от себя гони,

Только грубых слов, смотри, не пророни...
В бархатной юрте живет Байсары-бай,
В путь с приметой этой, Караджан, ступай.
Милая твоя — как месяц между звезд.
Будь и не заносчив и не слишком прост.
Главное — спеши, коня гони внахлест!
Холостых годов кончай сегодня пост!..

Караджан, выслушав слова матери, говорит ей:

— Мать! Странные ты слова сказала, ведь ты пока на узбечке только платок повязала. Прилично ли мне сразу же после этого являться прямо к невесте? Не унижу ли своей мужской чести? Не стану ль посмешищем в глазах людей?

А мать ему снова повторяет:

— Эй! Таков узбекский обычай, таково их правило. Неужели я бы сына своего ославила? Кто слишком смущается, тот жены лишается! — Сказала так старуха Сурхайль и пошла себе дальше.

А Караджан к джигитам своим обратился:

— Некоторые из вас по свету поездили, некоторые уже и невест заневестили, иные пожили своим домом, — быть может, и порядки узбекские вам знакомы? Стал я в узбекской семье женихом — надо мне явиться туда, да вот беда — не знаю, как там у них одевается жених. Может быть, кто-нибудь из вас научит меня?

Сказали Караджану джигиты его:

— Ха! В праздник и под праздник видали мы узбекского жениха. Великолепно он был одет, на голове носил он чалму. Женщины кричали ему: «Жених, жених!» — и от него деньги за это получали.

Слова эти услышав, Караджан по-узбекски нарядиться решил. Сбросил он свой калмыцкий тельпак, новую одежду надел, чалму на голову наворачивать стал — никак чалма нарядной, круглой не выходит, во все стороны торчит, совсем не так, как у узбеков получается. Никогда Караджан чалмы не носил, сноровки завязывать ее не было у него. Говорит Караджан:

— Э, никак по-узбекски красиво не получается!

— Мы сами снарядим вас, — сказали джигиты его.

Посадили они батыра Караджана на коня, девяностобатманский железный панцирь на него надели, взяли поводья четырнадцати коней, вместо кушака обмотали ими тугонатуго стан батыра и заставили Караджана сидеть в седле прямо-прямо. Высок и прям, как минарет самаркандский,

в окружении тринадцати махрамов своих направился Караджан-батыр к невесте.

Вышел в путь батыр Караджан,
Едет в степь Чилбир Караджан,
Тот жених, калмык-великан.
Всей дружиной своей окружен,
Материнским словом прельщен,
Размечтался о девушке он.
Холост он ходил и досуж,
Будет он красавице муж,
Зять узбека-бия к тому ж!
— Э, мой конь, тулпар, не ленись,
К Айна-колю птицей стремись,
Нежный ждет меня кипарис, —
Прозевать невесту могу! . . —
Конь его — тулпар удалой,
Скачет и фырчит на скаку —
Хочет угодить седоку.
А седок могучий такой,
Словно сокол сидит боевой;
Не выдав красавицы той,
Едет, обольщенный мечтой,
Скачет, нетерпеньем томим.
А махрамы — следом за ним.
Близок Айна-коль, далеко ль,
Жениху дорога долга,
Коль невеста ему дорога!
Вот и засинел Айна-коль,
Зелены его берега.
Едет Караджан, как дракон, —
Весь народ узбекский смущен:
«Кто таков, откуда к нам он?
Что за богатырь-великан! . .
Даже не видали таких! . .»
Ус калмыцкий гордо суча,
Лихо скакуна горяча,
Юрт как бы не видя простых,
Едет Караджан мимо них —
К бархатной юрте Байсары
Едет горделивый жених,
Подъезжает прямо к юрте,
Едут и махрамы к юрте.
Помня материнский завет,
Щурит он с задором глаза,

Что-то своим слугам шепча.
Алая на нем кармаза,
Равных ему, думает, нет! . .

А в юрте Барчин-анмча
Ничего не знает о нем,
Женихе самозванном своем. . .
Ждут четырнадцать конных мужчин.
Что же не выходит Барчин?
Нет же для обиды причин!
Девушки-узбечки стоят,
Но не принимают коней,
С праздным равнодушьем глядят,
Оказать почет не хотят. . .
Прибыл же он вовремя к ней,
Верного коня исхлестал,
С дальнего пути ведь устал!
Как же так встречать жениха?
Думой уязвлен Караджан:
Как бы тут не вышло греха!
Может быть, всё дело — обман.
Может быть, он вовсе не ждан?
Шутка — хоть и слишком плоха?
Можно ль положиться на мать?
Выпустить бы ей потроха!
Снилась ей, как видно, спюха!
Девушки смеются — ха, ха!
Голову он стал уж терять:
«Я повеселиться мечтал,
С баем породниться мечтал,
На Барчин жениться мечтал —
А своей невестой не ждан! . .»
Встречей озадачен такой,
Ведьмой одурачен такой,
Матерью своей озорной,
Повернул коня Караджан.

Отъехал Караджан и всё размышляет: «Наша невеста нас не видала, значит, и девушки не знали, что это мы». Так утешал он себя и долго еще разъезжал вокруг юрты Байсары. Очень измучился Караджан. Потом поехал он в глухое место, с коня сошел и махрамам своим так сказал:

— Развяжите меня. Совсем дышать не могу, туго слишком опоясали вы меня. Э, мать моя озорная обманула нас! Развязали его махрамы, на коня сел батыр и поехал

в пещеру к братьям-батырам. Въехал, с коня слез. Самый могучий из девяноста батыров, Кокальдаш-батыр, спрашивает:

— Откуда ты, Караджан, приехал?

Караджан отвечает:

— Приехали мы от узбекской девушки — невесты нашей. Хорошо мы с ней повеселились!

Кокальдаш-батыр разгневался:

— Ох, лучше бы ты в детстве подох! К какой такой невесте осмелился ты ездить? Ведь она — твоего старшего брата будущая жена, а он жив! Вот ты как блудлив!

Тут встал Кошкулак-батыр и тоже сказал:

— Ты зачем же лезешь к девушке этой, за которую я уже вношу калым? Становясь на пути старшим братьям своим, помрешь молодым!

Это сказав, уселись батыры, стали пить арак и другие напитки — пирушку устроили.

Сильно опьянев, Кокаман-батыр сел под утро на коня своего Кокдонана и один поехал на озеро охотиться. Около полудня, с охоты возвращаясь, проезжает он берегом озера.

А Барчин-ай со служанкой своей Суксур в это время сидела под навесом, на котором разложен был тутовый лист с шелкопрядами. Смотрят — едет калмык, под которым конь так и пляшет. Могуч калмык, прям, как минарет самаркандский.

— Э, какой калмык могучий и огромный! Как бы не увидал меня и тоже не стал кружиться тут! — так Барчин сказала и в юрту пошла. . .

Взгляд Кокамана-батыра упал на бедра Барчин. Он поводья натянул, повернул коня, про себя подумав:

«Подъеду-ка к этим девушкам. Баи эти — скотоводы, кумыса попрошу. Если кумыса дадут, значит, женюсь я на узбечке, а если дадут воду, значит, с пустыми руками уеду я. Попытаюсь — судьбу свою испытаю». К девушкам обратившись, сказал Кокаман:

— Алая на вас, узбечки, кармаза.

Разума лишат подобные глаза!

Есть у скотоводов много кумыса,

Кумыса охотно я бы напился! . .

Розы по весне румяно зацветут,

Соловьи, любовью пьяны, запоют.

Не по красоте ли гурий узнают?

Просит кумыса такой батыр, как я, —

Гурии ужель мне чашку не нальют?

Я богат, чалму из шелка я ношу.
Весь я пожелтел — так страстно я прошу.
Вашего отказа я ведь не снесу,
Чашу мне одну налейте кумысу!
Рвется в битву сам породистый тулпар.
В сердце хворь таю, от этой хвори — жар;
Лекари сказали — исцелит кумыс,
Слышал я, что пьют его и млад и стар.
Вы, узбечки, краше гурий родились,
Неужель не будет мне налит кумыс?
Просит вас такой известный пахлаван!
Я живу в пещерах, имя — Кокаман.
С озера я ехал, — дело дал мне хан, —
Вижу — скотоводов расположен стан;
Знаю, что богаты скотоводы все,
Знаю — пьют кумыс они, как воду, все.
Яркий на тебе, красавица, халат!
Если пить кумыс от хвори мне велят,
На тебя с мольбою направляю взгляд.
Можно ли такому беку отказать?
Если я тебя прошу о кумысе,
Дай хотя б немного в небольшой касе!
Можно ль быть скупую при твоей красе?
Пить кумыс велели знахари мне все:
Кумысом от хвори я освобожусь,
Потому тебя просить я не стыжусь.
Если дашь кумыс — как хочешь побожусь,
Что тебе, быть может, тоже пригожусь!..
Из-за кумыса весь день я тут кружусь!

Это услышав, так ответила Барчин Кокаману:

— Поля брани нет, где кровной нет вражды, —
Скакуна не гонят в битву без нужды:
Если в бег чрезмерный скакуна пустить,
Может он потом и вовсе не остыть...
Каждый у себя по-своему велик!
Уезжай, калмык, нет кумыса тебе!
На исходе лета, глупый ты калмык, —
Посуди, — откуда б он взялся тебе?
Слушай, что тебе скажу, калмык-мудрец:
Жеребят пустил под маток мой отец, —
Где же я теперь достану кумыса?
Кумыса теперь в помине даже нет!
Не настала осень — не поблекнет цвет.
Не люблю, калмык, бессмысленных бесед!

Бог ума не отнял у меня пока.
Кумыса не будет — вот и весь ответ!
Не встречала я упрямей дурака!
Вот уже сумбуль кончается у нас, —
В это время года кто кумыс видал?
Проезжай, калмык, чего ко мне пристал?
У других проси, а здесь ты опоздал.
Э, как много глупых слов ты наболтал!
Извелась я вся, с тобою говоря.
Проезжай, калмык, теряешь время зря!
Весело живу я у отца в дому,
Проезжай, не то пожалуюсь ему!
Говорить с тобой мне вовсе ни к чему.
И меня не мучь, и сам ты не томись —
Говорят тебе, что кончился кумыс!
Вот еще пристал, откуда ни возьмись! . .

Услыхав слова Барчин, такое слово ей в ответ сказал
Кокаман-батыр:

— В битвы я скакал на этом скакуне.
Сильную обиду причиняешь мне.
Малость хоть налей, пусть плещется на дне! . .
Я — батыр известный, унижаюсь так!
Я ведь не вино прошу и не арак,
Хоть в одну касу, прошу, налей кумыс!
Лекари мне все велели: «Пей кумыс».
Не груба моя и не зазорна речь, —
Надо же свое здоровье мне беречь!
Если в сердце боль, руке изменит меч,
Что батыру делать в пору грозных сеч?
Стыд батыру хворым в молодости слечь!
Можно ли подобной просьбой пренебречь?
Раз надежда есть кумысом хворь отвлечь,
Как меня надежды смеешь ты лишить?
Можешь ведь и ты кого-нибудь обжечь
Так, что боль его начнет нещадно печь, —
На смерть ты его решишься ли обречь! . .
Дай мне кумыса — лекарством обеспечь! . .
Я ведь знаю: ты — Байсары-бая дочь.
Кумыса не дав, меня ты гонишь прочь, —
Скупостью такой отца не опорочь. . .
Я как друг пришел — и всё же не жслан.
Знай, обида эта мне больнее ран. . .
Я на всё способен, гневом обуян!
Вы сюда пришли из чуждедальних стран;

Раз пришли — пришли, впустил вас Тайча-хан!
Я — батыр калмыцкий, имя — Кокаман,
Видишь, я какой могучий пахлаван!
Жертвою мне быть за твой чудесный стан!
Если кумыса прошу, не зван, не ждан,
Значит, вправду очень болен Кокаман!
Неужель не дашь больному кумыса?
Пусть хотя б одна неполная каса! ..
Если б кумыса сейчас я напился
Из твоих, узбечка, из волшебных рук,
Был бы исцелен я от сердечных мук...
Пусть как волк уеду, а не как лиса! ..
Ты не обижайся — я ведь не злодей.
Дай кумыс — и сердцем ты моим владей!
Не последний средь калмыцких я людей:
В полном богатырском круге состоя,
Между девяноста славных числюсь я.
Недругу любому голову снесу!
Дай мне кумысу, красавица моя,
Не уеду я, не выпив кумысу! ..

Услыхав от Кокамана эти слова, сказала Барчин при-
служнице своей Суксур:

— Этот калмык, провалиться ему, — откуда он только
взялся! — стоит да бахвалится, прося кумыса, на кумысе
счастье свое загадав. Налей-ка воды в касу — воду я ему
подам, охладит его вода, надежду на меня он оставит
тогда!

Суксур отошла в сторону, воды в чашу налила — при-
песла ее Барчин. Барчин протянула руку с чашей батыру
Кокаману. Увидел Кокаман-батыр, что в чаше вода, а не
кумыс, разозлился и хлестнул девушку своей камчой по
руке.

Испытав такую жестокость от батыра, расплакалась
Барчин и, плача, такое слово сказала:

— Да истают все нагорные снега!
Да сгниет в земле поганый труп врага!
Недругов моих, о боже, покарай,
Да погибнет он, чужой, немилый край!
Ты меня, безмозглый, слушать не хотел,
Ты хлестнуть меня осмелился камчой!
Горю моему где мера, где предел?
Беззащитны стали мы в стране чужой,
Родину покинув, терпим гнет большой.

По руке камчой меня калмык хлестнул,
Подло так меня пришьельством попрекнул,
Униженья шип ты в сердце мне воткнул!
Что теперь, бедняжка, в силах сделать я?
Чужестранка здесь и девушка ведь я!
Чтоб тебе, злосчастный, не было житья!
Чужестранка я, однако не раба!
Как земля чужая жестока, груба!
Плачу я, но, видно, такова судьба!
С родиной расставшись, горько слезы лью,
А кому поведать мне печаль свою!..

На эти слова Кокаман так ответил:

— Не возьму добром, так силою возьму,
Чистоты твоей не милуя, возьму!
Если хочешь знать — терплю я также боль:
В сердце Кокамана также есть мозоль.
Я просил тебя: лекарство дать изволь, —
Ты мне в рану сердца насыпаешь соль...
Кто вас призывал в калмыцкий Чилбир-чоль?
Сели со своим скотом на Айна-коль!
Очень ты, узбечка пришлая, горда!
Это наши травы, наша здесь вода!
Я своих батыров приведу сюда —
Будет, пастухи, вам черный день тогда!
Если мы на вас устроим аламан,
Вашу кровь прольем, изгоним в Туркестан,
А тебя захватит силой Кокаман!
Буду веселиться, буду — что ни ночь —
Я с тобой лежать, Байсары-бая дочь!..

Эти слова услышав, Ай-Барчин так ответила батыру Кокаману:

— Сам себя пустой надеждой не дурачь!
Поступай как знаешь, но потом не плачь.
Силой взять меня грозитесь, дураки?
Проезжайте дальше, руки коротки!
Много о себе, калмык беспутный, мнишь.
Думаешь, коль силой ты меня пленишь,
Не прискачет милый бек мой — Алпамыш?
Если же мои не сбудутся мечты,
По-мужски одевшись — в бой сама пойду!
Силу я в руке девической найду:
Будь вас сорок тысяч, будь вас тьма и тьма —

Всех, как одного, я перебую сама.
Истинно, как видно, ты сошел с ума!
Силою меня, проклятые, не взять!
Кто из вас дерзнет подобный вздор болтать,
Смерти болтуну тому не избежать.
Первым ты, глупец, лишишься головы!
Сделать я могу то самое, что вы.
Вот еще какие выискались львы!
Я — узбечка, имя Ай-Барчин ношу,
Я вас на кусочки, дерзких, искрошу.
Убирайся прочь, добром тебя прошу!
Гордую узбечку силой взять не льстись.
Поскорей своей дорогой воротись,
Девушкою быть убитым постыдись!
Преодо мной, калмык, напрасно не вертись!..

Такого крепкого разговора батыр Кокаман ни от кого еще не слышал. Повернув коня, в путь он пустился, и, обиды не стерпев, едет он — и от злобы, как медведь, ревет. К богатырям в дальние пещеры приехав, бросился он — со слезами на глазах — с коня наземь и, как ребенок, пред отцом заупрямившийся, громко плакать стал и дрыгать ногами.

Старший брат его Кокальдаш спрашивает:

— От кого ты обиду потерпел, пока я жив-здоров еще?

Страшен в гневе я, ты это знаешь, брат:
Рубит пополам верблюда мой булат!
За тебя готов я отомстить стократ.
Ни с каким врагом не убоюсь я встреч —
Шаху самому башку сверну я с плеч!
Если шах в твоей печали виноват,
Кровь его пролить я тоже буду рад.
Дочь его Тавка прекрасна, говорят,
Дочь его Тавку тебе отдам я, брат!
Если он такой насильник, Тайча-хан,
Черный напушу я на него туман.
Ты скажи мне правду, брат мой Кокаман!

Тогда Кокаман открыл свою тайну старшему брату Кокальдашу, объяснил свое огорчение, такое слово сказав:

— Жалобу мою позволь тебе излить.
Если, за меня желая отомстить,
Хочешь вскачь коня горячего пустить, —
Шаха Тайча-хана не за что хулить!
Что несчастен я — в том не его вина.

Хоть умру, а шаха дочь мне не нужна!
Девушкой-узбечкой был я оскорблен,
Ею нож разлуки в сердце мне вонзен:
Кокаман, твой младший брат, в нее влюблен —
Собственную кровью захлебнулся он!
Девушка она, а как была дерзка,
Говорила как со мною свысока!
Потому меня так обожгла тоска.
Потому медведем раненым взревел!

Услыхав эти слова, Кокальдаш-богатырь сказал:

— А, чтоб тебе молодым околеть, не за что тебя жалеть! Если ты при жизни старшего брата к его невесте суешься, едешь, куда не просят, то тебя поделом оскорбляют, как собаку, поносят!

В это время Караджан приехал:

— Ты что, Кокаман, к девушке таскаешься, с которой я как с невестой своей развлекаюсь? Смотри — раскаешься!

Тогда Кошкулак-батыр закричал:

— Так вы, оказывается, оба едите к девушке, которую я выбрал себе в жены, за которую уже приготовил калым! Как бы я головы не снес двум братьям своим!

Подошел батыр Коккашка и, Кокамана ударив, сказал:

— На этой девушке я обещал жениться, согласьем ее заручился. Если я первый с ней обручился, как смеете вы ездить к ней, к невесте моей?

Тут все батыры поднялись — и каждый свой кулак на Кокамане проверил, приговаривая:

— Так это ты, значит, красавицу узбечку в жены себе присмотрел, чтоб ты сгорел!

А Кокаман под ударами кулаков девяноста батыров лежал, как упавшая вершина горы.

Погорячились батыры — и успокоились. Кокальдаш сказал:

— Нехорошо нам заниматься такими раздорами. Вставай, Кокаман, не реви медведем. Если всем нам нравится узбечка-красавица, все вместе мы к ней поедem. Пусть или кто-нибудь из нас один в жены ее возьмет, или сообща женимся на ней, пусть всем нам женою будет!..

Собрались все батыры, сели на коней — поехали. Прибыли все девяноста батыров на место — окружили юрту Байсары. Самый могучий из них — Кокальдаш-батыр — позвал:

— Э, приезжий бай!

Сидел Байсары в юрте — сказал недовольно:

— Нет покоя ушам нашим. Ляббай! — и неохотно вышел навстречу.

Самый могучий батыр Кокальдаш сказал:

— Дочь у тебя есть, приезжий бай. Как хочешь поступи: одному из нас отдать ее предпочтешь или всем нам вместе? Нас не томи — решай как лучше? Одному или всем? Всем или одному дочь свою отдашь? Как решишь — так и быть тому! — так сказал Кокальдаш.

Не зная, что ответить, растерялся Байсары, сразу хорошего расположения духа лишился, задумался и сказал:

— Э, батыры! До завтрашнего полдника дайте мне срок. Поездите до завтра, позабавляйтесь, а мы подумаем.

Согласились батыры — назад поехали. По дороге подумали батыры: «Если спать ляжем все в одном месте, до рассвета будем спорить о невесте, болтать языками, пинать друг друга ногами. Один скажет: „Я возьму!“, другой скажет: „Нет, я возьму!“»

Предложил один из батыров:

— Разъедемся по десятку — будет больше порядку!

Другой говорит:

— Разъедемся по пятеркам!

Третий:

— По трое!

Четвертый:

— По двое!

А пятый батыр говорит:

— Если между двумя начнется раздор, кто их мирить будет, раздор улаживать? Более сильный более слабого удущит. Потому — разъедемся лучше по одному!

Эти слова все одобрили.

Подъехали батыры к Хагатанским горам — девяносто пещер в тех горах было, — каждый батыр в отдельную пещеру въехал и, от остальных обособленный, в пещере своей, как медведь, ревел до утра. . .

...Байсары между тем жирных баранов зарезал, созвал всех важных людей десятитысячеюртного конгратского племени, досыта их шурпой накормил, мясо выложил на большое деревянное блюдо и сказал:

— Прежняя наша жизнь лучше была, оказывается! С ужасным насильником дело иметь пришлось нам теперь, оказывается. Завтра батыры приедут, что мы им ответим?

К родичам обращаясь, стал снова Байсары-бий совета у них спрашивать, такое слово говоря:

— Там, где громкий вздох, там — ливень слез
из глаз!

Дочь-красавица на выданье у нас.
Родичи мои, совета жду от вас!
Съедутся батыры — с чем их встретить мне?
Срок до завтра дан — что им ответить мне?
Я взываю к вам, ко всей моей родне,
Трудно груз такой держать одной спине!
Как же я калмыкам дочь свою отдам?
За нее, бедняжку, будь я жертвой сам!
Если не отдам ее Хакиму я, —
Воскресенья мертвых неизбежен день, —
Схватит ведь меня за ворот дочь моя! ..
Силачи калмыки грозны, словно львы,
Им противостать я не могу, увы!
Завтра к полднику им нужно дать ответ, —
Родичи мои, какой же ваш совет?
Был на родине я человек большой,
Понял я теперь, что значит край чужой!
Беззащитным став, измучен я душой.
Завтра в полдень что скажу батырам я?! .
Родина моя оставлена теперь;
Жизнь моя судьбой раздавлена теперь;
Что ни ем, ни пью — отравлено теперь;
Будет дочь моя ославлена теперь;
Кара небосвода явлена теперь! ..
С вами я в родстве и дружбе много лет,
Радость мы делили, как и тягость бед.
Родичи мои, подайте мне совет,
Что калмыкам этим я скажу в ответ?

Так сказал Байсары, но никто в ответ ни слова не произнес. Встал тогда Яртыбай-полубай и такое слово сказал:

— Ты моим словам внимли, Байсары-бай:
Сам ты нас привел в проклятый этот край,
Значит, за свою ошибку пострадай —
Покорись — калмыкам дочь свою отдай!
Ты мои слова за шутку не считай:
Если нам батырам этим удружить,
Если породниться с нами разрешить,
Станем мы у них вполне привольно жить.
Смеем ли себя спасения лишить?
Если породниться с ними поспешим,
То не только мы расправы избежим, —
Станешь человеком ты у них большим.

Разве мы твоей судьбой не дорожим?
Ты отдашь им дочь свою, Барчин-аим,
И своих детей мы с ними породним;
Будут ездить к нам, мы будем ездить к ним.
Э, Байсары-бай, поверь словам моим —
Мы тогда вполне привольно заживем!
Вот какой совет мы все тебе даем.
Чтобы горько нам не каяться потом,
Зятем ты возьми того калмыка в дом.
Словом ты моим напрасно огорчен;
Мы у них в стране, — какой на них закон!
Видишь сам, что каждый их батыр — дракон.
Если тот батыр прискачет, раздражен,
Неужель тебе глаза не вырвет он?
Кто и чем тебе сумеет здесь помочь?
Так что покорись — отдай калмыку дочь!..

Эти слова от Яртыбая услышав, очень расстроился Байсары и такое слово сказал:

— В жалком брэнном теле как душа скорбит!
На чужбине я изведаль гнет и стыд.
Дочери моей забуду ль скорбный вид?
Э, плохой совет мне, Яртыбай, даешь!
Дочь моя — тебе ль не младшая сестра?
Кости ты мои швырнул в огонь костра,
Злее, чем калмыки, в душу мне плюешь...
Я в Конграте был первейший меж старшин,
Небосвод моих не пощадил седин,
На позор обрек он дочь мою, Барчин.
Сердце вниз упало на сорок аршин!
Слишком беспощаден ты, коварный рок!
Лучше в дни такие умереть не в срок!..
Так бы им сказать, но я не равен здесь,
Так бы поступить, но я бесправен здесь.
Помощи не вижу от своей родни.
Лучше бы не в срок я умер в эти дни!
Утром за ответом явятся они, —
Выбраться мне как из этой западни?
Дочь отдать нельзя, и отказать нельзя...
Не дают ответа родичи-друзья!

Желая узнать, какой совет дадут родичи ее отцу, Барчин подошла послушать. Услышав, что Яртыбай сказал, видя, что и другие все, на сходе сидящие, согласны с ним, Ай-Барчин, отца своего пожалев, сказала такое слово:

— Голову терять не надо, бай-отец!
Ведь за всех ответил Яртыбай-мудрец!
Родичей своих узнал ты наконец!
Ты их слов не слушай, даром слез не лей,
Ты себя, мой бедный дервиш, пожалей.
Сами пусть берут в зятя богатырей,
Собственных своих отдав им дочерей!
Горько так не плачь, отец любимый мой,
Знай, что я одна всех родичей храбрей!
Ты себе ступай, мой бай-отец, домой,
Мне позволь калмыкам отвечать самой.
За меня не бойся — я их не страшусь,
Слабой перед ними я не окажусь.
Праздничный наряд надену, причешусь...
Я поговорить с батырами гожусь!
Будет мой ответ на их слова толков.
Робким зайцем я не буду меж волков,
Проучу как надо дерзких дураков!
Ты не огорчайся, бай-отец, будь тверд,
Мной останешься доволен ты и горд...
От кого совета, бай-отец, ты ждешь?
Их ответ сердечный разве не хорош!
У таких вазиров что ты почерпнешь?
Э, не плачь, отец, как бедный дервиш, ты,
Знаю — за меня страданья терпишь ты!
Не горюй, ступай, мой бай-отец, домой,
Дома ты лицо свое от слез умой.
Дело разрешить ты мне позволь самой!
Разве я отца родного не люблю?
Старости твоей, поверь, не оскорблю,
Как мне жить прикажешь — так и поступлю.
Хватит у меня и силы и ума,
Чтоб ответ батырам я дала сама!..

Услыхав эти слова от Барчин, десяти тысячеюртный народ конгратский отстранился от нее.

— Э, она тоже своевольна, оказывается, чтоб ей молодой умереть! Слабый с сильным не связывается! Наговорит она батырам всякого вздора, начнется ссора, дойдет до вражды-раздора, из-за ее злосчастного нрава будет нам всем большая беда, растопчут они нас тогда! Если сама хочет им ответ давать, не боясь их мести, пусть отъедет от нас, пусть говорит с ними в безлюдном месте! — так сказали конгратцы.

Сняв юрту Барчин со становища десятитысячеюртного народа конгратского, люди ее отнесли — и поставили на вершине уединенного холма.

На этом холме со своими девушками стала жить Барчин, в стороне от всего племени. . .

С восходом солнца поднялись девьяноста батыров калмыцких, вышли из девьяноста пещер Хагатанских гор, сели на коней и к полудню прибыли к юрте Байсары.

— Ну-ка, приезжий бай, как ты там решаешь? Одному из нас отдаешь дочь или всем сообща? Если отдать решил одному, то — кому?

Байсары говорит:

— Посовещались мы, подумали — года пересчитали. Вышел год нашей дочери годом мыши. Ей четырнадцать лет. По нашему узбекскому закону так ведется: если достигла девушка четырнадцати лет — зрелости своей рубежа, — сама она себе госпожа. Ее воля — в ее руке. Нашего совета не уважив, отделилась от нас наша дочь, удалилась прочь, юрту свою поставила на вершине того холма. Поезжайте к ней, пускай вам отвечает сама. Сама вам скажет — нам руки развяжет.

Во весь опор поскакали калмыки к тому холму.

На дыбы взвивая коней,
В путь они пускаются к ней.
Каждый мнит, что всех он сильней,
Что он краше всех и стройней,
Что его, мол, дело верней!
Пляшут кони, крупом вертя.
Скачут женихи-удальцы,
Скачут они, шутки шутя,
Ус калмыцкий лихо крутя,
«Спесь мы ей собьем! — говоря. —
Мы ее возьмем!» — говоря.
Сто без десяти женихов
Едут, об одном говоря:
«Раз она согласие дает,
Пусть уже сама изберет,
Кто из нас в мужья подойдет.
Если же не сможет решить —
Будем сообща с нею жить! . . .»
Всем им дорога Ай-Барчин:
Зубы — жемчуга у Барчин,
Юная сайга Ай-Барчин,
Полумесяц — серьга у Барчин.

Ликом — полнолуния нежней,
Станом — кипариса стройней,
А глаза — газельи у ней! ..
На холме веселье у ней:
С нею для забав и услуг
Сорок неразлучных подруг —
Дружен их девический круг,
Сладок их привольный досуг.
Розами цветут на холме,
Соловьями поют на холме
При своей Барчин-госпоже.
Рядом с Ай-Барчин Ай-Суксур...
Так они сидят-говорят,
На дорогу падает взгляд, —
По дороге кони пылят.
«Едут калмыки к нам, беда!»
Девушки растеряны все,
Ай-Барчин — нема и слепа.
Конников всё ближе толпа.
В девушке уверены все,
Свататься намерены все.
— Вот как смущена! — говорят. —
Значит, рада она! — говорят. —
Выбор остановит на ком? —
Каждый от нее без ума,
Каждый из батыров тайком
Видит себя в счастье таком.
Пусть она решает сама!
А Барчин, слепа и нема,
Пред юртою сидя, молчит,
Словно их не видя, молчит...
Щуря молодечески глаз,
Статью богатырской хвалясь,
Сто без десяти женихов
Езят перед ней напоказ,
Езят, скалят зубы они...
Что узбечке их удалство,
Их насильное сватовство, —
Всё равно ей не любви они:
Неотесаны, грубы они!
Попусту шатаются тут,
От нее решения ждут,
Сердца Барчин-ай не поймут,
Бедного сердечка Барчин!
А она, тут сидя, молчит,

Словно их не видя — молчит,
Гордая узбечка Барчин...

До полудня, чванно в седлах покачиваясь, проезжали перед Барчин калмыцкие батыры — красовались перед нею, думая: «От нее самой слово изойдет».

Много раз так проехавшись мимо нее, словно на смотру перед скачками, самый сильный из девяноста батыров — Кокальдаш-батыр — сказал ей:

— Уж не думаешь ли ты в дураках нас оставить? Или так и будем тут разъезжать до вечерней зари? Отвечай: за одного из нас выйдешь или за всех?

Эти слова услыхав, сказала Барчин такое слово:

— Вот что вам сказать хотят мои уста:
Силой взять меня — напрасная мечта.
Поскорей в свои вернулись бы места.
Силой взять меня, э, руки коротки!
Ехали б свой дорогой, дураки!
Силой захотели взять Барчин-аим?
Мой совет — езжайте вы путем своим!
Не для вас расцвел такой, как я, тюльпан!
Я обручена — и мне другой желан:
Милый мой в стране Байсун-Конграт — султан,
Имя — Хаким-бек, он тоже пахлаван!
В богатырстве носит имя Алпамыш.
Силой взять меня, э, руки коротки!
Ехали б своей дорогой, дураки!
Вертитесь напрасно предо мною здесь.
Разве к Алпамышу не домчится весть?
Разве на коня он побойтся сесть?
Светопреставленьем будет его месть,
Никому из вас голов тогда не снести!
Незачем ко мне с бахвальством дерзким лезть!
Ехали б назад, покуда кони есть!
Коль хотите знать — я в силе вам равна.
Только никому из вас я не жена!
Кружитесь вы тут, как вороны, глупцы, —
Прочь на все четыре стороны, глупцы!..

Тогда Кокальдаш-батыр сказал:

— Узбекская девушка очень горда! Э, Кокаман, сойди-ка со своего коня, притащи узбечку сюда!

Кокаман с коня спешил, привязал его к юрте, вошел в нее вслед за Барчин. Девушки ее — служанки, перепуган-

ные, сбились все в переднем углу. Смущенная Барчин, тревогу скрывая, смотрела в сторону. Кокаман-батыр схватил ее за косы — и к порогу потащил. Барчин неожиданно лицом повернулась к насильнику и вытянула обе руки: одной рукой за ворот схватила она Кокамана, другой — за кушак его уцепилась и во мгновение огромного батыра на воздух подняла и навзничь на землю бросила, левым коленом своим сразу на грудь ему став. Лежит Кокаман, девичьим коленом к земле придавленный, а изо рта и из носа у него — прыск-прыск — кровь так и течет! А Кокальдаш тем временем к остальным батырам обращается:

— Что там с Кокаманом, посмотрите! Давно бы ему выйти пора!

Подъехал один из батыров, с коня не слезая, в юрту заглянул, увидел, в каком положении Кокаман.

— Узбечка задавила Кокамана! — крикнул он в ужасе.

Восемьдесят девять батыров сразу с коней пососкакивали. Барчин увидала, что они, рассвирепев, все к юрте бросились. Узнала она самого сильного из них — Кокальдаша: был под ним буланный иноходец, а на голове носил он золотую джигу — знак своего старшинства батырского.

Золотую джигу на нем увидав, узнав, что он самый могучий батыр калмыцкий, такое слово всем батырам сказала Барчин:

— Ярко-бирюзовый мой халат на мне!
Можно ль не болеть душой в чужой стране?
На коне буланом, с золотой джигой,
Скачет мой желанный, бек мой дорогой.
Месяцев на шесть прошу отсрочку дать:
Растерялась я, сгорая от стыда.
К вам меня, калмыки, привела беда!
Я здесь — чужестранка, вы здесь — господа,
Месяцев на шесть прошу отсрочку дать:
Стану я с народом дело обсуждать,
На дорогу глядя, суженого ждать, —
Может быть, приедет милый Алпамыш.
Неприезд его смогу судьбой считать,
Одному из вас женой смогу я стать.
Месяцев на шесть прошу отсрочку дать!
Яблочком сушеным стала с виду я,
Слово говорю вам не в обиду я:
Сколько вас, батыров? Сто без десяти!
Я — в неволе здесь, вы у себя — в чести,
В этом положенье как себя вести?

Кто могуч, тот может слабого спасти.
Ведь не год прошу, а месяцев шести!
Каждому из вас я говорю: «Прости!..» —
Думают батыры: «Хороши слова!..»
Камень отвалили с их души слова.
Так их завлекла узбечка в свой силок —
Туго затянула хитрый узелок.
Говорят батыры. — Срок не так далек!..
Кто таким глазам противиться бы мог?!

Кокальдаш-батыр подумал:

«Из всех нас она, кажется, одного меня полюбила.
Должно быть, сразу угадала мощь мою!»

— Даем шесть месяцев срока! — сказал он.

Не смея возражать, и остальные батыры тоже сказали:

— Шесть месяцев срока даем!

Только теперь Барчин отпустила Кокамана. Он тоже,
с земли поднявшись, сказал:

— Шесть месяцев срока! — сел на коня и со всеми батырами уехал...

На шесть месяцев пришлось батырам назад повернуть.
Едут они — весело дорогой разговор ведут. Некоторые над
Кокаманом подшучивают:

— Ну что, Кокаман? Если мы тебе узбечку эту уступим по нашей воле, возьмешь ее, что ли? Что ж, своим домом с нею заживешь. Боимся только, что не в свой срок ты умрешь, наслаждаясь ее любовью: случится как-нибудь, придавит она тебе левым коленом грудь, изо рта да из носу кровь как хлынет — изойдешь кровью, — смерть вторично тебя не минет!

А Кокаман в ответ:

— Вижу я, батыры-удальцы, истинные вы глупцы!
Кого же из вас я хуже? И я ношу панцирь в девяносто батманов, и я съедаю мяса девяносто жирных баранов, и я девяносто золотых туманов получаю от хана, и у меня сорок девушек в услуге, и я — один из девяноста в батырском полном круге... А у этой красавицы узбечки — все одни и те же словечки: что ни слово, то про милого снова:

«Есть бесценный дар у меня —
Алпамыш, мой яр, у меня,
Доблестный кайсар у меня,
В караване — нар у меня,
Даже и зимой возбужден,
Страстью круглый год опьянен,

Страшен всем соперникам он.
К милой чуть его повлекло —
Головой разносит седло, —
Будет вам жестокая месть!
Там, на родине, нар этот есть,
Алпамыш мой, кайсар этот есть!»

— Однако то, что у нее на родине такой могучий нар есть, — это правда. Если мы будем всё так же к ней приставать, если не остынет нашей страсти пыл, приедет этот ее конгратский нар, падет на наши головы его удар. Тогда за тысячу теньга мы купим мышиную норку, как говорит наша поговорка. По мне — пропади этот шестимесячный срок, не пойдет нам женитьба эта впрок. Откажемся раз навсегда от этой спесивой узбечки, забудем даже ее узбекское имя! Так я думаю, — закончил Кокаман.

Посмеялись батыры, поехали дальше к жилищу своему — в пещеры калмыцкие.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Из десяти тысяч юрт своего племени выбрала Барчин десять джигитов-гонцов, из многочисленных коней, пашихся на девяноста пастбищах, выбрала она десять коней, снарядила их и такое письмо написала Алпамышу: «Барчин твоя, прибывшая в страну калмыцкую, которая находится на расстоянии шестимесячного пути от родного Конграта, очутилась в руках сильного врага. Девяносто батыров калмыцких замуж меня взять хотят, угрожают мне. Удалось мне отсрочку получить от них на шесть месяцев. Если имеет еще Алпамыш надежды на меня, пусть не мешкая приезжает за мной, а если нет — пусть развод пришлет, чтобы знала я, как судьбой своей распорядиться».

Вручила она послание свое десяти джигитам, счастливого пути пожелала им, такое слово сказав:

— Полная луна сиянье льет вокруг.
Лучник в бой берет свой самый лучший лук...
Чужедальний край — земля горчайших мук.
Выручить Барчин придет далекий друг...
Я желаю вам в пути не ведать бед,
Родине прошу мой передать привет,

Коккамышским водам, всем родным местам,
Нашему народу, что остался там,
И привет особый другу школьных лет!
Скажете: такой красавице, как я,
Вовсе от калмыков больше нет житья, —
Плачет и горюет Барчин-ай твоя!
Вас, мои гонцы, прошу я об одном:
День и ночь скача, быть дальше с каждым днем.
Да хранят чильтаны вас в пути степном!
Провожая вас, я слезы ливнем лью,
На чужбине злой, в посыллом мне краю,
Блиzkих вспоминая, всю родню свою,
Что живет в краю Байсунском, как в раю.
Одиноко я меж недругов живу,
Друга нет — кого на помощь призову?
Голову теряю, мучаюсь одна,
Тяжкий гнет калмыцкий я сносить должна,
На полгода лишь отсрочка мне дана.
Участь Ай-Барчин поистине страшна!..
По пути к родной Байсунской стороне
День и ночь скакать вы обещайте мне.
Всем большим и малым, всей моей родне
Скажете, как тяжело на чужбине мне.
Дяде Байбури доставьте эту весть:
Стать женой калмыку мне угроза есть,
Не хочу в плену безвременно отцвесть!
Плачет мать моя — ей утешенья нет,
У отца в очах померк от горя свет,
Да простятся мне ошибки юных лет!
Мчитесь же, мои послы, в родной Конграт,
Выручить меня народ мой будет рад, —
Там друзья мои, сестра моя и брат.
Поспешите же, гонцы, в Конграт родной,
Чтобы сбылось всё, замышленное мной!..

От Барчин письмо захватив,
На коней горячих вскочив,
Густо пыль дороги всклубив,
Скакунов своих горяча,
Их сплеча камчами хлеща,
Гикая на них и крича,
Десятеро тех смельчаков
Едут из калмыцкой страны.
Скачут их тулпары, фырча,
Радуя сердца седоков,

Держат путь джигиты в Конграт.
Рвением посольским горят,
Скачут дни и ночи подряд, —
Так между собой говорят:
— Надо, — говорят, — поспешить!
Головы хотя бы сложить,
Службу Ай-Барчин сослужить! —
У кого за близких печаль,
Близкою становится даль...
В край Конгратский скачут послы, —
А пути в Конграт тяжелы:
Горные крутые узлы,
Тропки — еле-еле пройти,
Страшные ущелья в пути.
Сколько гор могучих прошли,
Через сколько круч перешли,
По пескам сыпучим прошли!
То в горах застигнет зима,
То в пустыне накроет тьма.
Сколько раз теряли тропу,
Сколько раз лишались ума!
Время стужи есть и жары,
И дурной, и доброй поры,
Звезды путеводные есть,
В реках веселятся бобры,
Травы у подножья горы.
День и ночь, всё так же храбры,
Держат путь послы Ай-Барчин.
Кони под гонцами бодры.
Зноем обжигало в степях,
Мерзли, как шакалы, в степях.
Нет степям длины-ширины,
Горные ущелья страшны.
Мчатся днем и ночью гонцы,
От дорожной пыли черны...

Девяносто высится гор,
Перевалы — небу в упор.
Многие уже позади,
Много еще есть впереди.
Горы-великаны пройди,
Все пески-барханы пройди,
Край конгратского хана найди!
Стало не под силу коням.
Счет ночам потерян и дням,

Держат путь гонцы, говоря:
— Время ли для отдыха нам?
В срок нам не поспеть, — говорят, —
Пропадет бедняжка Барчин!
За нее ль болеть? — говорят. —
Иль коней жалеть? — говорят. —
Будем же и впредь, — говорят, —
День и ночь лететь! — говорят. —
Родину и родичей нам
Надо посмотреть, — говорят, —
Бека не выдавши лица,
Шаха не выдавши, отца,
От Барчин не сдав письмеца,
Как мы ей в глаза поглядим? ..
Слезы Барчин-гуль горячи,
Если мы помочь ей хотим,
Значит, дни и ночи скачи,
Только помощь в срок получи! ..

Держат путь гонцы-байбачи,
Хлещут бедных коней камчи.
От страны калмыцкой в Конграт
Путь полугодовой, говорят.
Где родной страны камыши?
Близко, далеко ли, — спеши!
Едут по безводной глуши,
А на всем пути — ни души. . .
«Только бы примет не забыть,
Только бы нам к месту прибыть —
Сможем и коней подкрепить
И себе подарки добыть!»
Держат путь гонцы-храбрецы
И такой ведут разговор.
Видит неожиданно взор
Воды камышовых озер!
Дали тут коням отдохнуть,
Сами захотели вздремнуть.
Освежились дремой чуть-чуть,
Надо им почистить коней,
На конях подпруги стянуть,
В седла сесть — и двинуться в путь!

Не шадя коней скаковых,
Снова хлещут плетками их,
Скачут дальше, мчатся как вихрь

Десять байбачей верховых.
Так они держали свой путь...
За Барчин душою скорбя,
Скачут, пыль клубами клубя, —
Надо доскакать как-нибудь!
В седлах им сидеть всё трудней,
На исходе силы коней.
Где страна их цели — Конграт?
Ничего не слышно о ней!
Путь гонцы держали к ней так.
Ехали горой Алатаг,
Глянули — под ними Конграт.
Вот она, земля их отцов!
Радость обуяла гонцов:
В девяносто дней, посмотри,
Прибыли в страну Байбури!

За девяносто дней и ночей шестимесячный путь про-
скакав, отощали кони их — поджарыми стали, подобно
степным лисицам.

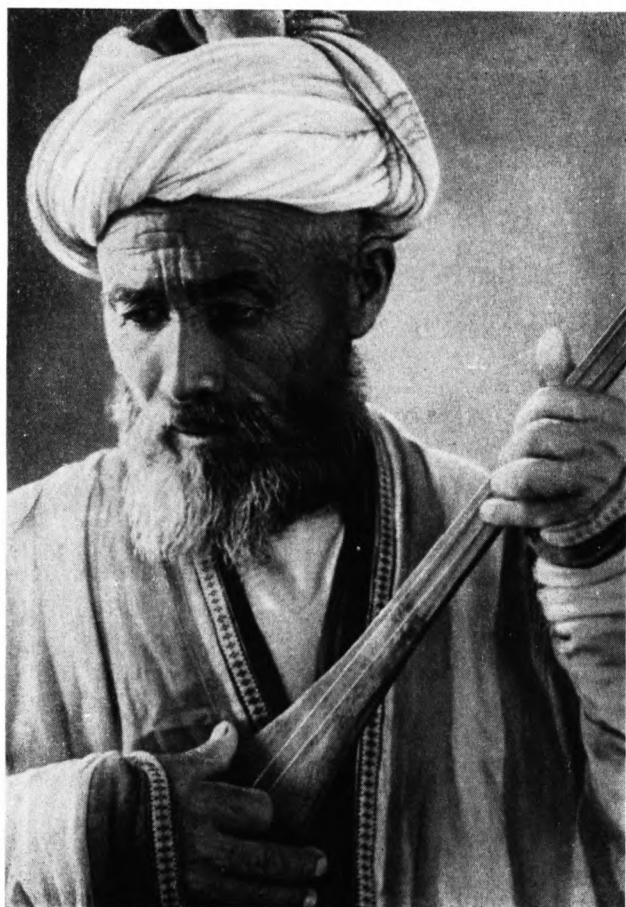
Подъехали гонцы к дому Байбури, с коней не слезая,
«салам» сказали. Байбури подумал: «Кто такие невежи
эти?»

Извлекли гонцы спрятанное послание Барчин, вручили
его старому бию. Прочел Байбури письмо племянницы
своей, приказал слугам снять каждого гонца с коня, вся-
кие почести оказать им, заботливо прислуживать им, бо-
гатое угощение подать. Послание же, гонцами привезен-
ное, спрятал Байбури в ларец, слова никому о нем не
сказав.

Пробыли гонцы в гостях у него целых двадцать дней,
почет им всё время оказывался, хорошо всё время поили-
кормили их, только со двора гостевого никуда не выпуска-
ли их и к ним никого не допускали, кроме приставленных
слуг.

Стали гонцы в обратный путь собираться — одарил их
Байбури золотом, доброго пути пожелал им и такое слово
сказал:

— Слушайте, гонцы, о чем я вопию:
Сына, что принес мне свет в юрту мою,
Посылать не стану ради Барчин-ай
В дальний тот, чужой, недружелюбный край,
Чтоб из-за Барчин во вражеском краю
Голову сложил в неравном он бою.

Верю вам, гонцы, калмыцкий гнет жесток,
Только сын мне дорог, нежный мой росток,
Он, как вам известно, у меня один, —
Не пошлю я сына ради Ай-Барчин! ..
На майдане скачет конь коню в обгон,
Обогнавший всех — попоной награжден.
Хватит Алпамышу и в Конграте жен!
Слушайте, гонцы, вам надо уезжать.
Хоть и не хочу вас этим обижать, —
Языки прошу на привязи держать,
Чтобы Алпамыш, храни Аллах его,
Знать о вас не знал, не слышал ничего!
Ночью уезжайте с места моего,
И никто чтоб вас не слышал, не видал,
Алпамышу бы о вас не наболтал,
Чтобы он в поход коня не оседлал,
Враг не ликовал бы, друг бы не рыдал,
Чтобы хан конгратский жертвою не стал!
О невесте спорной сын мой не мечтал.
Ну, гонцы, в дорогу! Я ответ вам дал!
Если же о вас дойдет до сына весть,
Я вас догоню и окажу вам честь:
У меня в Конграте виселицы есть!
Помните, гонцы, я вас предупреждал!

Услыхав эти слова, пообещали гонцы никому о цели приезда своего и словом не обмолвиться, так между собой порешив: «Как хочет, так пусть и поступает, нам-то что за дело? Мы свою службу выполнили, письмо доставили». С этим и уехали они обратно в страну калмыков..

Был у Байбури табунщик-раб, Култай было имя ему. Была у него в табунах кобыла сивой масти, числилась она в доле наследства Алпамыша. Родила сивая кобыла чубарого жеребчика. Посмотрел на него Култай — решил: «Жеребчик этот тулпаром будет!» — и отвел его к Байбури. Простоял жеребчик несколько лет на откорме. К тому времени, когда гонцы Барчин обратно уехали, круп у коня округлился, грива через уши перекинулась, резвился чубарый конек, глаза в небо закатывая. Было это через несколько дней после отъезда гонцов, — посмотрел Байбури на жеребчика, подумал: «Не нравится мне игра этого конька негодного — недоброе предвещает она». Ударил старик чубарого палкой по крупу, вывел из стойла, привел к пастуху Култаю, приказал пустить его к прочим коням в табун — и вернулся к себе..

Сестра Алпамыша Калдыргач-аим, зайдя однажды с подружками своими в юрту отца своего, ларец отцовский открыла, вещи разные перебирать в нем стала, видит — письмо какое-то лежит. Взяла она это письмо, прочла — письмом Барчин оказалось оно. Подумала она: «Видимо, письмо это гостившие у нас гонцы привезли; видимо, не хотел отец помочь бедняжке Ай-Барчин, потому и спрятал письмо в ларец». Сказала она девушкам своим: «Пойдемте-ка к брату-беку моему, отдадим ему письмо, испытаем его, каков он есть». Отправились они к Алпамышу.

Исполнилось в ту пору Хакиму-Алпамышу четырнадцать лет, был он как нар молодой, силой своей опьяненный. Прочел письмо Алпамыш, сел, про себя думает:

«Если она на расстоянии шестимесячного пути находится в руках у сильных врагов, стоит ли мне жизнью своей пожертвовать ради того только, чтобы жену себе взять?»

Поняла Калдыргач думу его, говорит ему такое слово:

— Вот мои подружки в радости, в нужде,
С ними неразлучна я всегда, везде.
Брат мой дорогой, мне стыдно за тебя:
Дяди-бия дочь кудрявая — в беде!
Лучник в бой берет свой самый лучший лук,
Человеку в горе утешенье — друг.
Темной ночью светел полнолуныя круг.
Дальняя чужбина — край обид и мук,
Наша Барчин-ай в беду попала вдруг!
Может ли джигит любимую забыть,
Недругам свою невесту уступить?
Может ли Барчин не удрученной быть?
Бедная моя сестра Барчин-аим!
Вся ее надежда на тебя, Хаким.
Думает: «Примчится тот, кто мной любим».
Думает: «Отмстит насильникам моим!»
Сжалились, однако, подлые над ней —
Подождать полгода разрешили ей.
Написав письмо, нашла она друзей —
Десять молодых прислала байбачей, —
Пишет: ожидает помощи твоей,
Выручай, мол, если ты, любимый, жив.
Пишет, всё письмо слезами омочив.
Прибыли гонцы, письмо отцу вручив,
Принял их отец, дарами наградив,
Но молчать велел им, петлей пригрозив.

А письмо Барчин в свой кованный ларец
Спрятал, не сказав ни слова нам, отец,
Дядиной вины он не простил, гордец!
Я письмо Барчин в ларце отца нашла,
Крик души бедняжки я в слезах прочла —
И тебе письмо сестрицы принесла.
От калмыков нет покоя Барчин-ай!
Слов моих в обиду, брат, не принимай,
Всё, что должен знать об этом деле, — знай.
На запрет отца ссылаясь, не вилай,
Евнухом себя считать не заставляй:
Ехать иль не ехать — ты не размышляй,
Собирайся в путь, в калмыцкий дальний край.
Суженой своей навек не потеряй!
Если не поедешь — на тебе вина:
Что она, бедняжка, сделает одна?
У калмыков стать наложницей должна!
Девяти десяткам общая жена!
Ведь не зря она прислала байбачей,
Не письмо писала — слез лила ручей.
Ты ее надежда, свет ее очей, —
Поезжай, да будет к счастью твой отъезд!
Посрамишь в бою калмыцких силачей.
Храбрые джигиты так берут невест!..

Услышав такое слово, обиделся Хаким-бек за кличку «евнух» — и, к девушкам обращаясь, так говорит:

— Всех шипов страданий в сердце не сочтешь,
Истерзал мне грудь разлуки острый нож.
Эту кличку «евнух» объяснить прошу.
Шахский сын, чалму из шелка я ношу!
Тайну сна ночного днем я разрешу,
Но огня тоски в душе не погашу, —
Эту кличку «евнух» объяснить прошу.
Девушки, с моей пришедшие сестрой,
Весело жужжа, как пчел весенний рой,
Вы меня задели кличкой такой.
Стыдной клички «евнух» тайну мне открой,
Милая моя сестрица Калдыргач!
Грудь мою обиды разрывает плач,
Стыд мой перед вами, девушки, горяч.
Очень я обижен, хоть и не пойму,
Евнухом я вами назван почему.

На эти слова Калдыргач-аим так брату своему отвс-
тила:

— Где такого бека-пентюха найдешь:
То ль мужчина он, то ль баба — не поймешь.
Евнух — это тот, кто на тебя похож! . .
Схватки никогда с врагом не знавший — кто?
В табуне коня не отобравший — кто?
Сбрую скакуну не пригонявший — кто?
Скакуна в походы не седлавший — кто?
На кушак булат не нацеплявший — кто?
И чужой дороги не топтавший — кто?
И своей страны не повидавший — кто?
На одном всегда сидящий месте — кто?
Не скакавший в час беды к невесте — кто?
Равнодушный к жениховской чести — кто?
Это — евнух есть, и хуже есть ли кто?!
Ты не обижайся, я тебе сестра
И тебе желаю счастья и добра.
Срок уж на исходе, поспешить пора!
Не спася Барчин, как сможешь сам ты жить?
Дважды не умрешь, а Барчин-ай в беде
Руки на себя ведь может наложить!
Или ей врагам наложницею стать?
Поезжай немедля, чтоб не опоздать,
Чтобы за насилье недругам воздать! . .
Было тяжело мне письмо Барчин читать.
Может ли она беде противостать?
Пишет: каждый день повадятся гнать коней,
Из пещер своих все скопом ездят к ней
Сто без десяти незваных женихов,
Силою грозя в пещеры увезти.
Бедненькая, просит выручить, спасти,
Ведь она — одна, их — сто без десяти!
Станешь ли, боясь далекого пути,
Размышлять, мой брат, идти иль не идти?
Горьких слов моих обидой не сочти,
Родичей несчастных наших навести,
Выручи Барчин, калмыкам отомсти.
Надо ехать, значит — собирайся в путь,
Жалким евнухом, Хаким-ака, не будь!

Услышав эти слова, говорит Алпамыш сестре:
— Пешком, что ли, идти в эту страну?
Отвечает ему Калдыргач-аим:

— На девяноста пастбищах кони наши пасутся, неужели же ни одного такого, чтоб оседлать можно было, не найдешь среди них? Если возьмешь седло и сбрую для коня и к Култаю в табуны отправишься, ты сможешь в путь поехать, оседлав любого понравившегося коня.

— Ну, хорошо! — сказал ей Алпамыш.

Собрала Калдыргач-аим седло, сбрую, шлем, щит, оружие и прочие доспехи, связала всё вместе, нагрузила на Хакима — послала его к Култаю. Встречает он по дороге отца, с охоты ехавшего. Посмотрел Байбури на сына с подозрением и говорит ему:

— Да не сякнет ключ твоих речей, сынок!
Порази всех вражьих силачей, сынок!
Добрый путь тебе, куда бы ты ни шел,
Радость сердца, свет моих очей, сынок!
Взяв припасы, взяв оружие, — без коня,
Сбруей да седлом себя обременя,
Ты куда идешь, скажи — утешь меня!
Иль узнал худое от кого-нибудь?
Или на охоту едешь ты, Хаким?
Иль, ягненок мой, собрался в дальний путь?
Ты куда идешь, скажи — утешь меня!
Стан твой кушаком украшен золотым,
Шалости прощают людям молодым,
Но убьешь меня отъездом ты своим, —
Да развеется отцовский страх, как дым!
Путь куда ты держишь? Успокой меня!
Э, сынок, не будь к словам отца глухим:
Ты себя поступком не губи таким, —
Одарю тебя конем я выездным!
Ты скажи, в какой собрался край, сынок?
Знаю, что вернешься, глаз моих зрачок,
Но боюсь, в дороге б ты не изнемог:
Тяжело в пустыне. Если путь далек,
Как ты в путь такой поедешь, одиноком?
Ты куда идешь, очей моих зрачок?

Услыхав такие слова отца своего, говорит Хаким:

— Э, умереть бы вам раньше, чем налог с брата вашего требовать!.. — Дерзко так сказав, отправился он своим путем.

Посмотрел ему вслед Байбури, подумал: «Умереть бы ему в младенчестве, — кто-то уже сказал ему!»

Поспешил Байбури домой. Приехал, смотрит — ларец отперт, письма того нет в ларце.

Снова сел он на коня и, по низинам скрываясь, поехал к пастуху Култаю, Алпамыша опередил. Догадался Байбури, что Алпамыш тоже сюда направляется, — кто-то, наверно, из той чужой страны прибывший весть ему сообщил.

«Плохо дело, — подумал Байбури. — Правда, очень сильным стал Алпамыш, но, как ни силен, грозного крика испугается, а крика не побоятся — и палкой побить можно». Приказал Байбури Култаю:

— Если явится он к тебе, изругай его, коня ни за что не давай, избежь его хорошо палкой и прогони.

Сказал Култай:

— Если от тебя приказа не будет, неужели дам коня Алпамышу?

Предупредив Култая, уехал Байбури.

Ничего об этом не зная, приходит следом за отцом Алпамыш. Приблизился он к Култаю, а Култай, укрук взяв и замахнувшись на Алпамыша, всячески его ругая, так кричит:

— Ты какой прельстился страной,
Э, стервец-батыр озорной?
Дело ты имеешь со мной!
Для чего приплелся ты к нам?
Что шатаешься по табунам?
Что приглядываешься к коням?
Никакого коня я не дам!
Выдумал — в чужую страну!
Прочь! Не дам коня сосуну!
Прочь! Не лезь к моему табуну!
Говорю — убирайся! Ну!
Ты здесь не хозяин, стервец!
Байбури ведь жив, твой отец!
Я тебе скакуна отберу!
Уши стервцу отдеру!
В странствия пуститься решил?
Бог тебя рассудка лишил!
Палки ты моей не вкусил?
Молод еще, дома сиди!
Прочь, стервец, меня не серди!
Я с тобой не шутки шучу,
Разуму тебя я учу.
Встретишься в пути силачу,
Кончит он тебя, байбачу!..

Алпамыш, выслушав слова Култая, так ему ответил:

— Тайну вам открою, дед Култай-ворчун:
Не для баловства явился я в табун,
Нужен неотложно мне один скакун!
Вы не беспокойтесь: я годами юн,
Но не страшен мне силач-батыр чужой,
Наделен и сам я силою большой!
Есть в стране калмыцкой девушка одна,
От калмыков терпит сильный гнет она!
Преданный твой сын, мой добрый дед Култай,
Выехать собрался в тот калмыцкий край,
Привезти свою подругу Барчин-ай.
Окажи мне помощь — скакуна мне дай!
Я освобожу свою Барчин-ай,
Расспрошу родню, как там живет им, —
Может быть, вернуться думают к своим.
Помоги мне, дед, поехать в ту страну!
Я врагам-калмыкам головы сверну,
Дяди-бия-дочь от них освобожу,
Всем откочевавшим помощь окажу
И тогда вернусь к родному рубежу.
Вот зачем я здесь у табуна брожу,
У тебя, Култай, коня себе прошу. . .
Знаю, дед Култай, что любишь ты меня:
Не гони меня — и подбери коня.
Ждать ни одного теперь не смею дня.
Счастью моему не будь помехой, дед!
Буду я тебе всегда утехой, дед!
Не для озорства, не ради смеха, дед, —
Милую спасать мне надо ехать, дед!

Култай на это говорит ему такое слово:

— Что же ты, стервец, опять сюда пришел?
Или деда речь ты мирной шуткой счел?
Что ты здесь оставил, чтоб ты смерть нашел!
Иль шайтан тебя с пути прямого свел?
Иль совет в пути коварный получил?
Или палкой я тебя не доучил? . . . —
Так на Алпамыша дед Култай орет,
В руки палку он тяжелую берет,
Замахнулся. — Ну, проваливай, урод! —
Алпамыш стоит, песку набравши в рот,
Он оцепенел, а дед идет вперед,

Подошел — и палкой, не шутя, хватил,
Три-четыре раза палкой угостил.
Бека Алпамыша дед поколотил —
Палкою батыра к жизни возвратил,
Бека не на шутку этим рассердил.
Алпамыш поклажу наземь положил,
Деда вновь к себе поближе подпустил,
За кушак его как следует схватил.
Дед Култай от страха всех лишился чувств,
В ребрах у Култая раздается хруст.
Осень подошла — цветник увядший пуст,
И ворона сядет на розовый куст.
Палка совершила, видно, чудеса!
За кушак Култая Алпамыш взялся,
Поднял, раскачал — и бросил в небеса.
За его полетом Алпамыш следит.
Дед игральной бабкой с неба вниз летит
И с небес батыру юному кричит:
— Э, сынок, смотри, как бы Култай, твой дед, —
Быть ему живым-здоровым до ста лет, —
На куски разбившись, не наделал бед:
Без меня коням твоим присмотра нет!
Сделать, что прикажешь, я даю обет.
Лучшего коня поймаю в табуне,
Только б на куски не расшибиться мне!.. —
С неба долетали вопли старика.
Вытянулась вверх батырская рука,
За кушак поймал Култая Алпамыш,
Подхватил — и наземь положил его,
Грудь ему коленом придавил слегка.

— Ну-ка, дедушка, поймайте-ка мне коня, — сказал Алпамыш.

— погоди, сынок, поймаю, — отвечает Култай, — только не сейчас.

— Нет, сейчас же поймай!

— Как же я тебе коня поймаю, если встать не могу? — рассердился Култай.

Отпустил его Алпамыш, Култай крикнул:

— Курхайт!

Тут лошади со всех девяноста пастбищ, все, сколько их было, побежали на его зов, собрались перед ним. Култай дал Хаким-беку укрук, сказал:

— Сам лови какого хочешь.

Взял Хаким-бек укрук, забросил его в гущу коней —

опустился укрук на шею одного чубарого коня с длинной, шелковистой гривой. Оказался конь не таким, о каком душа его мечтала, не пришелся он Алпамышу по вкусу, — отпустил он этого коня, думает про него: «Чересчур уж нежен конь этот, невынослив окажется в походе».

Закинул он снова укрук — снова попался тот же конь, снова отпустил его Алпамыш, говоря:

— Э, навлечешь ты беду на меня, околеешь в походе, опорочишь меня, на несчастье мое попадешься ты мне!

В третий раз закинул укрук Алпамыш, в третий раз поймал он все того же шелкогривого чубарого конька.

— Видно, это и есть судьба моя! — сказал Алпамыш. Подтянул он коня к себе, надел ему на шею свой кушак, подвел его к месту, где седло и упряжь лежали, и осматривать его стал, гадая, каким же окажется этот сужденный ему конь.

Подходит к нему в это время Калдыргач-анм со своими девушками, посмотрела на брата, поняла сразу, что недоволен он конем своим, что опечален потому Алпамыш.

Взяла она из рук его поводья, погладила коня по крупу, осмотрелась по сторонам, сказала:

— Не печалься, не думай, что это плохой конь. Человек, севший на этого коня, увидит многие страны, достигнет цели своей.

Подбодрила она этими словами брата, поздравила его, так говоря:

— Конь серо-чубар, каков уж есть, — таков,
Но не сыщешь в мире лучших скакунов,
Говорю тебе, он счастье седоков:
На таком коне сразишь любых врагов.
В сбруе, под седлом нарядней аргамак.
Ты к луке подвесишь золотой садак —
Ветром конь помчится в бой и на улак,
И к миндалеокой ты примчишься так.
Поздравляю, братец, клад — не аргамак!
Скакуна такого будешь ты любить.
Только сядь — он сам свою покажет прыть.
Он тебе врагов поможет перебить,
Вызволить Барчин — и с ней счастливым быть.
Будешь за коня судьбу благодарить.
Поздравляю, братец, клад — не аргамак!
Ласковой рукой по лбу его погладь.
Собирайся в путь. Пора коня седлать!
Ты о Байчибаре худо не суди,

Выплесни сомнений горечь из груди,
 Счет его достоинств конских — впереди.
 По свету на нем сначала поброди,
 Лучшего тулпара поищи-найди;
 Не найдешь — и сердца зря не бреди!
 Конь благословен, с ним неудач не жди,
 Службу он тебе сослужит, погоди.
 Только сам смотри — коня не повреди!
 Все твои желанья выполнит он, брат!
 Говорю тебе: не конь, а сущий клад!
 Истинный тулпар, он истинно крылат, —
 Самой быстрой птице не лететь с ним в ряд.
 Верь, никто конем подобным не богат.
 По пескам пустынь, по кручам горных гряд
 Может он скакать шесть месяцев подряд.
 А что он чубар и неказист на взгляд,
 В этом, ака-джан, твой конь не виноват!..
 Ака-джан, послушай слово Калдыргач:
 Крепкокостен конь, вынослив и горяч.
 Конь иной красив, а слабосильней кляч,
 Этот конь — тулпар, из-за него не плачь.
 Ты, мой милый брат, недалеко глядишь,
 Если Байчибара своего хулишь:
 Этою лошадкой мир ты удивишь,
 Славу всех батыров ты на нем затмишь.
 Если с ним свою судьбу соединишь —
 Первых силачей калмыцких посрамишь,
 Дяди-бия дочь от них освободишь.
 Как ты недогадлив, брат мой Алпамыш!

Так говоря, Калдыргач между тем сама оседлала коня
 и брату передала с такими словами:

— Все отбывшие в далекий край чужой
 Терпят униженья, терпят гнет большой.
 Мужество проявит ныне брат мой бек,
 О родне скорбя геройскою душой...
 Бисмилла! — сказала Калдыргач, и вмиг
 На коня сперва она кладет потник, —
 Был парчовым нежный, нижний тот потник. —
 Бисмилла! — сказала брату Калдыргач. —
 Смотрят смельчаки в трубу — и видят даль,
 Выкует клинок для воина коваль.
 Даль близка тому, кому любимых жаль.
 Бисмилла, мой брат, будь славен и велик! —
 Верхний на коня она кладет потник, —

Золотом был заткан верхний тот потник.
Также подседельник вмиг наложен был, —
Из телячьей он, добротной кожи был. —
Бисмилла! — сказала брату Калдыргач. —
Грамотей читает «зеру-забару»,
Тянется рука ученого к перу,
Плотника рука привычна к топору.
Бисмилла! — сказала брату Калдыргач.
На спину коню чубарому легло
С золотой лукой высокое седло. —
Вдаль, за Алатаг, народ наш занесло.
Как им на чужбине жить ни тяжело,
Тайн не разгласили, недругам назло! —
Так сказав, спустила с двух сторон она
Золоточервонной ковки стремяна...
Кружатся извечно года времена,
Отойдет зима — три месяца весна.
Человека нет несносней болтуна, —
Речь хоть неумна, зато всегда шумна.
Как батман, язык у болтуна тяжел...
— Бисмилла! — сказала брату Калдыргач,
Мягкую подушку вынув из узла.
Бархатной она, зеленою была,
С красной бахромой, подушка для седла. —
Похвала невежды — мудрому хула,
Но и мудрый славит храбрецов дела!.. —
И, подпругу взяв, проворна и ловка,
Калдыргач стянула конские бока.
Шелк сученый сверху, съисподи мягка —
Именно такой подпруга та была.
Калдыргач сказала брату: — Бисмилла!
«Чу!» произнесешь, подернешь удила, —
Взвившись в небеса, расправит конь крыла,
Быстролетных птиц обгонит в облаках!.. —
Из цветных ремней с набором медных блях
Сбруей чагатайской обрядив коня,
— Бисмилла! — сказала брату Калдыргач,
Голову пред ним почтительно склоня.
На коня подхвостник Калдыргач кладет, —
Он из носорожьей кожи сделан был.
На коня нагрудник вешает она, —
Каждая из блях — за пиалу сойдет!
Долго ль ей взнуздать уздечкой скакуна?
Конь ее руками снаряжен сполна.
Калдыргач глядит, сама удивлена,

Гладит Байчибара, нежности полна.
Удила грызет нетерпеливый конь,
Землю роет, пляшет, машет гривой конь, —
Он оседлан, взнуздан, снаряжен в поход.
Брату Калдыргач рубаху подает:
— Надевай, Хаким! — Хаким подумал: «Вот!
Девушки, однако, озорной народ!»
Он вздохнул, свой судьбою огорчась,
В шелковую ту рубаху облачась.
Боевой чапан надел Хаким тотчас,
Препоясался пунцовым кушаком,
Голову покрыл булатным шишаком...

Был у Алпамыша бронзовый лук весом в четырнадцать батманов, оставленный ему в наследство дедом его Алпин-бием. Подумал Алпамыш: «А вдруг во вражьей стране состоится день состязания в стрельбе из лука — не может человек знать, что в походе его ждет, надо и лук этот захватить». Положил он лук на седло, Калдыргач помогла ему на коня сесть, все его снаряжение снова проверила, пожелала ему доброго пути и такое слово сказала:

— Ехать, милый брат, ты можешь в добрый час!
Счастлив будь твой путь в чужие страны, брат!
Да найдется друг, тобой избранный, брат!
Да сопутствуют тебе чильтаны, брат!
Возвратись скорей с удачей, брат мой бек!
Надо мной чернеет туча горя, брат!
Я роняю слез горячий, частый град.
С Барчин-гуль своей вернись в родной Конграт,
Пир задав такой, чтоб весь народ был рад!
Пусть мои слова в твоей душе горят,
Единоутробный, дорогой мой брат!
Жив и невредим скорее приезжай,
Недругам коварных козней не прощай,
Все свои дела успехом увенчай.
Любящую мать свою не огорчай.
Поезжай, свою невесту выручай.
А когда вернешься ты в родной наш край,
То Байсун-Конграт благоустрой, как рай...
Под тобой тулпар арабский твой горяч.
Он взовьется вихрем, еслипустишь вскачь.
Поезжай, мой брат, — не ведай неудач,
За тебя молиться будет Калдыргач!

Хаким-бек-Алпамыш, прощаясь с дедом Култаем и сестрой Калдыргач, говорит:

— В рану сердца насыпана соль.
Верблюжонком ревет моя боль.
Быть в разлуке с любимой легко ль?
Счастлив будь без меня, дед Култай!..
Ты, печаль моя, дымом истай,
Родина, цветы-процветай,
Мне благословение дай.
Счастлив будь без меня, дед Култай!..
Ты, моя подруга-сестра,
Вместе ты со мною рождена,
Выкормила грудь нас одна,
С детства ты со мной дружна,
Ты моей надежды весна, —
Будь жива-здоровая, сестра!
Чтоб нарциссоокой моей,
Чтобы розошкой моей,
Пленнице калмыцких степей
Там не пожелтеть от скорбей —
Еду я на выручку к ней.
Будь жива-здоровая, сестра!..
По миру бы мне погулять,
Недругов карать-истреблять,
К дорогой сестре возвратясь,
Родиной бы мне управлять!
Будь жива-здоровая, сестра!..
Подо мной скакун удалой.
С жизнью попрощаюсь былой,
Гору проскачу за горой,
Посмотрю страну за страной,
Добрый где народ, где дурной.
Будь жива-здоровая, сестра!
Грозен победителя лик.
Трепещи, коварный калмык, —
Я врагов прощать не привык!
Славен возвращусь и велик.
Сотвори молитву, старик,
Быть живыми-здоровыми вам!..

В последний раз напутствуя брата, такое слово сказала ему Калдыргач-аим:

— С трусом не водись, ему не доверяй,
Болтуна себе в друзья не выбирай,

В долгом размышленьи воли не теряй.
Будь счастливым, брат, живи — не умирай!
К небу за тебя мольбы я возношу,
По тебе тоскуя, глаз не осушу,
К стону моему прислушаться прошу:
Поклянись мне, брат, и клятвы не нарушь, —
Мальчином не будь, веди себя, как муж, —
Львиную природу в битве обнаружь.
Смерти всё равно: кто шах, а кто — байгуш,
Но спешит она по следу робких душ...
И еще, мой брат, тебе скажу я так:
Как зеницу ока скакуна храня —
И во тьме ночной и среди бела дня, —
Дальше от худых людей держи коня...
Третий мой совет послушай от меня:
На врага идя, как хочешь свирепей,
Но коня, смотри, по голове не бей.
К сроку, милый брат, в калмыцкий край поспеи,
Сладкий мед бесед с возлюбленной испей.
С головы твоей да не спадет джига,
Да сразишь в бою сильнейшего врага.
Пусть народ наш будет счастлив, милый брат,
Пусть разлука наша будет недолга!..
Без тебя остаться страшно мне, мой брат.
Под тобой играет конь на всякий лад,
На боку твоём калёный твой булат, —
Поезжай, добудь нарциссоокий клад!
Брат мой, испытанье дух твой закалит,
Мир широкий взор и разум просветлит.
Поезжай, да будет счастлив твой поход!
Там откочевавший ждёт тебя народ,
Там Барчин-сестрица, задыхаясь, ждёт,
День и ночь с дороги глаз не отведет —
Долгожданный брат на помощь ли нейдет?
Дан ей срок в полгода, каждый день ей — год.
Не поспев, умножишь их страданий счет,
В срок придя, найдешь любовь там и почет.
Всех родных узбекских ты сплотишь людей,
Что б ни злоумыслил недруг наш, злодей.
Если все узбеки будут сплочены,
Нам тогда и козни вражьи не страшны!..

Распростясь с сестрой и с дедом Култаем, Алпамыш отправляется в путь.

Шлем его булатный гудит,
Куполоподобный, гремит
Кожу носороговой щит,
Медный наконечник ножон
Звякает о стремя, звенит.
Вздрагивает конь и фырчит,
Лётом соколиным летит.
Вправо не глядит Алпамыш,
Влево Алпамыш не глядит.
Левая рука на луке,
Пику держит в правой руке.
Гневом и любовью влеком,
Скачет Алпамыш напрямиком.
Пену отряхает Чибар,
Фыркает, чихает Чибар,
Путь в страну калмыков далек,
Ветер пылью степи облек,
Но не отдыхает Чибар.
Хаким-бек отважен и строг, —
Горе — не поспеть ему в срок!
Понукая криком: «Чув-ха!»,
Хлещет он коня промеж ног, —
Ускоряет бег скакунок,
Сокращает дали дорог.
Встретится хребет — вперелет,
Встретится овраг — вперепрыг,
Встретится арык — впереребег.
Держит путь свой так Хаким-бек,
Думая: «В чужой стороне
Родичей бы место найти,
Нашу бы невесту найти!..»
Путь ночной опасен в горах,
Есть провалы в горных тропах,
Есть на них навалы камней.
Месяц глянет — станет видней,
Канет в тучи — камня темней,
Но тулпар — тулпаров умней,
Но батыр — батыров сильней.
У него отвага в очах,
У него ружье на плечах!
Страхи от себя отстраня,
Ночь не отличая от дня,
День и ночь он гонит коня.
Скорбь свою сердечную прочь
Отогнать Хакиму невмочь:

Выручит ли дядину дочь? ..
Ясные глаза исслеся,
Помощи у неба прося,
Скачет Хаким-бек день и ночь,
Недругам далеким грозя.
Дня ему просрочить нельзя!
Конь его чубарый под ним
Скачет по дорогам степным,
По тропинкам горным, крутым.
Жжет разлуки боль седока.
Где тот край калмыцкий лежит?!
Конь его, вздувая бока,
Сокращая дали, бежит...
Сколько перевалено гор,
Вновь степной раскинут простор!
Неоглядной ширью степной
Бьются думы жаркой волной.
На все стороны мечется взор, —
Нет пути конца до сих пор!
Разум тем, что видел, смущен.
Скачет Алпамыш, возбужден,
Сам с собой в пути говорит,
Словно как в бреду, говорит:
— В ту страну приду, — говорит, —
Милую найду, — говорит, —
Я ль не отведу, — говорит, —
От нее беду? — говорит. —
Был бы только путь завершен, —
Я на ней женюсь, — говорит, —
С ней в Конграт вернусь! — говорит. —
Доблесть я свою, — говорит, —
Докажу в бою, — говорит, —
Всех врагов побью, — говорит, —
И в родном краю, — говорит, —
Сам я буду шах! — говорит.
Вот что он в мечтах говорит! ..

Если битвы дни предстоят,
Отгулы в ущельях гремят.
Раны копьевые болят.
Скачет Хаким-бек — и вдали,
Словно бы по краю земли,
Всадников он видит в пыли.
Вот уж солнце над головой.
Кто же тот народ верховой?

Он коня камчой обхлестал,
Он его, браня, понукал,
Байчибар летел — не скакал,
Ширь степную пересекал,
Конных тех людей настигал.
Так четыре ночи и дня,
Наземь не слезая с коня,
Скачет Алпамыш им вдогон.
Под конец четвертого дня, —
Видишь ты, какой удалец! —
Он людей настиг наконец!

Всадники, которых Алпамыш догнал, оказались десятью гонцами Барчин. Сошли они с коней — поклонились Алпамышу, так сказав:

— Мы свой долг честно выполнили, — нас уважать следует.

Сказал им Алпамыш:

— Теперь можете не торопиться, поезжайте потихоньку, я сам поспешу, — один поеду.

Остались гонцы позади. Алпамыш, далеко вперед уехав, подумал: «Надо где-нибудь ночлег найти». Смотрит он — свет в одном месте появился. Голову коня повернув, направился Алпамыш на огонек. Подъехал — видит перед собой кладбище, старый мазар возвышался над ним. Подумал Хаким-бек: «Слышал я, что путники запоздавшие в мазарах ночуют. Заночевать мне здесь, в этом безлюдном месте, в мазаре этом пустынном, или дальше ехать? Мертвецам до меня дела нет, они обо мне, о госте их, не позаботятся. Впрочем, попробую все-таки дать им знать о себе».

Находясь в этом положении, Алпамыш такие слова стал говорить:

— Знай, что я глава Конграту моему,
С золотой джигой носил я там чалму.
Пастбища мои на берегах Аму,
Прихожусь я сыном шаху самому!
Ассалам-алейкум, жители могил!
Места я прошу заночевать у вас.
Иль на скакуне усталом пота нет?
Иль в сердцах владык тоски-заботы нет?
Иль меня принять у вас охоты нет?
На одну лишь ночь приюта я прошу.
Изнемог мой верный, резвый мой тулпар...
Я в своем народе старший, хоть не стар.

У тебя ночлега я прошу, мазар!
Я издалека и вдаль спешу, поверь.
Изнурен дорогой, чуть дышу, поверь!
Э, народ могил, открой мазара дверь!
Или ты не видишь, на меня смотря,
Что я был народу своему тюря?
От изнеможенья еле говоря,
Неужель просил бы я ночлега зря?
Милость окажи, святой мазар, впусти,
На могиле ночь готов я провести.
Даже стало трудно мне слова плести.
А за беспокойство путника прости!
Ассалам-алейкум, жители могил!
Спрашивайте, — всё по совести скажу:
Из Конграта путь в калмыцкий край держу,
За судьбу своей возлюбленной дрожу.
Я конгратский лев — и честью дорожу!
Недругам свой львиный гнев я покажу,
Вражье сердце вырву — солью просолю!
Но у вас приюта я не нахожу.
Ассалам-алейкум, жители могил!
Вашего согласия очень долго жду.
Ночь в степи свежа, темнее, чем в аду.
На могильном камне ночь я проведу,
Неужель надгробный камень украду?
Только ночь одну позвольте переспать,
Поутру в свой путь отправлюсь я опять.
Ассалам-алейкум, жители могил!..

От изнеможенья повод оброня,
Хаким-бек едва не падает с коня.
В это время тень простерлась от огня, —
Думает Хаким: «Услышали меня!»
«Что за человек?» — подумал Хаким-бек.
— Э, мазара житель, мой тебе поклон.
Нужен мне ночлег, я очень утомлен,
Горем я тебя не меньше угнетен,
Ты прости, что я ночной твой сон пресек,
Ведь четырехдневный совершил пробег.
На одну лишь ночь мне предоставь ночлег,
Хан своей страны, конгратец я, узбек.
Ты скажи мне, сам ты что за человек?
Если человек ты мирный — ассалам!
Если враг — разрублен будешь пополам!
Друг ты или недруг — с первых слов пойму.

Приговор судьбы покорно я приму,
Но врагу любому голову сниму!..

Человек, вышедший из мазара, сказал:

— Найдется тут место для коня вашего, но вам самому места здесь нет.

Хаким-бек отвечает ему:

— Такой ночлег, где коню нашему место есть, а нам самим нет, не подходит нам.

Хотел он уже отъехать — вышел в это время другой человек, сказал:

— Найдется место и для коня вашего, и для вас.

Привязав Байчибара, завел человек беседу с Алпамышем, ухаживать за гостем стал. Алпамыш, протрясшись без отдыха несколько дней на коне, за беседой этой вскоре уснул. Спит Алпамыш — Барчин свою во сне видит. Держит Барчин в руке чашу с вином, одна пить не желает — предлагает Алпамышу, говоря:

— Берите, берите!

Веселей, алияр, алияр!
Посмелей, алияр, алияр!
Ах, скорей, алияр, алияр!
Чашу я полным налила —
На весу она тяжела.
Ах, моя рука затекла!
Жду я, нетерпеньем горя.
Чаши от меня не беря,
На меня с укором смотря,
Что же медлит хан мой, тюря?
Веселей, алияр, алияр!..

Станом я гибка, как лоза,
Алая на мне кармаза,
Ваши так прекрасны глаза —
Я от них ума лишена.
Выпить эту чашу вина
Долго ли просить я должна?
Девушек услав, я одна.
Посмелей, алияр, алияр!..

Дочь байсунского племени я,
Слава, гордость времени я,
Дяди-бия вашего дочь.
Коль держать мне чашу всю ночь,

Я ведь так могу изнемочь.
Поскорей, алияр, алияр!..

Налила полным я полно,
Чашу поднесла вам давно —
Может расплескаться вино.
Выпить вы должны всё равно!
Веселей, алияр, алияр!

Далеско не стойте, Хаким!
Ближе быть приятней двоим.
Если оба верность храним,
Что же мы друг друга томим!
Если так судила судьба,
Властвуйте — я ваша раба!
Ах, скорей, алияр, алияр!..

Шаль моя — сквозная фанза,
Алый мой халат — кармаза,
Серьги у меня — бирюза!
Горя да минует гроза,
Да не навернется слеза
Хану моему на глаза,
Да наступят радости дни!
Девушки ушли — мы одни.
Руку мне на грудь протяни,
Будь смелей, алияр, алияр!..

За меня вдали огорчась,
С матерью, с отцом разлучась,
Из краев конгратских примчась,
Ты меня нашел в добрый час,
Милый мой батыр Алпамыш!
Что же ты столь робок сейчас?
Гнет калмыцкий долго терпя,
По тебе тоскуя, скорбя,
Преданностью сердце крепя,
Задыхаясь, ждала я тебя!
Пей скорей, алияр, алияр!..

Дни весны веселой пришли —
Розы в цветнике расцвели,
Песни соловьи завели,
Слову моему ты внемли,
Из Байсун-Конгратской земли

Прилетевший сокол, мой хан,
Мне судьбою суженный в дар:
Если я, твоя Барчин-джан,
Вся в цвету девических чар,
Чашу поднесла — то пойми:
Долго так не мучь, не томи —
Быть мы перестали детьми,
Детскую ты робость сломи,
То, чего так жаждешь, возьми! . .
Встретились мы наедине,
Место безопасно вполне —
Подойди поближе ко мне,
Руку протяни — обними. . .
Ах, скорей, алияр, алияр! . .

Выслушав слова Ай-Барчин, Алпамыш так ей ответил:

— Если бы не верность твоя,
Из Конграта в эти края
Неужель помчался бы я?
Нет, клянусь, алияр, алияр!
Чаши, подносимой тобой,
Не коснусь, алияр, алияр!

Я из-за тебя захирел,
На огне разлуки сгорел.
Здесь я на тебя посмотрел —
Будто бы впервые узрел,
Но не выпью вина твоего! . .
Хоть и поднесла ты сама,
Хоть меня и сводит с ума
Глаз твоих волшебная тьма —
Пить вино, что тобой налито,
Я боюсь, алияр, алияр!
Стана твоего ни за что
Не коснусь, алияр, алияр! . .
Я в страну калмыков спешу,
Там свой львиный гнев угашу.
Всех своих врагов сокрушу,
Подвигами путь завершу,
В том клянусь, алияр, алияр!

И когда, прославясь в бою,
Я врагов и друзей удивлю
И вернусь, алияр, алияр,

Жажду я свою утолю,
Чашу сладкую выпью твою,
Опьянюсь, алияр, алияр!..
А до той счастливой поры
Я не стану, дочь Байсары,
Счастье, мне сужденное, красть,
Тайно утолять свою страсть.
Ты меня, моя Барчин-ай,
Не склоняй к тому, не соблазняй,
Я не соблазнюсь, алияр,
В том клянусь, алияр, алияр!..

Время к рассвету приблизилось, настало утро. Людей, которых Алпамыш вечером видел, не оказалось, он один был. Во сне дочь дяди своего увидав, загорелся Алпамыш еще большим желанием к ней, так думая: «Девушка она, оказывается, очень хорошая — белая, румяная, вся совершенство...»

А в это же время Барчин, также счастливо улыбаясь, радостная, говорит прислужницам своим:

— Видела я во сне сына дяди моего, — сидели мы с ним вместе, много беседовали...

Алпамыш между тем снова в путь отправляется.

Выспавшись в мазаре святом
На могильном камне простом,
Вновь на Байчибаре своем
Едет он пустынным путем.
Возбужденный виденным сном,
Думает в пути об одном:
«Есть примета добрая в том:
В тот калмыцкий край мы придем,
Мы найдем возлюбленной дом,
Сокрушим врагов — и потом
Чашу наслажденья испьем.
Милую открыто возьмем,
К нам ее в Конграт увезем!..»

Едет он, пустыню топча.
Едет по холмам байбача,
Едет, скакуна горяча,
Едет и вздыхает, шепча:
— Будешь ты моей, аймча!.. —
Путь свой продолжает батыр,

К цели поспешает батыр.
«Где же эта степь Чилбир?
Только бы доехать скорей
К стойбищу любимой моей!..»

На боку алмазный булат.
Устремил с пригорка он взгляд,
Соколинозоркий свой взгляд,
Увидал — отары пылят,
Увидал он степь Чилбир-чоль!
Близко до Барчин, далеко ль?
Свет надежды ярче сверкнул.
Видит: пущен скот на отгул.
«Э, теперь уж близко!» — смекнул.
Он коня камчою хлестнул.

Радуюсь, Хаким думает:
«Жив и невредим, — думает, —
Я доехал к ним, — думает, —
Вот она, калмыков страна!
Мы Барчин-аим, — думает, —
Счастьем усладим, — думает, —
Нашим всем родным, — думает, —
Волю возвратим, — думает. —
Недругам отомстим, — думает, —
Горе, горе им! — думает. —
Э, Барчин-аим, — думает, —
Будет, как хотим!» — думает.

В калмыцкую землю вступив, по Чилбир-чолю проезжая, видит Алпамыш девяносто отар черных баранов. Бараны эти были баранами дяди его Байсары. Пастухом этих девяноста отар был Кайкубат-каль — как тыква плешивый. Кайкубата увидав, спрашивает у него Алпамыш, так говоря:

— Ассалам-салам-алейкум, э, чабан!
Замечаю, рваный носите чапан.
Замечаю — сыром обожрались вы,
Если тучны, словно матерой кабан.
Не прикочевал ли бай один сюда?
Пусть его мольбы достигнут райских врат!
Тысяч сорок стад имеет, — говорят. —
Сам он был тюрёй, страна его — Конград.
Не прикочевал ли бай такой сюда?..

Кто скорбит, тот сыт своей мечтой всегда,
Той задаст богач — обилен той всегда.
Бархатной гордился он юртой всегда,
Чангарак юрты был золотой всегда.
Не прикочевал ли бай такой сюда? ..
Как шафран, от скорби пожелтел он весь,
На чалме джиги у бая-хана есть.
Сколько на горах весной тюльпанов есть,
Столько у него овец-баранов есть.
Не прикочевал ли с дочерью сюда
Этот самый бай, прошу подать мне весть.
Человек такой везде в большой чести.
Золота умел он столько припасти,
Что и пятистам верблюдам не снести.
Есть у бая дочь, — я с нею обручен.
Спрашиваю вас, где пребывает он? ..
Дальний путь пройдя, их разыскать спешу.
Шелковую тоже я чалму ношу.
Не его ли ты стада пасешь, чабан?
На мои вопросы дать ответ прошу.
Не зачахла ль роза до осенних дней?
К ней не прилетел чужой ли соловей?
Бог да внемлет мне по милости своей!
Умоляю вас, поведайте скорей,
Не прикочевал ли бай такой сюда?

Кайкубат, к Алпамышу обратившись, такие слова ска-
зал ему в ответ:

— Слушай пастуха, поговорить я рад:
Горе да несчастье мужество крепят,
Тайные гонцы уехали в Конграт.
А не будет ли тот бай — Байсары-бай? ..
Тысяч сорок счет его стадам всегда.
Он конгратец. Был тиорей он там всегда.
Ныне плачет он, подобно нам, всегда.
А не будет ли тот бай — Байсары-бай?
Скорбное лицо желтей шафрана — есть;
И приплод в загонах постоянно есть;
Дочь Барчин — цветок благоуханный — есть...
А не будет ли тот бай — Байсары-бай?
Темноты ночной влюбленные все ждут;
Друг в слезах — утешить все друзья придут.
Женихи Барчин друг с другом спор ведут,

Я тебе скажу — их девяносто тут!
Вырвется ль бедняжка из калмыцких пут?..
А не будет ли тот бай — Байсары-бай?
Говорить о нем, — повсюду он в чести.
Золота умел он столько припасти,
Что и пятастам верблюдам не снести.
Если что сболтнул я лишнего — прости:
Думаю, на светлый облик твой смотря,
Не узбекский ли, случайно, ты тюря,
Э, не будет ли тот бай — Байсары-бай?
Твой булат — алмазный, в золоте ножны,
Пред тобою в трепет впасть враги должны.
Бая Байсары, как видно, ищешь ты, —
Знай, что при его стадах мы чабаны.
Струны сазандар перстами теребит,
Грубый человек устами оскорбит.
От тебя, джигит, я не слышал обид, —
Сразу я узнал: ты ищешь Байсары.
Вижу — всадник едет, и не наш на вид.
Вижу — едет он, по сторонам глядит,
Соколом отважным он в седле сидит,
Истинным тулпаром конь его летит.
Сразу понял я: ты едешь к Байсары...
Этою дорогой нижней не езжай, —
Пешеходной тропкой ближней поезжай.
С прахом подорожным вражью кровь смешай,
А приедешь — радость и любовь вкушай.
Вижу — к Байсары спешишь недаром ты:
Вижу — привлечен его товаром ты.
Прямо по тропинке поезжай вперед,
К берегам Айна тропинка приведет.
Там и пребывает твой родной народ.
Байсары юрта издалика видна.
Среди тысяч юрт такая лишь одна:
Вся покрыта белым бархатом она!

Алпамыш сказал:

— Поздно уже; гостю, не вовремя приехавшему, уважения нет. Сегодня уж переночую с вами, а завтра утром выведу.

Слова его услышав, подумали чабаны: «Путник этот всё время кружится тут, может случиться, что он окажется нашим зятем Алпамышем, прибывшим из Конграта».

Старались чабаны угодить ему: Байчибара под уздцы взяв, к кормушке привязав его, подстелив под гостя шта-

ны и ксбанаки, усадили они Алпамыша, зарезали баранов — и стали угощать его, так говоря:

— Вы устали, зять наш, облокотитесь — ешьте.

Поел Алпамыш, лег спать в загоне у пастухов, коня хранить Кайкубату поручил. На рассвете снова сон приснился ему, снова он видел во сне возлюбленную свою Ай-Барчин. А в это время и сама Барчин-ай в своей бархатной юрте тоже сон видела. И Караджан-батыр, вместе с восемьюдесятью девятью другими батырами калмыцкими в пещере спал и тоже сон видел. . .

Проснулся утром Алпамыш, стал о своем сне размышлять — решил дальше ехать.

Проснулась в юрте своей Ай-Барчин и сон свой сорока девушкам рассказывает, так говоря:

— Осень подошла — садовый цвет увял.
Сон приснился мне, когда рассвет вставал.
Новорожденный со стороны Кыблы
Месяц золотой, сияя, выплывал,
В спутницы четыре он звезды позвал.
Кто бы сна значенье мне растолковал? . .
Как меня, бедняжку, растревожил он!
Вижу — лик земли, как тучей, помрачен,
Вижу — налетает чудище-дракон,
А за ним еще, летят со всех сторон. . .
Не к беде, к добру мой растолкуйте сон! . .
Каждая ресничка глаз моих — стрела,
Бровки — будто бы калямом навела.
Как я, бедная, напугана была!
Голову с подушки сразу подняла,
Вижу — сорок чудищ, развернув крыла,
На себе несут огромного орла.
На меня орел могучий налетел,
Рядом сев, крылом мне голову задел. . .
Девушки, к добру мой растолкуйте сон!
Вижу я — драконы свой смыкают круг,
Хватъ меня за плечи, хватъ — за кисти рук,
Рвут язык мой, сколько причиняя мук!
Тут еще огромный тигр явился вдруг.
Я бежать пустилась, он за мною — прыг!
И мой тонкий стан обхватывает вмиг.
Ой, какой ужасный подняла я крик!
Девушки, к добру мой растолкуйте сон! . .
Чангарак юрты моей продавлен был,
Бархат на юрте весь продырявлен был.

Я, хоть хорошо причесана была,
Увидала вдруг растрепанной себя,
Вся моя постель разбросана была...
Как подумаю — какой ужасный сон!
Кто бы мне сказал, что означает он?
Не к беде, к добру да будет разрешен!

Услыхав слова Барчин, девушка Суксур-ай так ее сон растолковала:

— Не напрасно ли огорчена ты сном?
Э, не радость ли твоя таится в нем?
Те драконы — кони; первый конь — Чибар,
Дяди твоего конгратского тулпар;
Тот орел на нем — твой Хаким-бек-шункар!
Вот значенье сна, красавица моя!
Он приедет завтра в середине дня.
Не накормит ли зерном его коня,
Сватам отвечать не будет ли Барчин?
Ты во сне видала тигра, говоришь;
Он с тобою начал игры, говоришь.
Если ты бежать пустилась от него,
Должен ли стоять на месте Алпамыш?
Стан твой будет завтра обнимать твой друг!..
Если был в юрте раздавлен верхний круг,
Если ни один не уцелел в нем дук —
Тоже, джан-Барчин, напрасен твой испуг:
Счету дуков равен счет твоих врагов, —
Значит, гибель ждет калмыцких женихов.
Распустились кудри — смысл тому таков:
Будет пролита и кровь твоих врагов.
Завтра жди приезда своего тюри!
Не горюй напрасно, веселей смотри, —
Бога ты за этот сон благодари.
А Суксур твою за толкованье сна
Щедро чем-нибудь на счастье одари!.. —
Ей Барчин дает в награду золотой, —
Обернулся счастьем сон, а не бедой:
Завтра он приедет, витязь молодой!
Девушки резвятся вокруг Барчин-айм, —
Если радость ей, то, значит, радость им.
Хоть еще не прибыл Алпамыш-Хаким,
Веселы они, как будто вместе с ним.
Все они его высматривать идут,
На дорожку вышли — смотрят, гостя ждут...

Выехав из пастушьего загона, увидел Алпамыш необыкновенно высокий крутой холм, находившийся во владениях хана Тайчи. Холму этому именованье было Мурад-Тюбе. Не каждый человек способен был тропу через Мурад-Тюбе протоптать.

Решил Алпамыш испытать счастье свое такой приметой: «Направлю-ка я коня на этот холм. Если он, высоты не испугавшись, поднимется на вершину, значит, тотчас по приезде на место получу я возлюбленную свою. Если же конь мой испугается крутизны холма и заупрямится, значит — не судьба мне получить свою Барчин. Зачем же мне тогда напрасно ехать к ней — в дураках оставаться?»

Направил он коня прямо на холм — поскакал Байчибар вверх, ни на миг не задумавшись, топот копыт его заглушил бы топот сорока тысяч коней. Алпамыш так обрадовался, словно бы он уже получил свою возлюбленную. На вершину холма поднявшись, посмотрел он — увидел вдали становище десятитысячеюртного народа конгратского. Коня своего пустив на подножный корм, лег Алпамыш наземь, упершись локтями, лицом — к дому Байсары...

А калмык Караджан, сон недавно видевший, проснулся в час утреннего намаза — и тотчас же стал произносить святыю калиму. Девяносто без одного батыров калмыцких, услышав, что Караджан мусульманскую молитву читает, в ужас пришли — и говорят:

— Э, нож этот кухонный, этот красный перец Караджан с ума, как видно, сошел! Оставим его, поедем-ка на озеро.

Выехали они на охоту. А Караджан с тринадцатую своими дружинниками тоже на охоту направился, в степь. Едет он прямо по направлению к Алпамышу. Чубарый конь Алпамыша, кормившийся на Мурад-Тюбе, посмотрел — увидел: четырнадцать смутных теней приближаются со стороны калмыцкой страны. Как только увидал их Байчибар — трава, которую жевал он, поперек горла стала у него. Вот что в голове его промелькнуло в это мгновение:

«Если приближающиеся кони тулпарами окажутся, а седоки — окажутся врагами и если Алпамыш, вскочив на меня, скрыться от них захочет, а они нагонят нас, — ведь это может кончиться смертью единственного сына несчастного старика Байбури!»

Чубарый конь еще пристальнее стал всматриваться в приближающихся — и увидел, что все четырнадцать едут

вразвалку, — копыта коней их в земле увязают. Это увидав, стал Байчибар траву с хрустом уминать, про себя думая:

«Если так — значит, погнавшись за ними, я догоню их; значит — спасусь от них, если убежать придется; значит — спасу человека, на мне сидящего, если только сама смерть его за горло не схватит!..»

А Караджан с дружинниками своими приблизился уже к самому подножью Мурад-Тюбе. Смотрит он, видит — на вершине холма кто-то облокотившись лежит, как Юсуф — красивый, как Рустам — могучий, а около него конь чубарый похаживает, сухой вершинной травой питается. Подумал Караджан: «Человек этот не из наших краев: если бы у нас такие джигиты были, было бы у нас тогда всем царствам царство. Да и не встречался он мне никогда раньше. Не тот ли это самый достойный джигит Алпамыш, из Конграта едущий, которого мне во сне показали его родственники и предки-покровители и с которым они сдружили меня во сне?..»

Подумав это, обращается Караджан к Алпамышу с таким словом:

— Под тобой на сто ладов играет конь.
Грозно величав, ты для врагов — огонь.
Добрый путь! Куда ты едешь, бек-батыр?
Птицей, прилетевшей из далеких стран,
Конь твой запыхался, грозный пахлаван!
Гнев твой леденит, как северный буран.
Сам орлом могучим прилетел сюда
Из какого ты орлиного гнезда?
Путь, батыр, откуда держишь и куда?
Видно, ты тоской-печалью обуян.
Думаю — в хурджуна у тебя Коран.
Ты откуда сам, красавец пахлаван?
Любит смелый кобчик сесть на косогор.
Ростом ты — Рустам, и, если вступишь в спор,
Силачам любым ты дашь в бою отпор.
Шаху пред тобой быть пешим — не позор.
Путь куда, скажи, ты держишь, бек-батыр?
Ясной красотой подобен ты луне,
Брови две твои — два лука на войне.
Соколиная твоя видна мне стать.
То, что ты богат и знатен, видно мне
По тому, как важно едешь на коне.
Из каких ты мест, красавец бек-батыр?
Из какого ты алмаза сотворен?

Неужели был ты женщиной рожден?
Ныне ты в гнездо какое устремлен?
Если ты рожден был от людей земных,
То желаний нет несбыточных для них.
За какую святость ты им богом дан?
Ястребинопалый, из каких ты стран?
Храбреца такого вижу в первый раз.
Ты скажи мне, где родился, где возрос?
Сам же я — калмык, мне имя — Караджан.
Вижу, как чиста печаль твоя — тоска,
Цель твоя — мечта, я вижу, висока.
Ты скажи, куда ты едешь, бек-батыр?

Алпамыш, обратясь к Караджану, так ему ответил:

— Знай, я был главой народу своему,
Золотой джигой я украшал чалму.
Летом скот водил на берегах Аму.
Знай: глава Конграта говорит с тобой!
С коккамышских вод я как-то упустил
Утицу одну — и крепко загрустил.
Сокол я, что ищет утицу свою...
Изумрудами оправлен мой кушак,
Кованый булат — могучий мой кулак,
Пестунец Конграта, я батыр-смельчак.
Те, к кому стремят меня мои крыла, —
Знай, что их коням нет счета и числа.
Знай: на Алатаге некогда была
Скакунами их покрыта вся яйла.
Та юрта, что сорок тысяч стад пасла,
Самой неимушей в их краю слыла.
С теми же стадами вдаль давно ушла
Та верблюдица, что страсть мою зажгла.
Нар-самец, ищу верблюдицу свою...
Я, по ней скорбя, тоскою захлебнусь.
Полугодовым путем за ней стремлюсь.
Раньше, чем весна пришла, уже ярюсь,
О луку седла я головою бьюсь.
Разъярен желаньем, грозно я реву,
Сердце пыткой страсти на куски я рву...
Осень наступила — сад веселый пуст,
И ворона сядет на розовый куст!
Смерть придет — игру затеет с кошкой мышь,
Но костей мышинных скоро слышен хруст.
Хоть змея лукава, хоть она скользка —

И змею ужалит смертная тоска.
Если я калмыка встречу где-нибудь —
Камушком его швырну за облака.
Грозным лихом буду для калмыков я!
Э, калмык злосчастный, слушай, что скажу:
Знай, что я нещадно всех вас накажу:
Никогда страшней вам не было угроз!..
Что ты привязался, как дорожный пес?
Задаешь мне десять раз один вопрос:
Как зовется край, где я родился, рос?
С родиной моей чего пристал ко мне?
Впрочем, и назвать ее не жалко мне.
Знай: страна Конграт есть родина моя!
При рождение назван был Хакимом я,
Прозвище дано мне позже — Алпамыш,
Имя ты свое назвал мне: Караджан.
Что же ты еще стоишь, как истукан?

Тяжело принял Караджан слова Алпамыша: «Жестко, мол, я накажу всех вас, бедствием, мол, стану я для калмыков!» Врезались слова эти в Караджана, и, решив испытать прибывшего, так он сказал:

— Утица, тобой упущенная, есть:
На Ай-Коле ей пришлось, бедняжке, сесть —
Девяносто коршунов над ней кружат,
День и ночь ее, бедняжку, сторожат.
Зря сюда спешил ты, сокол, прилететь:
Коршунов таких как можешь одолеть?
Без толку спешил, — придется пожалеть.
В коршунных когтях не сладко умереть!
Положения ты не разведал здесь,
Вздорную завел со мной беседу здесь, —
Гибель ждет тебя, а не победа здесь!..
По верблюдице твоя тоска-печаль, —
Есть верблюдица — твоя ли, не твоя ль? —
Полуторатысячную надевает шаль,
Стойбище ее найдешь в степи Чилбир.
Если знаю что — поведать мне не жаль.
Видел я: жива верблюдица твоя,
Только знай — мечта не сбудется твоя:
Ровно без десятка сто богатырей
Угрожают здесь верблюдице твоей.
Слух по всей степи уже пошел о ней.
Очень ты, узбек, удачлив, погляжу!

Тех богатырей увидев пред собой,
Должен будешь ты вступить в неравный бой:
Над тобою верх из них возьмет любой.
Силачей таких сразишь ли похвальбой?
Правду говорю, с тобою говоря:
Страстью по своей верблюдице горя,
Даром ты приехал — изведешься зря.

Услыхав эти слова от Караджана, очень опечалился Алпамыш, про себя подумав: «Он перевалил через девяносто гор, сталкивался с батырами калмыцкими, со многими несчастьями, наверно, встречался этот калмык. Правильно говорит он мне: чем ехать туда, себя на позор обрекая, не лучше ли мне будет сразу повернуть отсюда, обратно коня направить?»

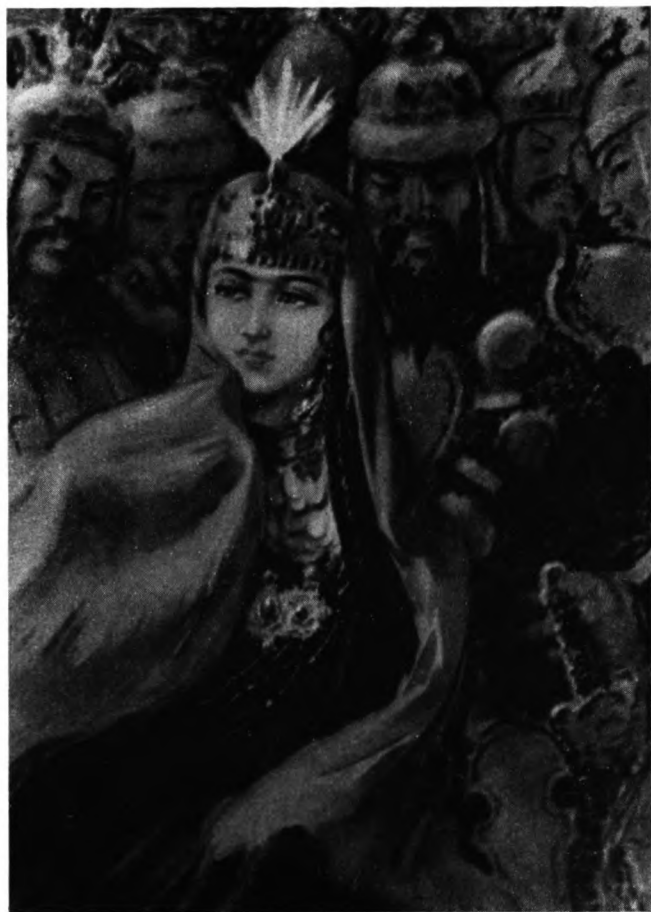
Заметив, что Алпамыш так близко к сердцу слово его принимает, Караджан, прикинувшись незнающим его, сказал:

— Я тебя за другого принял.

Род конгратский высокий твой,
Облик ангела, пыл боевой,
Конь, что сыт сухою травой...
За другого я принял тебя...
По верблюдице страстный вой,
Твой на всё ответ некривой,
Взгляд Рустама твой огневой...
За другого я принял тебя...
Жар и сладость речи живой,
Плечи как утес кремневой,
С гордою большой головой...
За другого я принял тебя...
Гневный окрик твой громовой,
Вздохов, стонов шум грозовой,
Смелостью — орел степовой...
За другого я принял тебя...
Грудь и твой хребет становой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Лукобровье, взор заревой...
За другого я принял тебя!..

Алпамыш, слова Караджана услышав, спрашивает, за кого же он принял его:

— Род конгратский назвал я свой,
Лицом — ангел, дух боевой,

Конь мой сыт сухою травой. . .
За кого меня принял, калмык?
По верблюдице страстный вой,
Мой на всё ответ некривой,
Взгляд Рустама мой огневой. . .
За кого меня принял, калмык?
Жар и сладость речи живой,
Плечи как утес кремневой,
С крепкою большой головой. . .
За кого меня принял, калмык?
Гневный окрик мой громовой,
Вздохов, стонов шум грозовой,
Смел я, как орел степовой. . .
За кого меня принял, калмык?
Грудь моя, хребет становой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Брови — росчерк пера круговой. . .
За кого меня принял, калмык?
За кого, окаянный калмык?

Снова и снова слово «калмык», да еще под конец «ока-
янный», очень обозлили Караджана, — к силе сила прибавилась. Вспыхнул он гневом, задымился весь, волоски на теле его дыбом стали, — так напряглись, что сквозь кольчугу пробились.

Сдержал себя, однако, Караджан и, к Алпамышу обратившись, так сказал:

— Род конгратский узнал я твой,
Облик ангела, дух боевой.
Конь, что сыт сухою травой,
Байчибара напомнил мне. . .
О верблюдице горький вой,
Твой на всё ответ некривой,
Взгляд Рустама твой огневой —
Алпамыша напомнили мне. . .
Жар и сладость речи живой,
Плечи как утес кремневой,
С гордою большой головой —
Байсары напомнили мне. . .
Грудь твоя, хребет становой,
Гневный окрик твой громовой,
Каждый стон и вздох вихревой,
Каждый шаг и помысел твой —
Кунтугмыш напомнили мне. . .

Свет улыбки твоей заревой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Брови — росчерк пера круговой —
Калдыргач напомнили мне!

Эти слова услышав, Алпамыш воскликнул:

— Ты, калмык! Видал ты меня раньше когда-нибудь, или собеседником моим бывал, или овец наших пас, или жил, как сирота, в доме нашем? Ну, дядю моего Байсары ты в своей стране видел, меня ты здесь узнал, отца моего, возможно, ты где-нибудь в степи-пустыне встречал. Но если ты в доме нашем не живал, как ты можешь знать мою мать и сестру мою?

Сказал Караджан:

— Тебя самого я раньше никогда не видал, собеседником твоим не бывал. Я — один из девяноста богатырей калмыцких, что твоей невесты домогаются. Но увидел я во сне родню твою — и стал другом твоим. Вот почему я знаю и тебя и всю твою семью.

— Ну, — говорит ему Алпамыш, — раз ты моим другом стал, значит — близким человеком мне стал, — поднимись-ка на вершину холма, давай поздороваемся.

Ответил ему Караджан:

— Такого совершенства не достиг я, чтобы на вершину этого холма подняться, как ты. Лучше ты спустишься ко мне — внизу поздороваемся.

Ведя за собой коня на поводу, спустился Алпамыш с того крутого холма.

Приказал Караджан слугам-дружкам своим:

— Поздоровайтесь с другом моим Алпамышем.

А дружки — народ нежный, застенчивый, кончиком руки здороваются.

— Ну, как здравствуете? — спросил их Алпамыш и так каждому руку сжал, что пальцы у них один к одному прилипли, скрючились — покалечились. После этого Караджан объятия свои раскрыл, Алпамыш объятия свои раскрыл — оба любовно поздоровались друг с другом.

— Ну, как поживаешь-здравствуешь, друг мой? — спросил Алпамыш, да так стиснул в объятиях Караджана, что семь ребер сломал ему и тот наземь плашмя упал.

— Что с тобой, друг мой? — спрашивает Алпамыш.

Караджан, вида не показывая, отвечает ему:

— В детстве я падучей болезнью страдал, — сейчас она, видимо, снова схватила меня.

Говорит ему Алпамыш:

— Если болезнь твоя известна тебе — лечить ее надо.
А Қараджан ему:

— Ты правду скажи мне: это ты здороваешься так или дерешься?

— Что ты мне худого сделал, чтобы я дрался с тобой? Это я здороваюсь так, — говорит Алпамыш.

— Ну, — отвечает Қараджан, — если ты так здороваешься, то как же ты дерешься?! — И такое слово при этом говорит он Алпамышу:

— Ты рукопожатьем рúки слугам смял,
Дружеским объятьем ребра мне сломал, —
Преклоняюсь я пред силою твоей!
Из страны Конграт тебе подобный бек
Всех батыров здешних превратит в калек.
Только обреченный богом человек
Встретиться с тобой отважится, узбек!
Равных нет тебе и не было вовек! ..
Скачет под тобой резвый аргамак,
На луке седла — твой золотой садак.
Если Байчибар поскачет порезвей,
То с миндалеокой Барчин-яр своей
Встретишься ты вскоре, счастлив будешь с ней,
Только, к ней прибыв, добыть ее сумеи! ..
Если к нам в страну такой приехал лев,
Многотрудный, дальний путь преодолев,
То врагов своих, кто б ни были они,
Уничтожит он, на них обрушив гнев.
Он дела большие совершит в бою,
Отвоюет он любимую свою.
Не случайно носишь имя ты — Хаким.
Ни один герой с тобою не сравним,
Как дракон могучий, ты необорим.
Друг, ты благороден по речам твоим:
Если не растоптан будет твой цветок,
Чересчур не будь с калмыками жесток.
Барчин-гуль тебе достанется в свой срок.
Эта встреча мне как знак судьбы дана.
Чистая твоя душа до дна видна.
Не хочу иметь на совести пятна:
Знай, меж девяноста тех богатырей
Не последним был и я в стране своей.
Но на свете нет людей тебя сильней, —
Преклоняюсь я пред силою твоей!

Караджан, став другом Алпамыша, ведет его как почетного гостя в своей шатер.

Держит меч высоко храбрый человек.
Как друзья — конь о конь едут с беком бек,
Скор, как легкий ветер, их тулпаров бег.
Едет Хаким-бек — и на луке седла
Лук везет — в четырнадцать батманов лук!
Караджан с ним рядом, как первейший друг.
Скачут перед ними двадцать конных слуг.
Слух об Алпамыше забежал вперед,
Встречные калмыки разевают рот:
Гостя Караджан к себе в шатер ведет!
Что за исполин и кто его народ? ..
Соколом бесстрашным едет бек Хаким,
Горд тулпар арабский седоком таким.
Соколом Хаким глядит по сторонам,
По земле калмыков едет, как Рустам.
Путь их по лесистым пролегал местам.
Другу Караджан услуживает сам!
Встречные не верят собственным глазам...
Руку, наконец, Караджан-бек простер, —
Видит Алпамыш перед собой шатер —
Мирным гостем входит он в калмыцкий дом!

Вышли из шатра сорок прислужниц Караджана, приказал он им помочь Алпамышу с коня слезть. Подбежали служанки, хотели гостя с коня снять, — решил пошалить Алпамыш: всей своей тяжестью навалился он на девушек — у пятнадцати из них ноги подломились.

Сидит Алпамыш в гостях у Караджана, а мать Караджана, Сурхайль-ведьма, сыну своему такое слово говорит:

— Как ты, Караджан мой, опрометчив был!
Очень глупо ты, сынок мой, поступил.
Силача узбека где ты подцепил?
В дружбу со своим врагом зачем вступил?
Чем же он, узбек, твой разум усыпил?
Лучше бы дорогу к дому ты забыл!
Э, Караджан-бек, сыночек, ты сглупил!
Как же ты приводишь людоеда в дом?
Будешь, Караджан мой, каяться потом.
Как такое дело делать непутем?
Сам ты пропадешь, и все мы пропадем!

Мягкосерд и полон бредней ты, глупец!
Меж глупцов теперь последний ты глупец!
Сердце от узбека ты подальше спрячь,
В проявленье дружбы с ним не будь горяч.
Думаешь — с добром пришел такой силач?
Гость такой, скажи, к чему тебе, сынок?
Стать своим рабом заставит он тебя!
Гневом распаясь, раздавит он тебя!
Сурхайль тебе родная мать — не враг,
Даром говорить она не стала б так,
Э, Караджан-бек, ты все-таки дурак!..

Услыхав слова матери своей, Караджан так ей ответил:

— Этой дружбе, мать, до смерти верен я,
Чести долг нарушить не намерен я.
Нравом, как лоза-трава, стал смирен я.
Гостя в дом привел я, дорогая мать, —
Гостя ты должна, как сына, принимать.
Мне твои слова в обиду могут стать.
В друге дружбы жар не буду охлаждать —
Я ему, как брату, должен угождать.
Любишь ты пустою речью досаждать.
Здесь он будет жить и здесь коня держать.
Сокол прилетел к нам из конгратских мест,
Как же не устрою для него насест?
Не шуми — себя пред гостем не срами,
Хорошо его прими и накорми!..

Остался Алпамыш гостем у Караджана, хорошо угощал его Караджан, много почестей оказывал ему. День к полудню уже приближался — Алпамыш сказал:

— Как же узнает о нас Байсары, раз мы здесь находимся? Поехал бы ты, Караджан, к дяде моему, разузнал бы обо всем, и если он не передумал отдать нам свою дочь, то окажи нам дружескую честь — будь сватом от нас. Как бы то ни было, дай ему знать о прибытии нашем.

— На каком же мне коне поехать? — спросил Караджан.

— На каком хочешь, на том и езжай, — отвечает Алпамыш.

— Твой конь притомился, — говорит Караджан, — поеду-ка я на своем.

— Если на своем поедешь — не поверят тебе, подумают: «Это калмык, с которым мы постоянно ссорились, —

замыслил он пакость какую-то». Поезжай лучше на моем Байчибаре. — Так сказал ему Алпамыш.

— Ладно, — согласился Караджан, сел на Байчибара, несколько раз камчой стегнул его. Проняла камча коня, понес он незнакомого седока, раскачивая его как только мог. Натянул Караджан повод, думает:

«Э, что случилось с этим негодяем-конем! Видимо, совсем нестоящая это тварь, ничего хорошего у меня с ним не получится. Как это умудрился Алпамыш приехать на этой негодной скотине, за коня ее считая?»

Остановился наконец Караджан перед Алпамышем — и так сказал ему:

— Что! Майдан спокойней всех дорог тебе?
Вражья сила — легкий ветерок тебе?
Иль Барчин-аим продлила срок тебе?
Вот на этой самой кляче ехал ты?
Оседлав ее, хотел успеха ты?
Из Конграта прибыл к нам для смеха ты?
Выбирал коня ты ночью или днем?
Для чего ты шел в поход с таким конем?
Как же ты невесту увезешь на нем?
Друг мой бек! Глупцу и мука поделом!
Если ты другого не нашел конька,
Чтобы приезжать сюда издалека, —
Уезжай назад — не поздно ведь пока,
Здесь тебя враги убьют наверняка! ..
Ночь для всех влюбленных самый верный друг,
Я пролью слезу — заплачут все вокруг.
Девяносто есть тугаев у тебя, —
Кляча между тем такая у тебя!
Видно, не нашлась другая у тебя!
Друг ты мой узбек, твоя страна — Конграт.
Носишь не зелено-синий ли наряд?
Видимо, и впрямь конями ты богат,
Если оседлать такую падаль рад!
Что с тобой, беднягой, будет в грозный час?
Что тебе тут делать! Уезжай от нас!
Милую не спас, так хоть себя бы спас!
Может быть, найдется конь другой у вас, —
Как-нибудь приедешь в следующий раз.
Слово ты мое обидой не считай,
Увезти Барчин напрасно не мечтай,
Зря себя, мой друг, теперь не утруждай,
Хоть назад добраться счастья попытай!

Говорю тебе — не тщись и не мудри,
В сторону своей родной страны смотри.
С неисполненной мечтою не умри.
Мечен, видно, ты злосчастною судьбой:
На таком коне паршивом выйдешь в бой —
Ужасы калмыки сделают с тобой!
Я такой завел не в шутку разговор:
Лучше о Барчин не думай с этих пор.
Все твои мечты-надежды — сущий вздор. . .
Сдохни Байчибар твой — это же не конь,
Развалиться может, — ветошь, а не конь!
Ждет его давно в Конграте живодер!

Услышав слова Караджана, Алпамыш говорит ему в ответ:

— Голос храбреца могучего услышь:
Ливнем слез не лей, себя ты сам срамишь,
Зря ты моего Чибара так хулишь.
Осадив коня, — на целых сорок дней
Дело всё мое задерживаешь лишь.
Если бы Чибара ты не задержал,
Он бы полетел, не только побежал.
Я бы вскоре счастье с Барчин-гуль вкушал,
Понимать коней ты, видно, не привык, —
Плачет от обиды конь мой боевой.
Э, ты безъязыкий, глупый ты калмык!
Прочитай скорей двукратно калиму —
Конь мой в небеса тебя поднимет вмиг.
Только уваженье ты имей к нему:
Слишком бить коня избранного к чему?
Гибель причинишь себе же самому.
Ну, скорей прочти святую калиму, —
Байчибара вновь с пути не возвращай,
Сердца своего теперь не огорчай,
Сватовство мое устроить обещаю.
Друг мой Караджан, скорей вернись! Прощай! . .

Прочитал Караджан двукратно калиму и отправился на чубаром скакуне в путь, к Ай-Барчин, сватом от Алпамыша.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Много было ссор у калмыцких богатырей из-за узбекской красавицы. А время шло, и шестимесячная отсрочка уже на исходе была. Два часа оставалось до срока. Когда сон свой видела Барчин, было ей предсказано: «К полднику сын дяди твоего придет». Полдник наступил — нет Алпамыша. Неужели суждено ей калмыкам достаться? В тревоге смотрит Барчин-ай на дорогу и подружкам своим — прислужницам — так говорит:

— Девушки, с кем скорбью-болью поделюсь?
Горечью тоски вот-вот я захлебнусь.
За меня молитесь, девушки мои,
Я неправовой нине становлюсь!
Иль судьбе предвечной я не покорюсь?
Как от сватовства калмыков увернусь?
Если я от веры предков откажусь,
Значит, навсегда смеяться разучусь.
Как же я в чужом народе приживусь, —
Он же моего не смыслит языка!
Телом непорочна и нежней цветка,
Став женой калмыка, ведь зачахну я, —
Съест меня печаль, убьет меня тоска!
За меня молитесь, девушки мои!
Счастьем до сих пор была не обжита
Сердца моего девичьего юрта, —
Вся она теперь охвачена огнем.
Суждено мне горе в юные лета!
Полдник наступил — не едет дядин сын.
Горе, горе! Нет надежды для Барчин!
За меня молитесь, девушки мои!..

Ой, нет мочи больше страдать!
Некого, как видно, мне ждать.
Как он мог, мой хан, опоздать,
К сроку мне защитой не стать!
Девушки, прощенья прошу, —
Огорченья вам приношу.
Но страданья чем заглушу?
Данный мне калмыками срок
В этот час, подружки, истек.
Разве не погибнет цветок,
Если зимний холод жесток?
Не приехал милый Хаким, —

Перед Конгратом стыдно моим.
Черных дней дождались мы вдруг.
Что с народом будет моим!
Плачьте, сорок милых подруг.

Сорок девушек-уточек взглянули в сторону Чилбир-
чоля, слышат — конский топот с той стороны доносится.
Вгляделись они — всадник на Байчибаре скачет — калмык,
оказывается! Опечалились девушки, сказали Барчин:

— Знай, что прибыл тот, о ком вещал твой сөн!
Но богатырей калмыцких встретил он.
Видно, был с дороги сильно утомлен —
И погиб, калмыцкой силою сражен,
Не достигнув той, с которой обручен.
Верный конь его добычей вражьей стал, —
Знатный враг пленил коня и оседлал.
Светопреставленья страшный день настал!
Или Алпамыш не бек в Конграте был?
Или сам коня врагам он уступил?
Если бы не враг его в пути убил,
Разве бы Чибара оседлал калмык?!
Значит, он погиб, конгратский сокол твой,
Прежде, чем желанья своего достиг!
Что на Байчибаре скачет к нам калмык,
Зоркая Суксур ведь разглядела вмиг.
Видно, горд калмык захваченным конем,
Если так спесиво он сидит на нем.
Хлещет он коня, торопит он его, —
Чую вещим сердцем вражье торжество.
Наше положенье будет каково?
Добрый конь конгратский, где хозяин твой?
Ты калмыку стал добычей боевой!
Косы распусти, красавица, ой-бой,
Плачь! Не став женой, осталась ты вдовой!
А калмык всё ближе. Как бы ни гадать,
Так иль так, — добра нам от него не ждать.
Он тебя своей женой принудит стать,
Нас, твоих подружек, плакать, причитать.
Ой, всему народу нашему страдать,
Светопреставленья муки испытать!..

Калмык, скакавший на Байчибаре, всё ближе подъез-
жал, и уже все сорок девушек хорошо его разглядели,
узнали в нем Караджана. Растерялись они, зашумели-

вапричитали и, окружив Ай-Барчин, руки к небу воздев, стали громко молиться. А Барчин-ай, рассердившись на Суксур, так ей сказала:

— Болтовней твоей по горло я сыта.
Друг ли едет, враг ли — речь твоя пуста,
Да забьет песок болтливые уста!.. —
Ай-Барчин встает и смотрит в степь Чилбир —
Скачет на Чибаре Караджан-батыр.
Почернел в очах красавицы весь мир.
Жалобно слезами залилась Барчин:
— Сладкая душа мне не нужна теперь,
Всех богатств да буду лишена теперь,
Юности моей что мне весна теперь!
Если встречи с милым бог меня лишил,
Смерти бы за мной прийти он разрешил!.. —
Косы распустив, Барчин рыдает: — Ой,
Добрый конь конгратский, где хозяин твой?
Мужа не познав, осталась я вдовой!
Осенью цветам не увядать нельзя,
Часа смертного нам угадать нельзя,
Брата из Конграта, видно, ждать нельзя,
Видимо, в живых его считать нельзя,
И в Конграт о нем нам весть подать нельзя!

Пока Барчин причитала, подъехал Караджан, прибывший сватом от Алпамыша. Усы покручивая, ногами в стремяна упираясь, на юрту бархатную поглядывая, расспрашивая о Байсары, сказал Караджан:

— Скорбные рабы какой мечтой живут?
Бай ли богатый пир не зададут?
С дочерью-батыршей проживая тут,
Дома ль в этот час почтенный Байсары?
Посмотрю построже — всех я всполошу.
С дочерью-батыршей здесь живущий бай
Дома ли сейчас — ответить мне прошу!
На тулпаре ханском важно я сiju,
Хан меня прислал, которому служу.
Цель приезда в тайне я пока держу,
Но тому, чья дочь, батырша Ай-Барчин,
Баю Байсары, всё дело изложу.

Спрашивает да спрашивает батыр Караджан про бая Байсары, а девушки стоят, ни одна к нему не подходит,

ни слова никто ему не отвечает. По какому он делу прибыл — никому не известно, однако не верят ему девушки, плачут.

А Караджан-батыр дело свое знает, — хитрости нет в его сердце: сватом от Алпамыша прибыв, бая Байсары спрашивает он. Но девушки в коварстве подозревают калмыка.

«Он — напасть, пришедшая в наш дом!» — так они думают. А сама красавица Барчин такое слово ему говорит:

— Этот конь давно ль твоей добычей стал?
Сам ли ты его взнуздal и оседлал?
Бая Байсары ты дома не застал!
У скорбящих, видно, много дум-забот.
Кто богат, как видно, сладко ест и пьет.
Мой отец, как видно, проверяет скот...
Ярко-голубой была моя парча...
Не твоей ли жертвой стал мой Хаким-бек?
Сразу я в тебе узнала палача!
Моего отца нет дома, говорю.
Слышал? Я ведь не глухому говорю!
Он в Байсун-Конгратский выбыл край родной, —
Видно, повидаться захотел с родней.
Весть ко мне дошла недавно стороной —
Принят был с почетом он родной страной.
Хоть и хорошо досуг провел он свой,
Видно, заскучал там, разлучен со мной.
Знай, что путь оттуда — полугодовой.
Видимо, давно он выехал домой, —
Месяца за три отец доедет мой.
А такой калмык, насильник и хитрец, —
С чем приехал ты, признайся наконец?
Мы в руках калмыцких, мы народ-пришлец, —
Вынужден терпеть жестокий гнет пришлец...
Если стал твоей добычей этот конь,
Значит, мертв его хозяин-удалец!..
Говорю тебе: уехал бай-отец,
Выехал он к брату, шаху Байбури,
Будет он обратно месяца чрез три.
Что истек мой срок, — так думая, смотри, —
Хоть и нет в живых конгратского тюри,
Зря теперь, калмык, себя не утруждай,
Девяносто дней еще мне сроку дай.
Бай-отец приедет — дело с ним решай,
До тех пор, калмык, сюда не приезжай

И другим батырам ездить запрети.
А теперь не стой, коня поворачи,
Много лет живи здоровым, не грусти,
Худа не встречай — встречай добро в пути!

Подозревая, что Караджан прибыл с коварным умыслом, Барчин сама схитрила, чтобы еще три месяца срока иметь. А Караджан, тайных мыслей ее не зная, подумал: «Э, чем ждать, пока бай вернется домой, лучше я поговорю с ней самой. За сватовство взявшись, не так приятно, пыль клубя, ездить по дорогам туда и обратно, напрасно мучить себя. Хорошо сватовство, когда сразу кончаешь его. Он ее хочет взять — ее дело свое сказать...» Рассудив так, обратился Караджан к самой Ай-Барчин:

— Подо мной плясать скакун узбекский рад,
Щит мой на плечах, а на бедре — булат.
Прибыл Караджан к тебе как мирный сват.
Кармаза твоя нарядна и ярка,
Ты меня, узбечка, выслушай пока:
Храбрый сокол гостем сел в моем дому.
Преданный слуга и верный друг ему,
Точно передам я другу моему
Всё, что ты б ему сказала самому.
Каждое твое словечко я пойму,
Скорбное твое сердечко я пойму,
А мои слова за хитрость не сочти, —
Искренностью мне за искренность плати.
Никому не дай себя сбивать с пути,
О моем приезде слухов не пусти,
Чтобы не проведать недругам твоим.
А что я — калмык, об этом не грусти:
Другу твоему мы друг и побратим,
Мы ему сердечно послужить хотим.
Прибыл Караджан как сват к Барчин-аим:
Если дяди-бия сын тебе желан,
Значит, так ему и скажет Караджан...

Барчин, желая испытать Караджана, так ему опять сказала:

— Радужным наряд мой изумрудный был,
Шахом Алпамыш в своем народе был...
Да зачахнет новый друг твой Алпамыш, —
Сердцу моему он не угоден был!

Я тебе скажу, что он уродлив был:
Сероглаз, а станом он нескладен был.
Если хочешь знать — батыр Караджан-бек
Сердцу моему желанный человек. . .
Я ношу парчу, ношу я шелк цветной,
Перед божьей волей стан склоняю свой.
Знай, что я живу лишь думаю одной:
Если я к тебе в садовницы пойду,
Сколько роз в твоём я соберу саду!
Караджан-батыр прославлен всей страной, —
Караджану стать согласна я женой.
Никакой герой не нужен мне иной.
Женихов других тебе хвалить к чему?
Каждого со мной тебе сводить к чему?
Самого себя тебе двоить к чему?
Сердцем я клонюсь к тебе лишь одному, —
Так и передай ты другу своему.
Мужем и женою здесь, в краю твоём,
Мы с тобой в любви, в согласье заживем,
Будем хорошо хозяйствовать вдвоем,
Срок придет — украсим детками свой дом. . .
Мы желаем только вас, Караджан-бек,
Вот вам слово наше: ваша я навек! . .

Такие слова услышав, Караджан сказал:

— Оставь меня! Бессовестно ты говоришь. Прибыл Алпамыш сюда, столько ради тебя испытал невзгод, своего коня измучив. Может ли он вернуться ни с чем — осправиться перед народом своим? Если же тебе калмыки нравятся — кроме меня, еще девяносто без одного у нас братьев есть. Любому из них честь окажешь, а меня оставь. . .

Так сказал Караджан, сердечно огорчась. Исчезли приятные мечты его. Повернул он голову коня, выехал на дорогу — отправился в обратный путь.

Пожалела Барчин о сказанном, бросилась за Караджаном, такие сказала слова:

— Если Алпамыш меня не разлюбил,
Знай, что он мне дорог так же, как и был!
Слез поток меня, как видно, ослепил —
Низкое с высоким путает мой взгляд.
Может стать обидным слово невпопад.
Что же ты — джигит иль малое дитя?
Я ведь разговор вела с тобой шутя.

Где же разум твой, друг моего тюри?
Слова моего ему не повтори,
Бедного его не напугай, смотри,
Шуткою моей — беды не натвори!
Ничего об этом пусть не знает он,
Чтобы подозреньем не был угнетен!
Сердца моего услышь печальный стон!
Повернуть Чибара я прошу ко мне, —
Позабочусь я о вас и о коне,
Мной теперь довольны будете вполне.
Расспрошу я вас о том, кого ждала.
Ведь о вашей дружбе знать я не могла,
Если б знала ваши меж собой дела,
Сразу бы ответ желанный вам дала.
Что сказала раньше, я сказала зря.
Если прибыл он, мой Алпамыш-тюря,
За известье это вас благодаря,
Очень вас прошу коня поворотить,
Душу нам своим рассказом усладить.
Ждали мы — дождались радостного дня!
Бек мой Караджан, послушайте меня:
Девушкам моим прошу вручить коня.
Как-никак — с такой красавицей, как я,
Караджан-батыр любезным должен быть.
Раз я так прошу, вам надо уступить, —
Не хочу я в глупом положенье быть!..

Караджан повернул коня и важно подъехал. Коня под уздцы взяв, Ай-Барчин приветливо встретила Караджана как дорогого гостя, мягкие одежды ему подстелила, барашка зарезала, наварила мяса и шурпы. Сваренное мясо наложила в деревянную миску, принесла — поставила перед Караджаном. Сидел Караджан, мясо жирного шестимесячного барашка пожевывая, обсосанные косточки выплевывая. Поел-поел, потом говорит:

— Ну вот, Барчин. Алпамыш твой приехал, отсрочка, тобой испрошенная, кончилась. Что скажешь?

Сказала Барчин:

— Приехал так приехал. Что же мне — за полы его ухватиться и на весь свет кричать: «Алпамыш приехал!» Его приезд байге не помеха! Калмыцкие батыры, шестимесячную отсрочку мне предоставив, тоже ведь ждали, страстью томясь, и приняли прежде мои условия в надежде, что каждый пустит на майдан своего коня, а тот получит меня, чей конь всех других обгонит. Народу, значит,

не будет обиды: кто победит, за того и выйду. А всех моих условий — четыре. Алпамыш их выполнит — я ему жена, выполнит калмык — я калмыку жена. Слово свое сдержать я должна! Так и передай сыну дяди моего.

Скачет конь в ущелье — на вершинах гром.
Стонет богатырь, израненный копьем.
С Бабахан-горы сорокадневный путь, —
С Бабахан-горы байгу мы поведем.
Тот, о ком я буду небеса молить,
Кто меня заставит бусы слез пролить,
Кто коня заставит в поднебесье плыть,
Вольные крыла соколья распластав,
Всех других коней на скачке обогнав, —
Тот батыр и должен награжденным быть,
Должен он супругом мне сужденным быть...
Тот, кто, зная, сколько лет его прождав,
Мучилась я здесь, жестоко пострадав,
Кто, в пути невзгод немало испытав,
Из дали далекой прискакал за мной, —
Тот батыр меня возьмет своей женой...
Кто на состязаньях — ловок, сильнорук,
Круто лук согнув, не переломит лук,
Тот искусный лучник будет мне супруг!..
Тот, кто из ружья за тысячу шагов
Попадет в теньгу, всех посрамив врагов,
Меткий тот стрелок — тот сокол меж стрелков —
Будет мне супругом, если он таков...
Кто, ко мне любовью-ревностью горя,
Выйдет на майдан и, не бахвалясь зря,
Одолееет всех соперников своих,
Доблесть доказав и мощь богатыря, —
Только тот достоин мужем стать моим...
Пусть мои условия знает мой тюря,
Пусть коня готовит мой султан Хаким.
Так ты и калмыкам передай своим.
Мною всем условия равные даны, —
Нет на мне теперь ни перед кем вины.

Выслушав слова Барчин, Караджан так ей ответил:
— Э, хорошо ты придумала! Если бы сразу ухвати-
лась ты за полу Алпамыша, пожалуй, немало бы несча-
стий вышло. Действительно, в этом деле ты была прозор-
лива. Хвала тебе!..

Сказав так, сел Караджан на коня — поехал в обратный путь. Встречаются ему по дороге девяносто без одного батыров калмыцких. Самый могучий из них — Кокальдаш-батыр — спрашивает:

— Откуда едешь, Караджан?

— Еду я, — отвечает ему Караджан, — от узбекской девушки.

— Срок, ею назначенный, кончился. Каков теперь ее ответ? — спрашивает Кокальдаш.

— Слова ее таковы, — говорит Караджан: «Устрою, говорит, байгу и за того батыра замуж выйду, чей конь всех других коней обгонит; кто в лучном состязанье, лука не сломав, дальше всех стрелу метнет; кто за тысячу шагов из ружья в теньгу попадет; кто в борьбе на майдане всех соперников поборет...»

Говорит тогда Кокальдаш Караджану:

— Сердце узбечки ко мне склонно. Байга будет — всех обгоню: ничей конь не равен моему коню! Состязанье будет на метанье стрел — мой лук самый крепкий, останется цел. За пятьсот шагов попадаю в теньгу, старательней прицельюсь — попасть и за тысячу шагов могу. Рука против меня у всех слаба, — если будет борьба, истинно говорю, — всех поборю! Взять Ай-Барчин мне одному судьба... А откуда, скажи, ты эту клячу достал?

— Из страны Конграт, — отвечает Караджан, — друг мой Алпамыш приехал. Это его конь.

— Алпамыш приехал?! — заорал Кокальдаш.

— Да, приехал.

— Э, если так, то он дурак! — рассмеялся Кокальдаш. — На таком коне собирается он невесту увезти!..

Был при Кокальдаше конский знаток, по прозвищу Куса-коновал. Призвал его Кокальдаш, говорит:

— Осмотри-ка узбекского коня, что скажешь о нем?

Осмотрел коновал Куса Байчибара, обмерил его: вышло у коня от хвоста до ушей девяносто шесть четвертей, а в обхват груди — шестьдесят три четверти. Погладил Куса Байчибара по крупу, к ноздрям его приставил подзорную трубку, внутрь заглянул, грудь осмотрел: меж передних ног на груди Байчибара незаметно сложенные крылья оказались — каждое в три с половиной аршина.

— Ну, каков конь узбекский? — спрашивает Кокальдаш.

Отвечает Куса:

— Конь узбекский таков, что к узбекской девушке и не сворачивай.

— Правду говори! — приказал ему грозно Кокальдаш.
— А вот тебе и правда! — сказал Куса-коновал и стал расхваливать Байчибара:

— Из отборного отобран табуна,
Как алмаз — копыта, маралья спина.
Быть ему цена безмерная должна.
Этот конь таков, оказывается:
В боевые дни врагов он удивит,
Кто на нем сидит, тот всех опередит.
Два крыла в своих подмышках он таит, —
Знай, что в три аршина каждое крыло,
Даже с половиной! И как снег бело.
Истинный тулпар, оказывается!..
Родился чубаро-серой масти он —
С виду неказист, а как силен, смышлен!
Знаю: седоку доставит счастье он!
Сбруя — так и блещет медным жаром блях.
По небу парить он может на крылах,
Быстролетных птиц обгонит в облаках.
В гору хоть пустить, в равнину хоть его —
Беспорочна всюду иноходь его...
Лучше состязанья с ним не начинай,
Не добудешь ты узбечку Барчин-ай.
Конь узбекский — правду ты о нем узнай —
Истинный тулпар, оказывается!
Своего коня готовь хотя бы год —
Жаль мне, Кокальдаш, твоих забот-хлопот.
А узбекский конь, как ни хитер ты будь —
Хоть бы ты гвоздями вымостил весь путь, —
Может каждый гвоздик на скаку минуть,
Ни одной ноги не наколов ничуть,
И притом обгонит твоего коня.
Этот конь — совсем особенный тулпар!
Если б ты прельстился хитростью другой,
Если б ты его связал перед байгой,
Чтоб не шевельнул он ни одной ногой,
Сам уйдя вперед дорогой скаковой
Даже на пятнадцать дней, а всё равно —
Первому тебе прийти не суждено:
Путы разорвав, сумеет Байчибар
Обогнать тебя и первым прискакать.
Этот конь — совсем особенный тулпар!
Слушай, Кокальдаш: на мой совет склонись
И перед конгратским гостем не срамись:

Лучше от байги заране отстранись.
Нет у нас во всей стране таких коней.
Барчин-гуль тебе не взять, забудь о ней!
Раз не суждено, то покорись судьбе, —
Мучиться напрасно для чего тебе?
Путь байги хоть на шесть месяцев назначь,
Из любого места отправляйся вскачь —
Но узбек поспеет первым. Плачь не плачь,
Знай, что этот конь клеймен клеймом удач.
Он — коням погибель, седокам — позор.
Говорю: с Чибаром безнадежен спор!..

Услышав такие слова, очень разгневался Кокальдаш:

— Знаю, Куса, лукавая ты лиса! И раньше злобу ты на меня имел. Теперь ты заранее сговорился с узбеком, — он тебе, наверно, дал три-четыре теньги, — чтобы ты нагнал страху на меня, чтоб отвел от байги. Вот почему ты так хвалишь узбекского коня! Ну хорошо, попомнишь меня!..

С этими словами бросился Кокальдаш на Кусу-коновала — и выколол ему оба глаза.

— За твои глаза я заплачу кун, когда моего Кокдонана обгонит узбекский скакун... А пока, — сказал он, — поеду — погляжу на того Алпамыша.

Собрались все девяносто калмыцких батыров — и Караджан с ними был — и шумной толпой поскакали все к Алпамышу...

Сидит Алпамыш в шатре. Смотрит — какие-то калмыки едут: голова у каждого на юрту похожа, туловище — как холм крутой. Алпамыш, не вставая, грозно посмотрел на батыров. Растерялись без одного девяносто батыров калмыцких, давай соскакивать с коней; руки на груди сложив, поклонились приезжему. Только один Кокальдаш-батыр с Кокдонана своего не слез и так сказал Алпамышу:

— Мой совет, узбек, помяни,
С этого пути поверни,
Собственную жизнь сохрани.
Своего добиться не мни.
Кокальдаш-батыр говорит,
Он словами зря не сорит,
Сердце его гневом горит.
Что тебе до моей жены?
Уезжай, пока не убит!
Горы тучами окружены,

Силой мы с тобой не равны.
Если мы столкнуться должны,
В лапы ты мои попадешь,
Целым ты из них не уйдешь.
Я с тобой, узбек, не шучу:
Я тебе башку сворочу,
На тебя конем наскочу —
В прах тебя, несчастный, втопчу!
Поступлю с тобой как хочу!
Уезжай, узбек, поспеши,
Жизни сам себя не лиши.
Если хочешь слышать — услышь:
Ай-Барчин не люб Алпамыш,
Чувства ее к нам хороши.
Говорила не раз и не два
Кокальдашу такие слова:
«Алпамыш — сухая трава,
Потерял на меня права.
Буду вашей — вам говоря, —
Обещанье даю не зря. . .»
Кокальдаш этот самый — я!
Знай, узбечка будет моя!

Алпамыш тоже тогда слово свое сказал Кокальдашу:

— Высушу я взглядом море-океан,
Громко закричу — обрушится курган.
Сколько глупых слов ты тратишь, пахлавани!
Я зовусь Хакимом, я байсунский хан.
Трус и слабосильный из далеких стран
Едет ли на поиск той, кому желан?
Где страна такая, где такой народ,
Чтоб такой, как ты, нашелся там урод?
Вздорной похвальбою свой наполнив рот,
Стал как на базаре, на всю степь орет!
Болтовня батыру цену не набьет,
Славу бесполезным криком не стяжать, —
Храбрецы должны Рустаму подражать:
В боевые дни величие держать,
Недруга в бою нещадно поражать.
Дело хвастуна в такие дни — дрожать.
Выйдет на майдан, бахвалиться начнет,
Думает — соперник лжи не разберет.
Смотришь — поединка подойдет черед,

Враг его к рукам покрепче приберет
И, потрянув, закружит — и назад швырнет,
И болтун хвастливый сразу и умрет!
Дураку — урок: не суйся на майдан! . .
Я мечом алмазным опояшу стан, —
Подвернись любой калмыцкий пахлаван,
Обагрю свой меч я кровью вражьих ран.
Кто ни попадетсЯ, руку разверну —
Камушком его под облака швырну.
Показав себя, вернусь в Байсун-страну,
В край родной свою любимую верну.
Натерпеться мук придется крикуну!
Осень подойдет — цветник увядший пуст,
Может сесть и ворон на розовый куст.
Смертная тоска язвит и хитрых змей. . .
Шуточки шутить, калмык, со мной не смей!
Если ты смельчак, то на майдан пойдем,
Мы тебя с конем и всем, что есть на нем,
Людам на потеху в небо зашвырнем!
Я тебе скажу: коль прибыл я сюда —
Значит, вы дождались Страшного суда! . .

Кокальдаш в ответ Алпамышу тоже слово сказал:

— Слушай-ка, узбек, предупрежденья речь:
Гневом землю я могу насквозь пропечь.
Как это швырнешь ты моего коня?
Рад бы я такое диво повидать.
Видно, хочешь трупом на чужбине лечь.
Здорово и сам приучен ты болтать.
Столько слов насыпал — в год не сосчитать.
Захочу — могу я в прах тебя втоптать.
Знай, в стране у нас тебе добра не ждАть!
Говорю тебе: напрасен твой приезд,
Никаких от нас не увезешь невест!
Много приезжало смельчаков таких,
Невредимым кто ушел из наших мест?
Трус я иль храбрец, — увидим, пахлаван.
Как только с тобой мы выйдем на майдан,
С плеч твоих башку сорву, байсунский хан,
И заткну ее в батырский свой карман.
Это всё подстроил брат мой Караджан,
Он тебя привел, забыв родство и честь. . .
Выйдем на майдан — посмотрим, кто ты есть!

Тут и Караджан тоже не стерпел, слово свое сказал:

— Плохо поступаешь, Кокальдаш, мой брат!
На словах с узбеком ты схватиться рад.
Укроти язык свой, дело говорят:
Ты с таким узбеком справишься навряд:
Истинный батыр, могучий великан,
Гору кулаком он истолчет в талкан.
Этого узбека знает Караджан. . .
Укроти скорей язык свой, Кокальдаш,
За слова такие душу ты отдашь!
В сильном гневе он тебя с землей сравнит,
В пыль и прах твое добро он превратит.
Всю страну калмыков он испепелит!
Укроти язык свой — он тебя простит.
К счастью твоему, не понял он всего,
Что ему сказал ты, понося его.
Если бы он знал получше наш язык,
Был бы ты слепцом, спесивый ты калмык!
Только подступи — тебя он кончит вмиг.
Против этой мощи что поможет брань?
Как ни угрожай, а дело выйдет дрянь.
Лучше подобру ты от него отстань,
Языком несчастья не набарабань.
Приняли мы все условия Барчин —
Ты не возражал, — будь слову господин.
Если всё исполнит лишь узбек один,
Значит — Ай-Барчин узбеку и жена,
Значит — нам она с тобой не суждена.
Соблюдаем же честь батыров и мужчин.
Победишь — тебе достанется она.
Ведь не бранных слов горячка нам нужна,
А удача в трудных скачках нам нужна.
Так давай готовить скакунов-коней,
Чтоб они резвее были и сильней.
Наши кони дух испустят на скаку,
Только бы добыть награду седоку.
Если первым твой прискачет к месту конь,
Значит — выиграл тебе невесту конь. . .
Ну, поеду я, оповещу народ,
О байге пускай все знают наперед.
Шаха известим — глашатаев пошлем,
Чтобы не пошла в народе болтовня:
Мол, не известили вовремя меня,

На байгу я б тоже выставил коня. . .
Пусть коней готовят — едут на майдан!

С этим согласились все. Караджан сразу же и приступил к подготовке байги. Написал он калмыцкому шаху письмо и отправил его с надежным слугой. Слуге велено было оповещать по пути всех встречаемых. Прочитал шах письмо — вызвал старшего конюха и отдал ему такой приказ:

— Готовь к байге самых лучших коней, хорошо ухаживай за ними, — наградой на байге будет дочь узбека Байсары. Я сам не прочь в жены ее взять, — может быть, судьба благосклонной ко мне окажется и один из моих коней первым придет. . .

Шах приказал также разослать глашатаев, чтобы на всех базарах, в каждом улусе оповещали народ о предстоящей байге.

Едут в Чилбир-чоль, спешат и млад и стар,
Айна-коль кипит, как праздничный базар,
Все батыры тут — и каждый льва сильнее,
Отбирают лучших скаковых коней.
Счетчики-писцы за ними вслед идут,
Перепись коней отобранных ведут.
Дело возглавляет Караджан-сардар.
Толпы прибывают. . . Всё шумней, людней.
Знатный и простой калмыцкий здесь народ,
Съехался сюда конгратский весь народ —
Десять тысяч юрт, — и каждый прет вперед.
Айна-коль шумит, как праздничный базар.

Выставил шах калмыцкий трех коней на байгу. Один был соловый резвый конь, но белокопытный: не надежны копыта белые, мягки чересчур. Второй ханский конь был из тех, что шапаками называются: если против восходящего или заходящего солнца бежать ему случится — сразу слепнет он; станет — с места не двинется. Третий ханский конь — гнедой, за которого одиннадцать тысяч таньга заплатил хан Тайча, оказался алакараком: как бы хорошо ни бежал, если сразу осадить его, тоже как вкопанный станет, долго потом ни вперед, ни назад не погонишь его. . .

Всего от калмыков было выставлено на байгу четыреста девяносто девять коней. Конь Алпамыша Байчибар, на котором взялся скакать Караджан, был пятисотым конем.

Великий великого узнает, силач силача узнает, тулпар узнает тулпара. Кокдонан, конь Қокальдаша-батыра, был

тулпаром. Почуял Кокдонан в узбекском коне Байчибаре своего победителя, поддался он страху, приуныл, стал от зерна отказываться. Сильно расстроился Кокальдаш и обратился к ослепленному им Кусе-коновалу:

— Видно, очень заболел мой конь. Хоть и не видят больше глаза твои, но руки зато чувствуют. Ощупай моего коня, определи его хворь, вылечи его.

Сказал Куса Кокальдашу такое слово:

— Слушай, Кокальдаш, и помолчи, батыр!
Глаз меня лишив, ты затемнил мне мир.
Иссушил меня и лик мой изжелтил,
Стал я сам себе ненужен и постыл.
Резвым был твой конь, и весел, и удал —
Он ли на байгах тулпаром не летал!
Но теперь, увы, твой конь понур и вял,
Даже от зерна отказываться стал.
Только твой Донан Чибара увидал,
Пораженье он свое предугадал.
Байчибар его, как видно, победит,
Пахлаван Хаким тебя опередит.
Зря себя не мучь, решай хоть так, хоть так, —
Лучше на байгу не выезжай, дурак!
Об узбечке гордой ты оставь мечты,
Всё равно судьбы не переспоришь ты.
Женихом Барчин себя напрасно мня,
Даром своего замучаешь коня:
Всё же Байчибару конь твой не ровня!
На позор его, несчастного, гоня,
Своего дождешься черного ты дня,
Горько будешь плакать, сам себя виня,
Голову повинно предо мной склоня,
Пожалеешь сам, что ослепил меня.
Языком болтать я даром не привык,
Говорю тебе, упрямый ты калмык,
Хоть в обиде я, но клятву дать могу:
К Бабахан-горе поехав на байгу,
Ты к своей беде поедешь напрямик,
Душу изведешь, намучаешься зря, —
Победит тебя приезжий тот узбек,
Осрамишься ты перед людьми навек.
Не видать тебе узбечки Барчин-ай!
Так что о байге забудь, не поминай,

Чтобы ты позора вовремя избеж,
Выродок, дурак, пустой ты человек!

«В могилу ляжет, а правды не скажет! — подумал Кокальдаш. — Подкупил его узбек — теперь его дело так говорить».

Сел на Кокдонапа Кокальдаш — уехал сердитый...

Стали собираться все участники байги. Караджан решил скакать за друга своего Алпамыша на его же коне. За восемьдесят золотых купил он Байчибара.

Сородичи-калмыки стали отговаривать Караджана:

— Разве этот конек стоит таких больших денег? Коновал Куса разговорами своими тебя, видимо, одурачил, — он взятку с узбека получил! Ведь это же не скакун, а кляча!

Но Алпамыш сказал:

— Друг мой, не поддавайся на отговоры сородичей своих: один раз споткнувшись, конь этот потом ровной иноходью пойдет, как вода текучая, не зная устали. Что ни прикажешь — он все выполнит. Очень доволен будешь конем.

— Уж раз купил — не отступлюсь, — сказал Караджан, сел на Байчибара и стал разъезжать перед калмыками, красуясь, коня купленного расхваливая.

Подошел Алпамыш к своему коню, прижался к нему грудью, словно навек прощаясь, и, обратившись к Караджану, сказал такое слово:

— Друг Караджан-бек, дай бог тебе удач!
Возвращения срок, прошу тебя, назначь.
Славный ты наездник, храбрый удалец,
Своего величья не роняй венец
В час, когда байга начнется наконец.
Байчибар, мой конь, игрив, смышлен, горяч, —
Скакунов других обгонит, словно кляч.
Твой булат остер, а ты — батыр-силач,
Недругов твоих заране слышу плач.
Прежде чем тыпустишь Байчибара вскачь,
Возвращения срок, прошу тебя, назначь!
Беком и тюре́й, как я, зовешься ты,
Весел и удал, в походы рвешься ты.
Смерти не боясь, отважно бьешься ты, —
Друг Караджан-бек, когда вернешься ты?
Вот уедешь ты в простор степных дорог,
И Чибар с тобой, мой преданный конек,
Я же здесь в тоске зачахну, одинок, —
Не томи меня, назначь приезда срок!

Байчибар, мой конь, уходит под тобой, —
Видно, суждена разлука нам судьбой.
Пусть я сам зачашну от печали злой,
Лишь бы жив-здоров Чибар вернулся мой!
Клятву я тебе, Караджан-бек, даю:
Только возвращусь на родину свою —
Не один, с тобою, — в том родном краю
Жизнь благоустрою тотчас, как в раю!
Если я с тобой делюсь конем своим,
Значит, я навек твой друг и побратим.
Будь что будь — ты мной, как брат, любим и чтим, —
Ты скорей вернись здоров и невредим!
Содержи коня опрятно моего,
Приведи скорей обратно ты его,
Делая добро для брата твоего,
Ты — во имя нашей дружбы и любви —
Возвращенья точный срок мне назови!

Опечалился Караджан и такое слово сказал в ответ:

— Подо мной арабский твой тулпар игрив.
Друг мой Алпамыш, будь тверд и терпелив.
К Бабахан-горе дней сорок мне пути,
С Бабахан-горы — не менее пяти, —
Дней за сорок пять могу назад прийти.
Мне калмыки дружбы нашей не простят.
Если чем-нибудь они мне отомстят:
Или Байчибара тайно повредят,
Или я с коня насильно буду снят,
Если на боку отточенный булат
Я не сохраню, мой друг, названный брат,
Если не вернусь за этот срок назад, —
Ты уже тогда меня не поджидай
И меня с конем погибшими считай.
Я ни пред людьми, ни пред судьбой не трус,
Послужить тебе по совести берусь, —
Дней за сорок пять, пожалуй, обернусь.
А пока вернусь — ты не скорби, мой друг,
Может быть, беда пройдет и мимо, друг!
Мне пятьсот врагов — ничто, коль ты — мой друг!
Страх за меня не знай, любимый друг!
Мой булат остер, и туг мой меткий лук, —
Где б судьбою ни был я застигнут вдруг,
Духом не паду, не опушу я рук.

Я тебе, мой друг, скажу — не умолчу,
Посрамить твоих соперников хочу:
Твоего коня я на байгу помчу —
Недругам навеки жизнь я омрачу.
Если ты мне дал коня такого, друг,
Дней чрез сорок пять сойдемся снова, друг!
Говорит тебе такое слово друг —
Значит, не горюй, не жди плохого, друг!..

Вот наконец и пустились в путь участники байги. Алпамыш остался один и грустно в шатер отправился. «Сорок пять дней, — думал он, — пройдут скоро. Караджан победителем вернется с байги — счастье привезет мне и Ай-Барчин». Так утешал он себя. А в это время сорок девушек Барчин во главе с Суксур в шатер пришли к нему, принесли блюда с вкусными яствами, расстелили скатерть. Пришли они, а участники байги были уже далеко. Сказала Суксур Алпамышу такое слово:

— Осень подошла — поблекли все сады.
На деревья червь напал и съел плоды.
Разума лишусь я от такой беды,
Горя моего к тебе ведут следы!
Весть ко мне сейчас недобрая дошла:
Плохи, бекиджан, увы, твои дела.
Слыхано то где и видано то где ж:
Витязь-конник стал по доброй воле пеш!
Иль ответом добрым сердце мне утешь,
Иль дурным ответом ты меня зарежь:
Правда ль, что калмык на Байчибара сел?
Чтоб он, тот калмык, не возвратился цел!
Ой, мой бекиджан, как ты душою слаб!
Я бы недругу коня не отдала б, —
Вырви ты его теперь из вражьих лап!
Глупости своей ты малодушный раб!
Разве оправдает дружбу тот калмык?
Верную ль сослужит службу тот калмык?
Как в чужой стране так поступаешь ты?
Встретился калмык — и сразу таешь ты.
Горькую мою теперь послушай речь!
Ты с калмыками еще не ведал встреч, —
Как бы мне тебя от горя уберечь?
Ты крылатым был — теперь бескрыл, джигит.
Скакуном ты был — лишился ты копыт,
Потеряв коня, натерпишься обид!

Преданно тебе служил твой Байчибар, —
Знай, пропал твой конь, твой боевой Чибар! . .

Алпамыш, обидевшись на слова Суксур, так ей ответил:

— Каждый сам себе не бек ли, не тюря?
Разуму-уму меня ты учишь зря.
Слишком ты дерзка, со мною говоря.
Мой тебе совет, красавица, сперва
Знай, с кем говоришь, и выбирай слова!

Когда Алпамыш покончил с едой, сорок девушек Барчин снова обратились к нему, такое слово сказав:

— Алая на ней кармаза,
Разума лишают глаза,
Гибок ее стан, как лоза,
Нам ее приказы — гроза.
Так нам приказала Барчин:
«Пусть он к нам придет, — говорит, —
Юный тот красавец джигит.
Сердцем он моим не забыт!»
Сорок мы прислужниц Барчин,
Знаем мы обычай и чин:
Шаха ты конгратского сын, —
Будем вам служить, господин!
Нет вам для отказа причин,
Путь у вас теперь лишь один, —
К счастью этот путь приведет!
Молнией блистает Барчин,
Видеть вас мечтает Барчин,
Речь ее сладка, словно мед.
Розам в цветнике расцветать,
Розам ее кудри под стать.
Велено нам так передать:
Будет вас красавица ждать, —
Хочет вас Барчин испытать.
Если улыбнется она,
Горе не оставит пятна.
Радостей вам чаша дана, —
Чашу надо выпить до дна!
Раз вы не калмык, а узбек, —
Старый вам обычай знаком:
Должен молодой человек
Милую проведать тайком. . .

Выслушав слово девушек Ай-Барчин, отвечает им Алпамыш таким словом:

— Я бы к ней пошел, — пойти тайком боюсь;
Встречи с Байсары, со стариком боюсь;
Люди засмеют меня кругом, боюсь. . .
Я бы к ней пошел, пойти тайком боюсь!
Вы меня на путь сбиваете худой, —
Я не соблазнюсь опасною мечтой,
Завлекать меня зачем на путь худой?
Если бы пошел путем соблазна я,
Как я в дом проникну к дяде моему?
Челяди не счесть в богатом том дому.
Дочь как драгоценность там алмазная, —
Лишь мечтать о ней могу заглазно я.
Пусть же всё своим проходит чередом.
Первенство в байге решается судом:
Кто возьмет Барчин — тот и войдет к ней в дом, —
Крадучись, к невесте нашей не пойдем!

Так Алпамыш сказал, а сорок девушек Барчин всё свое твердят:

— Посещать невесту тайком — наш старинный обряд.
Таков обычай дедов и прадедов. Так у узбеков испокон веков велось, — и ты поступай по примеру прочих.

Не устоял Алпамыш, согласился наконец.

Пес ступить боится на тигриный след,
Только в Алпамыше больше страха нет, —
Слишком был заманчив девушек совет.
Думает: «Соблазна мне не превозмочь —
Дядину, пожалуй, навещу я дочь».
Колёбанья-страхи он отринул прочь.
Девушек послушав, с ними вместе он
Вышел — и, как сокол, шел к невесте он,
Мыслью о свиданье с милой окрылен.
По сухим оврагам, крадучись, идут,
Девушки с ним бойкий разговор ведут:
— Вы так робки в самом деле? — говорят. —
Так на месте б и сидели! — говорят. —
Сорок нас, а еле-еле, — говорят, —
Соблазнить мы вас сумели! — говорят. —
Барчин-ай от колыбели, — говорят, —
Вам назначена. Ужели, — говорят, —
Вы бы счастье проглядели?! — говорят. . .

Разговор такой с ним девушки ведут,
Осторожно к дому Байсары ведут,
Затемно приходят к бархатной юрте.
Барчин-ай сидит, скучая в темноте.
С места встала, гостью чинно поклонясь,
Сорока подружек-девушек смутясь.
Девушки их сводят, весело смеясь, —
Медлит Алпамыш, к ней подойти боясь,
За руки берет красавицу потом,
Девушки поют им здравицу потом.
Ночь провел Хаким в беседе на ковре,
Нехотя уйдя обратно на заре. . .
С этих пор, едва опустит вечер тень,
Девушки за ним приходят, что ни день,
А ему к Барчин тайком ходить не лень. . .

Так девушки все время и приходили от Барчин к Алпамышу, туда и обратно провожая его, но тайну эту строго соблюдали. . .

Между тем участники байги ехали своей дорогой. Вот как они ехали:

Кони очень скоры у них,
Плечи — словно горы у них,
Пламенные взоры у них.
На тулпарах резвых своих
Понеслись пятьсот верховых,
Тех пятьсот калмыков лихих.
Держат на байгу они путь,
Не дают коням отдохнуть,
Понукают, хлещут коней —
Сократить стараются путь,
Протянувшийся на сорок дней.
Путь до той горы Бабахан
Между пятисот силачей
Держит и батыр Караджан
Вот уж сколько дней и ночей.
Едет, не поднимет очей,
Щелканье он слышит камчей
Да насмешки дерзких речей
И, как блеск булатных мечей,
Видит блеск недобрых очей.
Вольной степью скачут они,
Скачут они ночи и дни, —

Все над ним смеются они,
Все его порочат они,
Қараджана злобно браня,
Гибель ему прочат они.
Қараджан, молчанье храпя,
Едет — понукает коня,
Но другим коням неровня,
Байчибар, набором звеня,
Всё бодрее день ото дня,
Иноходью мчится вперед,
Но не горячится Чибар —
Мчится легкой птицей Чибар.
Страх теперь калмыков берет,
Жжет их беспокойства огонь:
— Э, хитер, хитер этот конь!
Ты его камчой только тронь —
В воду он пойдет и в огонь.
Нет таких коней у людей —
Нет ему опасных путей,
Равных ему нет лошадей,
Всех он перегонит, злодей! —
Стало не до смеха им тут.
К Зиль-горе подъехали тут,
Споры-разговоры ведут:
— К Бабахан-горе как пойдём?
То ли перевалом пойдём,
То ль по склону — кружным путем? —
И в обход решили идти,
По угорью Зиля идти.
Кружную дорогой той
Не пошел батыр Қараджан,
Перевальной тропкой крутой
Двинулся к горе Бабахан
Через вершину ближнюю Зиль.
С Зиль-горы глядит Қараджан,
Видит на дороге он пыль,
Думает: «Они ль, не они ль?»
Понял, что калмыки идут,
Явно от него отстают.
«Если обогнал я их тут,
Пусть они себя и клянут, —
Долго им плестись под горой!»

Едет, избоченясь, Қараджан-герой.
Едет вниз батыр с вершины той крутой.

Так он гору Зиль спокойно миновал,
Миновал горы соседней перевал,
Миновал затем последний перевал.
Так он трудный горный путь одолевал,
Часу отдохнуть Чибару не давал.
Ехал Караджан — и сердцем ликовал:
Отстают его соперники-враги,
К Бабахан-горе приходит первым он,
Первым, может быть, прискачет он с байги!
Если суд присудит первенство ему,
Он жену добудет другу своему!

Достигнув подножья Бабахан-горы, дал отдых коню Караджан и стал ждать. Калмыки, шедшие в обход, уверены были, что Караджан где-то далеко позади плетется, глотая поднятую их конями густую пыль. Подъезжают они на десятый день к горе Бабахан, смотрят — Караджан сидит, их дожидается. Удивились калмыки, а батыр Кокальдаш го-
всррит младшему брату своему — Караджан-батыру:

— Э, Караджан, видно, отрелся ты от латманата, мусульманство принял и колдуном стал. Как же иначе мог ты опередить нас на этом своем паршивом Чибаре? Э, смотри, Караджан, попадешь ты в беду!

Отвечает Караджан Кокальдашу:

— Э, Кокальдаш! Колдовство — пустяк! А дело было так: доскакал я с вами до Зиль-горы, ваши тулпары оставались бодрыми, а мой конь, с ними споря, устал вскоре — шагу дальше не может ступить. Натерпелся я горя, не зная, как быть! Стою-стою, глядя на дорогу, ропщу на судьбу свою, взмолился богу: «Помоги!» Связал я коня за четыре ноги — взвалил его себе на плечи да по тропинке как двину! — и не заметил, как горный хребет перевалил. Беда! Вот только-только я прибыл сюда!

Говорит ему снова Кокальдаш:

— Сам ты, Караджан, вредишь своим делам.
Лучше бы зарезать Байчибара нам —
Сколько бы досталось мяса даром нам!
Спутался с узбеком! Это ли не срам!
Говорю с тобою, сердцем чист и прям, —
Дай коня зарежем, зря не будь упрям.
Об одной узбечке мы мечтаем все,
Нас пятьсот калмыков, и страдаем все.
Может быть, тебе достанется она —
Будет у тебя красавица жена, —

Значит, остальным она не суждена.
Как нам быть с тобой, мы думаем давно.
Люди мы свои — калмыки все равно, —
Так давай стоять мы будем заодно.
Что тебе приезжий тот чужак узбек?
Дай коня его съедим, Караджан-бек, —
Досыта конишы все мы поедим.
Мы тебе добра, Караджан-бек, хотим! ..

Караджан в ответ Кокальдашу такое слово говорит:

— Что ты так пристал к Чибару моему?
Что ты, Кокальдаш, затеял кутерьму?
Чем же Кокдонан твой плох, я не пойму.
Ты его зарежь — я косточку возьму,
Сало всё тебе оставлю одному.
Я своим Чибаром, право, не горжусь:
Кокдонан твой будет слаще нам на вкус,
Я полакомиться им не откажусь.
Ты мне, брат, поверь, — я тоже ведь калмык:
Понимать в конях я сызмальства привык,
Ко всему тому я — опытный резник, —
Хочешь — Кокдонана освежую вмиг! ..

А в калмыках пуще вспыхивает зло.
Караджан — один, а им — пятьсот число!
Одному без друга очень тяжело.
Если б до убийства дело тут дошло,
Мужество батыра вряд ли бы спасло...
Э, вступил он в спор неравный, Караджан!
Недругами схвачен славный Караджан,
Схвачен он и связан по рукам-ногам,
Что он может сделать пятистам врагам?!
Думают калмыки, как им поступить —
Сразу ли прикончить, позже ли убить?
Всё же не решились вовсе погубить.
Так лежал бедняга, думу думал он:
«Бедный Байчибар, попал в беду, мол, он!»
Участи батыра так и не решив,
Байчибара всей толпою окружив,
Криками его и свистом оглушив,
С головы до ног арканами обвив,
Наземь, наконец, коварно повалив,
Под копыта гвозди забивать взялись
Так, что гвозди в бабки самые впились!

Уши к голове несчастный конь прижал,
Весь от головы и до хвоста дрожал,
Ноги он своих мучителей кусал.
Бьют они его, чтоб смирно он лежал.
Мало им гвоздей — пустили в ход кинжал!
Мучили они его нещадно так,
Думали притом они злорадно так:
«Получил урок хороший Караджан,
Долго будет помнить гору Бабахан!
Если б даже он и разорвал аркан,
Нам бы на байге ничуть он не мешал, —
Далеко б Чибар его не побежал.
Пес Караджан-бек, ты всё же оплошал! . . .»

Знак начать байгу был в это время дан —
Громко под горою грянул барабан.
Связанным лежит и стонет Караджан.
Без него байги начнется торжество!
Бедный Байчибар — ему-то каково:
Быть во время скачки в путях каково!

Так и остался Караджан с Байчибаром на горе Бабахан. Участники байги тем временем выстроились в ряд — и по данному знаку с места сорвались и вскачь пустились. А Караджан связанный лежал.

Брошен Караджан — его обида жжет,
Байчибар с ним рядом жалостливо жжет.
Как такой позор батыр переживет?
Кое-как он встал и напряженьем сил
Разорвал аркан, которым связан был.
Снова загорелся в нем батырский пыл,
В нем родник отваги снова забурлил.

Сам освободившись от пут, ноги коню развязал Караджан — и Байчибар встал. Коротко закрутив повод за луку седла, сел Караджан на Байчибара. Конь, однако, на месте стоял — не мог шагу ступить. «Э, зря выехал я на байгу! — подумал огорченный Караджан. — Сколько уж времени прошло, как уехали все мои соперники, — как их теперь догнать? Если чей-нибудь конь вперед придет, как взгляну я в лицо другу моему — Алпамышу!»

Стал коня батыр усердней понукать,
Конь ступить не может — не только скакать.

Что батыру делать? Тяжко он вздохнул,
Не стерпел — коня по ляжкам он стегнул.
Тут и Байчибар не вытерпел — рванул,
Во всю ширь тулпарьи крылья развернул:
Было в три аршина каждое крыло,
В три да с половиной каждое крыло!
Если Караджан камчой нанес удар,
Устоит на месте ль этакий тулпар?
Молнией взвился под облака Чибар,
Мчит под облаками седока Чибар,
По небу плывет он, как лебяжий пух.
Караджан глаза открыты боится — ух!
Перехватывает Караджану дух.
Молнией мелькает в небе Байчибар,
Словно бы конем и не был Байчибар.
Кается батыр, что в ход пустил камчу:
«Головой за это, видно, заплачу:
В небесах летать на что мне, силачу?
По степным просторам я скакать хочу,
Только по земле я вряд ли поскачу!
Видно, не вернусь я в тот наземный мир,
Где родился, рос я, Караджан-батыр!
Не вернусь в родные, милые края,
Своего народа не увижу я!
Плачу я, душа терзается моя.
Ой, душой, как видно, этот конь нечист!
Взвил меня — гляди, как вихрь взвивает лист!
Кружится башка, в ушах не молкнет свист,
Сердце холодеет, и в глазах темно.
Что со мною будет, что мне суждено!? ..»
Страх гнетет батыра и тоска щемит.
Караджан-батыр глаза открыл, глядит —
По лицу земли Чибар уже летит,
Пена с Байчибара падает, как снег!
Сразу же в себя пришел Караджан-бек
И по сторонам глядит, как человек, —
Признаков калмыков не находит взор!
По земле Чибар летит во весь опор,
Мчится по долинам, по подножьям гор;
Чем он дальше скачет, тем сильнее задор.
Скачет так, что ног не виден перебор
И вихрится сзади, словно смерч, песок.
Сделает скачок — на полверсты скачок,
Скачет Караджан в пустыне одинок,
Скачет и всю местность озирает он. . .

Солнце поднялось — стоит над головой,
Всё вперед лихой несется верховой,
Замечает всадников он перед собой —
Скачут в беспорядке озорной толпой.
У иных, однако, вид совсем плохой:
Этот конь хромает, тот едва живой.
Многие не рады той байге лихой!
Скачет, скачет им вдогонку Караджан,
Гикает и свищет громко Караджан.
Обернулись те — пошел переполох:
Караджан за ними — жаль, что не подох!
Все руками машут и кричат они:
— Своего коня напрасно не гони!
Первым все равно прибудет Кокдонан, —
Обогнать его, Караджан-бек, не мни,
Своему Чибару зря бока не мни,
Верное ты наше слово помяни!
Если и доскачешь, зря доскачешь ты,
Первым Кокальдаш домчится до черты,
Горько от стыда потом заплачешь ты! . . . —
Видит Караджан, что их лукав совет, —
Скачет Караджан за всадниками вслед.
Молнией Чибар уносится вперед,
И разбег всё больший, больший он берет,
Поотстали все, а Байчибар несет —
Он один, а их — без одного пятьсот!
Славный Караджан ведет отставшим счет.
Вся толпа калмыков гикает, орет,
Кадыки напружив, криком кривят рот:
— Это же не конь, ублюдок он, урод!
Силу эту взял откуда он, урод?
Он же всех обгонит, первым он придет, —
Хоть бы окошел, проклятый, не в черед! . . . —
И, своих коней стегая, говорят:
— Польза нам от вас какая? — говорят. —
За коней считать вас надо ль? — говорят. —
Подлые вы клячи, падаль! — говорят. —
Будем из-за вас в большом уроне мы —
Гордую узбечку провороним мы! . . .

Караджан камчой опять Чибара бьет,
Скачет напролет он день и ночь вперед,
Чрез овраги скачет, чрез навал камней.
Обогнал Чибар четыреста коней,
Обогнал еще он шестьдесят коней,

Остальные рядом, но и остальным
Тоже не под силу мчаться рядом с ним.
Байчибар летит, как вихрь, неутомим,
Молнией мелькает по пескам степным.
Вот уже он всех коней опередил,
Те за ним несутся из последних сил:
Вытянулись выдрами кони за ним,
В воздухе висят в погоне за ним.
День прошел и ночь, и вновь настал рассвет.
Скачут, скачут, терпят много тяжких бед.
Многих скакунов и седоков уж нет, —
Не топтать им больше Байчибара след,
Не узнать, кому Барчин присудит суд:
Много их свалилось — те ползком ползут,
Те лежат на месте и песок грызут,
А иных — степные вороны клюют.

Солнце всё сильнее над головой печет,
Час обеда близок, но обед не ждет.
Скачет Караджан теперь один вперед,
Всем отставшим счет усердно он ведет.
Четырех коней нехватка у него, —
Кто ушел вперед — загадка для него.
И спросил бы он, да спросишь у кого?
Оглядел всю степь — не видно ничего,
Скачет Караджан невесел оттого.
Скачет и гадает, весь настороже,
И растет тревога у него в душе, —
Мочи нет терпеть неведение уже!
Вдруг заметил точку Караджан вдали,
Будто эта точка движется в пыли.
Лучше пригляделся — всадник впереди,
У Караджан-бека екнуло в груди.
Крикнул Байчибару: «Чу!» — Караджан-бек,
Вытянул на нем камчу Караджан-бек.
Молнией понесся Байчибар вдогон,
Караджан гадает: «Что за человек?»
Всадника, однако, настигает он.
Тот калмык сидел на ханском, на гнедом
Резвом скакуне — красавце молодом.
Был Караджан-беку ханский конь знаком, —
На ноги легок, однако же с грешком:
Если он пошел — помчится ветерком,
Окарачишь вдруг — завертится волчком
И вперед потом не ступит ни на шаг,

Беспокойный конь — гнедой алакарак!
Знал гнедого норов Караджан-батыр, —
Насывая он у всадника спросил.
Вынул насывай калмык и угостил.
— Кто ушел вперед? — Караджан-бек спросил,
Крикнул: «Чу!» — коня во весь опор пустил.
Удила Чибар мгновенно закусил,
Поскакал вперед что только было сил.
Глупый тот калмык обман сообразил,
Но гнедой — ни с места, где стоял — застыл!
По коню калмык камчою зачастил,
А гнедой лишь глаз на всадника скосил
И, на месте стоя, землю замесил,
Наземь повалился, всадника свалил.
Тут седло упало, сбруя тут сползла,
И калмык медведем заревел со зла. . .

Снова день проходит — полдень настает.
Скачет Караджан и всё глядит вперед.
Издали он видит снова ездока, —
Стал он нагонять лихого ездока.
Но и не догнав, еще издалека
Узнает батыр в коне наверняка
Тоже из конюшни ханской шапака!
Байчибар уже сравнялся с шапаком,
Но не обгоняет шапака Чибар,
Скачет морда в морду с ним пока Чибар.
Хлещет Караджан камчой коня, но тот
Всё никак не может вырваться вперед,
Морда в морду рядом с шапаком идет.
«Вот беда! — в тревоге мыслит Караджан. —
Конь отличный, строгий! — мыслит Караджан. —
Обогнал он многих, — мыслит Караджан, —
Тут ослабли ноги! — мыслит Караджан.
Сглаз иль хворь какая? — мыслит Караджан. —
Э, ты тварь такая!» — мыслит Караджан.
Шапака ругая, мыслит Караджан:
«Чтоб ты окошел и чтобы сдох твой хан!
Вот еще напасть лихая на меня!»
Также Байчибара бедного браня,
Понукает, хлещет Караджан коня, —
А подходит дело к середине дня.
Вырвался Чибар на голову вперед,
Сделал Байчибар внезапный поворот —
Шапаку дорогу преградил, и тот

Мордой к солнцу стал — и, солнцем ослеплен,
Хитрым Байчибаром был опережен.
И еще привычкой был он наделен:
Если слышит сзади конский топот он,
То вперед, как вольный ветер, устремлен,
А не слышит сзади топота — сдает,
Больше всё и больше в скачке отстаёт.
Бьет калмык его, камчой его сечёт —
Конь, не слыша сзади топота, сдает. . .
По степи один летит Караджан-бек,
Всё по сторонам глядит Караджан-бек.
Скакуна опять он видит одного,
Скачет — догоняет скакуна того,
Подъезжает ближе — узнаёт его:
Это был холёный ханский новый конь,
Стоил десять тысяч тот соловый конь!
Тот скакун арабский по степи летит,
С головы до ног что золото блестит.
Скачет по горе — гора под ним гудит,
По граниту скачет — и звенит гранит,
Кажется, что ветер он опередит!
Скачет Байчибар за ханским скакуном,
Поравнялся мордой он с его хвостом,
Вгрызся в круп соловый запененным ртом,
Вгрызся — и с дороги оттолкнул потом.
Начался у них из-за дороги спор,
Оба скакуна летят во весь опор,
Но скакун соловый был белокопыт, —
Понял, что Чибаром будет он побит.
Держится он рядом, он уже хрипит
И слезами землю на бегу кропит.
А Чибар на камни жмет его и жмет:
Пусть, мол, на камнях копыта он собьёт.
Скачет по камням выносливый Чибар,
С вытянутой шеей скачет, не сдает,
Скачет напролет весь день и ночь тулпар,
Скачет по камням он — бодр и невредим,
А соловый ханский тянется за ним.
Но, копыта сбив, жестоко он страдал
И от Байчибара далеко отстал.

Скачет Караджан — хвала ему, хвала!
Доказал он дружбы славные дела,
Скачет — не слезает ни на миг с седла.
«Где же Кокальдаш? — гадаёт Караджан. —

Где соперник наш? — гадает Караджан. —
Всех опередив, меня тревожит он,
Первым прискакать на место может он.
Если я теперь его не догоню, —
Ноги бы в пути сломать его коню, —
Другу своему я горе причину! . . .»
Ни себя ему, ни скакуна не жаль,
Скачет Караджан — грызет его печаль.
По степи несется, глядя зорко вдаль, —
Вглядываясь, видит впереди, вдали,
Будто над землею тень летит в пыли:
Скачет впереди еще один калмык!
Караджан вдогонку мчится напрямик,
Слышит, узнает он Кокальдашев гик.
Вслед за Кокдонаном, высунув язык,
Скачет Байчибар — он обгонять привык. . .
Кокальдаш-батыр несется, горд и лих, —
Обскакал он всех соперников своих,
Думает: «Я первым к месту прискачу,
Девушку-узбечку в жены получу!»
Скачет он, беды не чую никакой.
Вдруг он слышит конский топот за собой,
Оглянувшись — видит всадника. . . ой-бой!
Караджан-батыр летит за ним стрелой.
Кокальдаш загикал, закричал: «Чух-чу!»
Хлещет Кокдонана, истребал камчу.
Думает: «Он жив, и конь его живой!
Кто б ни развязал их — иль чужой иль свой, —
Только бы узнать — заплатит головой!»
Молнией несется Кокдонан лихой,
Кокальдаш несчастный потерял покой.
То и дело он через плечо глядит, —
Как свистящий ветер, Байчибар летит.
Грозен Караджана удалого вид.
Вот уж Кокдонана Байчибар достиг,
Круп его зубами он хватает вмиг,
Приподняв, швыряет далеко его,
Сзади оставляет далеко его,
Сам на сорок тысяч ускакав шагов.
Но и Кокдонан, однако, не сплосал:
Выправился он и снова побежал
И, догнав Чибара, мстительно заржал
И схватил Чибара за крестец — да так,
Что едва не треснул у того костяк,

И со всею силой так его тряхнул,
Что шагов на десять тысяч отшвырнул,
И упал Чибар, чуть шею не свернул. . .
Кокальдаш опять один вперед летит,
Получить узбечку он в награду мнит,
Мнит он, что ему соперник не грозит,
Что скакун узбекский где упал — убит
И что вечным сном и Караджан там спит.
Вдруг он слышит сзади частый стук копыт.
Обернулся — смотрит: Байчибар летит,
Невредим в седле Караджан-бек сидит!
Кокальдаш растерян, на коня сердит,
Бьет его камчой, ногами бьет, кричит,
Но всё ближе, ближе Байчибар хрипит,
И уже с Донаном рядом он летит.
Скакуны ведут из-за дороги спор!
Бросил Караджан на Кокальдаша взор
И такой заводит сразу разговор:
— Ты ль не старшим братом был мне до сих пор?
Но, однако, был, как недруг, ты хитер,
Козни строил мне, готовил мне позор.
Ты меня связал, чтоб отстрапить с байги,
Делал то, чего б не сделали враги, —
Ты теперь хотя бы честь побереги,
Выслушай меня и отвечай — не лги:
Сколько дней ты гонишь своего коня?
Как же до сих пор не обогнал меня?
Верной службы что ж не доказал твой конь?
Корма твоего не оправдал твой конь, —
Ведь Барчин-узбечку прогадал твой конь!
Скачешь много дней, а все же, ротозей,
Плакать ты заставишь всех своих друзей! . .

Молвит Кокальдаш: — Не хвастай, Караджан!
Попадешь в беду, несчастный Караджан!
К месту всё равно я первым прискачу,
Будь что будь — узбечку в жены получу!
Лучше свой язык укороти, дурак,
Ездора не болтай и не бахвалься так! —
Караджан, однако, тоже не простак,
Сразу отвечает Кокальдашу так:
— Мы пока с тобою паравне идем,
Но придешь ли первым — поглядим потом.
Кто возьмет узбечку как жену в свой дом,
Кто с байги уйдет, наказанный стыдом,

Кто — обласкан славой и людским судом,
Тоже, Кокальдаш, увидим, подождем! —
Скачут оба рядом тем степным путем
Злобно на скаку бранятся — и притом
Брань уже ведут не только языком,
Но и богатырским крепким кулаком.
Каждый дрался так и каждый так орал,
Что, казалось, горный грохотал обвал.
Кулаки потом сменили на камчи,
Чуть было не взялись оба за мечи.
Драке нет конца, а кони горячи —
Скачут по пути, как седоки озлясь,
Обогнать друг друга яростно стремясь,
Злобно на скаку лягаясь и грызаясь.

Считая, что срок возвращения Караджана прошел, забеспокоился Алпамыш, приуныл. Вышел он на высокий холм и в подзорную трубу степь оглядывает. Видит он — скачут два коня, друг у друга дорогу оспаривая. Узнает он в одном из них Кокдонана. А Байчибара, который белой пеной и желтой пылью покрылся и казался гнедым, не узнал Алпамыш. «И коня своего, и невесты своей, и страны своей родной лишился!» — подумал Алпамыш и свалился без чувств. Увидела это Барчин, подбежала к нему, положила его голову к себе на колени и так говорит:

— Отчего без чувств упал, мой милый, в прах?
Слезы почему у милого в глазах?
Что с тобою, мой могущественный шах?
Пери соблазнила иль недобрый дух?
Только ты упал и стал и нем и глух,
Белый свет дневной в моих очах потух,
Сокол ты конгратский, сокол ясный мой,
Хоть бы ты беды не ведал никакой,
Дорогого дяди отпрыск дорогой!
В чем причина горя твоего, ой-бой? . .

Алпамыш вздохнул, глаза свои открыл,
На Барчин взглянул и так заговорил:
— Сердцу ль моему Барчин не дорога?
Знал я, что твое условие — байга.
За меня скакать поехал Караджан,
Не погиб ли друг мой от руки врага?
Если же мой друг Караджан-бек погиб,
Значит — и мой верный конь навек погиб!

Если с Караджаном и с конем беда
И калмык в байге взял первенство — тогда
Право на тебя возьмет он от суда.
Если он придет, что сможешь ты сказать?
Стать его женой как сможешь отказать?
Не пойдешь добром — он может силой взять.
Как аркан такого горя развязать?!
Как же с недругом Барчин-бедняжке жить?
Мне-то как с таким позором тяжким жить?
Для чего тогда мне жизнью дорожить?
Лучше б самому мне голову сложить!
У себя в стране я важный бек, сардар, —
Здесь, в чужом краю, меня постиг удар.
Горя и стыда чем угашу пожар,
Если он погиб, мой конь, мой Байчибар?
Если я его разыскивать пойду,
Я свою погибель в странствии найду;
Здесь оставшись, тоже попаду в беду —
Я ведь безоружен и лишен коня!
А придут калмыки и найдут меня,
На какие муки обрекут меня!
Все они с оружием, на лихих конях,
Луки за плечами и мечи в руках, —
Сразу же меня убьют, затопчут в прах —
И моя застынет кровь на их мечах!
Если ж не убьют, то силой увезут,
От моей кудрявой милой увезут,
Свяжут, как овцу, и в рабство продадут.
Э, увяли все мои надежды тут!

Барчин-аним между тем взяла подзорную трубу Алпамыша и, глядя на приближающихся коней, такое слово говорит:

— Курухайт, Чибар, конь моего тюри!
Веселей скачи, не отставай смотри!
Для тебя яйлой высокогорной будь
Белая моя девическая грудь!
Волосы мои на щетку отдаю,
Чтобы чистить шерстку мягкую твою;
Конюхом твоим я стану навсегда,
Если ты вернешься невредим сюда!
Конь алмазноногий, первым доскачи,
Снежные холмы грудей моих топчи,
Только с милым другом нас не разлучи!

На Барчин-айм, бедняжку, посмотри,
Курухайт, Чибар, конь моего тюри!
Сердца моего кибитка так чиста,
Всё еще пока не убрана, пуста,
Пусть же не сторит, пока не обжита,
Сердца моего девичьего юрта!
Телом и лицом подобная цветку,
Горя я не знала на своем веку,
Неужель калмыку стану я женой?
Так уйми, Чибар, мой безутешный плач!
На тебя тумар надела Қалдыргач,
Чтобы ты не ведал в скачке неудач.
Пестовал тебя и холил Байбури,
Курухайт, Чибар, конь моего тюри! . .

На холме стоит Барчин и смотрит вдаль,
Жалко Алпамыша и себя ей жаль.
Нетерпенье жжет, гнетет ее печаль.
Что ей даст байга, что ей судьба сулит?
Барчин-ай в трубу всё пристальней глядит,
Видит — степь вдали как будто бы дымит, —
Но не дым в степи, а пыль вдали пылит.
Сердце Барчин-гуль тоска сильнее щемит. . .
Кони, кони мчатся! Всё ясней, видней!
Вот и Байчибар, и, рукавом маша,
— Курухайт! — кричит Барчин, едва дыша.
До ушей Чибара долетел призыв.
Гриву распустив и уши наострив,
Голову на нежный голос повернув,
Он вперед рванулся, повод натянув,
Так что крепкий повод разорвался вмиг:
Второпях, как видно, Караджан-калмык
Коротко чрезмерно повод подвязал,
Сам о том забыл, да вот и оплошал!
Видит лишь теперь поруху Караджан,
Не теряет всё же духу Караджан,
За высокую он держится луку,
Гикает, кричит он грозно на скаку, —
Небо, содрогаясь, внемлет смельчаку!

Караджана конь как ураган понес,
Кокальдаш вдогон кричит слова угроз:
— Брату своему вонзил ты в сердце нож,
Со своим конем в могилу попадешь!
Для кого жену у брата отобьешь?

Маленьким не умер, так теперь помрешь!
Лучше, Караджан, послушал бы меня:
Не пускай вперед узбекского коня!
С чужаком сойдись, калмыку не мешай,
Брата своего невесты не лишай,
Гибели своей, дурак, не приближай!
Ты меня за мой совет благодари,
Придержи коня — со мной поговори,
Только не хитри, Караджан-бек, смотри:
Маленьким не умер, так теперь умри! . .

Не останюсь, на всем скаку лихом,
Караджан в ответ: — Грешить ты языком!
Очень ты обижен, Кокальдаш, мой брат,
Очень удручен, но я не виноват, —
Сердцем быть с тобой я разве не был рад?
Этот Байчибар — беда моя, напасть!
Знаю, что могу из-за него пропасть!
Сроду не видал такого существа:
Видишь сам, что я в седле сижу едва,
Но господня воля, видно, такова,
А твои обидно слышать мне слова.
Знаешь сам — не беден силой Караджан:
Ты меня связал — я развязал аркан,
Но Чибара, видно, подгонял шайтан
Или так учил его байсунский хан, —
Он понес меня, как буйный ураган.
Повод я тянул, насколько было сил,
Только прыти я его не укротил.
Я ему уздою разрываю рот —
Он несет меня как бешеный вперед!
Видно, где-нибудь он шею мне свернет!
Разве я по доброй воле так скачу?
Неужели смерти я своей хочу?
Можешь убедиться, Кокальдаш-ака!
— Стой! — он крикнул вдруг, чтоб обмануть врага,
Громко крикнул: — Стой! — шепнув тихонько:
— Чу! —

И на Байчибаре вытянул камчу.
— Э, мой Байчибар, конь удалой, лети!
Скоро отдохнешь, теперь стрелой лети!
С дружеского нам нельзя свернуть пути,
Ай-Барчин для друга мы должны спасти! . . —
Кокальдаш-батыр от злобы задрожал:
Как он так позорно снова оплошал!

— Чтоб ты, Караджан, подох! — он закричал
И с проклятьем повод конский придержал.
А Чибар вперед далеко убежал, —
Торжество победы он предвосхищал.
И, хотя от долгой скачки отошал,
Чужа близость цели, весело заржал. . .

На байге народу десять тысяч юрт,
Все калмыки там, и все узбеки там.
Разговоры, споры. . . время быть коням!
Вдруг, как резкий ветер по густым садам,
Пронеслось волнение по людским рядам.
Вытянули шеи, зорко вдаль глядят,
Как шмелиный рой, встревоженный, гудят,
Напирает задний на передний ряд,
Взоры нетерпеньем у людей горят.
Кони, кони скачут! Всадники летят! . .
Одного коня, однако, видит взгляд.
Чей же это конь — все угадать хотят.
Ой, какой тулпар, поистине крылат!
— Это Байчибар! — узбеки говорят,
И за Караджана каждый очень рад.
— Это Кокдонан! — калмыки говорят,
И за Кокальдаша каждый очень рад.
Нет, не Кокдонан: он более поджар.
Ясно всем теперь, что это Байчибар! . .

Байчибар, прискакавший первым, не остановясь, обегал семь раз бархатную юрту Барчин. После этого Караджан придержал поводья и остановил коня. Бросились к нему девушки Барчин, помогли Караджану сойти с коня, усадили на ковер, высоко подняли и внесли в бархатную юрту. Девушки повели коня в проводку, чтобы остыл, и привязали его к отдельному колу. Тогда к Байчибару подошла Барчин, протерла коню глаза шелковым платком, вытерла с него пыль и пот. Измученный болью от гвоздей, забитых калмыками в его копыта, не мог больше Байчибар на ногах устоять — и упал на землю. Осмотрела его Барчин и, увидя гвозди в копытах, расплакалась:

— Горько плачу я, себя вина во всем.
Только б Алпамыш не ведал ни о чем!
Что враги-калмыки сделали с конем!
Как еще душа жива осталась в нем?!
Где такой другой отыщется тулпар?

Мужеству его дивятся млад и стар!
Как такую пытку вынес Байчибар?
Ни одной здоровой у него ноги!
Как еще живым вернулся он с байги?
Плачьте, Алпамыша подлые враги! . . —
Девичья печаль расплавит лед и сталь.
Барчин-ай, в слезах — ей Байчибара жаль.
Смотрит на его копыта и скорбит:
Как извлечь ей гвозди из его копыт,
Если гвоздь иной до самых бабок вбит?
Но поменьше гвозди надо ей извлечь!
Шелковый платок Барчин снимает с плеч,
Заматав копыта в шелковый платок,
Барчин-ай у конских распласталась ног —
Вырвала зубами за гвоздком гвоздок!

Тут уже подоспели и отставшие на байге калмыки. Стали готовиться к другим состязаньям. Девяносто без одного собралось богатырей. Богатыри шумят, волнуются; шумят, волнуются узбеки-байсунцы и все калмыки.

Объявлено было, что калмыцкие богатыри будут состязаться с узбекским пахлаваном в натягиванье луков.

Девушки, молодки рядами сидят,
О судьбе Барчин, гадая, говорят.
Конники-калмыки мимо них пылят,
Едут, избоченясь, шуря лихо взгляд,
Удивить красавиц удалью хотят.
Девушки на них насмешливо глядят,
А меж тем вдали мишени мастерят.
Лучники-батыры выстроились в ряд.
Все попасть в мишень желанием горят,
Все Барчин в награду получить хотят,
Каждый про себя уже заране рад. . .
Очередь друг другу все передают,
Боевые луки в руки все берут,
На тетивы стрелы острые кладут,
Тетивы тугой натягивают жгут,
Боевые луки до отказа гнут —
И свистит стрела и на лету поет.
Молнии быстрее летящих стрел полет,
Только ни одна в мишень не попадет:
Эту — чуть пониже цели пронесет,
Эту — чуть повыше цели пронесет,
А у многих стрел и вовсе недолет.

Сердятся батыры, их досада жжет.
А иной стрелок так сильно лук согнет,
Что сломает лук и со стыдом уйдет.
Восемьдесят восемь отстрелялось. Вот
Кокальдашу также подошел черед.
Кокальдаш стрелу на лук тугой кладет,
На мишень прицел старательно берет,
Тянет тетиву — летит его стрела. . .
— Есть! Попал! — он сразу радостно орет,
Но не слышит он, чтоб ликовал народ.
Посмотрел батыр — ой-бой, великий срам:
Лук свой боевой сломал он пополам! . .
Беку Алпамышу подошел черед,
Боевой свой лук спокойно он берет.
Этот лук его не деревянным был —
Бронзовым, в четырнадцать батманов был!
На чеканный лук рука его легла,
Бросил на мишень он зоркий глаз орла,
Вынул он стрелу, а та стрела была
Длинной, как копье, и острой, как игла.
Все калмыки смотрят на его дела,
Зависть глубоко их души обожгла:
Где такая сила взяться в нем могла? . .
Тянет Алпамыш тугую тетиву, —
Вытянет ли он такую тетиву?
Вытянул! Летит точеная стрела,
Попадает в цель, — хвала ему, хвала
Беку Алпамышу за его дела!
И не сломан лук, и тетива цела,
И калмыкам плакать хочется со зла:
И стрельба из луков счастья не дала! . .

Третье нужно им условие выполнять.
Нужно им из ружей по теньге стрелять,
Пулею попасть — был уговор таков —
В малую теньгу за тысячу шагов.
Ой, недаром шум, смятенье у врагов!
Будет ли теперь удача для стрелков?
Боевым своим играючи ружьем,
Алпамыш-батыр сказал: — Давай начнем! —
С ружьями калмыки стали выступать,
Очередь друг другу стали уступать,
По теньге-мишени пулями стрелять.
Но шагов на сто иль на сто двадцать пять
Только и могли их пули доставать.

Кокальдаш-батыр судьбу решил пытаться —
Из ружья теньгу далекую достать.
Как он ни старался промаху не дать,
Только ничего не вышло у него —
На пятьсот шагов он выстрелил всего!
Радости калмыкам не было опять!
Сердце Алпамыш обрадовал в тот час:
Он берет ружье и боевой припас,
Целится в теньгу, сощутив левый глаз,
Целится — и пулей бьет в теньгу как раз.
В малую теньгу на тысячу шагов,
Доказав бессилье всех своих врагов! . .
Первенства не взяв ни в скачке, ни в стрельбе,
Все калмыки шлют проклятия судьбе.
Будет ли теперь удача им в борьбе?
Иль узбек узбечку увезет к себе?

Стрельба кончилась, начали приготовления к последнему состязанию — к борьбе. Кто самым сильным окажется, тому и будет принадлежать узбечка Барчин. Все зрители — всё множество калмыков и все десять тысяч юрт байсунцев, собравшихся в Чилбир-чоле, — взялись за руки и расселись на земле вокруг майдана.

Девяносто без одного калмыцких богатырей во главе с Кокальдашем уселись в ряд по одну сторону, Алпамыш с Караджаном — по другую. Середина круга была оставлена свободной — получился просторный майдан для борьбы. Люди полили пыльные места водой.

Встал со своего места Караджан, скинул верхнюю одежду, одежду для борьбы надел, подпоясался — и вышел на майдан. Первым противником Караджана был объявлен Кошкулак-батыр.

Караджан обходит медленно майдан,
Кошкулак — ему навстречу, пахлаван.
Все калмыки смотрят, шепчутся кругом:
— Младшим кровным братом был нам Караджан,
Спутался с узбеком — может стать врагом! . .
«Мы могучи оба! — мыслит Кошкулак. —
Это силам проба! — мыслит Кошкулак. —
Чтоб он сдох! — со злобой мыслит Кошкулак. —
Подниму его — да стукну оземь так,
Что зарю в землю, — подыхай, болван!»
Кошкулак-батыр выходит на майдан,

Скидывает он калмыцкий свой чапан,
По пояс могучий обнажает стан.
У калмыков смех: — Попробуй, Караджан,
Погляди, какой могучий пахлаван!
Он тебя проучит, этот великан!
Видишь, как свисают у него усы!
Хвост не так пушист бывает у лисы,
Длинной нет такой девической косы!
Мыши забрались однажды в те усы,
Поселились там — пошел от них приплод.
Выследил мышей один проворный кот —
И в усах за ними гнался целый год.
Вот каков он, этот брат твой Кошкулак!
С тыкву у него величиной кулак! . . —
Голову нагнув, идет, могуч, как бык,
На Караджан-бека вот такой калмык.
Караджан схватил калмыка за кушак,
Поднял высоко — потрянул, швырнул, да так,
Что калмык усатый сразу в землю влип
И, ревя медведем, тут же и погиб. . .

И другой калмык выходит на майдан,
Голос у него не голос — барабан!
Чтоб его батырский опоясать стан,
Взять в пятьсот размахов надобно аркан.
Караджан сказал: — Ты на меня? Изволь! —
Обхватил, приподнял — бросил в Чилбир-чоль.
Видит — на майдан еще калмык идет,
Караджан-батыр стоит спокойно, ждет.
Подошел противник — подтянул живот,
Караджан его легонько ткнул в живот —
Тот упал и душу богу отдает. . .
И четвертый вышел на майдан борец —
Всех богатырей калмыцких образец.
Если крикнет он — весь мир бросает в дрожь.
Ног таких огромных в мире не найдешь:
Лишь из девяноста крупных бычьих кож
На такие ноги кавуши сошьешь! . .
С бранью тот калмык выходит на майдан,
Двинулся к тому калмыку Караджан.
В драке и в борьбе Караджан-бек — знаток:
Он калмыка сжал — калмык вздохнуть не мог.
Чувствует калмык — приходит смертный срок,
Караджан его хватает поперек,
Через голову швыряет на песок,

Кончился калмык — лежит костей мешок!
Қараджап его с майдана уволок. . .

И еще выходит на майдан калмык,
Истинно громадный пахлаван-калмык,
Если разъярится, если в гнев придет,
Камень раскалится и растает лед.
Девяносто дай ему верблюдиц в день —
Он сожрет их всех, и жрать еще не лень.
След в песке оставит этот великан —
Можешь в след насыпать хоть мешок семян.
Вот какой калмык явился на майдан!
Осень подошла — цветник поблекший пуст,
Сядет и ворона на розовый куст.
На Қараджап-бека вышел тот калмык —
Смерти грозный клич услышал тот калмык.
За кушак его Қараджап-бек взялся,
Поднял, раскачал — швырнул под небеса. . .

На майдан другой калмык идет опять,
Стоит он один иных батыров пять.
Полномерных дважды шестьдесят аршин
Алачи потребно на колпак ему,
Целых девяносто надобно овчин
Да еще одну бы на тельпак ему.
Вот какой калмык тут вышел на майдан!
С ним в борьбу вступает смелый Қараджап:
Он его хребет могучий перегнул
И спиною наземь вмиг его швырнул.
Своего желанья не достиг калмык,
Лишь земли коснулся — кончился он вмиг!
Снова одинок остался Қараджап. . .

И еще калмык выходит на майдан.
Нашавандом был калмык тот великан.
Накурился он изрядно анашой,
В голове его от анаши туман,
Беку Қараджапу объявляет бой.
Этот нашаванд обличьем был таков:
Шаг его считай за сто людских шагов,
Палицу держал он — и была она
Пятистам локтям без десяти равна.
Пиалу имел он — эта пиала
Больше головного хауза была,
Восемнадцать их он выпивал до дна!

Дважды девяносто надобно аршин
Бязи, чтоб ему скронтъ карман один.
Вот какой калмык выходит на майдан!
Был тот нашаванд, калмыцкий пахлаванд,
Тем сильней, чем больше анашой был пьян.
Машет он руками, гневом обуян, —
Двинулся ему навстречу Караджан,
Смело стал бороться с пьяным силачом:
Пятерых побил — и этот нипочем.
Тот нажмет одним, а он — другим плечом,
Топчутся они, и вся земля кругом
Вспахана ногами, словно омачом.
Нашаванд борцом весьма могучим слыл,
Но борьбы искусство плохо изучил:
Сразу слишком много сил он расточил.
Караджан его нарочно горячил,
Сам своих пока не расточая сил.
Посмотри, каков тот Караджан-борец.
Силу приберег под самый он конец!
Нашаванд моргнуть и глазом не успел,
Как под облака под самые взлетел,
Так его швырнуть Караджан-бек сумел!
Головой он, верно, облако задел —
И от анаши мгновенно отрезвел.
Наземь он упал — и страшно захрипел,
Смерти он своей уже в глаза смотрел.
Так Караджан-бек шестого одолел! . .
Весь калмыцкий люд вскочил и зашумел.

Тут седьмой калмык бороться захотел,
Но, как первых шесть, и он не уцелел.
У Караджан-бека много было дел:
Одолеть он всех противников хотел.
Гору навалив калмыцких мертвых тел,
— Выходите все! — он громко загудел.
Так у девяноста силачей без двух
Вышиб Караджан в единоборстве дух,
Трупы их высокой кучей навалив.
Кокальдаш-батыр один остался жив. . .
Вечер наступил, и ночь была близка,
На ночь прекратить борьбу пришлось пока.

Утром, переодевшись, вышел на майдан сам Алпамыш
и стал вызывать Кокальдаша на бой. Говорит ему Кокаль-
даш-батыр:

— Не гордись, узбек, не надейся получить возлюбленную свою. Смотри, как бы не погиб ты здесь, на чужбине. Лучше сразу уступи мне дочь узбека Байсары. . .

Слова эти услышав, так ему ответил Алпамыш:

— Видан ли подобный бек или тюря,
Кто б, любовью пылкой к девушке горя,
Уступил врагу избранницу свою,
Если не погиб из-за нее в бою?
Ты могуч, да глуп! Об этом говоря,
Время только тратишь в разговорах зря.
Лучше выходи ты на майдан, дурак,
Там тебе ответ мой будет дан, дурак! . . —
Обозлился, слыша это, Кокальдаш,
С головы сорвал и бросил свой колпак,
Крикнул: — Если так, ты душу мне отдашь! —
Тут же он разделся, подпоясал стан,
Минарета выше, — вышел на майдан.
Машет он руками и, как лев сердит,
Пыль до облаков он на ходу клубит.
Алпамыш с тревогой на него глядит:
«Ну а вдруг калмык узбека победит?!»
Очень был свирепым Кокальдаш на вид.
Из толпы меж тем несутся голоса:
— Поскорей бы взяться вам за пояса!
Тут бы стало ясно, кто сильнее, слабей! . . —
И за Алпамыша Кокальдаш взялся,
И за Кокальдаша Алпамыш взялся.
Снова шум большой в народе поднялся.
— Алпамыш, — кричат узбеки, — не робей! —
И кричат калмыки: — Кокальдаш, смелей! —
Силы не жалеет Алпамыш своей,
Кокальдаш в борьбе становится всё злей,
Но ни Алпамыш не победил пока,
Ни калмык его не одолел пока.
Гнут хребты друг другу или мнут бока —
Хватка у того и этого крепка!
На майдане два соперника-борца
Борются, как два шакала-одинца,
Только нет упорной их борьбе конца,
И народ не знает, кто же верх берет,
И шумит, терпенье потеряв, народ. . .

Опасаясь за исход единоборства, Ай-Барчин обратилась к Хаким-беку, сказав такое слово:

— Розы куст в саду благоухан весной.
Соловей поет, любовью пьян, весной.
Вы не евнух ли, сын дяди, милый мой,
Если своего соперника, увы,
До сих пор в борьбе не одолели вы?
Что с тобою стало, милый бек Хаким?
Иль не дорога тебе Барчин-аим?
Если ты с врагом не справишься своим,
Я вместо тебя борьбу продолжу с ним.
Мужества не меньше у твоей Барчин,
Сил не меньше есть, чем у иных мужчин.
Если ты столь слаб, мой бек, мой господин,
Я сама сейчас, одевшись по-мужски,
Перед всем народом выйду на майдан,
Этого калмыка разобью в куски!
Э, возлюбленный мой Алпамыш, мой хан!
Что же ты молчишь, меня томишь, мой хан!
Иль напрасно был ты с детства мне желан?
Девушками ты осмеян, Хаким-джан!
Евнухом тебя они теперь зовут,
Девушек насмешки сердце мне сожгут.
Люди от героев дел геройских ждут,
Доблести дела потомки воспоют,
Слабости дела навеки осмеют.
С духом соберись и силу собери,
Силача калмыка, милый, побори!
Если ж не поборешь — сам себя кори,
О любви ко мне молчи, не говори! . .

Ай-Барчин слова такие говорит,
Долго Алпамыша бедного корит.
Сердце Алпамыша от стыда горит,
Жгучая слеза глаза ему слепит,
От любимой столько слышит он обид!
Недругом неужто будет он побит?
Чести он своей ужель не отстоит?
Силы неужель не удесятерит? . .
Страстью соколиной Алпамыш кипит,
Ярым гневом львиным Алпамыш горит,
Силою тигриной Алпамыш налит.
Он калмыка жмет — калмык едва стоит,
Он калмыка гнет — хребет его трещит;
От земли его он отрывает вдруг,
В небо высоко его швыряет вдруг!
Видя это чудо, весь народ шумит,

Головы закинув, в небеса глядит,
Как батыр огромный с неба вниз летит,
Альчиком игральным кажется на вид.
В землю головой зарылся наш батыр —
И погиб злосчастный Кокальдаш-батыр. . .

Счастлив Алпамыш, горда Барчин-аим.
У калмыков горе — плачут млад и стар:
Слишком им тяжелый нанесен удар,
Цвет батырства их в тот черный день зачах!
У калмычек скольких слезы на глазах!
Удручен судьбой, ушел калмыцкий шах,
А за ним и весь народ его в слезах. . .

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

В стойбище узбеков — праздник, торжество.
Десять тысяч юрт народа своего
Байсары теперь к себе на пир зовут, —
Дочь за Алпамыша замуж выдает.
По степи Чилбирской мчась во все концы,
Эту весть разносят конные гонцы —
И спешит на пир со всей степи народ.
Байсары, одетый в бархат и атлас,
Много белых юрт расставил напоказ,
Много всякой снеди для гостей припас, —
Выдает он замуж дочь, зеницу глаз!
Казаны неся, приходят повара, —
Свадьбы наступает шумная пора.

Нет калмыку жизни со зла,
Весь он посерел, как зола.
Барчин-ай, как месяц, светла,
Счастье с Алпамышем нашла.
Свадьба Ай-Барчин весела!
Сколько там верблюдов, коней!
Нет гостям на свадьбе числа!
Длится пир немало уж дней,
Не было улаков шумней:
За козлом бросают козла,
Тучны все козлы и пестры, —
Так вот пировал Байсары!

Режут без числа овец-баранов тут,
Режут лошадей — и то числа не чтут.

Гости безотказно все едят и пьют,
День за днем улак в пяти местах ведут.
Стариков почтенных избирают в суд;
Споря об заклад, в улачную казну
Спорщики немало золота несут.
Седоков лихих какие сборы ждут!
Пляшут плясуны, бубнисты в бубны бьют,
О батырах славных шаиры поют.
Кто бы ни пришел — он гость желанный тут,
Никого едой-питьем не обнесут
Да еще подарки всем гостям дают. . .
Ровно сорок дней так пировали там,
Стали разъезжаться люди по домам.

Окружен гурьбой джигитов бек Хаким,
Должен, как слуга, прислуживать он им:
С древности такой обычай мы храним!
Девушки теперь гурьбой к нему идут,
Сходится к нему весь молодежный люд;
Женщины готовят девять вкусных блюд,
Эти блюда прямо к жениху несут,
Но ему поесть кусочка не дадут, —
Все как есть, до крошки дружки уплетут,
А на блюдах куча денег золотых
Вырастет на радость женщин-поварих.
Бек-жених девичьим окружен кольцом,
Рядом с ним костер веселый разожжен;
Перед ним склоняясь до земли лицом,
Девушки ведут его к невесте в дом.
В доме застают почтенных стариков.
Окружив Барчин (узбекский наш таков
Свадебный обычай искони веков),
Девушки, шумя, тесней смыкают круг
И с невестой вместе убегают вдруг —
Якобы ее похитили они.
(Умыкали так невест в былые дни.)
Свадебный таков узбекский наш обряд!
Молодухи тоже покидают дом,
Где невеста скрыта — выпытать хотят,
Но ее подружки им не говорят.
Все-таки она находится потом.
Ставленники мулл — так водится притом —
Просят, чтоб невеста им дала ответ:
Будет жениху согласие или нет?
А она не может побороть стыда

И не отвечает им ни «нет», ни «да».
Ставленники мулл отступятся тогда,
Девушкам вмешаться настанет черед.
Ту, что от нее согласие берет,
Гости награждают от своих щедрот.
(Сохранил такой обычай наш народ,
Называется «открыть невесте рот».)
Ставленник теперь назначен от Барчин, —
Хаким-бек ее согласие получил.
Свадебный идет своим порядком чин.

Ставленники от обеих сторон вошли к собравшимся, и мулла опросил их. Получив ответы ставленников, которым за их свидетельство тоже кое-что перепало, мулла прочитал молитву. Хакиму-Алпамышу также задано было несколько вопросов-условий, все это скрепили письменным брачным договором; молодых поздравив, остались все довольны и разошлись.

Бархатную юрту новобрачных пологом завесили. Хотел Алпамыш с несколькими дружками своими в юрту войти, но женщины, бывшие там, показали по обычаю «смерть старухи», кое-что получили за это, но все-таки, жениха не впуская, устроили «собачье рычание», — за это тоже получили кое-что и лишь тогда впустили жениха в юрту. Хаким и дружки, всё время кланяясь, за откинутый полог прошли; женщины скатерть перед ними разостлали, подали баранью грудинку. Дружки жениха, насытившись как следует, раздали женщинам тюбетейки, платки, платья. Исполнив все, что по обычаю положено, дружки жениха удалились. В это время толпа девушек, приведя Ай-Барчин в юрту, окружила Хакима, так говоря:

— Ты теперь во власти девичьей, исполни старый обычай!.. — Положили они жениха на белую кошму, подбитую бархатом, стали поднимать его. Тяжел был Хаким — с трудом удалось девушкам чуть-чуть над землей приподнять его.

Тут вошли снова замужние женщины и, обычаю следуя, совершили над ними обряд «поглаживания волос» и «держания руки», за что тоже одарены были. Несколько старух после этого еще пошутили с новобрачными, сказав:

— Теперь как хотите, так и забавляйтесь.

С этим они и ушли. Осталась юрта только для Хаким-бека и для Барчин.

Плач его погибших недругов услышь! —
Брачную прочел молитву Алпамыш

И, соединившись с той, кого любил,
Беды и невзгоды с нею позабыл,
Чашу наслажденья до утра он пил.
Сбывшейся увидел он мечту свою!
На заре уходит он в юрту свою.
Девушки к нему красавицы идут,
О его здоровье справиться идут.
Много молодых приходит и старух,
Золото на блюдо им Хаким кладет:
И такой обычай наш народ блюдет!
Дружки жениха являются — вожак
От молодожена требует улак.
Исполняет бек, что просят от него:
Каждый по козлу уносит от него.
Караджан приходит к другу своему —
Гости воздают большую честь ему...

Дни за днями шли — Алпамыш с женою своей обратно в Конград, на родину, стал собираться, а с ним и весь десятитысячеюртный народ байсунский, томившийся с бием своим Байсары на чужбине, в калмыцкой стране.

Но сам Байсары, старый упрямец, обиды на брата своего не забыв, говорит: «Не поеду!..» Приходят к нему большие и малые люди из народа его — уговорить его пытаются:

— Весь твой народ уйдет, один ты на чужбине останешься, — где потом крылья возьмешь, если улететь захочешь? Крылья твои, сила твоя — десять тысяч юрт народа твоего! Останешься одиноким — горько раскаешься. Было время — уважаем ты был здесь, каждое слово твое законом звучало. На Тайча-хана, калмыцкого шаха, надеялся ты, думал, что он тебе навсегда искренним другом будет. Время прошло — сколько обид претерпел ты здесь от калмыков из-за посягательств их на дочь твою! Ты — старший над нами, не упрямясь, одумайся, не оставайся одиноким в стране врагов наших...

Выслушал Байсары слова сородичей своих — так отвечает им:

— Проклят будь мой брат Байбури, из-за него на мытарства обрек я себя. Сердце мое надломил он обидой, мне нанесенной, родину из-за него я покинул, а он в гордыне своей ни разу и не осведомился обо мне. Хоть бы и вернулся я, не быть мне тем, кем прежде я был. Раз уж так суждено, пусть сын брата моего увезет от меня дочь мою Барчин,

а я не поеду. Лучше пусть убит буду калмыками, а в Кон-
грат никогда не вернусь. . .

Такой ответ дал он соплеменникам своим. Сообщили об
этом люди Хаким-беку — послал к нему Хаким посланцев
своих, такой наказ им дав:

— Уговорите вы дядю — тестя моего, — боюсь, как бы
кости свои не оставил он одинокими на чужбине, вдали от
страны отцов своих.

Не внял старый гордец словам посланцев Алпамыша,
никаких вразумлений их слушать не хотел, стоял на своем:
«Не поеду!» Сказали ему:

— Подождем тебя еще сорок дней, — может быть, оду-
маешься.

Сорок дней раздумывал Байсары, совещался с народом
своим — все-таки при своем решении остался. Десять тысяч
юрт байсунского племени вместе с Барчин-аим на родину
откочевывают, — старый Байсары с домочадцами своими на
чужбине остается.

Решил он соблюсти на прощанье обряд «показа жени-
ха»: баранов заколол, позвал к себе утром дочь свою Бар-
чин, Хакима-Алпамыша — зятя своего, а также друга его
Караджана, хорошо их угостил, одежды хорошие на плечи
им всем накинул — и провожать их вышел.

Тот, кто красноречьем оснастил уста,
Всем словам умеет находить места. . .
В полдень горький час разлуки настает,
Караван верблюдов отправленья ждет;
Ровно их пятьсот — и в одного один, —
Грузится на них приданое Барчин.
Плачет Барчин-ай, ручьями слезы льет,
Боль ее сердечко на кусочки рвет.
Бедненькой такая мука суждена!
С матерью, с отцом разлука суждена!
Отправляется на родину она,
На чужбине злой оставить их должна.
Хочет Ай-Барчин уговорить отца,
Но нельзя сломить упорство гордеца.
Разрывает горе всем трюм сердца,
Всё же в дальний путь пойти придется ей.
Вот уже подводят иноходца ей,
Вот и Хаким-бек и Караджан-батыр,
Сбрую осмотрев, садятся на коней.
Трогается с места остальной народ,
Откочевывает в край родной народ.

Громко чабаны кричат: «Курхайт! Курхайт!» —
Замычал, заблеял беспокойный скот,
Гонят чабаны сначала дойный скот.
Будь благословен на родину исход!

Вышел Байсары проводить в далекий путь Ай-Барчин
свою, сильно сердцем расстроился, но, желая утешить дочь,
такое слово ей говорит:

— Барчин-ай, дитя мое, не унывай,
Сердце, по отцу скорбя, не надрывай.
Будь жива-здорова, горя не знавай!
Уезжаешь ты на родину, к родне,
Ты не одинокой будешь в той стране.
Доченька моя, послушай речь мою:
Если отправляю вдаль я дочь свою,
Все-таки ее не в рабство продаю,
За того, кто люб ей, замуж выдаю.
Если я свою овечку огорчил,
Нехотя ее сердечко огорчил, —
Сам себе я тоже старость омрачил,
Боль разлуки рвет и мне на части грудь.
Доченька моя, езжай, счастливый путь!
На меня, дитя, в обиде ты не будь —
Не калмыку я твою судьбу вручил,
С ровней, со своим тебя я обручил.
Не горюй напрасно, столько слез не лей,
Ясные глаза-нарциссы пожалей.
Всё равно в калмыцкой вражеской стране
Не было б тебе покоя и при мне.
Мало ль от калмыков настрадалась ты?
Сколько проливала слез по их вине!
Ты от них теперь избавлена вполне.
Поезжай, дитя, на родину, к родне,
Ласку и любовь найдешь у земляков.
Любит птица-кобчик сесть на косогор.
Знала ты одно лишь горе до сих пор,
Натерпелась бед не по своим летам,
Но врагам своим сумела дать отпор.
Девушкой тебя природа создала,
Но свершить такие б ты могла дела,
О которых бы мечтал и сам Рустам:
Девушкой родясь, батыров ты сильнее,
Ты моя опора на закате дней.
Власть я потерял на родине своей.

Байбури один хозяйничает в ней.
В сердце я глушу жестокой муки крик,
Остаюсь один, беспомощный старик.
Кто мои друзья? Вокруг меня калмык —
И чужой обычай, и чужой язык!
Ока моего зрачок бесценный, знай:
Без тебя утечи нет мне, Барчин-ай!
Поезжай, дитя, приедешь в край отцов —
Худом своего отца не вспоминай!

Дочь свою проводив, вернулся Байсары в дом, а весь десятитысячеюртный народ конгратский отправился в путь. Одиноким остался Байсары, разлученный и с народом своим, и с дочерью.

Шумела его голова от горьких мыслей, тяжело ему было оставаться на чужбине, пленом она стала ему. . .

А в это время коварная старуха Сурхаиль, узнав о гибели своих сыновей-богатырей и о том, что младший сын ее Караджан ушел с Алпамышем в Конграт, плача от горя, такое слово говорит:

— Дети мои, дети, вы, мои сыны,
Были вы в стране калмыцкой так сильны,
Но пришел узбек — и вы, мои сыны,
Перебиты им, мертвы, мои сыны!
Нет у Сурхаиль детей-богатырей,
Как ей жить одной без сыновей-друзей!
Плачет Сурхаиль — нет утешенья ей.
Караджан хоть жив, но сердце мне разбил.
Я была крылатой, но лишилась крыл,
Скакуном была — осталась без копыт! . . . —
Плачет Сурхаиль, слезами прах кропит,
Космы распустила, на всю степь вопит.
Некому излить ей боль своих обид.

В такой сильной досаде решила она отправиться к шаху калмыцкому, выложить ему свое горе. С распущенными волосами, лицо ногтями исцарапав, приходит она во дворец.

При жизни сыновей своих была она в государстве женщиной важной, — почтительно встретили ее придворные слуги, повели к шаху калмыцкому.

Говорит шаху такие слова старуха Сурхаиль:

— Посмотри, как вся я пожелтела, шах!
У меня к тебе есть просьба-дело, шах!

Можешь ли ты, шах мой, думать о делах?
Можешь ли понять, что разорен ты впрах?
Должен ли ты знать, что из твоей земли
Свой несметный скот узбеки увели?
Можно ль допустить, чтобы один узбек
Целую страну заставил так страдать?
Может ли тебе подобный человек,
Шахом будучи, врагу противостать?
Можно ль от такого шаха пользы ждать?
Можно ли ему на троне восседать?
Нужен ли стране такой беспечный шах?
Есть ли где-нибудь столь бессердечный шах?
Если ты таков, не требуй ничего,
Непутевый шах, с народа своего!
Вижу я, что правду люди говорят:
Пусть, мол, жив-здоров узбек уйдет в Конграт —
В крепости своей ты отсидеться рад.
Если на узбека ты не выйдешь сам,
Знай, мой шах, что я уйти ему не дам;
Кликну клич в народе — соберу народ,
Поведу людей на недруга в поход,
Погублю узбеков, скот их отберу!
С сыном, с Караджаном, слажу подобру —
Иль его убью, иль я сама умру!

Услыхав от Сурхаиль такие слова, созвал шах калмыцкий всех своих советников-амальдаров, всех знаменосцев своих — стал советоваться с ними. Узнали советники шахские, с чем Сурхаиль пришла, — согласились, что она права. Погубили, мол, узбеки всех лучших батыров, красу страны калмыцкой, хитростью, мол, завлекли Караджана в сети свои, якобы другом своим сделали его, в плен увели к себе. Неужели безнаказанно уйдут они, уведя все свои стада?

Тут и сам Тайча-хан в гнев пришел. Жаждой мести загорясь, раскричался:

— Большое войско немедля на них пошлю! Сам поход на них возглавлю! Уж если сам я выйду на них, не сдобровать им! Головы со многих посрываю, в военную добычу превращу всех, кто в живых останется, скот их отберу, жен и дочерей их пригоню, — рабынями сделаю их, на бесчестие народу раздам!

Отдал шах калмыцкий приказ немедленно войску снаряжаться, в поход на узбеков идти.

Скачет за отрядом отряд —
Жители в испуге глядят.
— Скачут смело в бой, — говорят, —
С чем придут домой? — говорят...
Едут за полками полки, —
Видишь, каковы ездоки!
За плечами их — мультаки,
Меч-алмаз у всех на боку,
Кони их легки на скаку,
Седла на конях — высоки;
Знаменосцы в каждом полку,
Полководцы в каждом полку!
Дал приказ им шах Тайча-хан
Караван узбеков настичь.
Едут через Токаистан,
Где батыры их полегли,
В боевые трубы трубят,
О батырах павших скорбят.
Воды голубеют вдали —
Блещет айна-кольский простор;
Травы зеленеют вдали —
Это чилбир-чольский простор.

Лихо погоняя коней,
Пыль клубя столбом за собой,
Мчатся воины шахские в бой,
Горячат себя похвальбой, —
Львом себя считает любой!
Кочевой, беспечной толпой
Впереди узбеки идут —
Скот неисчислимый ведут.
Видя, что добыча близка,
Шахские ликуют войска.
Мчится за отрядом отряд,
Скачут, меж собой говорят,
На скаку друг друга храбрят:
— Мы им воздадим! — говорят.
Не отбиться им! — говорят. —
В пыль их превратим! — говорят. —
Скот перегоняя в Конграт,
Заняты узбеки скотом,
Нас не ожидают притом.
Если захотим, — говорят, —
Вихрем налетим, — говорят, —
Многих перетопчем, — тогда

Сами отдадут нам стада!.. —
У глупца глаза велики,
Руки у глупца коротки.

Вовремя заметив калмыков, зашумели узбеки, растерялись: стали скот собирать, каждый о себе хлопотал. Алпамыш, увидав калмыков, подумал:

«Недоброе что-то замыслил шах калмыцкий, если войска нам вдогон послал».

Согласился с ним Караджан и такое слово говорит:

— Короток мой суд! — говорит. —
Если нападут, — говорит, —
Шаха пусть клянут! — говорит. —
Истребим их тут, — говорит, —
Вороны их трупы склюют.
С кем они тягаться пришли?
Я ведь Караджан-пахлаван:
Только позови на майдан —
Степи вражьей кровью залью,
Вражью печень я просолю!
Ну-ка, шахский воинский люд,
С Караджаном встретитесь тут —
Каждый заревет, как верблюду!

На эти слова так ответил Караджану Алпамыш:

— Слово ты мое за трусость не считай:
Гневу над рассудком воли ты не дай,
О делах подобных, друг мой, не мечтай!
Сгоряча такой расправы не чини:
Не своею волей прибыли они,
Зря да не найдут погибели они!
Что творят — и сами ведь не сознают, —
Может быть, и нашей крови не прольют.
Пощади несчастный, подневольный люд!
За народом нашим, друг мой, последи.
Что за кутерьма и вопли впереди?!
Разума они лишились, видно, там!..
Поспеш — людей в сознание приведи...
Низом пусть идут... ты их предупреди:
Разобрать стада успеют и потом, —
В плен бы не попались вместе со скотом...
Погоди-ка, друг, чуть-чуть повремени,
Земляков своих покуда не вини,

Грозным словом их сначала припугни;
Шахские ведь слуги, воины они,
Шах пошлет — пойти обязаны они!
Воинскою службой связаны они!
Подобру назад вернуться их склони,
Пусть ни нам не будет и ни им вреда! —
Қараджану так Хаким сказал тогда.
Говорят друзья, глядят туда-сюда —
Видят, что народ угнал вперед стада.
Может быть, бог даст, минует их беда...
Шахские меж тем приблизились войска,
На виду стоят, бездействуя пока.

Хотя большинство народа ушло далеко вперед, некоторые, однако, со скотом своим задержались, отстали. Қараджан с Алпамышем на глазах у калмыков собрали отставших, направили их на дорогу, а сами, оружие проверив, остались на месте.

Қалмыцкое войско, постояв немного, снова вперед тронулось, но коней шагом пустили. Вышел им навстречу Қараджан, такое слово сказал:

— Имя Қараджана ношу!
Кто вас одурачил? — спрошу.
Вас предупредить я спешу:
Если полю брани тут быть,
Всех вас, дураков, сокрушу,
Кровью вашей степь орошу!
Если выну меч свой — алмаз,
Ад я покажу вам сейчас.
Саваны я всем вам припас!
Будет, говорю вам, умней,
Если повернете коней!

Вышел тут один из богатырей калмыцких и сказал в ответ Қараджану такое слово:

— Видишь, я и сам пахлаван!
Едет вслед нам шах Тайча-хан.
Это место — битвы майдан.
Стал ты глуповат, Қараджан!
Плачешь ты о нашей судьбе, —
Думай лучше сам о себе!
Трудный одолели мы путь,
Шли сюда мы вскачь, не забудь,

Но не ослабели ничуть!
Думали вы нас обмануть —
Знай, что с боевого пути
Нет у нас охоты свернуть!
Видно, Қараджан, ты забыл,
Что нам твой узбек натворил,
Витязей каких перебил!
Ныне он раскается сам —
Ад откроем вашим глазам!
Мы пришли истребовать кун,
Нам узбекская кровь — бальзам!

Қараджан и Алпамыш, такие слова услышав, гневом воспылали и пустили своих коней на калмыцкое войско.

Яростью два бека зажглись —
На дыбы их кони взвились
И, не глядя вверх или вниз,
На калмыков вмиг понеслись.
Но калмыки, тоже озлясь,
Выпустили сразу коней.
Битва в тот же миг началась.
С самых незапамятных дней
Битвы не бывало грозней.
Что это за встреча была,
Что это за сеча была!
Кони, закусив удила,
Ржут, грызут друг друга со зла;
Молниями блещут мечи,
Обе стороны горячи,
Тем и тем за храбрость хвала!
Вот так боевые дела!
Тысячи калмыцких клинков,
Два клинка у двух смельчаков:
С Қараджаном бек Алпамыш
Отражают натиск врагов,
Головы с калмыков летят!
Вот он, гнев батыров, каков!
Словно из своих берегов
Вырвался двуруслый поток,
Так они кипели теперь,
Так расвирепели теперы!
Трусые оробели теперы,
Шахские редели полки;
Рубят им два друга башки, —

Падают с коней, как мешки,
Мертвые один за одним.
Раненые землю грызут,
До неба их вопли встают.
Битву два батыра вѣдут —
А враги пощады не ждут,
Многие с майдана бегут.
Слезы их начальники льют,
Шаху донесение шлют:
«Терпим поражение мы!
Просим подкрепления мы!»
К шаху донесенье пришло —
На него затмение нашло.
В ужас населенье пришло,
А на поле брани меж тем
Войск уничтожение шло.
Очень было им тяжело!
Всѣ росло убитых число,
Всѣ число бежавших росло.
Помощи им нет, как назло!
Горе им, злосчастливым таким!
Сколько Алпамыш их сгубил,
Сколько Караджан перебил!
Вспомнил о народе Хаким,
Друга посылает вперед:
— Посмотри, в порядке ль народ! .. —
Поскакал вперед Караджан,
Алпамыш, оставшись один,
На себя всю битву берет.
Всех врагов, сновавших вразброд,
Он повыгонял из ложбин,
Ухитрился в кучку их сбить —
В одиночку стал их рубить.
Что калмыкам делать, как быть?
Видят, что мечом не убить, —
Может быть, удастся его
Пикой острозубой добыть?
Но и тем не взяли его!
Так же, как не брали клинки,
Пики не пронзали его,
Ранить не могли мультаки.
В ужасе калмыки вопят:
— Человечье ль в нем естество?
Хитрое тут есть колдовство!
Кровь свою напрасно мы льем,

Справиться нельзя с колдуном!
Думали — добычу возьмем,
Вышло всё иначе теперь,
Погибаем, плачем теперь!
Лучше мы коней повернем! . .

Вышел Байкашка на майдан —
Тоже исполин пахлаван,
Тот, с кем говорил Караджан.
С Алпамышем сходится он.
Гневом друг на друга ярясь,
За мечи, за пики берясь,
В жесточайшей схватке такой
Бились Алпамыш с Байкашкой.
Встреча эта краткой была,
Грозной эта схватка была!
Голову калмыку снеся,
Кончил Байкашку Хаким-бек,
Надвое калмыка рассек.
Всех богатырей потеряв —
Лучших главарей потеряв, —
Те, что оставались в живых,
Плача о погибших своих,
Снова попытались бежать.
Мало кто из них убежал:
Хаким-бек им вновь помешал,
Он им жизни путь преградил,
Сгрудил, как овец, и рубил,
Жалости не зная, губил,
Головы наотмашь срезал —
Кóням под копыта бросал,
Так при этом в гнев кричал:
— Снизлась вам добыча, глупцы!
Быть вам пищей птичьей, глупцы!
Миром не хотели уйти —
Мертвечиной стали в пути.
Мой таков обычай, глупцы:
Кровью за бахвальство плати!
Ну-ка, шах калмыцкий, гляди,
Что же натворил ты, злодей:
Сколько ты своих же людей
На смерть безрассудно обрек!
Вот тебе, злосчастный, урок!
Встречусь я с тобою, дай срок,
Моего не минешь меча,

Я тебя убью, шах Тайча!
Так тебе, мой недруг, скажу:
Я своих врагов не щажу,
Со своих путей не схожу,
Коль дерусь — то насмерть дерусь!
Будь я обесчещен, как трус,
Если, вероломец Тайча,
Ненависть к тебе угашу,
Головы тебя не лишу!

Так эта сеча окончилась. Немногие калмыки уцелели — бегством спаслись. Остался Алпамыш один на поле брани, вперед поскакал — догнал Караджана, ушедшего со всем народом вперед. Едут друзья рядом, обращается Караджан к Алпамышу, рассказать просит, как бой закончился. Рассказал ему Алпамыш про подвиги свои, сколько врагов перебил он, как на поединках зарубил он самых грозных богатырей — главарей воинства калмыцкого, как бежали с поля битвы уцелевшие калмыки.

Восхищается Караджан геройством Алпамыша, говорит:

— Не вернусь я в страну калмыцкую, не хочу служить вероломному шаху Тайче, жить буду в стране друга моего, славного витязя Алпамыша.

...В это время прикочевал народ к берегам Ачик-коля. Устали люди от долгого пути, скот из сил уже выбивался. Решили стоянку сделать на этом месте. Скот на волю пустил, юрты расставили. Пришел и караван Барчин-аим. Многие из подружек ее так устали от долгого сиденья на иноходцах, что словно бы окаменели — ни стоять, ни ходить не могли. Спустили Ай-Барчин с коня, развьючили пятьсот верблюдов, ее приданым груженных, отдыхать дали им. Установили женщины бархатную юрту Барчин; девушки ввели ее в юрту, развесили ее одежды, кумганы с водой вскипятили, чай заварив, дастарханы разостлав, досыта горячей пищи поев, отдыхать легли. Так и по всей стоянке.

Люди весь день отдыхают, — вечер настает, ночь приходит — люди лежат, подняться не в силах, отдыхают с пути. Длится отдых три-четыре дня. Люди в себя приходят, снова в путь собираются. Едет Алпамыш рядом с Барчин-аим, так говорит:

— Споря светлым ликом с луной,
Стремя в стремя рядом со мной,
Вольною дорогой степной,

Девушками окружена,
Держишь путь ты в край наш родной.
Слушай меня, друг мой, жена!
Правду ведь узнать ты должна:
Скот наш возмечтав отобрать,
Конную могучую рать
Выславший за нами вдогон,
Этот вероломный Тайча, —
Знай, моя Барчин-аймча, —
Если бы он верх одержал,
Гибелью ведь нам угрожал!
Всё же он, Тайча, оплошал.
Я его опоры лишил:
Меч я свой — алмаз, обнажил,
Цвет его полков искрошил!
Недруг нам разором грозил,
Рабством и позором грозил —
Недруга я сам устроил!
Честь Байсун-Конграта я спас,
Скот наш от захвата я спас!
В край родной, на радость отцу,
Еду я конь о конь с тобой. . .
Очень тебе кудри к лицу,
Твой наряд к лицу голубой! . .

Едут рядом он и она,
Бек и молодая жена,
Кони их бок о бок идут,
Путаются их стремяна.
Едут и беседы ведут,
Шутки шутят, песни поют.
Недруга страна далека,
Впереди — родная страна,
Только и она не близка!
Ровные просторы прошли,
Вот уж косогоры пошли,
Впереди — гора за горой, —
Нет пути-дороге конца!
Вспомнит Барчин-ай про отца,
Сразу потемнеет с лица,
Горько затоскует порой,
Много дум на сердце у ней!
— Как не тосковать! — говорит. —
Мой отец и мать, — говорит, —
Там — среди калмыков-врагов,

Лишены родни, — говорит, —
Меж врагов — одни, — говорит, —
Верно в угнетенье живут,
В тяжком униженьи живут!
Может у отца отобрать
Тайча-хан все наши стада.
Нищенство грозит им тогда! —
Вот что Ай-Барчин тяготит,
Вот что ей сердечко когтит!
Зная, что у ней на душе,
В очи Алпамыш ей глядит,
Очень за нее он скорбит,
Так ей сокол-бек говорит:
— Мой совет послушай благой,
Думой не терзайся такой,
Сердце ты свое успокой!
Недруг наш коварен, а всё ж
Разве он посмеет, калмык,
Совершить столь дерзкий грабеж!
Вскорости, хранимы судьбой,
Мы домой прибудем с тобой,
Счастливо с тобою вдвоем
Мы в краю родном заживем.
Об отце заботясь твоим,
Мы ему напишем потом,
Отошлем посланье с гонцом,
К нам его, в Конграт, привезем.
Со своим отцом дорогим,
С матерью своей дорогой
Ты разлучена не навек! . . . —
Так ей говорит Хаким-бек.

Двигается народ кочевой,
Гонит скот бесчисленный свой.
Труден путь полугодовой,
На чужбине мука горька,
С родиной разлука горька!
Люди, истомясь, говорят:
— Мы к стране родной, — говорят, —
Рвемся всей душой, — говорят, —
Только путь степной, — говорят, —
Много терний в сердце вонзил.
Добрести хватило бы сил!
Где ты, край желанный, Конграт! . . . —
Путь одолевая с трудом,

Степи все заполнив скотом,
Так они идут тем путем,
Терпят много бед и невзгод.
Люди отощали и скот.
Путь без остановок держа,
Двигается байсунский народ,
А родного нет рубежа!
Падают бараны в пути,
За горой гора на пути,
Перевалу вслед перевал.
Сколько перевалено гор —
Нет родной страны до сих пор!
На гору еще поднялись,
Вдаль они с надеждой глядят —
Вспыхивает радостью взор:
Воды бирюзовых озер,
Воды Коккамыша блестят!

— Вот она, страна родная! — говорят, —
Мы к тебе вернулись, край отцов, Конграт!
Нет страны на свете лучше! — говорят.
Едет меж своих подруг Барчин-айм,
Каждая надела праздничный наряд.
Воды Кок-Камыша взор ласкают им,
Камыши в пути как бы кивают им,
Едут по местам покинутым, родным,
Ветерок доносит их отчизны дым.
Весь народ возглавив, едет бек Хаким,
Высылает он гонцов передовых.
Вихрем понеслись, коней секут своих,
Поглядел бы ты на этих верховых!
Встречные в испуге спрашивают их:
— Что случилось? Кто вы? Чей вы есть народ? —
Те им отвечают — и спешат вперед,
Скачут — прискакали к дому Байбури,
Весть передают седому Байбури.

Пастухи-гонцы, извещая Байбури о возвращении Алпамыша, сказали так:

— Выслушай нас, хан Байбури!
Всю свою родню собери,
Нас, не покупаясь, одари!
Знай: тюльпан твой прекрасный — здесь!
Соловей сладкогласный — здесь!
Смелый сокол твой ясный — здесь!

Прибыл он, твой сын Алпамыш! ..
Тот, кто, твой нарушив запрет,
Сердца не нарушил обет,
Не страшась опасностей, бед,
Выехал спасать земляков,
Тот, кто, став грозой врагов,
Много одержал там побед,
Истребил их воинства цвет,
Родины своей не забыв, —
Сын твой ненаглядный, он жив!
Прибыл он, твой сын Алпамыш! ..
Внял господь отцовским слезам,
Счастлив дом твой, счастлив ты сам.
Слез твоих поток осушив,
Мук твоих огонь потушив,
Славный свой поход завершив,
Прибыл он, твой сын Хаким-бек! ..
Совести там не загрязнив,
Воинскую честь сохранив,
Ту, кого он с детства любил,
В жены наконец получив,
Весь ее народ и стада
Храбро от врагов защитив,
Вывел и привел он сюда!
Прибыл он, твой сын Хаким-бек! ..
Другом ему ставший навек,
Доблестный батыр-пахлаван,
Имя ему бек Караджан,
Прибыл вместе с сыном твоим.
Мы на Коккамыше стоим,
Там расположась на ночлег. . .
Сын-батыр единственный твой,
Алпамыш воинственный твой,
Он уж недалеко, он здесь,
Вновь парит он соколом здесь!
Нашему известью поверь,
Едем с нами вместе, проверь! ..
Враг наш опозорен теперь,
Стал, как прах, он черен теперь!
Множество врагов одолев,
Много горных круч одолев,
Прибыл он, могучий, как лев,
Доблестный твой сын Алпамыш! ..
С ним, как месяц ясный, ясна,
Как цветок прекрасный, нежна,

Девушками окружена,
Любящая страстно жена.
Ведай: счетом ровно пятьсот,
Груженный приданым Барчин,
Караван верблюдов идет!
Сын твой — Алпамыш-исполин
Прибыл из похода, он здесь!
Отстоял он родины честь,
Вновь соединил наш народ!
Выслав нас гонцами вперед,
Эту сообщает он весть!
Нас, твоих рабов, Байбури,
Щедрым суюнчи одари! . .

Слышит их слова Байбури,
Очень их известию рад,
Он им не жалеет наград,
Каждому подносит халат.
А меж тем, как будто крылат,
Слух тот облетает Конграт.
Шум и суматоха стоят.
Люди поважней, познатней
Встретить Алпамыша спешат.
Улицы народом кишат,
Молодух и девушек — тьма,
Пусты у конгратцев дома!
Разговор один на устах —
Алпамыш с Барчин на устах. . .
О прикочевавших гостях
Сорока подружкам своим
Калдыргач-аим говорит:
— Ну-ка поспешим, — говорит, —
Выедем навстречу мы им,
Поглядим, вернулся каким
Братец бек Хаким! — говорит. —
Мы поговорим, — говорит, —
С нашею сестрицей Барчин,
Привезем в столицу Барчин! . .

Двигается встречать своих гостей народ,
Так толпа густа, что страх иных берет,
Вся бурлит дорога, как водоворот,
Речью любопытства полон каждый рот.
Беки-амальдары унеслись вперед,

Сделали они привал у «Белых вод»,
Смотрят — Алпамыш навстречу им идет,
За собой ведет вернувшийся народ.
Встречных увидав, душой ликует он,
Спешившись, он горсть родной земли берет,
Поднеся к устам, ее целует он!
Беки, Алпамыша угощая тут,
От отца привет ему передают,
Накормив гостей, ведут их за собой. . .
С девичьей своей шумливую толпой
Прибыла в тот час и Калдыргач-айм.
Брата увидав, здороваается с ним, —
Поцелуй сестринский нежен и горяч.
С дорогой невесткой, ласково нежна,
Так же горячо целуется она,
Красотой Барчин любитесь она. . .
Вдруг — с веселым криком: — Живо, начинай! —
Девушки в свой круг замкнули Барчин-ай,
Поперек дороги протянув аркан,
Требуют с гостей подарков выкупных.
Девушка Суксур одаривает их:
Много тюбетеек ало-золотых,
Много им дает платочков головных.

А дорога вся людьми запружена,
Вся Конград-страна сюда устремлена —
Для подобных толп и ширь степей тесна!
Братья возвратились из чужой страны!
Были столько лет они разлучены!
Радостью горят конградские сердца,
Также и байсунцев братские сердца!
Ликованье с той и с этой стороны,
Взоры к Алпамышу все обращены.
«Славься, победитель!» — клики там слышны,
«Наш объединитель!» — клики там слышны.
Рядом с Алпамышем, прелести полна,
Едет Ай-Барчин, сияя, как луна.
Люди красотой Барчин восхищены,
Мощью Караджана все потрясены.
Задние к передним зависти полны,
Задние не видят ничего, хоть плачь!
Лезут — кто на крыши, кто — на карагач.
Едут, едут гости! Ты на них смотри! . . .
Месяца светлей и утренней зари,
Видит Барчин-ай владенья Байбури.

Алпамыш-батыр и Караджан — смотри! —
Спешились и слугам отдают коней.
С двух таких друзей и ты пример бери!
Дорогого сына, Хаким-бека-льва,
Видит Байбури, — теряется сперва,
Еле говорит и путает слова,
На ногах от счастья держится едва.
Алпамыша так вот к сердцу он прижал:
— Хакимджан, сынок мой, как ты возмужал!
Если жив-здоров ты предо мной стоишь,
Не о чем мечтать мне, сын мой Алпамыш,
Сбылись все желанья твоего отца! —
Смахивая слезы радости с лица,
Он и Караджана обнял молодца:
— Вот каков ты есть, оказывается,
Моего сынка товарищ боевой!
Жаль, что не был раньше я знаком с тобой! . . . —
Тут, своим гордясь возлюбленным сынком,
Бросилась к Хакиму и старуха мать,
Стала дорогого сына обнимать.
Также Караджана обняла она,
И благословенье им дала она . . .

Приближенными, друзьями окружен,
Во дворец отцовский Алпамыш введен,
Он посажен здесь на золоченый трон.
Вслед за ним Барчин туда приведена,
С девушками в ряд становится она.
С дальнего пути утомлена, бледна,
Лишь вошла — народу отдала поклон.
Каждая улыбка прелести полна!
Как она учтива, как она скромна, —
Видно, что умна, благовоспитанна,
Красотою — гурий всех затмит она! . . .
Есть обряд узбекский — жив он до сих пор —
В честь гостей желанных разжигать костер.
Девушки выводят Ай-Барчин во двор,
Что она устала — им и дела нет,
Не дадут присесть, веселье, мол, не вред!
Все они поют, резвятся у костра —
Шумный праздник встречи длится до утра,
Вьются вокруг Барчин девицы до утра,
Ласкова она со всеми, как сестра.
Много там красавиц, но она сама
Красотой своею сводит их с ума.

Солнце поднялось из-за гор,
Утро озарило простор,
Праздничный погашен костер,
Ай-Барчин уводят в шатер.
Калдыргач, томясь до сих пор,
Тайный с ней ведет разговор,
Спрашивая так у сестры:
— С дядей что с моим, с Байсары?
Что ж он там остался один?
Жив ли он, здоров ли, Барчин? —
Ей Барчин-аим говорит:
— Что же делать с ним! — говорит, —
Он неумолим, — говорит, —
К пастбищам родным, — говорит. —
Все откочевали в Конграт,
Вывел нас Хаким, — говорит. —
Не хотел уйти мой отец,
Одинок остался, гордец!
Сколько он претерпит обид!
Сердце за него так болит! —
Калдыргач за дядю скорбит:
— Плохи дяди-бия дела.
Гордость до чего довела! —
Так они, от всех затаясь,
Всем, что на душе, поделаясь,
Слезы проливали, шепчась.
В полдень, пересудов боясь,
Вышли, беззаботно смеясь.

Гости к Байбури со всех сторон идут —
С возвращеньем сына поздравлять идут;
Люди ото всех родов конгратских тут —
Знатный и незнатный, старый, молодой.
Счастлив Байбури — дает богатый той,
Режет скот без счета с самого утра!
Если сын вернулся — длань его щедрa, —
Всё равно всего не проживет добра:
Некуда ему несметный скот девать,
Хоть бы весь народ на целый год созвать,
Хоть бы год подряд на тое пировать!
День за днем шумит веселый пир, — смотри! —
Каждый день дерут козлов на копкари.
Каждый день улак — да не простой, — смотри! —
Всадникам дает награды Байбури!..

Так в Конграт вернулся Алпамыш-батыр,
Подвиги свершив, каких не видел мир:
Он богатырей калмыцких посрамил,
Шахские войска один он разгромил,
Братских два народа вновь объединил —
И расцвел при нем, как райский сад земной,
Весь Байсун-Конгратский край его родной!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Мирно бекствовал в Конграте родном Алпамыш, дружил с Караджаном, народ родной благоустраивал, счастливо с Барчин своей жил. . .

Но послушайте, что у калмыков творилось после ухода Алпамыша и Караджана. Уцелевшие и бежавшие с поля битвы калмыцкие воины собрались у дворца шаха своего Тайча-хана. Пришла и мать Караджана — Сурхаиль коварная, стала в сторонке. Вышел тут шах калмыцкий и обратился ко всем собравшимся, такое слово сказав:

— Горе, горе мне! Печальна речь моя.
К вам, большим и малым, беки и князья,
Ко всему народу обращаюсь я —
Будем все согласны, как одна семья.
В этот черный день подайте мне совет:
Байсары-узбек — причина наших бед,
Стал из-за него пемил мне белый свет, —
Всей калмыцкой силы уничтожен цвет!
В этот черный день подайте мне совет!
Воины мои отважно бой вели,
Только одолеть узбеков не смогли,
Многие на поле брани полегли,
Многие назад калеками пришли.
Ой, беда какая у меня в стране!
А несчастье к нам пришло по чьей вине?
Вот об этом вас подумать я прошу,
И совет подайте всенародный мне.
Сам же я, калмыцкой всей земли тюря,
Так считаю, вам об этом говоря:
Если Байсары виновником признать,
Разве я не вправе скот его отнять?

Если он с народом не ушел своим,
Поступить мы можем как угодно с ним.
Жизни мы его, пожалуй, не лишим,
Но его скотом себя обогатим.
При своем скоте оставшись сиротой,
Пусть он нам послужит как пастух простой!
Неужель мы снова Байсары простим?
Столько муки нам такой узбек принес,
Пролил столько нашей крови он и слез!
Не разграбить ли овец его и коз?
Это слово я сердечно вам сказал —
Так подайте мне совет, велик и мал! . .

Собравшимся калмыкам пришлось по нраву шахские слова:

— Правильно шах говорит, умная голова! Если бы не Байсары, не знали бы мы всех этих бед, не погибло бы столько калмыков! . .

Зашумели калмыки, изрядное число людей нашлось, желавших скот у Байсары отбирать. Поехали эти люди в Чилбирскую степь.

Дал им шах калмыцкий наказ:
— В Чилбир-чоль езжайте сейчас.
Всё добро узбека отнять,
Самого связать и пригнать! . . —
На коней вскочили — и верхом в Чилбир,
Многие пустились и пешком в Чилбир.
Думают: «Пяток-десяток кой-чего
И себе отхватим из добра его!»
Чтоб никто в пути объехать их не мог,
Едут — каждый держит палку поперек. . .

Ехать в эту местность близко ль, далеко ль,
Прибывают люди в степи Чилбир-чоль,
Перед ними синий плещет Айна-коль.
Смотрит Байсары — сжимает сердце боль:
Что калмыков столько принесло сюда?
Новая, как видно, ждет его беда!
Думает: «Насилье нам терпеть доколь?»
Думает: «Спаси, Аллах, не обездоль!»
Табуны его в тугаях окружив,
С криками калмыки гонят всех коней,
Собирают их и строгим счетом чтут,

А писцы коней записывают тут
И на Тайча-хана записи ведут.
Байсары не знает, в чем он виноват.
Вот уж и овечьих он лишен отар, —
Как перенесет подобный он удар!
Уложив самцов рядами — к нару пар, —
Перепись верблюдов начали писцы.
Забрано в казну и золото его —
Сразу Байсары лишается всего.
Сердце на куски расколото его!
Пастухов, подпасков также перечли,
Также поименно в перепись внесли.
Описав его добро, калмыки те
Направляются теперь к его юрте.
Старый Байсары хотел по простоте
О виновности своей задать вопрос —
Слышит поношенья и слова угроз.
Вот что на чужбине терпит ныне он!
Кару за свою гордыню принял он.
Родина в беде желаннее стократ!
Если б с Алпамышем он ушел в Конград!
Стонет Байсары и слез роняет град,
Горько пожалев о гордости своей.
Был и сам он знатен, был он так богат, —
Родину покинул — всё пошло не в лад.
Э, раскаялся ты поздно, Байсары,
Ты судьбой наказан грозной, Байсары!
Недруги кругом — и нет родных людей.
Вот калмыками он связан, как злодей,
Сколько терпит мук от вражеских плетей,
Но куда больней бич совести своей!
А меж тем калмыки горячат коней
И над ним глумятся: — Эй, шагай быстрее! —
Гонят его пешим и камчами бьют,
Привели в столицу, во дворец ведут,
Ставят перед шахом, записи сдают. . .
Грозен был в тот час калмыцкий шах Тайча.
Он на Байсары обрушил гнева гром,
Он его поверг в смертельный страх, крича:
Он обманут, мол, коварным стариком,
Байсары один, мол, виноват кругом,
С ним как с кровным он поступит, мол, врагом,
Он его предаст, мол, в руки палача,
Он его, мол, страшным мукам обречет,
Он теперь за всё с ним учинит расчет —

Голову ему, узбеку, отсечет, —
Он, мол, Байсары не приглашал сюда,
Байсары зачем пригнал свои стада?
Милость, мол, узбеку оказав тогда,
Он, мол, шах Тайча, ошибку совершил:
Байсары, мол, всех калмыков удушил,
Он, мол, самых тучных пастбищ их лишил,
Их страну людей всех лучших он лишил.
Душу из такого старого сыча
Вытянет, мол, шах руками палача!
Это слово, мол, сказал не сгоряча,
Слово, мол, свое исполнит шах Тайча! . .

Оборванный, избитый, связанный, стоит Байсары, опустив голову, перед шахом калмыцким, калмыками окруженный, несчастьем убитый. Вины своей он не знает, и, хоть видит, что не оправдаться ему, смотрит он в отчаянье на шаха калмыцкого и такое слово униженно ему говорит:

— Пожелтел я весь, так скорбь моя сильна, —
Дела этого мне сущность не видна:
Шах, узнать позволь мне, в чем моя вина?
Не по-шахски, шах, со мной себя ведешь:
Скот мой отобрав, ты учинил грабеж.
Столько палачей за мной, несчастным, шлешь,
Связанным и пешим по стране ведешь,
Старика камчой по голове ты бьешь!
Не подумал ты, что Байсары-узбек,
Будучи пришельцем — всё же человек.
Не хотел ты знать, что истина, что ложь,
Слова в оправданье молвить не даешь,
На мои седины в ярости плюешь.
А моя вина неведома мне всё ж.
Далеко народ мой и моя страна,
Неверна земля чужая, неверна!
На чужбине жизнь — как страшный ад черна. . .
Беззащитен я и весь в твоих руках, —
Видно, смерть уже прийти должна моя,
Только знать хочу я, в чем вина моя! . .

Выслушав речь Байсары, шах калмыцкий такое слово сказал:

— Девяносто я имел богатырей,
Ни сильней никто не видел, ни храбрей.

Были все они опорюю моей,
Караджан-батыр мне всех дороже был.
Я теперь лишился этих силачей!
А по чьей вине лишился их, по чьей?
Ты, узбек, причина всей беды моей,
Ты да дочь твоя, вертлявая коза,
Вырвать бы твои лукавые глаза!
Если девяносто тех богатырей
Воспылала страстью к дочери твоей,
Почему отдать ее не пожелал?
Или не отец ты дочери своей?
Алпамыш семь лет за ней не приезжал,
На твоей душе и грех бы не лежал.
Витязей моих всех погубили вы!
Караджана чем, скажи, купили вы?
В бедствие повергли всю мою страну!
Ты, узбек, теперь узнал свою вину?!
Голову имеешь на плечах одну,
Знай, что отрублю я голову твою.
Голову срубив, твой труп повешу я! . .
Пощадил тебя однажды я, узбек,
Может быть, опять тебя утешу я:
Все-таки ты был почтенный человек.
Далеко уславший дочь свою Барчин
Своему скоту теперь не господин,
Чем ты мне опасен, нищий и один?
Мне тебя казнить, пожалуй, нет причин,
Можешь тут спокойно доживать свой век, —
Казни у меня вторично ты избег!
За мое добро отплатишь мне трудом:
Весь твой скот моим отныне стал скотом,
Пастухи твои останутся при нем,
Ты над ними будешь старшим пастухом.
Это говоря, кончаю речь на том.
Думаю, доволен ты моим судом!

Услыхал такие слова Байсары — успокоилось сердце его: хоть и лишился он скота, зато хоть жизнь сохранил. Приказал калмыцкий шах мирзам своим бумагу написать, Байсары к ней руку приложил — мол, все ему известно и со всем он согласен. Шах печатью своей припечатал ту бумагу, стал Байсары начальником над пастухами. Собрал Байсары весь раньше ему принадлежавший скот, обратно погнал его на Айна-коль. . .

Сурхайль, старуха эта коварная, во все шахские дела вмешивалась всегда. Видит она такое дело, решила по-своему всё повернуть. Говорит Сурхайль Тайча-хану:

— Осень подоспела — розам облететь,
На увядших розах соловьям не петь.
Я несправедливость не могу терпеть:
Справедливо ль, шах, ты поступил, ответы!
Весь узбекский скот ты, шах, себе берешь.
Это — суд иль это попросту грабеж?!
Ты разбогател — тебе и горя нет,
Мне без сыновей моих подспорья нет!
На мои слова какой дашь ответ?
Ты простил узбека, я-то как прошу?
За детей убитых кун с кого взыщу?
Так и знай, что кун я получить хочу.
Скорбь моя кричит, не я сама кричу.
Шах ты иль не шах — неправду обличу,
Хоть за Байсары предай меня мечу.
Плох ты иль хорош — на деле изучу,
За добро твое добром я заплачу.
Вот что я сказать намерена тебе:
Жить хочу отныне на Мурад-Тюбе.
Замок я в степи Чилбирской заложу,
Дерзкому узбеку путь я прегражу,
Пользу я тебе большую сослужу.
Алпамышу — кровный недруг я навек.
Если бы дерзнул байсунский этот бек
На калмыцкий край вновь совершить набег,
Алпамыша я из рук не упущу,
Я его убью — и тем взыщу я кун!
Смертью Алпамыша устрашу Байсун!

Выслушав слова Сурхайль, калмыцкий шах так ей ответил:

— Полные упреков мне сказав слова,
Ты, я признаю, была вполне права.
Если хочешь замок ты построить там,
В этом деле я тебе помощник сам.
Всё, что ни попросишь, безотказно дам:
И кирпич тебе, и камень разный дам,
Всяких мастеров по каменным делам,
Я тебе их дам — ты ставь их по местам,
Строй не то что замок — целый город там!

Раз добра мне хочешь — безотказно дам!
Чтоб руководить людей мастеровых,
Я тебе людей чиновных дам своих.
Ты — всему глава, ты — старшая меж них,
Ставлю я тебя сардаршею меж них.
Денег, сколько нужно, безотказно дам,
Из казны моей плачу по всем счетам.
Не жалею на этот замок ничего:
Знай, что, чем скорей ты выстроишь его,
Тем скорей вернешь ты сына своего.
Караджан в Конграте не навек жилец:
Слух дойдет об этом деле до него —
По своей стране соскучась наконец,
Он в один из дней вернется, наш беглец.
Ведомо тебе да будет, Сурхаиль,
Если он вернется, так тому и быть —
Все его проступки я готов забыть.
С сердца твоего сотру печали пыль. . .

Услыхав слова шаха, очень обрадовалась Сурхаиль. Собрала она много рабочих-поденщиков, мастеров-строителей, поставила надсмотрщиками над ними ханских чиновников. Взяла она также с собою сорок девушек, самых первых калмыцких красавиц, таких, что нельзя не заглядеться на них, а заглядевшись — разума не лишиться.

Много снаряжается арб,
В арбы нагружается скарб,
Всё, в чем на постройке нужда,
Всякие орудья труда,
Харча и питья — на года.
Грузятся и деньги сюда,
Мастера и люди труда.
Караван — арба вслед арбе —
Отправляется к Мурад-Тюбе.
Сурхаиль — исчадь вреда —
Важничает, чином горда,
Все ей повинуются тут.
Сорок с нею девушек, все
Первые в стране по красе,
Все они в шелку, в кармазе,
Все они игриво-нежны,
Все, как кипарисы, стройны —
Взглянешь — не в своем ты уме!
Все они игрой на нагме

Мастерицы душу пленять,
Сурхайль для козней своих
Повезла красавиц таких.
Обреченный тот человек,
Кто вкусит их девичьих нег! . .
Едут они, едут себе,
Входит караван в Токайстан,
Приближается к Мурад-Тюбе.
Стали они тут на ночлег. . .

Невдалеке от Мурад-Тюбе, в Чилбирской степи, приказала Сурхайль расчистить место для замка. Долго ли, недолго ли поденщики и мастера на постройке трудились — возвели замок, башни его стальными зубцами оковали, пороги золотом облицевали, ворота краской золотой покрыли, все видные места жемчугами, рубинами изукрасили. Когда замок закончили, прибыл туда и сам шах калмыцкий. Мастеров и рабочих людей отпустили, — пир устроили. Арака крепкого, зелья сонного много с собой из столицы привезла Сурхайль. Часто приезжать стал шах калмыцкий с войнами, обо всех делах со старухой советовался. «Если узбекский бек Алпамыш узнает, что с Байсары стало, — обязательно приедет сюда, — тут-то мы и словим его». Так между собой порешили они. Сурхайль что ни день на Мурад-Тюбе поднималась, в подзорную трубу свою направо-налево поглядывала, не видать ли узбеков. . .

Байсары между тем при собственном скоте сиротой жил. Видит он однажды — караван какой-то проходит. Бросил он стада, навстречу караванщикам побежал, такие слова говорит их старшему, караван-баши:

— По свету ты ходишь, караван-баши!
Все твои пути да будут хороши!
Из какой страны ведешь свой караван
И в страну какую, караван-баши?
Сердце на огне страданий сожжено:
Чужеземцем стать мне было суждено. . .
Путь куда ты держишь, караван-баши?
Господом два глаза было мне дано,
Сделал он из двух четыре мне давно,
Сколько ни смотрю — со стороны родной
Помощи себе не вижу всё равно.
Говоря со мной, уйти ты не спеши,
Жалобу мою поведать разреши.

Выслушав слова Байсары, караван-баши так ему ответил:

— На твои слова такой ответ я дам:
По купеческим я странствую делам.
Прохожу по разным странам-городам.
Здесь я покупаю, а сбываю там.
Родом из Канджигали я буду сам.
Со страной калмыцкой давний торг веду,
Из столицы Тайча-хана я иду.
В срок, бог даст, в Байсун обратно попаду.
Ценный у калмыков я купил товар:
Много вьюков тканей я везу в Байсун.
Бархат, холст везу и кармазу в Байсун.
На байсунский всё я выпущу базар,
Бог даст — неплохой барыш я получу.
Меньше даст Аллах — и то я буду рад.
По таким путям скитаясь, говорят:
«Кто живым пришел и не понес утрат,
Отдыху в родной стране, как чуду, рад».
А моя страна — как раз Байсун-Конграт.
Вижу я, что ты — несчастный человек.
Вижу — ты унижен и обижен здесь.
Если по рождению ты, как я, узбек,
У тебя ко мне какая просьба есть?
Ты кому в Конграт подать желал бы весть? . .

Словам караван-баши обрадовался Байсары и так сказал ему:

— Знай, добрый человек, что сородичи, земляки мы с тобой, — сам я тоже из Байсуна, Байбури-бию прихожусь родным братом, Байсары — имя мое.

Рассказал Байсары караванщикам, из-за чего он к калмыкам откочевал, все злоключения свои поведал им, изложил просьбу свою старшему караванщику:

— Челобитную мою брату моему Байбури передай, о горестном моем положении поведай ему, пусть размолвку давнюю забудет, пусть поможет мне выбраться из чужбины.

Только он это сказал, тут же и пожалел, подумал: «Нет, не могу перед братом так унижить себя — прощения у него просить: не я его, он оскорбил меня». Всё еще не угасла обида его на Байбури, всё еще не утерял он гордыни своей, даже и униженным будучи. Говорит Байсары старшему караванщику:

— Ошибочно сказал я тебе слово свое — за обиду не посчитай, просьбу мою изменить разреши: не бью Байбури, брату моему, а дочери моей Ай-Барчин просьбу мою доставь. В ее собственные руки письмо мое передай, а что видел глазами своими, то своими словами тоже ей поведай.

Выслушали караванщики слова Байсары, тут же при нем на бумагу их записали, обещание ему дал караван-баши вручить письмо Барчин-ай. Отправились караванщики дальше своим путем. Остался опять одиноким Байсары, долго с расстроенным сердцем стоял он, глядя вслед каравану...

Караванщики своим путем идут.
Мерно за верблюдом шествует верблюд,
Жвачку на ходу животные жуют,
На горбах тюки с товарами несут.
Люди на верблюдах разговор ведут:
— Этот Байсары, гляди, чем стал он тут!
Как дервиш теперь он изнурен и худ.
Не хотел платить в Конграте он зякет,
Поселился здесь — всего богатства нет!
На чужбине столько испытавши бед,
Он своей родне решил послать привет.
Но пока на помощь кто-нибудь придет,
Он, пожалуй, здесь, в чужой земле, сгниет!..

Караван меж тем всё движется вперед,
А за караваном пыль столбом встает.
Ночь идет за днем, за ночью день идет, —
Караванный путь неблизок и нескор.
Переваливая через столько гор,
Люди на дорогу устремляют взор:
Может ведь нагрянуть и разбойник-вор.
Станут на привале — выставят дозор.
Где им питьевая встретится вода,
Там и отдыхать стараются всегда.
Песню ль заведут, начнут ли разговор —
Разговор порою переходит в спор.
Хоть еще конца дороги не видать, —
Дай бог быть живыми и товар продать, —
Любят уж заране прибыли считать.
Так между купцов ведется с давних пор.
А уж где барыш, там спор да перекор,
Слово не попад — и начался раздор.
Надо же в дороге время коротать!
К вечеру, смотри, они дружны опять.

Если ночевать в пути решат они,
Чем ни есть себя вооружат они.
Если близко звери, разведут огни,
А с рассветом снова в путь спешат они.
Хорошо, коль ночью светит им луна,
А бывает так, что ночь темным-темна,
Местность для ночлега кажется страшна,
И решат они без отдыха идти,
И задремлют, сидя на верблюдах, все,
Разбредаются, сбиваются с пути,
Просыпаются — лишаются ума:
Караван разбился, нет дороги, тьма!
Кое-как друг друга созовут потом,
Вновь свою дорогу обретут с трудом.
Сколько им терпеть приходится невзгод!
Дни идут за днями, месяцы идут,
Караванчики в страну Байсун бредут.
Вот уже пред ними край родной простерт,
Сладко пахнет дымом соплеменных юрт,
Соплеменников они встречают тут.
Видя их, народ на перекрестках ждет,
Весть об их прибытии впереди идет:
«Караван пришел, товары нам везет!»
Каждый встречный им поклоны отдает,
Кто проедет мимо, кто сойдет с седла,
Спросит, не была ль дорога тяжела,
Каково здоровье, каковы дела,
Что, мол, привезли, где постоянный дом?
Так поговорят еще о сем о том,
С ними распрощавшись, как друзья, потом.
Эти люди тоже все — и стар и юн —
На базар идут в тот самый град Байсун.
Будет каравану, — люди говорят, —
В этот день базарный очень рад Байсун.
Караванчики приходят в Байсун-град,
Заворачивают в караван-сарай,
Здесь расположившись, попивают чай.
Будь благословен отцов священный край! . .

Встречу с Байсары припомнив невзначай,
Караван-баши письмо его берет,
Спрашивает, где бий Байбури живет.
Человек большой известно где живет, —
Сразу указали место, где живет.
Караван-баши с письмом туда идет

И с письмом в руках заходит во дворец,
В ожидальне ждет приема наш купец.
Важными людьми он спрошен наконец:
— У тебя, мол, к нам какое дело есть? —
Караван-баши: — К Барчин имею весть.
— Ты скажи, какая весть к Барчин-аим,
Весть твою мы сами ей передадим. . . —
Караван-баши в ответ им так сказал:
— Я через страну калмыков проезжал,
Караван товаром разным нагружал.
Бая Байсары пришлось мне встретить там,
Очень он несчастен, этот бай, скажу.
Я — купец, приехал по своим делам, —
Много говоря, теряю время зря.
Три-четыре слова Барчин-ай скажу.

Выслушали его слова служители Байбури и послали одного слугу к Барчин-аим. Вышла Ай-Барчин из женской половины дома, видит — человек незнакомый ее дождается.

— Подойди поближе, красавица, — сказал ей караван-баши. — Караванщики мы, купцы; через страну калмыков проходили, отца твоего видели. Письмо тебе передать он поручил; прочитаешь — сама всё узнаешь. . .

Отдал караван-баши письмо Ай-Барчин, а сам отправился по торговым своим делам. Барчин письмо приняла, вернулась в женские покои, прочла письмо, горько заплакала.

В это время Алпамыш в дверях показался, видит он — стоит его Барчин, плачет, письмо какое-то в руке держит. Опечалился он, спрашивает:

— Что случилось?

Сунула ему Барчин письмо в руку, прочел Алпамыш, тоже сильно сердцем сокрушился, стал утешать жену свою:

— Не плачь, — говорит, — не огорчайся так, сяду я на коня, поеду опять в калмыцкую страну, покажу им, чего не видели они, — отца твоего Байсары на родину привезу; встретишься ты с отцом своим — радоваться, смеяться станешь. Так оно и лучше, может быть, выходит: прежде отец твой, дядя мой, сверх меры свою гордость выказывал, — теперь, в таком униженном положении очутившись, сговорчивей будет, сам захочет вернуться на родину.

Успокоив Барчин, отправился Алпамыш к отцу своему — испросить у него разрешения на отъезд, — и такое слово сказал он старому Байбури:

— Слово я скажу, отец, прости меня,
В ту страну-чужбину отпусти меня.
Слову моему сочувственно внемли:
Караванщики пришли из той земли —
Весть худую нам о дяде принесли.
Тесть мой — дядя мой — там очень угнетен,
Хочешь знать — всего скота лишился он!
Если хочешь знать, то при своем скоте
Старшим чабаном служить он принужден!
Брат твой Байсары, мой дядя и мой тесть,
С караваном нам прислал такую весть.
Большее глумленье где на свете есть?
У кого, скажи, на то терпенье есть?
Можно ль недругам простить такой грабеж?
Если хочешь знать, мне больше невтерпеж!
Если мы смолчим, то где же наша честь?
Думаю, желанье ты мое поймешь.
Вот, отец, к чему свою клоню я речь:
Сев на Байчибара, взяв алмазный меч,
Недругов на муки я хочу обречь,
Шаху Тайча-хану голову отсечь,
От злокозней их Конграт наш уберечь,
Дядю из ловушки вражеской извлечь.
Вспыхнул боевой огонь в моей крови,
Знаю, полон ты ко мне, отец, любви, —
Сам перед собой душою не криви,
Отпусти меня в поход, благослови!
За родного брата ведь и ты скорбишь,
Лучше ты свою гордыню усмиришь,
Чем Байсун-Конграт пред миром посрамишь!
Говорит покорный сын твой Алпамыш.

Выслушав Алпамыша, бий Байбури сказал сыну своему такие слова:

— Светоч мой, теперь внемли усердно мне: .
Плохо ль ты живешь в родной большой стране?
Подвиги большие совершив тогда,
Ты уже бывал и в той чужой стране.
Дальше будь теперь от вражьего гнезда,
Знай, соизволения на поход не дам:
Много мук претерпишь и погибнешь там.
Потакать не стану озорным мечтам.
Дядю хочешь ты спасти из западни —
Мы тут без тебя что сделаем одни?

Всем в конце концов отсчитаны их дни:
Может быть, мой брат, твой дядя, там умрет,
Не умрет — так сам вернется в свой народ.
Для чего ж тебе погибнуть не в черед?
Милостив к моим преклонным будь годам.
Хоть бы ты могучим был, как сам Рустам,
Знай, что разрешенья на поход не дам!

На это слово Алпамыш своему отцу так ответил:

— Посуди, отец, не ехать как могу?
Младший брат твой должен жертвой стать врагу?
По таким делам не ехать как могу?
Белый свой шипак надену броневой,
В золотой своей кольчуге боевой,
Вытянув из ножен меч алмазный свой,
Я всю силу рук батырских напрягу,
Брошусь на врага — несдобровать врагу!
Разъяренным я верблюдом зареву,
Гневом загорясь, подобен стану льву,
С тигра грозного я голову сорву!
Ты меня негодным сыном не считай,
Преданность мою чем хочешь испытай,
Только моего пути не преграждай, —
Слову своему я господин, отец!
За меня бояться нет причин, отец!
Я с калмыком справлюсь и один, отец!
Моего пути, прошу, не преграждай, —
Отпусти меня, мой господин-отец!

Отвернувшись от сына, улегся Байбури и так сказал ему:

— Покуда я жив, не отпущу тебя. Нужна была тебе дочь Байсары — поехал ты в калмыцкий край, привез ее, сделал женой своей. А самого Байсары, брата моего, привезешь — куда посадишь: на голову себе, что ли?

Вернулся огорченный Алпамыш к Барчин, рассказал ей, что отец его ни за что отпустить не хочет. Расстроилась еще больше Барчин-ай, успокоиться не может, так говорит Алпамышу:

— Пословица есть: «Султан свою кость в обиду не даст. . .» А мой отец при твоей жизни — в такой обиде у калмыков! Э, Хакимджан, как видно, не любишь ты меня.

Что же делать мне? Лишаюсь я ума!
Не поедешь ты, поеду я сама.

Пусть остатка жизни буду лишена, —
Слава шахская мне больше не нужна!
Своего отца проведать я должна.
Как ни далека калмыцкая страна,
По-мужски одевшись, вооружена,
На любом коне отправлюсь я одна,
Пред отцом своим не буду я грешна!
Знай, мне всё на свете опостыло вдруг,
Так я, бедненькая, загрустила вдруг.
Отпусти меня, высокий хан-супруг,
Если ты не едешь, ехать я должна!..

Еще больше опечалась, задумался Алпамыш: как быть ему?.. Родственник был у него, по имени Бектемир. Бектемир был беком конгратского колена тартувли, а сам Алпамыш был беком колена канджигали. Решил Алпамыш за советом к Бектемиру пойти. Пришел он к нему, рассказал всё дело, говорит:

— Сколько ни просил я отца, разрешения не дает, а жена моя, красавица, беспокоится очень, сама, говорит, поедет. Что делать, не знаю, терпенья моего не стало. Как бы то ни было, сидеть нам сложа руки никак нельзя, надо в калмыцкую страну отправляться. Каков твой совет будет?..

Посоветовались они между собой, решили тайком от Байбури в поход идти. Сорок джигитов присоединились к ним. Поужинали они, в дорогу снарядились, коней оседлали, вооружились. Когда уже весь народ крепко спал, стали они выезжать потихоньку.

Вышел в это время старик Байбури во двор, видит — они уже отправляются. Стал он впереди их, говорит:

— Мой язык, пока я жив, правдивым будь!
Хоть не вовремя вы сели на коней,
Беки-храбрецы, ваш путь счастливым будь!
Я сказал: «Останься, вражий край забудь!»
Я сказал: «Мою ты насмерть ранишь грудь!» —
Послушанья ты не проявил ничуть.
Беки-гордецы, ваш путь счастливым будь!
Золотой кушак надеть ты поспешил,
Бог тебя прости, мой сын, ты грех свершил, —
Старого отца покоя ты лишил!
Не в урочный час поход затеял ты.
Мало видевшие — горячи, быстры,
Много видевшие — холодны, мудры.
Мать-отца покинув ради Байсары,

Воевать идешь, нас не жалея, ты!
Сокол горд своим венцом из серебра.
Сколько у меня имущества-добра!
Мой наследник, шах Конграта, возвратись!
Сокола душа возвышенно храбра.
Тайно улетаю с отчего двора,
Не лети в тот край проклятый, возвратись! . .

Сколько ни упрашивал их Байбури-бий, никто ему в ответ слова не сказал. Так и уехали они.

Вернулся спечаленный Байбури в дом, подумал: «Э, плохо, что уехали они, не вияв просьбе моей, чувствую — не вернуться им из калмыцкой страны! . .»

В боевом задоре лихом
Сорок беков скачут верхом,
Мчатся на просторе степном
В темной непроглядной ночи.
Свищут по тулпарам камчи!
То степным, то горным путем
Едут они ночью и днем.
Кони расскакались в степях,
Пышет пламя в конских ноздрях,
Пена, накипающая в пахах,
Падает, как хлопок, во прах, —
Конникам их резвость не в страх.
Так при свете дня и впотьмах
Сорок храбрецов седоков
В дальний край калмыцкий летят.
— Нам туда прибыть, — говорят, —
Силу их разбить, — говорят, —
Выродку их, шаху Тайче,
Голову сбрубить! — говорят. —
Байсары спасем, — говорят. —
Скот ему вернем, — говорят, —
Увезем в Конграт! — говорят.
Храбрецы тюри каковы,
Витязи, смотри, каковы!
С ними ты, калмык, не шути! . .
Много разных стран по пути,
Разный по пути разговор.
Едут мертвой степью — куда
Ворон не летал никогда,
Мимо камышовых озер,
Мимо бирюзовых озер

Едут — утешается взор.
Каменными кряжами шли,
По ущельям-скважинам шли,
Мало ль было, много ли гор —
Девяносто гор перешли!
Выйдя на зеленый простор,
По земле по вражьей пошли. . .

Идут они так по калмыцкой земле, — о том, какая западня им готова, ничего не знают. . .

А теперь послушайте об этой коварной старухе, о Сурхайль. Сказано было уже, что в привычку она себе взяла ежедневно на холм подниматься, в подзорную трубу на дороге поглядывать. И вот смотрит она однажды в эту трубу и видит: едут сорок воинов конных, грозней драконов разъяренных. Увидала их коварная старуха — и на такую хитрость пустилась: разметала космы свои, лицо ногтями исцарапала, пошла к ним навстречу.

Увидали беки старуху, придержали поводья — коней остановили, спрашивает у нее Алпамыш:

— Что ты бродишь здесь одна в пустыне, мать?
Горько плачешь по какой причине, мать?
Космы растрепав и разодрав лицо,
Ты скорбишь о муже иль о сыне, мать?
Иль тебе обиду кто-нибудь нанес,
Или потерпеть ущерб тебе пришлось?
Близкого кого ль утратить довелось?
Что, скажи, причина этих горьких слез?
Далеко ль отсюда, близко ли живешь?
Слезы проливая, ты куда бредешь?
Что ты так вопишь, лицо ногтями рвешь?
Убиваясь так, с ума себя сведешь!
Если спросишь нас — издалека идем,
Натерпелись мук, идя таким путем!
Сами мы — конгратцы. Ты-то кто сама?
Едем — видим, ты сокрушена весьма,
Отвечай, старуха, не сходи с ума!
Может быть, помочь тебе сумеем в чем? . .

Выслушав эти слова, Сурхайль сказала так:

— Я тебе доверюсь, добрый байбача:
Знай, обидчик мой — калмыцкий хан Тайча.
Осенью цветам не расцветать в садах.

Благосклонность в ваших да найду сердцах,
Да издохнет он, калмыцкий этот шах!
Я имела семь могучих сыновей,
Не бывало в мире лучших сыновей.
Он, проклятый этот подлый шах Тайча,
Семерых моих замучил сыновей,
На меня обрушив ужас черных дней!
Хоть бы он издох, калмыцкий шах, злодей! . .
Пляшет под тобою конь на всякий лад,
На боку твоём сверкающий булат,
Счастлив твой народ и край родной, Конграт,
Если у него такой, как ты, есть клад!
Коль меня заметил твой соколиный взгляд,
Верю я, сынок, что ты помочь мне рад,
Но вернуть моих не сможешь ты сынков!
Шахское злодейство можно ли простить?
Как-нибудь должна я шаху отомстить!
У тебя, сынок, осмелюсь ли спросить,
По какому делу прибыл ты сюда,
Долго ли у нас намерен ты гостить?

Алпамыш на эти слова ответил:

— Если хочешь знать, моим словам внимли:
Из Байсун-Конгратской еду я земли.
Я — кочкар могучий у себя в стране,
С шахом тут калмыцким надо счесться мне,
А с врагами счет свожу я на войне.
Шаху этому я враг теперь вдвойне. . .
Есть один тут одинокий человек,
Близкий родич мой, высокий человек.
Он калмыцким шахом очень угнетен,
Беззаконно им всего скота лишен, —
При своих стадах пастушить принужден.
Имя — Байсары. Мой тесть и дядя он!
Вот зачем в страну калмыцкую скачу,
Кровного коня дорогой горячу.
Я его найду, коварного Тайчу,
На него, как сокол грозный, налечу,
И за Байсары сполна с него взыщу,
И за сыновей твоих я отомщу! . .

Старуха в ответ такое слово сказала Алпамышу:

— Был добросердечен ты, сынок, со мной,
Душу облаskal ты мне в глуши степной, —

Обращусь к тебе я с просьбою одной:
Заверни ко мне, будь гость почетный мой!
Ночь одну хочу тебе я послужить,
Эту радость должен ты мне разрешить.
Ты устал с пути, — к чему тебе спешить?
Ночь в моем дому ты можешь погостить.
Этим ты окажешь мне большую честь, —
Я имею право на такую честь:
Сыновья мои погибли все как есть,
Но одна утеха мне, сыночек, есть:
Сорок у меня красавиц дочек есть,
Зрелые вполне, как розы хороши, —
Скучно им без братьев жить в степной глуши.
Вас увидев, будут рады от души
Словно братьям вам прислуживать родным.
Долг гостеприимства мы ведь тоже чтим, —
Выполнить его, сынок, мне разреши.
Погости хоть эту ночь в дому моем, —
На заре поедешь ты своим путем.
Мне язык калмыцкий хорошо знаком,
Самый лучший путь вам укажу потом.
Вижу я, сынок, твой благороден лик,
Вижу — ты врагов бояться не привык,
Сколько бы ни встретил ты врагов, сынок,
Устоять не сможет ни один калмык.
Отомсти за всех моих сынков, сынок!
Гостем нашим будь, а дом наш недалек.

Этими словами затуманила коварная старуха разум Алпамыша и его товарищей, совсем рассудка лишила их. Согласились беки переночевать у нее, и старуха, радуясь удаче своей, повела их к себе.

Идут они за ней — приходят к замку ее. Сверкающее здание это увидев, подумали: «При жизни сыновей своих старуха, оказывается, по-шахски жила!»

Раскрылись перед ними ворота, въехали они во двор, усмехнулись:

«Сыновья старухи с шахом своим соперничать, видно, решили, дом свой не хуже, чем у падишаха, устроили. Потому, наверное, и погубил их шах калмыцкий».

Оглядываются они, богатству замка дивясь, а старуха как вошла в ворота, так девушкам своим и подала голос:

— Братья ваши как бы воскресшими станут! Гостей привела я, — гости эти за братьев ваших кун потребуют!

Выбежали сорок девушек-красавиц, по одной подошли

к каждому из сорока беков, коней подхватывают, к коновязям привязывают их, в гостевой покой прибывших вводят, ковры-одеяла расстилают, кланяются им, улыбками облащают.

Беки пленены приветливостью их,
Расторопностью и сметливостью их,
Красота девиц их сводит всех с ума.
Им платками машут сорок баловниц —
Нет на свете краше этих чаровниц!
Службою хотят гостей очаровать,
Воду им подносят руки умыть.
Начинают дастарханы накрывать,
Блюда с угощением ловко подавать:
С кишмишом и медом были чашки тут,
Сласти, и орехи, и фисташки тут —
Остается бекам сесть да пировать,
С девушек игривых глаз не отрывать.
Девушки служить гостям не устают,
Жареного мяса блюда подают,
В красных чайниках заваривают чай.
Подавая чай, — ты это примечай, —
Нежною рукой, как будто невзначай,
Гостя обожгут — пойми, кто не дурак!
Между тем старуха подает арак.
Беки выпивают, размышляя так:
«Нам служба и нас увеселяя так,
Хороши калмычки все как на подбор,
И ни в чем отказа нет нам до сих пор.
Видно, и кой-чем послаще в эту ночь
Угощать гостей красавицы не прочь...»
Меж собой такой веселый разговор
Беки, наслаждаясь отдыхом, ведут,
Никакой беды-опасности не ждут...

А старуха весть калмыкам подает:
Алпамыш, мол, в замке мирно ест и пьет,
Пусть, мол, шах не медлит и войска пришлет.
День уж на исходе, вечер настает,
О подходе войск старуха узнает.
Говорит она пирующим тогда:
— Ой, сынки, беда, нежданная беда:
Весть имею — шах прислал войска сюда!
Как спасти мне вас, укрыть мне вас куда? —
О гостях притворно плача и скорбя,

Космы распустила, в грудь бия себя:
— Жертвой быть за вас, сгубила я себя! —
Так она сказала — и спешит во двор.
Гости повскакали с мест, бегут за ней,
Кинулись во двор проводить коней,
А коней проверив, сняв с ворот запор,
Вышли за ворота — слушают, глядят,
Видят, что старухин разговор — не вздор:
Шахские войска подходят к ним в упор,
С двух сторон старухин замок обходя,
Громогласно в трубы медные дудя...

Видят беки — время битву принимать,
Говорят старухе: — Ну, спасибо, мать!
Если б не дала ты вовремя нам знать,
Ведь могли б калмыки нас врасплох поймать,
Без тебя погибнуть мы могли бы, мать!
Истинно, как мать была ты к нам добра! —
Простодушным бекам вовсе невдомек,
Кто на самом деле их врагам помог.
Так была старуха Сурхайль хитра!
Гости — на коней и едут со двора.

Первым выезжает Хаким, —
Вражье войско близится к ним.
Говорит он людям своим:
— Друг — опора храбрым сердцам,
Храбрый друга отыщет сам.
Прах следов его — нам бальзам,
Исцеленье скорбным глазам.
Беком я конгратским зовусь,
Насмерть я с врагами схвачусь,
Вдохновлен единой мечтой,
Верен буду клятве святой:
Быть достойным возлюбленной, той,
Для кого я с детства желан!
Пробил боевой барабан.
Жаром гнева не пышащий — трус!
Барабана не слышащий — трус!
Тот, кто в час, гремящий войной,
Не надел кольчуги стальной,
Не надел наплечника, — трус!
Он презрен навечно, как трус!
Будьте же в сраженьи тверды! .. —
Так Хаким джигитам сказал,

А калмыки тоже в тот час
Строят боевые ряды.
Многие, однако, из них,
Видимо, в себе не тверды, —
Ждут неотвратимой беды.
Выехал вперед Алпамыш,
Слово он опять говорит:
— Вражья кровь пролейся в степи,
Вражий прах развейся в степи!
Вскачь пустить коней на майдан,
Слева, справа! Гей, на майдан! . . —
Молвил это сокол Хаким,
Поднял меч высоко Хаким,
Прямо на врагов поскакав.
Каждый из его сорока,
Чья железа тверже рука,
Грудь, что склон горы, широка,
Горным львом рыкающим стал,
Тигром устрашающим стал,
В пыль врагов превращающим стал.
Сорок, что один, в тот же миг
Алпамышу вслед напрямик
Мчатся на калмыков-врагов,
Гром гремит от конских подков!
Их перед собой увидав,
Первенство в бою прогадав,
Бьют плетью калмыки коней,
Гикают и свищут сильнее,
Шумно на узбеков скача,
Поломав ряды сгоряча,
Звездами падучими став,
Овцами заблудшими став,
Скачут кто сюда, кто туда,
Воинами быть перестав.
Так они растерялись тогда! . .

Храбрецы, пугая, кричат,
Труссы, убегая, кричат.
В Чилбир-чоле крик не смолкал,
Свист, батырский гик не смолкал.
Но, куда б калмык ни скакал,
Хаким-бек с отрядом своим,
Как дракон, его настигал,
Пополам мечом отсекал.
Тщетно враг спасенья искал.

Сеча тут большая была!
Пыль густым туманом плыла,
Словно весь чилбирский майдан
Обволок тот пыльный туман,
Словно от незримой луны
Стлался тот обильный туман.
Что ни холм и что ни шихан,
Что ни дол и что ни овраг —
Всюду многочисленный враг
Падал от булатов и пик,
Жертвою узбекскою был!
Всюду Алпамыш их губил,
Кровью весь Чилбир затопил,
Меч на их костях притупил,
Бранный обнаружив свой пыл.
Вот как Хаким-бек воевал!
Спуска он врагам не давал,
Отдыха рукам не давал,
В деле брани был знатоком:
Он владел искусно клинком,
Пикою алмазной владел.
Так с калмыком он воевал!
И джигиты-беки его,
Соревнуясь в деле таком
С доблестным своим вожаком,
Храбрость умножая свою,
Чудеса являли в бою:
Сорок против ста сороков,
Собственных голов не щадя,
Скопищам калмыцким грозя,
Мчатся на майдане степном,
Носятся в тумане ночном.
Яростными львами рыча,
Стычек с храбрецами ища,
В ножны не влагая меча,
Головы дерущимся — прочь
Сносят, вправо, влево рубя,
Пиками бегущих губя,
Раненых конями топча. . .
Множество калмыков в ту ночь
Жертвами в степи полегло,
Сколько недобитых в ту ночь,
По земле чилбирской ползя,
Землю в смертной муке грызя,
За свое коварство и зло

Кару в том бою понесло!
Было велико их число!
Все-таки калмыкам иным
В грозном том бою повезло, —
Видимо, их чудо спасло!
Сохранили ноги они,
Выбрались к дороге они.
Там, соединившись в отряд,
В страхе и в тревоге они
Так между собой говорят:
— Подкрепленья ждать, — говорят, —
Бой вторично дать, — говорят, —
Жизни не видать! — говорят. —
Лучше мы подальше уйдем. . . —
И пошли обратным путем.

Стало в Чилбир-чоле темно.
Беки говорят: — Всё равно
Нам торжествовать суждено,
Шаху горевать суждено!
Кончена игра, — говорят, —
На покой пора, — говорят, —
Ночь темна, сыра, — говорят, —
Что нам без шатра, — говорят, —
После всех трудов ночевать?
Завтра уж с утра, — говорят, —
Выедем врагов добивать.
Будет сеча вновь, — говорят, —
Выпустим их кровь! — говорят. —
Драться, — говорят, — нам не лень, —
Черный уготован им день!
А теперь на отдых пойдем,
В замке эту ночь проведем.
Сурхайль стара, — говорят, —
Скорбь ее остра, — говорят, —
С нами же вчера, — говорят, —
Так была добра! — говорят. —
С нею посидим, — говорят, —
Долг ей отдадим, — говорят. . . —
Беки повернули коней —
В замок возвращаются к ней.

Возвратились они к Сурхайль коварной, с девушками
веселую беседу завели. Взяли девушки в руки золотые

чаши с вином и, заздравную песню запев, стали угощать беков:

— Из конгратских пришедший стран,
Здесь едва не попавший в капкан,
Ринувшийся львом на майдан,
Жертвою мне стать за тебя,
Гость мой дорогой, мой султан!
В битве посрамивший врага,
Быстро разгромивший врага,
Ваша нам судьба дорога, —
Радоваться вам — не грустить,
Шаху дай вам бог отомстить!
В сладости вина, алияр,
Радость нам дана, алияр!
Я — страны калмышкой тюльпан,
Тополя стройнее мой стан.
Ты — страны конгратской буран,
Ты — страны байсунской гроза,
Гость мой дорогой, мой султан,
Сердцу моему ты желан, —
Как мне твое сердце привлечь?
Видел ли игривей глаза,
Слышал ли страстнее ты речь?
Радости желая тебе,
Чашу налила я тебе.
Или не мила я тебе?
Чаша велика, тяжела,
Ах, моя рука затекла!
Будь добрей, алияр, алияр,
Пей скорей, алияр, алияр! .. —

Волосы кудрявы у них,
Взоры так лукавы у них,
Платья — узкорукавы у них,
Тонкие платки на плечах,
Звонкие подвески в ушах,
Сколько обольщенья в речах,
Райские услады в очах!
Пери, гурии краше они,
Держат полные чаши они,
Сорок — что одна — хороши,
Служат не от всей ли души,
Не рабыни ль ваши они?

— Соблаз니스ь, алияр, алияр,
Опьянись, алияр, алияр! —

Так красавицы эти поют.
Тонкий стан рукой подопрут,
Бровь игриво кверху взметнут,
Черными кудрями тряхнут, —
Просят выпить чашу вина.
Каждая светла, как луна,
Каждая в тебя влюблена,
Сладкие у них имена.
Хороши красавицы всем,
Бекам они нравятся всем.
Это ли не райский приют?
Гурии пред ними встают,
Слаще соловьи не поют.
Девушки арак подают —
Со снотворным зельем арак!
Беки разгораются — пьют.
Кто не пьян, алияр, алияр,
Не желан, алияр, алияр!
Длятся эти соблазны всю ночь,
Беки пьют безотказно всю ночь,
Пьют — и, балагурия всю ночь,
Обнимают гурий всю ночь.
Воина душа широка,
Льется тот арак, что река, —
Трезвого из всех сорока
Больше ни единого нет!

Вот уже забрезжил рассвет.
Не подозревающий бед,
Пьет Хаким с весельем арак,
С тем снотворным зельем арак.
Если б знал, что близится враг!
Сколько ни подносят — он пьет,
Выпьет, сам попросит — и пьет,
Удали не бросит он — пьет!
Если б знал, что, как мертвецы,
Все пьяны его удальцы,
Что от ведьмы, от Сурхайль,
Скачут к Тайча-хану гонцы!
Пьет он не из чаш тот арак,
Пьет он из кувшинов его,
Вот уже который кувшин,

Каждый — высотой с аршин,
С блюдо — горловина его!
Всё же охмелел исполин,
Пьян, как и дружина его,
Бек Хаким, Конграта султан. . .
Тут и разговорам конец,
Тут и нежным взорам конец,
Девичий меняется нрав:
Чаши все и блюда убрав,
Скатерти оттуда убрав,
Всё, чем украшают пиры,
Также одеяла, ковры —
Всё они уносят стремглав.

Ты на Сурхайль погляди,
Что у ней за сердце в груди!
О ее делах посуди!
Подлость ее вся впереди.
Месть ее была такова:
Девушки приносят дрова,
Сурхайль полна торжества.
Ведьма разжигает костер —
Пламенем озаряется двор. . .
Всех узбекских беков дотла
Ведьма беспощадно сожгла,
Алпамыша сжечь не могла,
Вышел в этом деле изъян:
Пьян был, как мертвец, Хаким-хан,
В пламени лежал — не трезвел,
Но, объят огнем, не горел! . .

В это время сам Тайча-хан
С воинством своим подоспел,
Видит — Алпамыш уцелел!
Страх его душой овладел,
Воинам дает он приказ:
Изрубить мечами его!
Острый исфаганский алмаз
Тоже отскочил от него!
Пробовали дело не раз,
Каждый раз острили мечи!
Только иззубрили мечи!
Стрелы в него стали метать,
Не пронзают стрелы его:

Словно камень тело его.
Сделать с ним нельзя ничего! . .
Шах старуху-ведьму корит:
— Э, злосчастливая ты, — говорит, —
Иль пьяна была, — говорит, —
Ведь должна была, — говорит, —
Толком всё разведать вперед!
Видишь — он в огне не горит,
Видишь — меч его не берет,
Не пронзают стрелы его, —
Заколдовано тело его.
Он — не человек, а скала!
Думала бы прежде, чем жгла!
Пять дней пьяным будет лежать,
Десять дней чурбаном лежать,
Он же не навеки хмелен,
Временно ведь он усыплен, —
Как-никак, очнется ведь он.
Не был бы тобою сожжен
Весь его дружинный народ,
Он бы, погуляв на пиру,
Сам бы и ушел поутру,
Мирно бы ушел, подобру.
А теперь — беда нам, беда,
Нам с таким великаном — беда!
Он теперь наш враг навсегда:
Если уж пришел он сюда,
Значит, разорит города,
Значит, уничтожит нас всех!
Сдохнуть тебе, ведьме такой,
Был бы в нашем царстве покой!
Ведьма ты и ведьмина дочь,
Говори, как делу помочь,
Только не хитри, а не то —
Голову сниму с тебя прочь! . .

Неуязвимостью от рождения отмечен был Алпамыш: бросай его в огонь — не сжечь; не берет его меч; из лука ли, из ружья ль стрелять в него станешь — ни стрелой, ни пулей не ранишь.

По этой причине калмыки, не зная, с какой бедой повстречались, так растеряны были тогда.

Говорит шах калмыцкий, к Сурхайлю обратясь:

— Не Алпамыша пленила ты, а наше бедствие опьянила. Ведь он, отрезвев, в отместку за смерть своих сорока

лжигитов живой души в стране не оставит, всех мечом перебьет! . .

Встала коварная Сурхайль, так отвечает:

— Ты — падишах, сделать можешь всё, что ни пожелаешь. Под этой горой Мурад-Тюбе прикажи вырыть глубокий зиндан и бросить туда Алпамыша. Пролежит он там пять-десять дней, пусть месяц пролежит, а хотя бы и целый год — обязательно в сырой этой яме сгниет, ничего с нами не делает.

Понравился шаху калмыцкому этот совет коварной Сурхайль, и такое грозное слово говорит он калмыкам своим:

— Раньше осени цветник чтоб не засох!
Поскорей бы в яме Алпамыш подох!
Чтоб самих себя нам после не корить,
В сорок сажений зиндан вам надо рыть.
Часа вам нельзя безделью подарить!
И простой и знатный за кетмень берись —
Землекопом стать на этот день берись.
Знатностью никто сегодня не кичись,
От такого дела увильнуть не тщись.
Знайте, что не шутки с вами я шучу,
От большой беды избавить вас хочу.
Ну, народ, усердно к делу приступай,
В сорок сажений зиндан ему копай! . . —
Слово Тайча-хана выслушал народ,
Ни один для спора не открылся рот.
Кто берет носилки, кто кетмень берет,
Даже самый знатный амальдар и тот
Роет, роет землю — пота не сотрет.
Кто земли не рыл, тот землю относил, —
Все они трудились, не жалея сил.
В день успели столько, сколько в десять дней:
Выкопали яму в сорок сажений,
Сорокасаженный вырос холм на ней.
Похвалил их шах за столь усердный труд,
Все на Алпамыша поглядеть идут.
Следует туда с войсками Тайча-хан,
Видят — Алпамыш лежит, как мертвый, пьян, —
Будет, слава богу, сброшен он в зиндан!

Десять силачей поднять его хотят, —
Силы не хватает, только зря пыхтят;
Тужатся и двадцать силачей, и сто —
Ни поднять никак, ни сдвинуть ни за что!

Калмыки решили привести коней.
Выбрали десяток тех, что посильней:
Подлинней, покрепче выбрали аркан,
По рукам-ногам опутан великан.
Всяких чувств лишенный, словно истукан,
Он лежит, как мертвый, непробудно пьян,
Этот Алпамыш, узбекский пахлаван.
Думают калмыки: «То, что трудно нам,
То не трудно будет десяти коням!»
Десять тех коней к аркану припрягли —
Сечь камчами стали, как только могли.
Сколько тех коней, однако, ни секли,
Кони только зря копытами скребли,
Выбились из сил — и замертво легли.
Ужасом народ калмыцкий обуян:
Неужель напрасно вырыт был зиндан?
Что, если очнется Алпамыш-Хаким,
Если, отрезвев, он разорвет аркан?
Как им совладать с чудовищем таким?!
Суший он дракон! Дракона только тронь —
Целую страну сожрет его огонь! . .
Вспомнили, что есть у Алпамыша конь, —
Говорят, что конь тот — истинный тулпар.
Тотчас приведен был славный Байчибар,
Был к его хвосту привязан Алпамыш.
Стали недруги стегать Чибара так:
Где стегнет камча — там, словно след меча,
Рассекалась кожа, проступал костяк.
Байчибар был конь разумный, не простах,
Сразу он смекнул, чего хотят враги:
Чтоб Хаким погиб от верного слуги!
Терпит муки конь, а с места — ни на шаг,
Даже не поднимет ни одной ноги! . .

Не на косогоре ль кобчику присесть?
Разум и у твари бессловесной есть,
А в таком тулпаре, как известно, есть
Больше, чем бывает у иных людей.
Знай, что жалость тоже есть у лошадей!
Терпит Байчибар — терпеть уж неverteпеш, —
Каждая камча вонзается как нож.
Для таких страданий силы где возьмешь?
Хлещут, хлещут все отчаянно его —
Байчибару жаль хозяина его.
Стиснутые зубы умный конь разжал,

Конским плачем плача, громко он заржал,
Конских слез больших бедняга не сдержал,
Содрогаются от страшной боли конь,
Трогается с места поневоле конь,
Волоком батыра тащит за собой.
А за ним калмыки шумною толпой
Повалили валом: — Ну-ка, Алпамыш,
Попадешь в зиндан — в Конграт не убежишь! —
А Чибар уже к зиндану подошел
И, остановившись на краю жерла,
Думает он: «Если развернуть крыла,
Силу бы в себе я, может быть, нашел,
Но батыр, к хвосту привязанный, тяжел, —
На весу он может хвост мой оборвать —
Ни ему тогда, ни мне не сдобровать. . .»
Будто в землю врос, стоит в расстройстве конь.
Видят недруги, что в беспокойстве конь, —
Вновь тревога стала их обуревать:
Как бы Алпамыш не протрезвился вдруг!
Тут калмыков смертный обуял испуг,
У жерла зиндана сбились в тесный круг,
Держат наготове острые мечи.
А Чибара сзади вновь секут камчи:
Хочешь иль не хочешь, а перескочи!
Байчибар пригнулся — и, как он привык,
Рассчитал прыжок и прямо с места — прыг!
Через весь зиндан перемахнул он вмиг.
В этот самый миг успел один калмык
Меч свой опустить на Байчибаров хвост
И перерубить одним ударом хвост.
Падает на дно зиндана Алпамыш,
Растянувшись там во весь батырский рост!
Но настолько был он пьян, что всё равно
Не очнулся, даже грохнувшись на дно,
И лежал на дне, как мертвое бревно,
Хоть и оставался жив и невредим.
Пленом расплатился он за то вино,
Так ему, как видно, было суждено!
Тесно, сыро в том зиндане и темно,
Он лежит без чувств — сознание темно. . .
А меж тем Чибар был схвачен, бедный конь!
Злобствуют калмыки: — Э, зловредный конь,
Сколько неприятных нам доставил дел,
Хоть бы ты скорей, проклятый, окошел! —
Конь на поводу был к шаху отведен.

Алпамыш в зиндан — он в стойло заточен.
Шею до земли понуро клонит он,
От себя докучных мух не гонит он.
Как ни настрадался, как ни изнурен,
Ни зерном, ни сеном конь не соблазнен,
Даже и водой прохладной не прельщен:
Он судьбой батыра очень угнетен.
А калмыки злобой бешеной горят,
— Что это за тварь такая! — говорят
И над ним насилья страшные творят:
Достают они колоду — и она
Не из дерева, а вся из чугуна,
Вес колоды — сто без десяти батман.
Бедному коню на шею груз кладут!
Шестьдесят батман железа достают,
Всё это железо на куски дробят,
Гвозди и шипы различные куют,
Байчибару в ноги забивают их,
Чтоб не мог тулпар не только убежать,
Чтобы ни стоять не мог и ни лежать.
Вот что терпит конь от недругов таких!
У калмыков шум в конце концов утих,
Как-никак, была достигнута их цель.
Столько-то проходит дней или недель,
С Алпамыша сходит непробудный хмель.
Он открыл глаза — в уме ль он, не в уме ль?
Неужель он в плен попался? Неужель?!

Увидав себя заточенным в зиндан, сильно сокрушился
Алпамыш душой и, раскаиваясь в своих оплошных делах,
заплакал, так говоря:

— Суждено, увы, такое горе мне!
Узник я в чужой, далекой стороне!
В этом подземелье, в темной глубине
Сколько лет придется жить в позоре мне?
Вряд ли выбраться удастся вскоре мне!
Был главой Конграта, счастлив был вполне,
Был любим женой, утехой был родне,
Был мечом, щитом своей Конград-стране —
Всё это прошло, минуло как во сне!
Обречен я сам с собой наедине
В этой тесной яме, на холодном дне
Вспоминать о каждом том свободном дне!
Обо мне справляться кто придет сюда?

В той стране моей, что мной была горда,
Жив я, мертв ли, кто узнает и когда?
Посчитают так: случилась с ним беда,
Он ушел в поход — и нет его следа.
Старый мой отец, моя старуха мать,
Долго-долго вам меня придется ждать!
Об освобожденье можно ль мне мечтать?
Если бы имел я крылья, чтоб слетать,
Чтобы о себе хоть весточку подать!
Станешь там вдовою ты, моя жена!
Ты, сестра моя, как горевать должна!
Родина моя, защиты лишена,
Ты не станешь ли врагом угнетена?
Мощь моя была на благо вам нужна, —
Бесполезной стать она обречена.
Опозорен я перед своей страной,
Заклеймит стыдом меня народ родной.
Если бы на путь я не вступил дурной,
Если бы не пил отравы той хмельной,
Если б я той ведьме не поверил так,
Если б не заехал к ней гостить, дурак,
Если бы не слушал тех девичьих врак,
Если бы не пил отравленный арак, —
Разве б одолел меня трусливый враг,
Разве бы меня он заточил в зиндан?!
Сам себя сгубил я, Алпамыш-султан! . .

Как бы ни было — что хочешь бормочи,
Яростно кричи иль, как немой, молчи —
Алпамыш сидит в зиндане день за днем.
Наблюдают за ним приходят сторожа,
Бросят кость, глумятся: «Пищу получи!»
Вот что Сурхайль подстроила ему!
У калмыков — ликование потому. . .

А молва такая весь обходит мир:
Мол, погиб в неволе Алпамыш-батыр.
Эта весть приходит и в страну Конграт,
Люди там и тут об этом говорят,
Опечален друг, лукавый недруг рад.
Правда или ложь — поди-ка разбери,
Но коснулся слух и уха Байбури,
Так убит он горем, что хоть сам умри!
К родичам спешит он: — Правда или нет? —
Все ему дают уклончивый ответ.

Разве скажет правду родич иль сосед?
А не зная, он теряется сильней.
Если жив Хаким — сыскаться должен след,
Если умер — как оплакать без примет?
Ждет он, ждет, приходит к байвуче своей,
Тайну мук своих он открывает ей.
Думают: Хаким ушел ведь не один,
Сорок человек в поход увел их сын;
Если б не погибли все, то нет причин,
Чтоб ни одному и вестки не подать.
Видно, все погибли и погиб их сын!
Только говорить не следует Барчин,
Чтоб и вида, мол, невестке не подать.
Горе, мол, в себе покуда утаим! . .
Но в один из дней сама Барчин-айм
От соседских женщин услышала весть:
Говорят, мол, люди, что погиб Хаким.
Как же с Калдыргач ей душу не отвести?
И Барчин сестре приносит скорби весть.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Прослышав о смерти Алпамыша, но истинной правды не добившись, затаила свое горе мужественная Барчин-айм и от всех в стороне плакала потихоньку над своей несчастной судьбой. Дни шли, месяцы текли — вся родня сердцем сокрушалась, поверила в конце концов молве, — оделись все в черное, в скорбное. Так год прошел — Байбури задал богатый поминальный пир по сыну своему Алпамышу. Кончились поминки — вся родня одежды скорби с себя снимала, а были и такие, что и самую скорбь позабыли. . .

Была у Байбури рабыня, наложница-персиянка — Бадамня ей было. Байбури имел от нее сына по имени Ултан; плешивцем был он — Ултан-тазом прозвали его. О самой Бадам, кто и какая она была, мы в другой раз расскажем. А пока — об Ултане, сыне ее, поговорим. При Алпамыше — кто с этим Ултаном считался? Сын наложницы-персиянки, ему, мол, трона не наследовать. Хоть и обижать его не обижали — все-таки сын бия Байбури, живет все-таки при его доме, не отказывается от него отец — задирать-обижать его тоже нехорошо, — а так — внимания на него не обращал никто. Одни только табунщики побаивались его, заискива-

ли перед ним: «Все-таки бия сын, поставлен начальником над нами — от него мы зависим».

Когда Алпамыш на чужбину в поход отправился и сгинул там, Байбури-бий, в горе по Алпамышу, одряхлел сразу, вкус потерял к управлению народом. А Ултан голову поднял, думает про себя: «Мой час пришел!» Действительно, приспешники у него нашлись, удалось Ултан-тазу власть захватить, — стал Ултан правителем, чужаки над конгратами возвысились, глумились над ними.

Много времени не прошло — показал себя Ултан: мстить начал всем, кто не считался с ним раньше, приспешников своих на первые места поставил, самых достойных, заслуженных людей на последние места определил. Стал он с беками своими угнетать народ — стон пошел в стране от правления их. А старого Байбури — отца своего — и жену его — мать Алпамыша — слугами своими сделал, а Калдыргачаим угнал он в степь к Бабир-озеру — верблюдов пасти. Больше всех боялся Ултан-таз Караджана: обезоружил он его, коня у него отобрал, далеко в горы нелюдимые на Алатаг сослал его, под страхом смерти запретил ему с людьми встречаться и людям под страхом смерти запретил к нему приходить. А Барчин не трогал он, так про нее решив:

«Куда ей от меня деться, всё равно моей она стать должна. Раньше, позже ли — мне достанется. . .»

Время шло, разговоров об Алпамыше всё меньше становилось, многие забывать его стали — никто уже почти не верил, что может он живым оказаться. . .

Барчин незадолго до отъезда Алпамыша на чужбину понесла от него. Когда у нее родился сын, она его Ядгаром назвала! «Пусть памяткой будет мне по Алпамышу», — сказала она. Время шло, подрастал Ядгар. Барчин часто усаживала сына перед собой и, утешая себя, так говорила ему:

— Был бы жив Ядгар, мой дорогой сынок!
Выживёт — в народе мужем станет он,
Мужем став, заменит он отца в свой срок, —
Слез моих тогда он высушит поток.
Ултан-таз теперь стал знатен и высок, —
Не в черёд схватил он власти поводок.
Как высокомерен стал он и жесток!
Лучшими людьми в стране он пренебрег,
Худших — к своему правлению привлек.
Будет ли стране такой правитель впрок?
Справедливости он не дает дорог,
Путь насилья стал свободен и широк.

Если весь Конграт поработить он мог,
Если властен он, как всемогущий рок,
Кто ему хоть слово скажет поперек?
Знатных и простых согнул в бараний рог!
Хоть и от рабыни был Ултан рожден,
Всё же к дому бия был он сопричтен,
Всё же назывался сыном Байбури.
Но и престарелый бий-отец, смотри,
Как последний раб Ултаном угнетен,
Быть его слугою старец принужден!
Байвучу-старуху он на склоне дней
Отдал в услуженье матери своей.
Калдыргач-бедняжку как унижил он,
Из родного дома выгнал, выжил он!
Он ее угнал на озеро Бабир —
Стала Калдыргач верблюдов там пасти.
Гнет обид подобных как перенести?
Проклят будь такой несправедливый мир! . .

Одинокая, она в степи живет,
Слезы день за днем, беспомощная, льет.
Изредка домой печально прибредет,
С маленьким Ядгаром сердце отведет.
Сколько раз его к своей груди прижмет,
Скажет: — Мне другой утечи в жизни нет.
Друг мой, брат, погиб — и не разыскан след.
Ты, Ядгар, — от брата сохраненный свет! —
Скажет Калдыргач — и словно расцветет,
Своего любимца нежно обоймет,
На руки возьмет, к груди его прижмет —
На верблюде в степь с собою увезет.
К озеру Бабир доставит их верблюд,
Станет Калдыргач пасти верблюдов тут,
Станет Ядгар-джан резвиться тут в степи
Близ своей любимой Калдыргач-апы.
Поживет она на Бабир-коле с ним,
Временно забудет горе, боли с ним. . .

Так вот — в горе и в униженье — жили они без Алпамыша под властью Ултан-таза. . .

Дни за днями шли, месяцы и годы текли — Алпамыш всё в том же калмыцком зиндане пленником сидел. Смотрит он однажды из ямы своей вверх, видит — крылья над зинданом распластав, гусь кружит. Увидел гуся Алпамыш и такие слова ему сказал:

— Ты не из Конграта ль в путь свой воспарил?
Гусь простой на вид, не Хумаюн ли ты?
Тенью крыл своих меня зачем накрыл?
Если б по-людскому ты заговорил,
Вестью от родных меня бы ободрил!
Не родни ль моей крылатый ты посол?
В глубине зиндана как меня нашел?
Своего врага терплю я произвол.
До чего меня калмыцкий шах довел!
Лишь вздохну — и слезы у меня в очах.
Как я до сих пор в зиндане не зачах,
Как не превратился от страданий в прах.
Голову свою ношу ли на плечах?
Да погибнут вражьи козни, мой аллах!
Тварь крылатая, что кружишь надо мной?
Ты не пролетал ли над моей страной,
Не принес ли вестку от души родной?
Гусь иль Хумаюн, что кружишь надо мной?
Сидя в яме здесь, тоскую, как Юсуф,
Помощь получу ль такую, как Юсуф? . . .
Гусь иль Хумаюн, что кружишь надо мной?
Не был ли подранен ты в пути стрелой? . . . —
Гусю столько слов сказал тогда Хаким!
Гусь и сам ответил бы словам таким,
Только языком не обладал людским!
Голову закинув, Алпамыш глядит,
Видит — гусь всё ниже, ниже всё летит,
Уже всё да уже он круги чертит,
Он чертит круги и падает в зиндан,
Падает от счастья рядом Хаким-хан!

Алпамыш взял гуся в руки и видит: одна нога у птицы сломана, крыло одно стрелой поранено, совсем обессилел гусь, потому и в зиндан упал. Говорит сам себе Алпамыш:

— В своей стране, на озере Бабир бывая, может быть, я этого самого гуся здоровым встречал. А теперь, когда сам я в зиндане глубоко лежу, на волю выйти не могу, встретился мне этот гусь покалеченным, летать больше не может! . . .

Отвык Алпамыш в зиндане от разговора с людьми, — стал он с гусем целые дни беседовать. Много дней провел он с больным гусем, пока раны его не зажили. Стал гусь полетывать над дном зиндана, — в путь готовился. Написал Хаким-бек письмо, гусю под крыло подвязал и такие слова ему говорит:

— Пояс у меня золоточервонный есть,
От печали разум помраченный есть,
Стыд ошибки, мною совершенной, есть.
Там, в стране Конграт, на родине моей,
Байбури, отец мой огорченный, есть, —
Жалобу мою скорей доставь ему. . .
Край Конграт родной опустошен теперь.
В том краю мой дом меня лишен теперь.
Матери моей там слышен стон теперь, —
Жалобу мою ты ей доставь скорей. . .
Был я той страны правителем, главой.
Там моя жена Барчин живет вдовой, —
Как ей знать, что муж ее Хаким живой!
Жалобу мою жене моей доставь. . .
Плачу я все дни — так боль моя остра,
Там насильник есть, — не знать ему добра! —
Близко не ходите от его шатра.
Соутробница моя там есть — сестра, —
Жалобу мою сестре моей доставь.
Поздней осенью цветок возвращенный есть, —
Сын там, без меня уже рожденный, есть,
Сирота, Ядгаром нареченный, есть, —
Жалобу мою Ядгару ты доставь! . .
У меня в Конграте друг желанный есть,
Караджан-батыр, мой брат названный, есть, —
Караджану эту жалобу доставь.
Что поделать, если я упал, увя,
Если мой венец свалился с головы! . .
Волей божьей есть в моей стране Конграт
Брат мой Ултан-таз, несоутробный брат, —
Он теперь страны властитель, говорят.
Ултан-тазу жалобу мою доставь. . .
Осторожным будь, гонец мой, гусь, в пути:
С ястребиных троп подальше свороти,
Хищников иных крылатых облети,
След гусиный свой ты в небе замети, —
За оплошность жизнью ты не заплати.
К моему несчастью сердце обрати, —
Должен ты письмо до места донести!
Гусехвата ты не повстречай, орла,
Не коснись тебя охотничья стрела!
Осмотрителен в полете будь! Лети!
Не теряй письма! Счастливый путь! Лети!
Сослужи мне службу, мой приятель, гусь, —
Вся моя надежда на тебя, клянусь! . . —

Гусю Алпамыш такой наказ дает,
Много на прощанье слез из глаз он льет,
Слово бека понял гусь залетный тот,
Вылетел из ямы — полетел в полет.
Он уже, крылатый посланец, далек, —
Алпамыш в зиндане снова одинок.
Э, как тот зиндан безвыходно глубок! . .
Очень Алпамыша гусь-посланник чтит,
Жалобу его он под крылом таит,
Дальше всё и дальше по небу летит.
Вот как он в Конграт послание стремится:
Отдыхая днем, он держит ночью путь,
Ночью отдыхая, днем он поспешит,
Где бы ни пристал, недолго он стоит.
Он уже пятнадцать дней-ночей в пути.
Сколько снежных гор высоких миновал!
Шакаман-горы он видит перевал,
Для привала гусь его облюбовал.
Крылья у него замлели, — он устал.
Наставленья бека гусь не забывал,
Справа, слева гору он обозревал,
Хищников на той горе не увидал.
Опустился гусь — и волю сердцу дал,
Громко, по-гусачьи, он загоготал! . .

Эта Шакаман-гора людьми обитаема была. Жители горы ничем другим не питались, кроме птичьего мяса. Все они поэтому охотниками были, очень метко по птицам перелетным стреляли, — редкостью было, чтобы кто-нибудь, целясь в самую быстролетную птицу, не подстрелил ее. Если у кого-нибудь неудача бывала, надолго оставалось имя его опозоренным.

Жила на той горе Шакаман старуха одна со своим сыном. Когда гусь, Алпамышев посол, в сторону калмыцкой страны летел, сын старухи этой охотился за ним, — стрелнул в него, но стрела только подранила гуся, и он улетел с поврежденным крылом. Потому-то и упал он в зиндан к Алпамышу.

Опозорился тогда сын старухи, слава худая про него в народе пошла. Очень был огорчен молодой охотник, так, что даже заболел, в постель слег — и чахнул с каждым днем. . . Лежит он так в постели, слышит однажды — гусь гогочет, голос у гуся знакомый! Тот это гусь! Как ни болен был охотник, сразу легче стало ему. Поднял он голову с подушки — и матери своей говорит:

— Прилетел опять тот самый гусь — мой враг!
Слышу я, гогочет где-то он, дурак.
В сердце я ношу позора черный мрак, —
Гуся упустить нельзя теперь никак!
Ты мой лук и стрелы приготовь-ка, мать,
Я пойду свою ошибку исправлять.
Я тебе скажу, что этот гусь хромой —
Лучшее лекарство, лучший лекарь мой!
Знай, что без него я не вернусь домой! ..

Так он сказал, а старуха тоже слово ему в ответ говорит:

— Шахи к шахам шлют своих послов-эльчи,
Разъезжают с ними толмачи-тильчи,
Гусь твой — одного батыра арзачи.
Знай, что все эльчи, тильчи и арзачи
Неприкосновенны всюду быть должны:
Их убийц в любой стране убить должны.
Гуся-арзачи, сынок, не убивай!
Ведомо мне стало, тот батыр — султан,
Он в стране враждебной заточен в зиндан.
Гусь-ходатай пленного батыра чтит,
Он с его письмом в его страну летит.
Если от твоей руки погибнет гусь,
Завтра я в одежды скорби облачусь,
Сам не в свой черед погибнешь ты, клянусь!
В гуся-арзачи, сынок мой, не стреляй,
Муку испытать меня не заставляй,
Всех своих друзей, мой сын, не огорчи,
Радости своим врагам не прибавляй.
Ой, сынок, не трогай гуся-арзачи!

Услышал охотник слова матери своей, рассердился — и такими словами ей отвечает:

— Так ты облегчаешь мне страданья, мать?
Из-за гуся столько бормотанья, мать!
Если так — умрешь без покаянья, мать!
Этот гусь, э, мать, не твой ли нежный друг?
Что ты из-за птицы всполошилась вдруг?
Сына ты бросаешь в пламя адских мук,
Лишь бы гусь какой-то мог существовать.
Видно, гусь тебе дороже сына, мать!
Я твоих пророчеств глупых не боюсь, —
Свел тебя с ума, как видно, этот гусь! ..

С этими словами с ложа он встает,
Лук берет и стрелы в свой колчан кладет,
Из дому на голос гуся он идет,
Скрытно по ущелью выше всё бредет.
Отдыхает гусь — опасности не ждет,
Уморился он — себя не бережет.
А стрелок всё ближе — и вот-вот стрельнет. . .

Видит старуха, что сын ее к самому гусю уже подбирается, и гуся беспечному такие слова вдаль прокричала:

— Ты растай-истай, глубокий снег, в горах!
Вражий труп, изгнив, да превратится в прах!
Ты не гогочи, крылатый арзачи!
Позабудь беспечность, вспомни смерти страх!
Без раздумья в небо взвейся, поспеши, —
Стережет тебя твой злейший враг в тиши!
Он тебе не виден, сам ты на виду, —
Отвратить хочу я от тебя беду.
Злой твой враг — мой сын, охотник удалой.
Он тебя подстрелит меткою стрелой,
Насадив на вертел, сжарит на огне,
Сжарит он тебя — и съест на горе мне.
Гусь, не доверяй коварной тишине,
Как бы не погиб ты по своей вине!
Я сказала сыну: «Этот гусь — посол,
Смерть посла — источник смертных бед и зол!»
Все-таки мой сын тебя убить пошел.
Мой совет — скорей лети, куда цел:
Сын мой, недруг твой, уже берет прицел!

Гусю так старуха скорбно говорит,
Сын ее в укрытье за жертвой следит.
Лук тугой напружен, тетива скрипит,
С тетивы стрела как молния летит —
Будет через миг беспечный гусь убит!
Но и миг не минул — гусь уже и сам
Молнией взлетает с места к небесам,
А стрела, что в гуся пущена была,
Цели не найдя, в расселине легла.

Гусю так в беде старуха помогла!
Входит в дом — берется за свои дела.
Сын ее от горя снова занемог,
Думает: «За что меня обидел бог?»

Сам не свой, стрелок свалился тут же с ног,
От позорной неудачи, бедный, слег! . .

А счастливый гусь меж тем летит вперед,
Он под облаками свой стремится полет, —
Здесь его стрелой никто не подшибет,
Если только хищник злой не заклюет.
То назад глядит он, то глядит вперед,
Смотрит влево, вправо — и летит вперед.
Струйками стекает с перьев гуся пот, —
Гусь летит в Конграт, исполненный забот.
Э, в страну Конграт не близок перелет!

Он перелетел уже немало гор, —
Край конгратский видит зоркий птичий взор.
Закружился гусь и смотрит вниз — внизу
Озера Бабир он видит бирюзу!
Наземь он спустился, меж верблюдов сел:
Он письмо доставил и остался цел!

Сел гусь на том месте как раз, где Калдыргач-аим верблюдов пасла. Похаживала она туда-сюда, держа за руку своего любимца Ядгара, и сама про себя такие слова говорила:

— Гордостью страны он был в былые дни,
Радостью он был для всей своей родни, —
Без него теперь, ягненок Ядгарджан,
Мы с тобой в такой большой степи — одни!
Ты отца лишен, я — брата лишена.
Имя твое чтить я до смерти должна, —
В память об отце зовешься ты «Ядгар».
Рухнул он, конгратский царственный чинар, —
Молнии какой сразил его удар?
Ты, росток его, цветы, мой джан Ядгар! . .

Обходя верблюдов, приблизилась Калдыргач к тому месту, где сидел гусь, испугала его; встрепенулся гусь, в небо поднялся. Письмо Алпамыша отцепилось от гусяного крыла — на землю упало. Калдыргач письмо подняла, читать стала, — видит: письмо это от брата ее Хаким-бека-Алпамыша, которого все давно считали умершим. Было в том письме рукою Алпамыша написано так:

«Я, одинокий, в чужой, враждебной стране калмыцкой сажу в зиндане, всеми забытый, и нет никого, кто пришел бы меня освободить. . .»

Прочла Калдыргач письмо, рассказала всё маленькому Ядгару, думать стала, как быть.

«Он там, — думает она, — в той стране калмыцкой, куда шесть месяцев пути, — в руках сильного врага находится. Не всякого к нему по такому делу пошлешь. Один только человек выручить его, пожалуй, сможет — Караджан-батыр. . .» Так она решила и, оставив Ядгара при верблюдах, сама на Алатаг отправилась, Караджана повидать.

Увидел Караджан Калдыргач и так сказал ей:

— До осенних дней будь розы цвет румян!
На рассудок мой да не падет туман!
О твоём приезде б не узнал Ултан!
Если только он проведает — беда!
Он тебе такое сделает тогда,
Что страшнее будет Страшного суда!
Что тебя, бедняжку, занесло сюда?
Иль тебе неведом был его указ?
Он тебя казнит за это, Ултан-таз!
У него повсюду ухо есть и глаз.
Бедненькая, как ты не остереглась!
Я сказал — и ты слезами облилась.
Что поделать, если небо против нас,
Если задавил нас гнетом Ултан-таз,
Если ни сильнее его, ни выше нет!
Что поделать, если Алпамыша нет,
Если из народа изгнан Караджан!
Я у вас — пришелец. Ултан-таз — султан!
Черный над Конгротом распростерт туман!
Алпамыш, твой брат, не защитит тебя,
Караджан, твой друг, не оградит тебя,
Ултан-таз, твой враг, не пощадит тебя.
Ты зачем ко мне пришла в недобрый час?
Он тебя казнит за это, Ултан-таз!
Бедненькая, как ты не остереглась!

Калдыргач-аим, сердцем расстроившись, такие слова сказала в ответ Караджану:

— Боль души моей безмерно жестока.
Участь бесприютной — истинно тяжка.
К вам я обращаюсь, Караджан-ака!
Розою, не в срок увядшей, я пришла,
Жалобу-посланье к вам я принесла.

Жалобу прислал издалека мой брат, —
Одинокий гусь принес ее в Конграт.
Гусь-посланник будь благословен стократ, —
Слава богу, жив-здоров пока мой брат!
Алпамыш сидит в зиндане, — пишет он, —
С гусем шлет нам всем посланье, — пишет он, —
С Караджаном ждет свиданья, — пишет он, —
Вся надежда, мол, на друга, — пишет он, —
Пусть окажет, мол, услугу! — пишет он.
Если б Алпамыш покинул тот зиндан,
Всем его врагам настал бы Страшный суд!
Слово мне сказать позвольте, ага-джан!
Слушая такой, как я, бедняжки речь,
Не хотите ль брату моему помочь
И, отправившись в тот, вам известный край,
Из зиндана друга вашего извлечь?
Сердце бы мое могли вы тем привлечь!
Службу сослужили б другу своему.
Кроме вас, туда отправиться кому?
Если б и найти другого смельчака,
Если Алпамыш и не умрет пока, —
Кто бы ни пошел, не зная языка,
Не найдет он ямы той наверняка:
Спрашивать начнет — узнают чужака!
Хоть и вам задача эта нелегка,
А без вас не выйдет, Караджан-ака! . .

Выслушал ее Караджан, за друга своего обрадовался,
за нее встревожился — и так говорит:

— Слава богу, жив, оказывается, друг мой Алпамыш!
Если он такое письмо прислал, если помощи просит, как же
я не пойду выручать его? Дай-ка мне письмо его, а сама то-
ропись — отправляйся отсюда, пока Ултан-таз не узнал, —
убьет он тебя, бедняжку. . .

Ушла Калдыргач, письмо Караджану вручив, а прочесть
ему письмо — не прочла. Спрятал Караджан письмо в ку-
шак, стал в поход снаряжаться. Приготовил он длинный-
длинный аркан шелковый: «Если живым застану Алпамы-
ша, арканом вытащу его из зиндана. . .» Так он решил,
нахлобучил тельпак свой — пошел в далекую страну кал-
мыков.

Любит птица-ястреб сесть на крутосклон.
Так как он коня в изгнанье был лишен,
Пешим Караджан пойти был принужден,

То, чего не ведал, то изведал он.
Много мук в дороге терпит пешеход,
Много терпит он в большом пути невзгод.
Что его теперь в стране калмыцкой ждет?
По родной стране тоска его гнетет,
Только беглецу туда запрещен вход,
Попадется шаху — шкуру шах сдерет.
Но уж если друг на выручку зовет,
За него положит Караджан живот!
Может быть, уже и друг тот не живет? . .
Всё же Караджан-батыр идет вперед.
Через много гор свершая переход,
Через степи он, через леса идет,
Мимо вод речных, мимо озерных вод, —
Наконец пред ним гора Мурад встает,
Наконец пред ним калмыцкая страна!
Воздухом родных степей он задышал,
Задышал-заплакал — горе заглушал.
Тут в зиндане шахском друг его лежал!
Где он, тот зиндан, Караджан-бек не знал.
Алпамыш писал, да он не прочитал, —
Грамоты узбекской человек не знал!
Думая: «В столице, верно, тот зиндан»,
В шахскую столицу входит Караджан.
Не один зиндан имеет Тайча-хан,
Друга своего как он найдет зиндан?
Подвязал потуже Караджан кушак,
Нахлобучил он поглубже свой тельпак,
Ходит он в своем народе как чужак,
А спросить людей — опасно как-никак:
Спросишь — заподозрят, — и пропал бедняк! . .

С улицы на улицу бродит Караджан по столице шаха Тайчи, бродит, думает, как разыскать Алпамыша. Видит он на одной улице — трое-четверо ребят, в бабки играя, накинулись все на одного, — стали у него бабки отнимать, отняли, а тот и говорит:

— Э, — говорит, — плохо, когда человек один, — всегда его все обижают: и побили меня, и бабки мои отняли! Вот так же и хану Конграта, Алпамышу, худо одному пришлось: сколько лет в зиндане сидит! Был бы у него брат родной или друг верный, головы бы своей не пожалел, а приехал бы — выручил бы его. . .

Караджан, слова мальчика услышав, бабки у ребят отобрал, отдал их обиженному и спрашивает у него:

— Ты, сынок, про Алпамыша сказал, а не скажешь ли, в каком зиндане сидит он?

Отвечает ему мальчик:

— Не могу я этого сказать. Разве ты приказа шаха нашего не знаешь? Кто скажет что-нибудь про зиндан Алпамыша, голову тому отрубят, а скот его отберут.

— Э, — говорит Караджан, — я тебе удружил, и ты мне удружи, — тихонько мне скажи, чтоб никто не слышал.

— Тихонько можно, — отвечает мальчик. — Пойдешь отсюда вот так, в Чилбирскую степь, гору увидишь — Мурад-Тюбе называется. К этой горе приблизясь, увидишь холм большой, на холм поднимешься, под холмом тот зиндан и есть. Только никому не говори, что от меня узнал. . .

Караджану только того и надо было. Покинул он столицу калмыцкую и отправился в Чилбир-чоль. Дошел он до того холма, — действительно, зиндан под холмом оказался, — не зиндан, а пропасть бездонная! Сколько ни всматривался Караджан, ничего рассмотреть не мог в зиндане, так он глубок был. Алпамыш взглянул вверх, увидел человека над зинданом. Караджан-батыр, девяностобатманный панцирь носивший, с ворону Алпамышу показался. Как узнаешь, кто там над зинданом находится! Решил так Алпамыш:

«Это, наверно, какой-нибудь страж — соглядатай шаха. Может быть, за головой моей пришел. . .» Но, чтобы не подумал вражий слуга, что духом пал конгратский пленник, встал Алпамыш во весь рост — и так вверх закричал:

— Обо мне справляться ты, палач, пришел?
Иль привет от шаха мне принес, посол?
Шаху своему ты можешь доложить:
«Алпамыш намерен очень долго жить!»
Шаху своему скажи, не умолчи:
Витязь Алпамыш самой судьбой избран!
За отвагу брошен он тобой в зиндан.
Если из зиндана выйдет Алпамыш,
Ты, Тайча, башки своей не сохранишь!
Витязя такого в яме ты гноишь!
Ты нам показал калмыцкие дела,
Доброта твоя ловушкой нам была.
Знай, что твой дворец разрушу я дотла!
Сколько бы в неволе ни держал ты льва,
Ярость львиная останется жива!
Вот тебе, наушник, все мои слова!

Услыхал это Караджан, сердцем расстроился и горькими слезами заплакал: «Друг мой, оказывается, и в зиндане храбрецом остался, духом не падает!» — так он подумал и, весть о себе подавая, говорит:

— Скорбному не мил белый свет!
Знай, что здесь наушников нет:
Преданный пришел к тебе друг,
Тот, кто, честь поставив на круг,
Стал тебе из недругов — друг,
Много оказавши услуг.
Долго говорить недосуг, —
Я тебе напомнить могу,
Шел я за тебя на байгу.
Так тебе сказав, не солгу:
Я перед тобой не в долгу,
Знай, что я — батыр Караджан!
Гусь, что прилетел в Байсунстан,
Нам принес посланье твое:
Жив, но заточен, мол, в зиндан. . .
Вот — сбылось желанье твое,
Пред тобой батыр Караджан!
Весточку твою получив,
Пламя своих мук утишив,
Думая: «Покуда он жив,
Я, кто им на выручку зван,
Неужели, руки сложив,
Дружбы осквернив талисман,
Друга веры в друга лишив,
Не рассею страха туман,
Хоть и пеший — в эту страну
Не пойду, батыр Караджан,
Не найду тот самый зиндан,
Где сидит мой друг Хаким-хан!»
Я к тебе пришел, Алпамыш,
Я — твой побратим Караджан,
А не соглядатай Тайчи!
Друга повергаешь ты в стыд.
Бог тебе обиду простит,
Знай же, что батыр Караджан
Над твоим зинданом стоит!
Мною припасенный аркан
Я тебе бросаю в зиндан.
Обмотай арканом свой стан,
Крепче завязать не забудь,

Покидай проклятый зиндан, —
Вытащу тебя как-нибудь!
От тебя куда мне свернуть?
Вместе мы отправимся в путь,
Бог даст — невредимы придем,
В твой Конграт любимый придем,
Дружно мы опять заживем. . .
Ждет тебя родная страна, —
Знай, что бесхозяйна она,
Что Ултаном угнетена.
Пламенем Тоски сожжена,
Ждет тебя в Конграте жена,
Верная твоя Барчин-ай. . .
Калдыргач, сестра твоя, знай,
Много унижений терпя,
По тебе страдая, скорбя,
Чахнет, захворав без тебя. . .
Сын твой, сиротою растя,
О тебе мечтает, грустя, —
Радости не знает дитя. . .
Там тебя родители ждут;
Сверстники-приятели ждут,
Все тебя в объятия ждут. . .
Истинную правду услышь,
Мужественным будь, Алпамыш:
Много там врагов развелось,
Власть им захватить удалось,
Всех поработить удалось!
Возвратись в Конграт свой родной,
Встреченный счастливой родней,
Ласковой утешен женой,
Славой свое имя покрой,
Вражеские козни расстрой,
Родину ты благоустрой.
Ну-ка, в путь счастливый со мной!

Узнал теперь Алпамыш Караджана, подумал: «Много у него старания дружеского, да силы вытащить меня не хватит у него!»

Бросил Караджан в яму свой шелковый аркан, обмотал им Алпамыш поясницу. Караджан, понатужившись, тянуть стал, — видит Алпамыш, что, пожалуй, хватит у Караджана силы, и такая мысль ему в голову пришла:

«Если ему действительно удастся вытащить меня и придем мы благополучно в Конграт, народу много соберется,

пир большой будет, стану я на пиру рассказывать что-нибудь, а Караджан тут похвалиться начнет: мол, если бы я тебя, беднягу, не выручил, так бы ты и сгнил в калмыцком зиндане! . . Не к чести мне будет похвальба его. . .»

Спиною назад откинувшись, уперся Алпамыш ногами в стену зиндана. Чувствует Караджан — тяжелей стал Алпамыш. Понатужился он еще больше — так потянул, что аркан оборвался, Алпамыш на дно зиндана свалился. Довязывает Караджан аркан, снова Алпамышу конец бросает, а тот ему такие слова говорит:

— На вершины гор высоких пал туман.
Видно, не судьба покинуть мне зиндан!
Время не теряй напрасно, Караджан.
Ради друга ты в такой пустился путь!
Через сколько мук пришлось перешагнуть!
Свидимся еще, быть может, как-нибудь, —
Я сумею сердца долг тебе вернуть.
А пока не стой напрасно, Караджан!
Всё равно тебе меня не дотянуть:
Я тебя намного тяжелей, мой друг.
Голову свою ты пожалей, мой друг, —
Здесь тебе стоять опасно, Караджан!
Будь здоров и счастлив, отправляйся в путь,
На меня, мой друг, обиженным не будь! . .

А Караджан стоит над зинданом, слушает такие слова и, ушам своим не веря, Алпамышу так отвечает:

— Не упал ли на рассудок твой туман?
От тебя ли это слышу, Хаким-хан?
Ты с каких же пор так полюбил зиндан?
Я с каким лицом теперь в Конграт вернусь?
Иль слезами я теперь не захлебнусь?
Иль не прилетал с твоим посланьем гусь?
Что твоей сестре скажу я, Калдыргач?
Так ли на тебя, мой друг, я уповал?
Или ты тюрёй конгратским не бывал?
Или слез о близких ты не проливал?
Или никогда с врагом не воевал?
Как я с Калдыргач-аим теперь столкнусь?
Скажет: «Караджан обманщик, мол, и трус!»
Или вызволить тебя я не берусь?
Иль от верной службы другу отрекусь?
Или я услугой друга укорю?

Иль, спасая друга, мыслями хитрю?
С Алпамышем ли об этом говорю?
Уж не сам ли ты, мой друг, со мной хитришь?
Или храбрый лев пугливым стал, как мышь?
Или полюбил неволю Алпамыш?
Дождаться мне доколе, Алпамыш?
Если я, придя, застал тебя живым,
Неужель тебя покину, друг Хаким?
Мне теперь в Конграт прийти с лицом каким?
Вижу я — в зиндане приобрел ты спесь,
Чванству и упрямству разве место здесь?!
Обвяжись арканом — и на волю лезь!
Не из-за тебя ль я исстрадался весь! . .

Алпамыш в свою очередь так на слова Караджана отвечает:

— На вершины гор высоких пал туман.
Вряд ли суждено покинуть мне зиндан:
Что, коль разорвется снова твой аркан?
Упаду — могу разбиться, Караджан!
Если разобьюсь я насмерть — не беда,
Но калекой стать могу я навсегда!
Кровью плачу я, свой проклиная век!
За меня не должен ты терпеть стыда.
Смерть батыру лучше, чем судьба калек.
Если я такой несчастный человек,
То не во спасенье будет мне побег. . .
Скажешь, Караджан, что умер Хаким-бек.
Жаль, что не в бою погибель я найду!
Говорю тебе, не стой ты на виду:
Мне-то всё равно — в зиндан иль в гробу, —
Ты, мой друг, свою не искушай судьбу.
Холм высок — посмотрит страж-калмык в трубу,
Сквозь трубу тебя увидит за ягач. . .
Торопись, покуда не пришел палач. . .
Если вся родня моя поднимет плач:
Мать, отец, жена, мой сын и Қалдыргач,
Скажешь, что меня в живых ты не застал.
Сына моего ты, как меня, люби.
А теперь спешి — себя не погуби.

Выслушал Караджан Алпамыша — опечалился, задумался, тельпак свой с головы снял и, с тельпаком советуясь, такие слова сказал:

— Друга вызволить как Караджан алкал!
Не в четыре ль глаза он зиндан искал?
Если б хоть в живых я друга не застал! —
Жив мой друг, а сам уйти не пожелал!
Уношу на сердце вечной муки знак. . .
Где ты, мой скакун, мой резвый тобучак? . .
Ты какой совет подашь мне, мой тельпак?
Сине-зелен был чапан мой, пышен был.
Тот, кого искал я, Алпамышем был.
Ведь обезоружен я и спешен был, —
Всё мое оружие — аркан да кулак. . .
Тут стоять, пойти ли — дай совет, тельпак!
Над моей башкой нависла туча бед.
Попадусь, на тот меня отправят свет.
Никакого больше мне терпенья нет.
Я один, — хоть ты, тельпак мой, дай совет! . .

Долго Караджан в раздумии стоял —
Всё от тельпака совета ожидал.
А тельпак ему какой совет бы дал?
Хоть и был треух, а безъязыким был,
Шапочник его без разума создал.
Бедный Караджан стоял и всё гадал.
Вдруг он клич тревоги дальней услышал:
То один калмык дозорный увидал,
Как он свой тельпак всё вниз и вверх кидал. . .
Больше Караджан раздумывать не стал,
С другом разлучаясь, горько зарыдал.
Алпамыш ему благословенье дал.
Низко нахлобучил Караджан тельпак:
— Ты, оказывается, болван, тельпак! . . —
Хоть и пешим был, а сам, как тобучак,
Резво в путь пустился Караджан-бедняк, —
Родину свою опять он покидал.
— Жить здесь не имею права! — говорит. —
Дружбе отдал честь и славу, — говорит. —
Злому року стал забавой! — говорит. —
Пропаду на Алатау, — говорит.

Через сколько горных он прошел дорог,
Сколько он степных преодолел дорог, —
Возвратился к месту через долгий срок,
В горный край безлюдный сокол-одинец.
Қалдыргач к нему явилась наконец.

Поведал ей Караджан всё, что про Алпамыша поведать мог, погоревали они вместе над судьбой его, — сказал Караджан так на прощанье Калдыргач-аим:

— Что ж делать, если сам заупрямился он не вовремя! Может быть, еще и выберется оттуда как-нибудь. Только ты никому — ни родным, ни другу близкому, — никому не говори, что ходил я туда и Алпамыша видел. Пусть думают, что погиб он. . .

Проводил Караджан бедняжку Калдыргач — и стали они все жить, как и жили без Алпамыша, — в скорби и в унижении. . .

А бек Алпамыш меж тем в зиндане оставался. . .

Был в калмыцкой стране в столице Тайча-хана базар один, Янги-базаром назывался. Поручил Тайча управление Янги-базаром дочери своей — Тавке-аим. Вызвала Ай-Тавка сорок своих девушек и такое слово им сказала:

— Вам, мои подружки, от меня наказ:
Сметливей, проворней быть прошу я вас.
Как известно вам, базарный день у нас:
Красным должен быть цвет ваших шаровар,
Красные жезлы я вам вручу сейчас,
С ними отправляйтесь на Янги-базар.
Торга должен скоро наступить разгар.
У купцов проверьте всякий их товар —
Что на счет, на вес, на меру, на харвар,
Их весы, их гири, их аршины все:
В алчности всегда они повинны все.
Сколько бы им строгих ни грозило кар,
Любят незаконный наживать барыш.
У кого — рундук, а у кого — амбар,
Медник иль чувячник, бочар иль гончар.
Посетить и скотский вы должны базар —
Знать, почем овца, почем баран-кочкар;
Ткани осмотреть, и кожи, и ковры. . .
Помните, что очень торгоши хитры, —
Все на плутовские барыши хитры! . .

Это наставленье девушкам своим
Шахская сказала дочь, Тавка-аим.
Девушки в чиновный оделись наряд.
— Мы Янги-базар проверим, — говорят, —
Всё осмотрим, взвесим, смерим! — говорят.

Походили девушки по базару, вернулись к Тавке и так ей докладывают:

— Ваш наказ, Тавка-аим, мы выполняли со всем усердием своим. Поручением горды, были мы строги и тверды, — обошли весь Янги-базар, заходили во все ряды, осматривали любой товар. Купец ли, ремесленник ли — молод иль стар, у всех весы, гири, аршины их мы проверили, сами взвешивали, сами мерили. И овечий и козий базар внимательно мы осмотрели, обо всем спрашивали, во всё вникали, сходна цена, велика ли. Перекупщиков, непомерные прибыли наживающих, наказывали мы строго: мол, побойтесь бога! В другой раз драть не будут так много! На скотском базаре видели мы диковинного белого козла: шерсть на нем до самой земли выросла, как снег бела! А рога — в самое небо торчат!

Не поверила им Тавка.

— Не может этого быть! — говорит.

Клянутся девушки.

— Как же этого быть не может, когда мы его своими глазами видели, вот так, совсем близко рассматривали его...

Раззадорили девушки Ай-Тавку, оделась она, вместе с ними на Янги-базар отправилась. Пришли — действительно такой диковинный козел оказался там. Очень козел этот Ай-Тавке понравился, прикипела она к нему, купила его за восемьдесят теньга и к себе во дворец привела. Приказала Тавка повесить козлу на шею бубенец серебряный, и стала она ежедневно по двору с ним прогуливаться — веселилась, радовалась, глядя на козлика своего.

Много ли, мало ли времени прошло, стал козлик лянть — шерсть свою красивую терять и с тела тоже спадать стал. Огорчилась Тавка — и девушкам своим такое слово сказала:

— Девушки! Весны уже недолго ждать!
Шерсть козел теряет, с тела стал спадать,
Кто из вас за ним приставлен наблюдать?
Почему мой козлик стал худеть, скучать?
Иль присмотр не тот, иль корм его крадут?
Я боюсь, недуга не было бы тут!
Или потому, что пары нет ему,
Козлик так облез, невесел так и худ?

Сказали ей девушки:

— Правильно говорите вы, Тавка-аим: это животное привыкло на воле ходить, траву по вкусу своему щипать.

Не может козел сытым быть тем, что вы ему из рук даете. Появится скоро свежая трава зеленая — он еще больше скушать, худеть станет.

Тавка-аим, ведя козла на поводке, отправилась вместе с сорока девушками своими к пастуху Кайкубату. Кайкубат, в прежнее время пася баранов Байсары, первый Алпамыша встретил, когда тот за Барчин приезжал, — дорогу ему к дому Байсары указал. Когда Алпамыш взял Барчин-ай, свояком стал ему Кайкубат. Теперь Кайкубат пас баранов калмыцкого шаха Тайчи. Пришла Тавка-аим к пастуху Кайкубату — спрашивает:

— За какую плату пасешь ты отцовский скот?

— За шесть месяцев я беру с твоего отца-шаха восемь тиллей.

Говорит ему Тавка:

— Я тоже буду тебе восемь тиллей платить за одного этого козла. Возьми его и паси вместе с овцами-баранами, пусть поправится, бока нагуляет.

Отвечает Кайкубат:

— Если вперед деньги уплатишь, согласен я.

Говорит Ай-Тавка:

— Срок отпасешь — тогда и получишь. Разве от отца моего ты вперед плату получаешь?

— Э, с отца твоего я свою плату в любое время получу, — отвечает Кайкубат, — а если к тебе приду после срока плату требовать, ты объявить можешь, что я с худым замыслом пришел, избить меня прикажешь — и денег не отдашь. Или наличными плати, или уводи своего козла.

— Ну, — сказала Ай-Тавка, — так упрямышься ты, получай вперед. — Сказала так — и выложила ему восемь тиллей.

Очень довольным остался Кайкубат.

«Дочь этого ублюдка-шаха, недолго споря, выложила мне деньги вперед: видно, сердце ее склонно ко мне. Если я козла ей поправлю, она, пожалуй, и замуж за меня пойдет». Так он подумал про себя.

Отдавая козла Кайкубату, Тавка-аим так ему наказывала:

— Гуще нет моих и нет длиннее кос, —
Если распушу их — не сочту волос.
Если по овце за каждый волос брать,
Столько бы скота на свете не нашлось!
Кто б меня моих густых волос лишил?
Только враг, что весь бы край опустошил!

Кайкубат, мои слова запоминай:
Выходить козла ты должен поскорей.
Наблюдай за ним усердно каждый день,
Хорошо корми, далеко не гоняй.
Сколько ты просил — то получил, но знай:
Не убережешь — сам на себя пеняй. . . —
Так она сказала и, резва, ловка,
К играм возвратилась, прерванным пока.
Девушки, смеясь, схватились за бока,
Выслушав, как дело провела Тавка. . .
Кайкубат стоит на месте, нем и глух, —
Опьянел влюбленный в Ай-Тавку пастух.

Козла к баранам присоединив, довольный сделанным делом и пьяный от любви, Кайкубат сам себе говорит:

— О таком счастливом не гадал я дне:
Привела козла подобная луне!
Девушки ее стояли в стороне, —
Мог поговорить я с ней наедине.
Сердце Ай-Тавки склоняется ко мне,
Это стало ясным сразу же вполне.
Покупатель я хороший для нее, —
Говорить не стала долго о цене.
Деньги отдавая, подмигнула мне!
Сколько ни мечтал я, бедный, о жене,
Лучшей никогда не видел и во сне.
Столько мне улыбок светлых подарив,
Столько слов игривых мне наговорив,
Даром ли она их рассыпала с губ?
Шахской дочери и я, как видно, люб.
Если козлика я выхожу — она
Несомненно скоро будет мне жена.
Говоря со мною, как была нежна! . .

Так, мечтая, гонит он на пастьбу скот.
С овцами идет и белый козлик тот.
Кайкубат влюбленный песенку поет,
Как он с дочкой шаха славно заживет.
Он поет, а козлик в сторону идет,
И на лысый холм проворно он идет.
Этот холм стоял вблизи Мурад-Тюбе,
С гору высотой был сам он по себе.
Рядом с ним глубокий вырыт был зиндан.

Рыли тот зиндан — чем больше рыли вниз,
Холм всё возвышался, но остался лыс,
На холме на том, весельем обуян,
Козлик разыгрался — и упал в зиндан.

Стадо в степь уводит головной баран,
Песни Кайкубат поет, любовью пьян.
Стадо собирает Кайкубат-чабан, —
Белого козла не видит Кайкубат!
Он стоит как будто громом поражен,
Он из рая сразу попадает в ад.
«Ой, беда! Невесты я своей лишен!»
Стадо всё сто раз осматривает он —
Нет козла и нет! Вот дожил до беды! . .
Белого козла вдруг видит он следы,
По следам идет — и молится судьбе.
След ведет к холму, что близ Мурад-Тюбе.
«Э, теперь найду!» — он думает себе.
Всходит он на холм, а под холмом — зиндан.
Вниз он побежал с проклятого холма —
Лег на край зиндана, смотрит — в яме тьма,
Не видать козла, возьми его чума!
Смотрит он еще — не верит он глазам:
Человек как будто шевелится там!
Кажется ему, что сходит он с ума.

Всматривается-всматривается Кайкубат, видит наконец
в темном зиндане и козла белого. Какой-то человек, к груди
его прижимая, собирался, видимо, сожрать козла живьем.
Это увидав, свесился Кайкубат, насколько возможно было,
вниз, закричал:

— Эй, подземный житель! Кто ты есть таков?
Видно, ты охотник жрать живых козлов.
Козлика не тронь! Скажу без лишних слов —
Козлик этот стоит наших двух голов!
Шаха дочь Тавка — владелица козла.
Я тебя молю, не причиняй мне зла.
Козлика Тавка мне выходить дала —
Жизнь мою в залог за козлика взяла!
За какие ты попал сюда дела?
Не за то ль, что жрешь скотину без котла?
Тварь, упав к тебе, осталась ли цела?
Я перед Тавкой ответчик за козла.

Эй, ублюдок, если жизнь тебе мила,
Откажись, не жри хоть этого козла! . .

Алпамыш, в свою очередь слова Кайкубата услышав, с места встал и так ему ответил:

— Эй ты, плешь! Скажи, как ты попал сюда?
Видно, у тебя счастливая звезда!
Если я отсюда выберусь живой,
Тайча-хана трон тебе отдам тогда!
Не тревожься: целой будет голова.
Кайкубат, мои послушай-ка слова:
За Тавку скотом выплачивай калым,
Бог даст, день придет — разделаешься с ним, —
Выдам за тебя в тот день Тавку-аим,
Голову твою на грудь ей возложу.
Слушай, Кайкубат, что я тебе скажу:
Голову себе тревогой не морочь.
Если только ты захочешь мне помочь,
Выйду из зиндана — шаха с трона прочь.
И тебе отдам и трон его, и дочь! . .

Кайкубат спрашивает:

— А ты кто такой есть?

— Э, плешь, не узнаешь меня! — сказал Алпамыш. — Я — Алпамыш. Калмыками плененный, семь лет уже в зиндане этом сижу.

Говорит ему Кайкубат:

— А я думал, что тебя и в живых давно нет. Ну, раз это ты — верю тебе, рад, что тебя я нашел. Пусть белый козел будет тебе задатком, — согласен я платить калым. И сама Тавка-аим, поручая мне козла, была нежна, весела, будто склонна ко мне была, будто, казалось мне, шахская дочь выйти за меня и сама не прочь.

С этими словами сбросил Кайкубат Алпамышу еще пять-шесть баранов в придачу, а сам погнал стадо дальше.

Стал теперь Кайкубат ежедневно вокруг Мурад-Тюбе баранов попасывать, ежедневно Алпамышу пять-десять баранов подбрасывать, доставлять ему, что ни потребует, всё, что ни прикажет, — исполнять усердно. О том, что ему шах, хозяин баранов, скажет, Кайкубат и думать не хотел. Сбрасывал он, сбрасывал в зиндан баранов в счет калыма за Ай-Тавку, таяло-таяло стадо его, осталась у него только одна-единственная кобылица пегая. Взял он эту кобылицу, подъехал к зиндану и говорит:

— Бедняку забота постоянно есть.
Утешенье — в Ай-Тавке румяной есть.
Отданных в калым пятьсот баранов есть,
А еще — кобыла пегой масти есть.
Сват такой, как ты, мое несчастье есть!
За баранов шахских мне в ответе быть.
Я тебя молю меня не погубить.
Стан Тавки в мечте всегда передо мной.
Долго ли могу я сытым быть мечтой?
Сват, нельзя ль ускорить свадебный наш пир?
Видно, ты моей не угнетен бедой!
Отдал за Тавку всё стадо Кайкубат.
Прояви свое добросердечье, сват:
Если ты успел весь этот скот сожрать,
То не заставляй меня напрасно ждать:
Раз мне суждена такая благодать,
Можешь Ай-Тавку мне хоть сейчас отдать.
Сказанное мною ты пойми теперь:
Что-нибудь такое предприми теперь, —
К выходу усилья устрями теперь.
Я уже от страсти не в уме теперь.
Что задумал делать, делай — не тяни,
На Тавке-аим скорей меня жени!..

Ответил Кайкубату на эти слова так Алпамыш:

— Не настанет осень — розам не отцвести.
Соловью на куст отцветший не присесть.
Пять ли сот баранов или даже шесть, —
За Тавку-аим такой калым не в честь.
За тобою больше половины есть.
Если ты калым не уплатил сполна,
У меня охоты нет из ямы лезть.
Можешь это в мудрых книгах ты прочесть:
Должен был калым ты начинать с коня.
Хочешь по дешевке шаха дочь иметь?
Не привел коня — так нечего шуметь!
Покидать зиндан нет смысла для меня.

На эти слова Кайкубат Алпамышу так ответил:

— Коль пятьсот баранов — лишь крупица есть,
Жадности твоей где же граница есть?
Сколько на душе забот и страхов есть!
Сколько наказаний мне у шаха есть!

Ай-Тавка моя не чаровница ль есть?
Пегая в остатке кобылица есть, —
Не скажу, конечно, чтоб отборный конь,
Под хурджун годится, — только с места тронь.
Если б кобылицу отдал Қайкубат,
Будет ли тогда конец калыму, сват?
Отдал я тебе всё, чем я был богат.
Что ни приказал ты — я в твоей руке,
Но жени меня скорей на Ай-Тавке!

Алпамыш в ответ такое слово сказал Қайкубату:

— Сердце к положенью твоему склоня,
Так и быть — сочту кобылу за коня.
Ай-Тавку получишь скоро от меня. . . —
Алпамыш сказал из подземелья так.
— Э, уговорил! — возликовал бедняк.
Повод кобылицы Қайкубат схватил,
Свой хурджун чабаний он с нее стащил,
К самому зиндану он ее подвел,
Наземь на краю зиндана уложил,
Ноги ей арканом накрепко скрутил,
Подтолкнул ногами — и в зиндан свалил.
— Э, теперь сполна калым я уплатил! . . —
Голову задрав, бек Алпамыш глядит,
Как в зиндан кобыла пегая летит.
На лету батыр кобылу подхватил,
Этим гибель он ее предотвратил, —
Осмотрел — подумал: «Кляча, а не конь!
Все-таки удача — есть в зиндане конь! . . »

Дни прошли — опять явился Қайкубат:

— Чем меня теперь обрадуешь ты, сват?
Кажется, в расчете мы с тобой уже,
Но тоска всё та же на моей душе.
Так сидеть в зиндане до каких же пор?
Был ведь между нами твердый уговор! . .

Выслушал Қайкубата Алпамыш и говорит ему:

— Нет, Қайкубат, не удовлетворен я, — мал такой калым за шахскую дочь.

А Қайкубат ему, чуть не плача:

— Нечего мне больше в калым давать, — сказал же я тебе — всё уже отдал.

— А раз нечего больше давать, торговлей займись, — говорит ему Алпамыш. — Что выручишь, мне принеси.

— Чем торговать буду? — взмолился Кайкубат. — Где мне товар взять?

— Э, — говорит Алпамыш, — товар я тебе дам. Вот смастерил я из костей несколько чангавузов, девушки любят на чангавузах играть, — поди продай.

Алпамыш из зиндана выбросил наверх сделанные им чангавузы, Кайкубат собрал их, в хурджун положил, подумал:

«Янги-базар Тавкой управляется, — сорок ее девушек наблюдают за базаром, потому и другие девушки любят собираться там. Пойду на Янги-базар, продам скорее».

Отправился он на Янги-базар, стал на чангавузе наигрывать, девушек приманивать. Стоит он, поигрывает, товар свой расхваливает:

— На Янги-базаре стою,
Чангавузы я продаю,
Сам на них играю, пою, —
Мастер Кайкубат знаменит, —
Тили-тули-тиль-тули-ю.
Чангавуз приятно звенит,
Райскому сродни соловью.
Девушкам-красавицам всем
Дешево товар отдаю.
Чангавузы нравятся всем,
Тили-тули-тиль-тули-ю.
Станом вы стройней тополей,
Тело ваше снега белей,
Щеки — яркой розы алей,
Звезд небесных взоры светлей.
Жемчуг — ваши зубы на вид,
Как рубины — губы на вид, —
Все вы райских гурий милей!
Словно звонкострунный комуз,
Сладкозвучен мой чангавуз.
Девушки-красавицы, эй,
Несколько грошей не жалей,
Тили-тули-тиль-тули-ю, —
Чангавузы я продаю.
Мастер Кайкубат я зовусь, —
Эй, кому продам чангавуз?
Яблочек румянее вы,
Роз благоуханнее вы, —

Эй, кому, кому чангавуз?
Чангавуз купить поспеши,
Радости себя не лиши,
Отдаю товар за гроши.
Девушки, что краше весны,
Если вы деньгами бедны,
У кого лепешки вкусны,
Хоть они кислы, хоть пресны, —
Тоже мне в уплату годны, —
Чангавузу — пара цена,
Меньше нет на свете цены.
Чангавузы я продаю.
Тили-тули-тиль-тули-ю.

Много девушек собралось вокруг него — слушали, как он на чангавузе играет, песенкой товар свой расхваливая. Стали некоторые из них чангавузы перебирать, поигрывать — звук пробовать. Одна взяла, другая взяла, у остальных глаза разгорелись; стали девушки наперебой чангавузы у Кайкубата разбирать, так музыка им понравилась. Суют они Кайкубату по две лепешки, — очень довольны все. А Кайкубат — смотрите-ка на него, как ловко дело повел, сколько лепешек наторговал, — не успеваешь в хурджун складывать!

Подходят в это время сорок девушек Ай-Тавки, тоже разохотились, продать им чангавузы просят.

— Э, — говорит им Кайкубат, — кто одоздал, тот счастья не застал, — ни одного нет больше. Еще приготовлю — на этом же месте открою торговлю, — и вам, если нравится, достанется тоже, только брать, красавицы, стану теперь дороже.

— Принеси, принеси, братец! — зашумели девушки Тавки-аим. — Возьми с нас задаток пока. — А сами тоже дали ему по две лепешки.

— Ладно, — сказал Кайкубат, — обязательно принесу! — А сам радуется, думает: «Хорошо моя торговля пошла, чангавузами торгуя, остаток калыма хлебом внесу».

Вернулся он к зиндану — сбросил весь хлеб Алпамышу:

— Смотри, сколько наторговал!

Алпамыш между тем выбрасывает ему еще один чангавуз и так говорит:

— С этим чангавузом на Янги-базар не ходи, а отправляйся в сад, где прогуливается Тавка, и начни играть. Только смотри — девушкам не показывайся, а увидят они тебя — в руки им не давайся. Спрашивать станут — молчи, ничего не говори обо мне, скажи — сам сделал. Проговорись —

всё дело свое испортишь. А если девушки гнаться за тобой станут, сумеешь ли убежать от них?

Отвечает Кайкубат:

— Толстушки мягки, как подушки, величавы, как павы; худышки — как мышки вертлявы, ногами дрыгают, как козочки прыгают, а за мной не угонятся, — быть того не может, чтобы я не убежал от них. . . — Сказал так Кайкубат — и давай прыгать туда-сюда через зиндан.

— Ай ты, плешь, смотри, в зиндан свалишься, мне и без тебя тесно тут!

Испугался Кайкубат, взял чангавуз, отправился, пришел к саду шахской дочери, перелез в незаметном месте через дувал, спрятался под лопухом — и стал на чангавузе наигрывать. Услыхала Ай-Тавка — вышла с сорока девушками своими в сад, стали искать, кто играет, подошли к лопуху тому, а Кайкубат как выскочит из-под него — и давай бежать. Тавка-аим вместе с сорока девушками за беглецом бросилась и такие слова говорит:

— Э, хитер-хитер Кайкубат!
Нас поверг в позор Кайкубат, —
Не дал чангавуз нам отнять.
Нам ли беглеца не догнать! —
Кинулись в погоню за ним,
Сорок и одна за одним,
В руки не дается он им.
Горе им с плешивцем таким!
Был почти в руках — а ушел,
Девушки: — Ах, ах! — а ушел.
Прыгает, как горный козел.
Столько он красавиц провел!
Справа обойдут — ускользнет,
Слева — он и тут ускользнет,
Эту — головою боднет,
Эту — на бегу ушипнет.
Та ему навстречу спешит,
Вытянула руки: — Стой! Стой! —
А поймает воздух пустой,
Со стыдом на землю летит.
Кайкубат, плешивый хитрец,
Ржет, как молодой жеребец.
Сколько он красавиц провел,
Силы их лишил наконец!
Но, неумоимо ловка,
Гонится за ним Ай-Тавка.

Чуть уж не настигла — ага!
Снова увернулся чабан.
Тут и промахнулся чабан:
В скользкое попала нога —
Сразу растянулся чабан.
Так и был он схвачен Тавкой,
Кайкубат злосчастный такой!..

Сорок сверстниц Ай-Тавки того и ждут:
Все пришли в себя — на помощь к ней бегут,
Палками нещадно Кайкубата бьют.
— Чангавуз кто сделал, признавайся нам! —
Кайкубат упрямо отвечает: — Сам!
— Эх ты, невезучий! — говорят они. —
Признавайся лучше! — говорят они. —
Кем ты лгать научен? — говорят они. —
Грех ведь перед небом! — говорят они. —
Битым, видно, не был! — говорят они. —
Отвечай скорей, кто сделал чангавуз,
Иль живым от нас не уберешься, трус!..

Тут Кайкубат, к девушкам обращаясь, возопил так:

— Если я вам лгу, пусть кровью обольюсь!
Каждый ваш удар, — скажу — не ошибусь, —
Будто скорпиона иль змеи укус!
Только палочка Тавки-аим, клянусь,
Кажется приятней масла мне на вкус.
Знай, что я в тебя влюблен, Тавка-аим!
Я ведь за тебя вношу большой калым!
Если суждено мне мужем быть твоим,
Палкой, Ай-Тавка, не мучила б меня,
А поцеловала б лучше ты меня!..

Рассердились девушки еще больше, снова стали поколачивать Кайкубата палками, но Ай-Тавка остановила их:
— Хватит с него пока! Привяжите его к этому дереву, потом подумаем, что делать с ним.

Привязали девушки Кайкубата к дереву, а сами вместе с Тавкой прилегли в саду отдохнуть. Очень утомились они, бегая на солнце за Кайкубатом, — как только прилегли, так и уснули. А Тавка-аим не спала. Встала — направилась к своему пленнику. Девушки все-таки не на шутку Кайкубата избили, — всё тело его ныло теперь. Увидал он, что шахская дочь опять к нему направляется, испугался, подумал:

«Ну, если она снова колотить меня станет — непременно убьет. Уж лучше скажу ей всю правду, что будет, то будет!»

Подошла к нему шахская дочь — спрашивает:

— Ну, кто чангавуз сделал? Скажешь, нет ли?

— Скажу, скажу, — отвечает Кайкубат, — сделал его Алпамыш, узбекский пленник, сидящий в зиндане.

— Чем столько палок отведать, не лучше ли тебе было сразу признаться? — сказала Ай-Тавка.

Отвечает ей Кайкубат:

— Ус покручу — ты не понимаешь, бровью поведу, глазом подмигну — мол, в укромном местечке надо мне поговорить с тобой наедине, — ты тоже не понимаешь. Что ты за девушка, Ай-Тавка, если не знаешь такого языка?

Рассмеялась Ай-Тавка и говорит:

— Слыхала я, что у отца моего, шаха, есть какой-то узник по имени Алпамыш. Только спрашивать о нем отец мой строго запрещает, имени его даже не позволяет произносить. Правда ли, что Алпамыш этот и на людей не похож, а какое-то чудовище с виду, вроде беркута? Другие, впрочем, говорят, что красавец он необыкновенный, батыр прославленный.

— Что правда, то правда, — отвечает Кайкубат. — Если бы ты увидела его, сразу бы он тебе понравился.

Говорит Кайкубату Ай-Тавка:

— Если не хочешь сам в зиндане очутиться, то веди меня сейчас же к этому Алпамышу: давно уже мечтаю повидать его, какой он есть, этот витязь узбекский.

— Ладно! — отвечает Кайкубат. — Однако так ты меня с девушками своими избрала, что пешком не дойду я, путь туда далекий. Если дашь коня оседланного — поеду, не дашь — с места не встану.

Загорелось Тавке с Алпамышем повидаться. Пошла она на конюшню отцовскую, дала конюху золотую монету, оседлал он ей двух коней хороших. Привела она коней к тому дереву, к которому Кайкубат привязан был, освободила его и говорит:

— Если кто по дороге остановит, говори, что в стадо к тебе направляюсь я козлика своего проведать. Только смотри — не болтай дорогой лишнего: мне-то простится, а ты непременно в зиндан попадешь, а то и головы лишишься.

Едут они. Кайкубат доволен, радуется: и наказания избег, и с шахской дочерью рядом на шахском коне верхом едет, ни на малого, ни на большого не глядя! Думает он:

«Если она послушалась меня — ясно, что сердце ее ко мне склонно, — хочет она, видимо, подальше от девушек своих наедине со мною побыть!..»

Счастлив Кайкубат. А Тавка в это время такое слово говорит:

— Уж давно, едва о нем прослышала,
Стала тосковать по Алпамышу я.
Необыкновенный витязь, говорят!
Не сочти за шутку то, что я скажу, —
Кажется, заглазно я его люблю.
Много тайных мук из-за него терплю!
Что за человек, пойду-ка погляжу.
Если о здоровье у него спрошу,
Этим я его ничуть не оскорблю.
Может быть, ему я службу сослужу...
Что-то слишком долго мы к нему идем,
Правильным ли ты меня ведешь путем?
Близко подойдем — стань в сторону потом,
Разговор такой нельзя вести втроем.

Услыхал Кайкубат слова шахской дочери, приревновал ее к Алпамышу и так сказал:

— Э, красавица, тебя мне очень жаль:
Ехать стоит ли тебе в такую даль?
Лишнюю зачем на сердце брать печаль?
На твою любовь ответит он едва ль.
Всё равно ему не можешь ты помочь,
Тот зиндан глубок и темен, словно ночь.
Если Тайча-хан узнает, твой отец,
И тебе ведь снимет голову он прочь.
Знай, Тавка-аим, что ты — моя мечта!
Красотой ты вся, как роза, налита,
Сна меня твоя лишила красота.
Этой страстью весь измучен, иссушен,
Я не только сна, я разума лишен!..

Тем временем подъезжают они к зиндану. Тавка-аим в зиндан заглядывает — действительно глубок зиндан, темно в нем как ночью! Смотрит Ай-Тавка в темную глубину зиндана — и зиндан, красотой ее озаренный, становится свет-

лым. Видит шахская дочь сокола Алпамыша на дне ямы я,
о здоровье справившись, такое слово ему говорит:

— Узник! Ай-Тавка, дочь шаха, пред тобой.
Быть готова я всю жизнь твоей рабой.
Если мне твоей спасительницей стать,
Кем ты станешь сам красавице такой?
Знай: мои богатства трудно сосчитать,
Шелковым тюрбаном мне дано блистать,
Красотой, как солнцу ясному, сиять.
Молодой и стройный тополь мне под стать...
Если бы судьба для счастья моего
Мне бы на тебя хотела указать
И твоей служанкой стала б я, то кем
Ты, кто здесь в зиндане обречен страдать,
Сам хотел бы стать красавице такой?
О тебе давно я думаю с тоской.
Сердцу моему вернешь ли ты покой?
Ты сидишь на дне зиндана столько лет, —
Униженья хуже для батыра нет.
Дай же кольцекудрой Ай-Тавке ответ:
Если бы ты был освобожден Тавкой,
Кем бы стать хотел красавице такой?

Алпамыш, выслушав слова Ай-Тавки, так ей ответил:

— Шахской дочери ли слышу я слова?
У меня от них кружится голова.
Знаю, о красе твоей шумит молва.
Цель твоя, хотел бы знать я, какова?
Сладкая моя душа попала в ад,
Я томлюсь в зиндане уж семь лет подряд...
Твой наряд зелено-синий так хорош!
Твой привет мне на чужбине так хорош:
По какой, скажи, причине ты пришла?
Я перед твоим народом виноват,
Сечу задал я — не сечу — Страшный суд!
Но отец твой, шах, виновнее стократ.
Соколом парил я, но сломал крыла.
Я тебе готов ответить, шаха дочь:
В сватовстве-свойстве я быть с тобой не прочь.
Из страны своей я соколом взлетел, —
У тебя в стране в зиндан глубокий сел!
Если хочешь мне, красавица, помочь,
Свояком твоим считаться б я хотел...

Выслушав эти слова, оскорбленная шахская дочь повернула было в обратный путь и так Кайкубату сказала:

— Кайкубат! Алпамыша, невежу этого, тебе уступаю. Я к нему пришла не свойства-сватовства искать: братьев-дядьев, свояков-зятьев и прочей родни всякой у меня и без него хватает. Если он сердца моего не понял, пусть сидит в зиндане своем!..

Очень обиделась Ай-Тавка.

Смекнул Кайкубат, что не на руку ему обида ее. Подошел он к зиндану, так сказал Алпамышу:

— Сват! Сказать ей: «Мужем твоим согласен стать» — не лучше ли было бы?

Алпамыш ему:

— Сказать можно было, да подумал я, что слово такое на сердце тебе падет, — огорчать не хотел тебя.

Говорит Кайкубат:

— Если совесть твоя чиста передо мною, скажи так. Пусть освободит тебя, а там видно будет. Если в зиндане останешься, без тебя как я получу ее?

— Позови ее обратно, — говорит Алпамыш.

Догнал Кайкубат Ай-Тавку, сказал:

— Вернуться тебя Алпамыш просит, не поняла ты его, — мужем твоим стать он согласен.

Возвратилась Тавка-аим и такие слова Алпамышу сказала:

— В день печальный причитают, ой, дад-дад!

Возвратил меня с дороги Кайкубат.

В этой яме ты при жизни ввергнут в ад!

Кем ты станешь мне, освобожденный мной?

В благоденствии живет мой край родной,

Ты со мною здесь попал бы в рай земной,

Сладкие с тобой беседы б я вела,

Чтила бы тебя, как бога, идол мой!

Мной освобожденный, кем ты станешь мне?

Отвечает ей Алпамыш:

— Коль в саду мы шахском будем жить вдвоем,
Весело, любя друг друга, заживем.

Если в мой родной Конграт со мной пойдешь,
Спутника и мужа ты во мне найдешь!..

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Вернулась Тавка-аим к себе — думала, думала, надумала подземный ход рыть от своего дворца до самого зиндана.

Тот забудь покой, кто страстью одержим:
Нет путей прямых — пойдет путем кривым;
На земле ему дорогу преградим —
Он и под землей пройдет, неуловим.
Сердцем Ай-Тавки так завладел Хаким,
Что не побоялась под дворцом своим
Прокопать подземный ход Тавка-аим.
Ждать готова хоть бы год Тавка-аим...
Ей людей надежных удалось достать,
К ним она выходит наставленья дать:

— Раньше осени цветам не увядать!
Клятву, землекопы, вы должны мне дать:
Нужно это дело в тайне соблюдать.
Если вы о нем не будете болтать,
Можете большой награды ожидать.
Не должна работа ваша быть слышна,
Ни одна душа вас видеть не должна.
Землю только ночью можно выносить,
Незаметно, осторожно выносить... —
Дни идут, проходят месяцы — и вот
Подведен к зиндану тот подземный ход.
Людям Ай-Тавка опять наказ дает:
— Вам теперь на волю уходить пора.
Вы усердны были, буду я щедра.
Худа вам не знать, желаю вам добра,
До ста лет живите, но и в смертный час
Тайну да не выдаст ни один из вас... —
Землекопов так предупредив, она
В тот подземный ход спускается одна.
При ходьбе сгибаться даже не должна,
В человеческий рост подкопа вышина.
Выдумкой своей Тавка восхищена:
Может Алпамыша навещать она!
Службой Ай-Тавки доволен будет он,
Будет Ай-Тавкою он освобожден...
Так Тавка-аим к зиндану подошла.
Шла она сюда — веселая была,
А пришла — досада сердце обожгла.

Э, нехороши Тавки-аим дела!
Где ее надежда, где веселье то?
Оказалось ведь — не только что войти
Алпамыш не может в подземелье то, —
Он в него не может даже и вползти.
Из зиндана в тот подземный ход едва
Великанская пробилась голова...
Гладит его шею, плача, Ай-Тавка,
Ведь ее надежда так была сладка,
Но судьба, как видно, слишком жестока, —
Должен Алпамыш в зиндане жить пока!
Всё же утешает он Тавку-аим:
— Приходи, — хоть тут друг с другом посидим,
Нежною беседой душу уладим...

Ходит Ай-Тавка к зиндану что ни день,
Утешенье великану — что ни день...
А про то, где спуск в подземный ход прорыт,
Девушкам своим Тавка не говорит.
Под почетным местом находился спуск,
Где обычно гость, пришедший в дом, сидит.
Хворостом искусно сверху был накрыт...
Ай-Тавка в зиндан ушла в один из дней, —
Ведьма Сурхаиль пришла неожиданно к ней.
Девушки вскочили, оказав ей честь,
На почетном месте предложили сесть,
Старая карга направилась туда.
В хворосте беды не видя никакой,
Топчет ведьма хворост смелую ногой;
Хворост раздался под старою каргой,
И в провал мгновенно падает она,
Падает, гадая, далеко ль до дна.
Кто б такую пакость ей подстроить мог?
Хоть бы не разбиться, не лишиться ног!
Спуск в подземный ход хотя и был глубок,
Только не отвесно крут, а чуть отлог.
Ведьма уцелела, лишь расшибла бок:
Ей калмыцкий бог, наверное, помог.
Но куда упала — старой невдомек.
На ноги она вполне живой встает —
Темным подземельем всё вперед бредет,
Думает: когда же хитрый Тайча-хан
Втайне от нее грорыл подземный ход
И куда подземный этот ход ведет?

Тут-то Сурхаиль увидела зиндан
И Тавку-аим в зиндане застаёт...

Увидала старуха Тавку с Алпамышем — и такое слово
сказала:

— Говорить хочу я не шутя с тобой:
Что произошло, Тавка-дитя, с тобой?
Или стала я на склоне дней слепой,
Иль наряд твой не зелено-голубой?
Иль в моем краю джигитов знатных нет?
Сдохнуть бы тебе, Тавка, во цвете лет!
Как тебя прельстил подобный людоед?!
Речь мою, Тавка, дослушай до конца:
Шаха ты позоришь, своего отца.
Думала ль, что здесь тебя застану я?
Лучше б не дошла живой к зиндану я!
Шаха дочь подземным ходом из дворца
Бегать на свиданье к узнику должна?!
Видно, ты совсем, Тавка, развращена.
Сдохнешь — будет честь отца отомщена!.. —
Ведьма Сурхаиль всё это говорит,
Не в зиндане стоя, а у входа лишь.
Слушает слова такие Алпамыш,
Слушает — и львиной яростью горит.
Но не по Хакиму был подкоп прорыт:
Пролезать могла одна лишь голова!
Неужель за все поносные слова
Так и не ответит старая сова?!
Сурхаиль меж тем пустилась наутек.
Алпамыш кричит Тавке: — Беги, беги!
Догони — поймай! Быстрей сайги беги! —
Ноги были очень длинны у карги:
Скачет, словно заяц, и чертит круги.
От Тавки спасаясь, как всегда хитра,
То она туда метнется, то сюда.
Но была она, однако же, стара,
А Тавка-аим резва и молода.
Вот она каргу настигла, изловчась,
За подол схватила и, в него вцепясь,
Держит, упустить коварную боясь.
Весь остаток сил старуха напрягла,
Как рванулась — так и затрещала бязь, —
У Тавки в руке оторванный подол!
С тряпкою в руке застыла Ай-Тавка,

А пришла в себя — старуха далека.
Вновь Тавка за ней в погоню понеслась,
Но коварной ведьмы след простыл — спаслась!

Благополучно выбралась старуха из подземелья, к шаху сразу побежала — и такое слово ему говорит:

— Кланяюсь тебе я в ноги! — говорит, —
Погибаю от тревоги! — говорит.

Ведьма, стоя на пороге, говорит:

— Голову тебе, мой шах, в залог даю —
От тебя я ничего не утаю:
С Алпамышем я видала дочь твою!
Поздравляю с зятем! Шуток не шучу,
Суюнчи с тебя я получить хочу.
Если ты и дочь не удержал в руках,
Можешь ли народом управлять, мой шах?!
Эта дочь твоя в девических летах
Стала ведь распутной на твоих глазах!

Вскочил с места шах калмыцкий и, на Сурханль разгневавшись, так сказал:

— Сама же ты привела ко мне беду и сама приходишь с жалобой! Не мешало бы осмотрительней быть сначала! Клялась-обещала: я, мол, его изведу! Посидит, мол, под землей — сгниет Алпамыш! А я уже сколько лет только про Алпамыша слышу, а он всё жив, жив, не гнет! Сколько мне из-за него огорчений, забот!..

Отвечает шаху Сурхайль-ведьма:

— Что ни прикажешь — всё в твоей власти. Прикажи пятьсот арб запрячь и ехать им на Зиль-гору. Пусть они там камнями нагрузятся и этими камнями зиндан пусть завалят: сверху будут камни давить Алпамыша, с боков земля прижимать его будет — он и помрет. А уж если от этого не помрет, значит, ничем не изведешь его.

Понравились калмыцкому шаху эти слова — так и приказал он сделать.

Услыхала про это Тавка-айм, вышла арбакешам навстречу и такое слово сказала им:

— Слову моему красноречивым быть,
Слову быть красивым и правдивым быть,
Славе недруга — остывшим пеплом быть!

Земляки мои! Коней вы запрягли, —
Каждому из вас живым-здоровым быть,
Вашему пути, друзья, счастливым быть!
Всё же в этот путь зачем пускаться вам?
Дружеским моим поверьте вы словам:
Камни с гор возить не так легко коням,
Эти камни службу не сослужат вам, —
Что вам ездить зря по ведьминым делам?
Головы она преступно кружит вам!
Слушайте меня — езжайте по домам.
Вам, работникам, не скажет Сурхайль,
Что вас ждет на той горе проклятой Зиль:
Там живет свирепый огненный дракон,
Встретитесь ему — всех уничтожит он.
Проглотить способен даже гору он!
Весь ваш караван на гибель обречен,
С муками и смертью путь ваш сопряжен —
Пожалейте ваши семьи, ваших жен!
Ехать может тот, кто разума лишен.
Этим делом не прельщайтесь, говорю,
Арбакешы, возвращайтесь, говорю! . .

Встали арбакешы — отвечают ей:

— Ячменем и сеном покормив коней,
В горы едем не по воле мы своей, —
Посылает нас отец твой, Тайча-хан.
Выпал снег — следы оставит караван.
Нас — пятьсот, и все мы вооружены.
Хоть и были б мы драконом сожжены,
Шахское веленье выполнить должны.

Не послушались арбакешы совета Ай-Тавки, отправились на ту гору Зиль. Вернулась Тавка-аим к себе, прошла в зиндан — и говорит такое слово Алпамышу:

— Словно нитка бус жемчужных порвалась, —
Я роняю слезы целый день из глаз.
Светоч утешенья моего погас:
Нитка дней твоих, любимый, пресекалась,
Счастья твоего с тебя упал венец:
В этом бренном мире милый — не жилец,
Схвачен он, как видно, смертью наконец.
Слушай, Алпамыш, батыр мой, удалец:
Все-таки тебя погубит мой отец!

Стало ведомо одно мне дело здесь:
Ты умрешь, свое оставив тело здесь —
Не в земле конгратской, а в земле чужой!
Я тебе служить мечтала всей душой,
Быть твоей рабой, твоей сестрой меньшей.
Но не ехать мне с тобой в тот путь большой,
Не прибыть с тобою в твой Конграт родной,
Не зажечь твоею преданной женой,
И тебе не ведать радости со мной.
Ой, вот-вот порвется жизни твоей нить,
Суждено тебе в чужой земле изгнать:
Скоро, мой султан, тебя должны казнить!
Этой казни ведь не знает мой султан,
Заживо хотят его похоронить! . .
Лик девичий мой был, как тюльпан, румян, —
Станет он от скорби желтым, как шафран.
Алпамыш — глава Конграта — не в черед
На чужбине в одиночестве умрет,
И о том узнать не смогут никогда
Ни родня его, ни весь его народ! . .

Алпамыш, желая утешить сердечно к нему привязавшуюся Ай-Тавку, говорит ей так:

— В мире брэнном — жизни без кончины нет,
Не сужденной смерти ни единой нет
Ни людской душе и ни мушиной! Нет,
Страхам за меня, мой друг, Тавка-аим,
Достоверной все-таки причины нет:
Знай, что Алпамыша нелегко убить,
Поживу еще на свете, может быть.
Рады бы калмыки известить меня,
Ждет отец твой, шах, семь лет такого дня,
Хоть и не бывает дыма без огня,
Но всего дымней сырая головня;
Это всё, быть может, только болтовня,
Вражеское лишь пустое хвастовство:
Непременно, мол, теперь казним его!
Не горюй же ты заране, Тавкаджан.
Хоть сию семь лет в зиндане, Тавкаджан,
Хоть унижен я, но я — конгратский хан,
Может быть, покину вражеский зиндан. . .
Горько я тоскую по родной стране,

Думаю всё время о своем коне:
Жив ли он еще, мой Байчибар, мой конь?
Вспоминает ли меня тулпар мой, конь?
Узниками стать случилось нам двоим, —
Не остался ль я без крыл, Тавка-аим,
Не был ли убит мой конь отцом твоим?
Просьбу мою, вопль мой, Ай-Тавка, услышь:
О коне узнать так жаждет Алпамыш,
Вестью о коне меня ты окрылишь!
Милая калмычка, столько слез не лей,
Дивные свои глаза ты пожалей,
Хоронить меня еще причины нет.
Узником в зиндане сидя столько лет,
Добротой твоей, как солнцем, я согрет,
Будь мне навсегда святынею твой след!
О моем коне правдивый дай ответ.

Дочь калмыцкого хана тоже такое слово сказала Алпамышу:

— Хоть не знаю я, какой твой конь на вид, —
На конюшне ханской конь один стоит.
Я скажу приметы: он или не он —
Не клеймом калмыцким этот конь клеймен;
Слух слыхала я — он якобы пленен;
Выше бабок конь гвоздями прогвожден,
Он чугунную колодой пригнетен, —
Вес колоды — сто батман без десяти. . .
Если конь не твой, ошибку мне прости.
На ноги не может конь-бедняга встать,
Голову не в силах от земли поднять.
Так уже лет семь он вынужден страдать.
У калмыков страх большой перед конем:
Говорят, что разум у коня — людской,
Человеческой тоскует, мол, тоской.
Говорят калмыки: он — такой-сякой,
Нам иных людей опасней, — говорят.
Про коня такие басни говорят!
Родина коня — слыхала я — Конграт,
Ездил на коне — слыхала я — узбек.
Терпит конь мученья столько лет подряд,
В муках и закончит он свой конский век:
Ни один за ним не ходит человек,
Ни зерна ему, ни сена не дают,

Походя его чем ни попало бьют,
Походя в глаза печальные плюют...

Выслушал Алпамыш слова Тавки-аим и так ей ска-
зал:

— Знай: пришлось врагам, чтобы пленить меня,
Злым снотворным зельем опить меня;
Чтобы в эту яму заточить меня,
Конской силою пришлось тащить меня.
Мой же верный конь меня и приволок:
Мучили его — что он поделаться мог!
Совесть Байчибара предо мной чиста,
Знает — я отрублен был с его хвоста.
Всё же мой Чибар тоскует неспроста:
Думая, что был я на куски разбит,
Конь мой безутешно обо мне скорбит...
Ухо, Ай-Тавка, склони к моим словам:
Дорога мне участь верного слуги,
Вызволить коня из плена помоги, —
Пусть не торжествуют надо мной враги!
Вот тебе пучок сухой травы исырк, —
К запаху ее мой верный конь привык, —
С этою травой пахучею беги
К стойлу Байчибара, там ее зажги,
Чтобы не заметил ни один калмык.
Дым травы душистой до его ноздрей
Лишь дойдет — и сразу станет конь бодрей:
Он почует запах родины своей,
Сразу же поймет: его хозяин жив!
Поспеши, беги, красавица, быстрее!..

Тот пучок травы Тавка-аим взяла,
С той исырк-травой поспешно в путь пошла,
До конюшен шахских травку донесла,
От конюших прячась, травку подожгла.
Дым исырк-травы ноздрей коня достиг, —
Конская душа вся просветлела вмиг:
Вспомнилось лошадке, что сухой исырк
Алпамыш с собой в походы брать привык.
Словно возрожден душистою травой,
Понял Байчибар, что бек Хаким — живой.
Конь семь лет лежал с поникшей головой, —

Тут он сразу встал, свободно задышал,
Голову задрал и весело заржал.
Тут в куски распалась и колода та,
Гвозди стали сами выпадать из ног...
Вольный из конюшни мчится скакунок,
Скачет через всю столицу скакунок.
То не гром в горах — то Байчибаров скок!
Ждет коня в зиндане богатырь ездок, —
Держит путь Чибар туда, к Мурад-Тюбе.
Слышит брань калмыков: — Сдохнуть бы тебе! —
«Этот конь узбека, — думают они, —
Был семь лет калека! — думают они. —
Может быть, семь лет притворствовал, хитрец,
Может быть, стервец, взбесился под конец?!»
Скачет Байчибар, кто встречный — тот мертвец!
Все калмыки тут в смятение пришли, —
Лучше б, мол, они такую тварь сожгли!
А Чибар иное чудо сотворил:
Пару он раскрыл своих незримых крыл,
Над землей теперь гагарою парил!
Полюбуйся-ка, что за чубарый конь:
Видано ль, чтоб мог летать гагарой конь?!
У зиндана конь приветственно заржал,
Он зиндан семижды рысью obeжал,
Заглянувши вглубь, Хакима увидал —
И, каким бывал, таким же снова стал,
Словно никаких он мук не испытал...

Алпамыш, увидав коня своего, обрадовался и стал молитву шептать, прося святых чильтанов помочь ему выкарабкаться из зиндана.

Вновь и вновь слова молитвы он твердит
И с надеждой вверх из глубины глядит.
Над жерлом зиндана конь его стоит,
Своего хвоста он ощущает рост:
Что ни миг, то всё длиннее хвост, пышней,
Вырастает ровно в сорок саженей!
Тут Чибар в зиндан свой погружает хвост.
Хвост Хаким увидел — и возликовал,
Не напрасно он спасенья ожидал!
Сорокасаженным тем хвостом свой стан
Алпамыш-батыр покрепче обмотал, —

Обвязавшись, крикнул он коню: — Тяни!
Ты моих надежд, мой конь, не обмани.
Вытянешь — заблещут снова счастья дни!.. —
Байчибар надежд его не обманул:
Голову к земле, натужась, он пригнул,
На своем хвосте батыра потянул —
Вытянул! На вольный мир батыр взглянул.
Осмотрел он сбрую на коне, вздохнул:
Видит, что порядка в конской сбруе нет,
Истрепалась, ветхой стала за семь лет.
Алпамыш подпругу друга отвязал,
Пот и грязь с него соскребивать он стал, —
Надо же коня в порядок привести!
Много всякой дряни завелось в шерсти,
Стал ногтями шерсть усердно он скрести.
Нравится коню хозяина уход,
Кротко он стоит и благодарно ржет...

А со стороны вершины Зиль сюда
Караван груженных камнем арб идет.
Много потрудясь и претерпев невзгод,
Арбакешей приближается народ.
Ехали-спешили, прибыли, глядят —
Собственным глазам поверить не хотят.
Думают: «Ужель мы все сошли с ума?»
Смотрят — на вершине лысого холма
Конь стоит, а рядом — человек один,
Издали заметно — грозный исполин.
Кто же он, такой могучий великан,
Коль не Алпамыш, покинувший зиндан?
Чьими же руками он освобожден?
Для чего же этот камень привезен?
Каждый арбакеш смертельно утрашен:
— Этот Алпамыш — не он ли тот дракон,
С Зиль-горы пришедший на Мурад-Тюбе?
Пропадай в степи и кони и арбы! —
Покидая всё на произвол судьбы,
Арбакеша эти, все пятьсот как есть,
Пешие бегут — приносят в город весть...
Люди Тайча-хану весть передают:
— Алпамыш сбежал из ямы! — говорят. —
С ним и конь его, тот самый! — говорят.
Есть тому полтыщи очевидцев, шах!
Поскорей изволь распорядиться, шах!

— Окружить столицу! — шах дает приказ. —
Запереть границу! — шах дает приказ. —
Войску снарядиться! — шах дает приказ. —
Изловить узбека и вернуть назад
Или — насмерть биться! — шах приказ дает. . .
Переполошив и взрослых и ребят,
По столице трубы медные трубят,
Шахские гонцы во все концы летят,
И, вооружась, отряду вслед отряд
Конники-сипахи по степям пылят.
Вся страна в тревоге: Алпамыш сбежал!
Те, которым шах семь лет тому назад
Раздавал баранов из узбекских стад,
В ужасе теперь друг другу говорят:
— Счастлив, кто таких не получал наград!

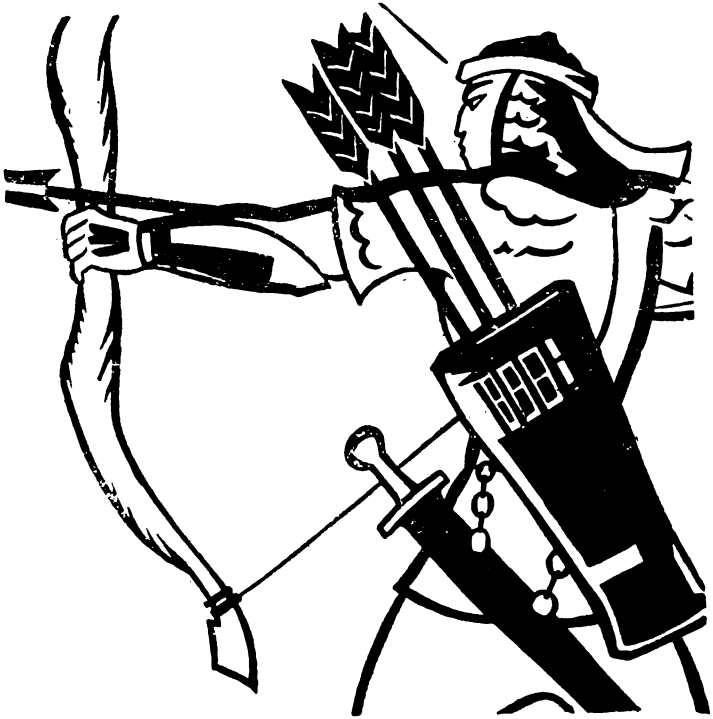
Увидев приближающееся калмыцкое войско, Алпамыш взял оружие в руки, сел на коня и, на врага идя, сказал такие слова:

— Счастье, надо мной воспарил,
Голову мою озари,
Недруга во прах изотри!
Враг мой, шах калмыцкий, смотри —
Трона и венца не лишись!
Силою моей уstraшен,
Ты уже рассудка лишен.
Всех своих наложниц и жен,
Враг мой, шах, смотри не лишись!
Мы тебя, злодей, сокрушим,
Голову отсечь поспешим.
Правишь ты народом большим, —
Подданных, смотри, не лишись!
Тяжек был твой гнет надо мной,
Дорогой заплатишь ценой.
Правишь ты большою страной —
Царства своего не лишись! . .
Ну, мой кровный недруг, держись!
Силы ваши сколь велики!
Я, имея две лишь руки,
Ваши уничтожу полки.
Всем вам час последний приспел:
Кто из вас останется цел,
Тот мой увидит дела —

Мир таких не видывал дел!
Я предостеречь вас хотел:
Ринусь в битву — мир изумлю,
Небо я над вами затмлю! . . —
На полки врагов он взглянул,
Скакуна-тулпара стегнул,
Повод на себя потянул —
Выехал калмыков встречать,
Словно разъяренный дракон,
Гневом на врагов он дохнул.
Не землетрясения гул
Поле боевое потрянул,
Это изумления гул
Шахские войска всколыхнул.
Но пришли калмыки в себя:
Мультики гремят и палят.
Пули над майданом летят.
Не страшась огня мультиков,
На неисчислимых врагов
Скачет исполин Алпамыш,
Против тысяч — один Алпамыш!
Пушки на майдане гремят,
Ядра на майдане свистят,
Но и сквозь огонь и сквозь дым —
Скачет Алпамыш невредим!
Ну-ка, на него поглядим:
Пращники рядами стоят —
Камни пращевые свистят;
Лучники рядами стоят —
Стрелы боевые свистят;
Ружья кремневые палят,
Пушки огневые гремят —
Алпамышу — всё нипочем!
Правым развернувшись плечом,
Левым развернувшись плечом,
Машет он алмазным мечом,
Головы калмыкам сечет,
Кровь на поле брани течет,
Красное струится вино —
Алпамыш-батыр его льет,
Шлемом золотым его пьет.
Видишь ты, каков исполин,
С тысячами бьется один!
Кони ржут, и трубы трубят;
В яром гневѣ зубы скрипят;

Раненые смертно хрипят;
Головы и трупы врагов
Конские копыта дробят...
Бой неравносильный ведя,
Сам себя в бою не щадя,
Кучи мертвых тел громоздя,
Бьется Алпамыш — и никак
Справиться не может с ним враг,
С грозным пахлаваном таким.
Не было отчаянней драк,
Не было храбрее вояк!
Видите, каков он, Хаким:
Словно заколдован Хаким —
Тысячи ему не страшны,
Тысячи им утрашены.
Конные он рубит ряды,
Пешие он губит ряды,
Грозным воплощеньем беды
Кажется врагам он своим.
Многие, в уме не тверды,
Думают: «Что сделаем с ним?»
Наши ль не усердны труды?
Крови мы своей не щадим,
Льем ее обильней воды.
Чем же мы его победим,
Как его разбой прекратим?!
Истинно, он неукротим:
Пулями он не уязвим,
Ядрами он не истребим,
Камнем и стрелой не раним,
Меч-алмаз не властен над ним!
Дьяволом он в битве храним!
Конь его, проклятый Чибар,
Как и сам седок, невредим.
Что же мы, калмыки, глядим?!
Дальше биться — всем погибать!
Без толку зачем погибать?!»
У трусливых такие слова,
У отважных другие слова:
— Нет тому причин, — говорят, —
Чтобы всем удрать! — говорят. —
Нас большая рать, — говорят, —
А узбек один! — говорят. —
Быть того не может, чтоб он
Не был иль убит, иль пленен!.. —

Кру́гом перестроив коней,
Сдвинулись калмыки тесней:
Так, мол, дело будет верней.
Мы его в кольцо, мол, замкнем —
Будет он у нас на виду,
Сызнова рубиться начнем,
Тут и попадет он в беду! . .
Ринулись — гляди-ка, гляди!
Что за силачи впереди:
Медная броня на груди,
Непробойный щит на руке,
Голова — в стальном шишаке.
Скачут — дерзко свищут они,
По майдану рыщут они, —
С Алпамышем, замкнутым в круг,
Сечи-встречи ищут они.
Сходится с одним Хаким-бек —
Снес ему башку на скаку;
Встретился с другим — и отсек
Так же и другому башку;
Третий в поединок вступил —
Участи своей не избег,
Третий обезглавлен им был.
Головы он с маху рубил,
Много тех сипахов убил,
Кровью весь майдан затопил.
Ты только смотри на него:
Все богатыри — на него!
Скопом налетают — глядишь, —
Косит он врагов, что камыш,
Пахлаван-батыр Алпамыш!
Как против него устоишь?!
Трупамн усеян майдан.
Правое ли вражье крыло,
Левое ли вражье крыло
Черный накрывает туман;
Снова их сомненье берет:
— Этот одинокий узбек,
Подлинно ли он человек?
Или он дракон, иль шайтан?
Зря ведь погибает народ!
Нечего, калмыки, нам ждать,
Надо нам, калмыки, бежать! . . —
Вопли, вскрики, крики: — Бежать! —
Воинство их пятится всё,

Спутала сумятица всё:
Разума лишенной толпой
Трус и храбрый вместе бегут,
Прибегают в город они,
Городским базаром бегут.
Видит их купеческий люд:
— Как на поле брани дела? —
На бегу кричат беглецы:
— Время не теряйте, глупцы,
Лавки запирайте, купцы!
Нас покуда смерть не взяла,
Остальные все — мертвецы!
Светопреставление там!
Скоро он появится сам:
Мчится он по нашим следам.
Убегайте, молод и стар! .. —
Словно грянул грома удар,
Сразу всполошился базар:
Убегают все торгошаи,
Многие бросают товар,
С воплями бегут по домам:
— Горе, горе! Гибель нам всем! ..

А на поле брани меж тем
Боем опьяненный Хаким
Рубит одного за другим
Самых удалых смельчаков,
Цвет им перебитых полков,
Тех, кто убегать не хотел.
Но о беглецах не забыв,
Силы всей своей не избыв,
Ринулся в погоню батыр.
В город он ворвался — и вновь
Здесь он проливает их кровь.
Грозен победителя лик!
Где ни попадетсЯ калмык,
Головы лишается вмиг.
Гневом Алпамыш опьянен.
Улицу за улицей он
Обскакал, дракона грозней:
Улица не знала камней,
Он ее головами мостил,
Улица не знала воды,
Кровью он ее оросил.

Так за семилетний зиндан
Недругам своим отомстил
Алпамыш, конгратский султан!

Выскочил он на регистан,
Ведьму Сурхаиль увидал —
Волю тут злорадству он дал.
Путь ей преградив, он сказал:
— Мать, куда спешишь? — говорит. —
Может быть, араком опять
Ты меня угостишь? — говорит.
Ведьма поняла, что умрет.
Слово бы хотела сказать —
Жабий свой разинула рот,
Вертит языком, языку
Слово стало невпроворот,
Только подбородок дрожал.
Алпамыш, как сам Азраил,
Меч над старой ведьмой держал:
Долго он ее не томил,
Надвое башку раскроил. . .
Двинув Байчибара вперед,
Видит он — от шахских ворот,
Сильного коня горяча,
Издали угрозно крича,
Скачет через весь регистан
На него калмык-великан.
Наскочил — коня осадил,
Алпамышу путь заградил:
— Ну-ка ты, узбекский буян,
Бешеный конгратский кабан!
Или ты безумен, иль пьян?
Что же ты, узбек, натворил?!
Сколько ты людей порубил!
Знай, что я — Анка-пахлаван.
Я не выезжал на майдан,
Думал — ты уймешься, смутьян.
Раз ты не унялся, узбек,
Знай, что конченный ты человек:
От меня пощады не жди,
Лучше подобра уходи! —
Слышит те слова Хаким-хан,
Яростью Хаким обуян,
Сходится он тут же с Анкой:

— Даф-ка, — говорит, — погляжу,
Кто ты есть такой да сякой,
Что ты за герой-пахлаван?
Ты не пахлаван, а болван!
Что ты здесь болтаешь, болтун,
Ты кого пугаешь, крикун,
Перед кем кичишься, хвастун,
Перед кем, калмык, ты стоишь,
На кого, бастрык, ты кричишь?
Знай, что я — батыр Алпамыш!
Дерзкий ты ублюдок такой,
Поезжай домой на покой, —
Там жену, детей посмешишь.
Э, как ты артачлив, дурак,
Как ты незадачлив, мой враг!
Видно, не видал ты вояк,
Не знавал с батырами драк!
Не таких, как ты, забияк,
Сокрушал мой левый кулак.
Хоть и мнишь драконом себя,
Разве ты не жалкий червяк?!
Не в своем народе ли так
Хвастать ты, ничтожный, привык:
Я — Анка-батыр, мол, смельчак,
Я, мол, и могуч и велик!
Дерзкий, сумасшедший калмык!
Уличным ты был дурачком,
Потешал народ похвальбой.
Смерть ты увидал пред собой,
Вышел потому на майдан,
Поневоле стал смельчаком.
Сам ты уходи подобру, —
В прах тебя, злосчастный, сотру!.. —
Говорит такие слова
Грозному Анке Хаким-бек,
Очень свысока говорит.
А ему Анка говорит:
— Э, не забывайся, узбек:
Слушай старика, — говорит, —
Знай, что я тебя не боюсь,
Ты в моих глазах, — говорит, —
Вовсе даже не человек!
Снова говорю: уходи,
От меня пощады не жди;
В руки ты мои попади —

Голову тебе я сверну, —
Ты в свою родную страну
Так и не вернешься вовек.
Лучше образумься, узбек!
Караджан — твой друг, я слышал.
Я тебя за то уважал.
Сколько ты калмыков монх
Безнаказанно уничтожал,
Я, однако, долго молчал —
Всё не выезжал на майдан;
Если же я выехал — знай:
Самого себя обвиняй! . . . —
Так сказал Анка-пахлаван.
Смехом отвечал Хаким-хан,
Плеткой Байчибара стегнул,
Повод на себя потянул, —
Взвился на дыбы Байчибар.
А калмык Анка в тот же миг
Палицей тяжелой нанес
Алпамышу в спину удар,
И пронесся мимо калмык.
Только той дубины удар
Алпамыш-батыр ощутил,
Словно бы ужалил комар.
Тут раздул он гнева пожар,
Тут булат свой острый схватил,
Тут коня камчой угостил,
Повода коню припустил —
Вихрем полетел Байчибар,
Недруга настиг Алпамыш,
Обезглавил вмиг Алпамыш.
Словно безголовый чурбан,
Наземь пал Анка-пахлаван,
Сгубленный своей похвальбой. . .
В это время сам Тайча-хан
Выезжает на регистан —
Вызывает Хакима на бой.
В круг его сипахи берут —
Шаха своего берегут.
Шах и Алпамыш меж собой
Битву-поединок ведут.
То, чего не ведывал шах,
Сразу же отведал он тут:
Был он Хаким-ханом убит!

Все его батыры гурьбой
Повели решительный бой,
Что за удивительный бой!
Бой они вели копьевою,
Но ослепли, что ли, они, —
Ведь своих кололи они!
Кое-кто остался в живых, —
Алпамыш не трогает их.
Сдаться принуждает он их.

Убив калмыцкого шаха, устранив калмыков, обезжал бек Алпамыш, как победитель, калмыцкую столицу. Тут попадаетея ему чабан Кайкубат. Говорит ему Алпамыш:

— Когда мы в зиндане сидели, ты, Кайкубат, много нам удружил-послужил. Я убил калмыцкого шаха Тайчу, — хочу, чтобы ты был шахом этой страны. Мы обещаньям своим верны, на Тавке-аним, шахской дочери, мы тебя женить хотим. От калмыков счастье откочевало, — наше время настало. Много ты нам оказал услуг, — теперь, мой друг, управляй этой страной, что хочешь, то и делай. Твое право. Царствуй на славу, кого хочешь — милуй, кого хочешь — карай: ты -- шах! Но только калмыцкий этот край держи в руках. Должен ты себя показать нашим угнетателям, калмыкам, большим силачом, грозным правителем. Для этого начинай с меня: как увидишь меня перед народом, говори со мной властно, грозно, ни за какое твое грубое слово я на тебя не обижусь. Пусть я для вида пред тобою унижусь.

Эти слова сказав, собрал Алпамыш всех калмыков, а Кайкубат, будто ничего не зная, палку волоча, подходит к нему и, палкой размахивая, грозно кричит на него:

— Что тут натворил, глупец-мальчишка, ты!
Разбуянился, я вижу, слишком ты!
Сколько ты калмыков ни за что сгубил,
Шаха самого калмыцкого убил!
Я сейчас уйму мальчишеский твой пыл.
Где ты, озорник, булат свой раздобыл?
Зря рубить людей кто дал тебе права?
Захотел щенок пойти тропюю льва?
Видно, не видал ты пред собою льва!
Прочу тебя — поймешь мои слова:

Сила у меня — ты знаешь какова?
Кулаки мои не лезут в рукава!
Сразу отучу тебя от озорства.
За твое бесчинство — голову б отсечь, —
Стыдно на мальчишку поднимать мне меч:
Палкою простой поколочу тебя, —
От самоуправства отучу тебя!..

Алпамыш выслушал притворно-грозные слова Кайкубата и такое почтительное слово сказал ему в ответ:

— Как бы ни был грозен ты со мною, брат,
Я тебе во всем повиноваться рад.
Славишься ты силой всюду, Кайкубат,
Но калмыки лишь не ведали о том,
Что батыр скрывался в пастухе простом.
Я же сам давно отлично это знал,
Никогда себя с тобою не равнял,
Голову всегда перед тобой склонял;
Быть тебе опорой с детства я решил,
В честь тебя я много подвигов свершил, —
Преданную службу я тебе служил.
У тебя учиться храбрости, уму
Я от всей души мечтал — и потому
Покорюсь любому слову твоему.
Если и побьешь, себе за честь приму.
Места нет во мне обидам на тебя.
Шаха дочь, Тавку, я выдам за тебя,
Самого тебя я шахом объявлю!

Кайкубат на эти слова так Алпамышу ответил:

— Я доволен речью дружеской твоей.
Преданность свою мне доказать сумей:
Ну-ка, Ай-Тавку доставь мне поживей!
Я тебя пока, пожалуй, пощажу, —
Дела не исполнишь — сильно накажу!.. —
Низко поклонившись, Алпамыш бежит,
Службу Кайкубату сослужить спешит,
Похвалой его, как видно, дорожит.
А народ калмыцкий, затаивши дух,
В изумленье смотрит, размышляя вслух:
— Вот каков он, этот Кайкубат-пастух!
Силой он своей прославлен на весь мир,

Рад ему служить его земляк-батыр!
Что за чудеса! Такого удалца
Не ценили мы, оказывается!
Должен был он быть на помощь нами зван,
Как только покинул Алпамыш зиндан:
Сколько пользы б нам принес такой чабан!
Должен был давно он шахским зятем стать,
В битве с Алпамышем войско возглавлять, —
Не дал бы ему народ наш истреблять.
Нам узбек свое узбекство показал,
А пред Кайкубатом как унижен стал!..

Так-то Алпамыш врагов перехитрил:
Всю страну своей он воле покорил,
Кайкубата он героем объявил —
Пастуха на трон калмыцкий посадил.
Правит Кайкубат калмыцкою страной.
Тут к нему приходят прежние друзья —
Много пастухов и люд простой иной.
Входят — с удивленьем на него глядят,
Слово поздравленья высказать хотят:
Мол, счастливо царствуй, будь здоров, богат.
Милостиво их встречает Кайкубат.
Он, на троне сидя, их благодарит,
С каждым о его нужде поговорит,
Обещает он заступничество им,
Горя, мол, не будут знать они под ним...
В это время входит Алпамыш-Хаким.
Посланца направил он к Тавке-аим,
Ай-Тавка в шатре изныла от тоски,
Никакого нет терпенья у Тавки.
Минули ее счастливые деньки —
Друг ее ушел, а злые языки
Говорят — не хочет он ее руки.
Так она скучает меж своих подруг,
Весть от Алпамыша получает вдруг:
Видеться, мол, с ней желает милый друг.
«Он по мне тоскует! — думает она. —
Встретит — возликует! — думает она. —
Страстно поцелует! — думает она. —
Мешкать — время минет, — думает она, —
Он ко мне остынет!» — думает она.
Посланца Тавка не заставляет ждать,
Девушек зовет — ее сопровождать.

Посланцу сказала: — Веди! —
Ну-ка, погляди на нее:
Сердце ли в груди у нее,
Птица ли трепещет в груди?
Радость какова, посуди!
Девушки, как надо, идут:
Десятеро их — впереди,
Встречным объявляют: — Пройди! —
Десять с нею рядом идут,
Десятеро их позади,
Десятеро песни ведут.

Приходит Тавка-аим во дворец, подходит к Алпамышу, стоящему у трона, — Алпамыш, к Тавке обращаясь, такое слово говорит:

— Слово я скажу, красавица, тебе, —
Может быть, и не понравится тебе:
Службу твою, дружбу я ль не уважал
В дни, когда в зиндане пленником лежал?
Если б уваженья не питал к тебе,
С просьбой обращаться я б не стал к тебе.
Помощь мне твоя отныне не нужна, —
Как-никак, ты прежней власти лишена,
Всё, что прикажу, ты выполнить должна.
Принуждать тебя, однако, не хочу, —
Этим уваженья дань тебе плачу,
Да не буду грубым я в твоих очах:
Твой отец убит, калмыцкий падишах, —
Видишь — падишахом стали Қайкубат,
Славой на весь мир они теперь гремят.
А к тебе они давно благоволят, —
Сердце ты свое не мучь, Тавка-аим,
И на их любовь ответь любовью им:
Ведь они платили за тебя калым,
Значит — были первым женихом твоим:
Первый покупатель должен быть любим.
О твоей красе прослышав, Ай-Тавка,
Қайкубат сюда пришел издалека.
Чин — страна его — богата, велика.
От любви к тебе он стал в стране чужой
Бедным пастухом. Теперь он — шах большой,
Ты его любовь не отвергай, Тавка,
Будет с Қайкубатом жизнь твоя сладка.

Обиделась Ай-Тавка, услышав эти слова Алпамыша, и такое слово сказала в ответ:

— Сколько я взывала к богу за тебя!
Знала лишь тоску-тревогу за тебя,
Проливала слез так много за тебя!
Сколько за тебя ударов приняла!
Ожерелье драгоценное на мне,
Блещет золотой в нем талисман-божок.
Ты любил игру моих бровей, дружок,
Где она, пора любви твоей, дружок?
Это ли твоя награда, милый мой?
Ты ли не страдал в зиндане, как в аду,
Я ль не отводила от тебя беду!
Но не суждено мне счастья на роду,
Мне отраву небо высыпало в еду.
Это ли твоя награда, милый мой?
Брови наведя мешхедскою сурьмой,
В шелковом платке с пушистой бахромой,
Не будила ль страсть в тебе я, милый мой?
Это ль, милый мой, награда от тебя?
Так тебе служба в худые времена,
Знала ль я, какая службе той цена?
Знала ли, что стану скоро не нужна
Для того, кому была я так верна?
Это ли твоя награда, милый мой?!
Ныне сватовством таким меня почтив,
Как ты оказался, хан мой, неучтив!
Если пред таким плешивцем ты в долгу,
Я-то как ему женою быть могу?
Для него ль свою красу я берегу?
Это ли твоя награда, милый мой?!

У Тавки душа обидою зажглась.
Кайкубат стоит — с нее не сводит глаз,
Выслушав ее, он отдает приказ,
Чтоб воды горячей принесли тотчас.
Кипятку ему приносят полный таз.
Череп свой плешивый в воду погрузив,
Долго плешь скребет в воде горячей он,
Всех такой причудой озадачил он.
А разгадка в том, что не был он паршив:
Требухой искусно кудри обложив,

Засушив ее — он с виду стал плешив.
Требуху в воде горячей размочив,
С головы ее кусками отодрав,
Голову он вынул — сразу стал кудряв,
Молод, строен стал и, как Юсуф, красив.
Красотой своей Тавку-аним сразив.
Озарять бы ночь могла его краса!
Длинные свои заплел он волоса, —
Падает по пояс черная коса:
Кайкубат китайцем, чин-мачинцем был,
Пастухом служа, он знатным принцем был!
Слышать не желала Ай-Тавка о нем —
Тут она любовным вспыхнула огнем.
Память ей отшибла во мгновенье страсть:
Что там Алпамыш! Он — грубая напасть!
С ним пришлось бы ей всю жизнь свою проклясть!
Сердце на него растрчивала зря.
И, на Алпамыша даже не смотря,
Про себя Тавка так думала в тот час:
«Люб отныне мне один лишь Кайкубат!
Да и раньше тоже, правду говоря,
Взоры он мои, бывало, привлекал.
Жаль, что о любви своей не намекал.
Раз он так хорош, как светлая заря,
И, меня любя, покинул край родной,
Как же откажусь я стать его женой?»

Ай-Тавку подводит к трону бек Хаким,
Девушкам за нею следовать велит.
Кайкубат на троне, словно шах, сидит,
Важный на себя он напускает вид,
На Тавку-аним по-шахски он глядит,
На подруг ее глядит он свысока.
Якобы совсем не зная ничего,
Беку Алпамышу так он говорит:
— Кто девицы эти, объясни-ка мне,
По какой нужде пришли они ко мне?
Если с челобитьем беспокоят нас,
Завтра пусть придут, — нам недосуг сейчас. —
Алпамыш ему с почтеньем: — О мой шах!
Шаха дочь Тавка будь вам знакомой, шах!
Страстью сердца к вам она влекома, шах,
Говорит — без вас она не может жить,
Чувства сердца вам желает изложить. . . —

Кайкубат, такие выслушав слова,
Своего ничуть не выдав торжества,
Будто без охоты, так, едва-едва
В жены взять Тавку свое согласие дал.
Сразу Алпамыш готовить свадьбу стал. . .
Кайкубат — смотри-ка, что за молодец!
Как он взыскан был судьбою под конец:
Был пастух-плешивец, пас чужих овец —
Ныне падишахский он надел венец,
А в придачу взял он в жены шаха дочь! . .

Первая прошла супружеская ночь —
Ясным светом дня дворец весь озарен.
Кайкубат с Тавкой расстаться принужден,
Должен он с утра воссесть на шахский трон.
Рядом с ним на троне — Алпамыш-батыр,
Ведь при Кайкубате — первый он вазир.
Сообща дела им надо обсудить.
Первым делом всю страну оповестить:
Правит, мол, странюю славный Кайкубат,
Он теперь на шахской дочери женат.
Приглашает он на свадебный свой пир
Всех больших и малых — весь калмыцкий мир.
Барабаны бьют, сурнаи верезжат,
Медные карнаи ревут и трещат,
И до хрипоты глашатаи кричат:
— Новый шах калмыцкий, славный Кайкубат,
С Ай-Тавкой, своей женою молодой,
Весь народ зовут к себе на брачный пир:
Каждый будет гостем — знатный и простой! . . —
Пиршеству такому кто не будет рад?
И течет народ на пир — и стар и млад.
Люди там друзей встречают и родню,
Встретятся — за много лет поговорят.
Тайча-ханом был обобран Байсары,
Был унижен, в прах был попрун Байсары,
Но и он прийти на пир не опоздал:
«Встречу Алпамыша, — так он рассуждал, —
О Барчин услышу!» — так он рассуждал.
Алпамыш, как только дядю увидал,
Бросился к нему, объятия раскрыл, —
За него душою он, как сын, страдал.
Старый Байсары тут волю сердцу дал.

Встречу такой растроган — зарыдал.
С трона встав, к нему и Кайкубат спешит:
Он к его ногам упал во прах лицом,
Руку целовал и называл отцом.
За руку ведет он Байсары на трон,
Угодить ему старается во всем.
Не всегда же был он ханом, Кайкубат,
Был у Байсары чабаном Кайкубат,
Преисполнен он сочувствия к нему.
Принести велит он записи казны,
Записи казны тотчас принесены.
Кайкубат в них строгим оком заглянул:
Скот, что отнят был у Байсары Тайчой,
Значился в особой описи большой.
Кайкубат всю опись тут же зачеркнул —
Байсары-бедняге скот его вернул.
Счастью Байсары предела-меры нет:
Озарен утехой дней его закат —
Он в почете снова, снова он богат,
Жив-здоров да будет славный Кайкубат!..

Пир меж тем идет своею чередой, —
Ублажен народ отменною едой.
Вот уж на исходе многодневный той,
Разъезжаться начал по домам народ,
Старый Байсары уехал с торжества.
Кайкубат дела правления берет,
Грозные кому-то говорит слова:
— Пес да не дерзнет ступать по следу льва!
Да засохнет враг, как старая трава! —
Все калмыки, слыша это, говорят:
— Этот шах-пастух не так уж простоват,
Он себя еще покажет, Кайкубат! —
Время полдня было. То, чего не ждал,
То народ, при этом бывший, увидел:
Кайкубат вскочил — ногами топать стал,
Бску Алпамышу оплеуху дал,
За руки схватил, потребовал аркан, —
По рукам связал, толкнул его: — Ступай! —
Гонит, загоняет снова в тот зиндан! . .
Все калмыки в страхе: — Этот новый хан,
Судя по делам, — какой бедовый хан!
Алпамыш-узбек, гроза батыров — ух! —
Молча принимает столько оплеух

И — при всем народе — кротко, как баран,
Сам себя дает опять загнать в зиндан,
Ведь оказывается, что он таков,
Свежеиспеченный этот хан-чабан!
В трепет он повергнет всех своих врагов!
Если не шадит он друга своего,
Нам-то от него придется каково!
Алпамыш страну калмыцкую потряс,
Этот Кайкубат — страшной во много раз! . . . —
А что эту хитрость и придумал сам
Вместе с Кайкубатом Алпамыш-Хаким —
Ни один калмык не догадался б там!
Кайкубат уходит, люди вслед за ним
Тоже разбредаться стали по домам.

Наступает вечер, люди мирно спят,
Возвращается к зиндану Кайкубат:
Алпамышу он привел коня его,
На коне оружие и броня его.
Кайкубат в зиндан с опаскою глядит,
Видит — Алпамыш спокойно там сидит.
Тут ему канат спускает Кайкубат, —
Свит из десяти арканов был канат.
Тянет из зиндана друга молодец,
Вытянул с большой натугой наконец.
Так освобожден был снова Хаким-хан.
Другу Алпамыш сердечно говорит:
— Хитрость удалась отлично, — говорит, —
Худо б нам пришлось, конечно, — говорит,
Если б ты моим советом пренебрег;
Жить с врагом нельзя беспечно, — говорит,
Смирен-то калмык не вечно, — говорит;
Если бы не нашей хитрости урок,
Власть в чужой стране ты б удержать не мог:
Захотят тебя от трона отрешить —
Смертное насилье могут совершить.
Поступив со мною так, как поступил,
Уваженье вражье ты себе купил,
Шахское свое величье укрепил. . .

Стали тут друзья прощаться — здоровья-благополучия друг другу желать; говорит Алпамыш Кайкубату еще такое слово на прощанье:

— Осень иссушить цветы да не спешит,
Разума тебя господь да не лишит!
Слово мое — просьбу, друг мой, не забудь:
Я тебя прошу — отправься как-нибудь
К Байсары, к упряму-дяде моему,
Мой совет-наказ ты передай ему:
Что ж он, непутевый, думает себе,
К племени-родне не едет почему?
Силой иль обманом разуму-уму
Старика наставь и выехать заставь. . .
На пути далеко есть Байсун-страна,
Всех земель на свете мне милей она.
Родину мою, родню мою опять
Только вспомнил — сколько слез я лью опять!
В этот край родной направлю я коня.
Друг мой, Кайкубат, не забывай меня!
На прощанье руку дай свою опять! . .

Кайкубат в ответ Алпамышу такое слово сказал на прощанье:

— Наказанья неба цветникам не знать!
Ночью выезжай, чтобы врагам не знать.
Если же они узнают — горе мне!
Весь чиновный люд изменит вскоре мне,
Что убьют меня — уверен я вполне!
Боевой твой реет над тобой стяжок,
Хваткой ястреба владеет мой дружок,
Силою тигриной друг мой наделен,
Смелым сердцем барса обладает он.
Светоч мой угас — ты вновь его возжег.
Будь здоров, твой путь благополучен будь,
Дальним переездом не измучен будь.
Свой народ, страну свою благоустрой,
Дружбу Кайкубата вспоминай порой,
Славься-возвеличься, мой батыр-герой! . . —
Так они простились темным вечерком,
Бедный Кайкубат побрел к себе тайком.
Алпамыш-батыр, на родину влеком,
Скачет, ни одним не встреченный врагом.
Думают калмыки — в яме Алпамыш,
Дальними летит путями Алпамыш. . .

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Так и воцарился Кайкубат, стал управлять калмыцкой страной. Старшины калмыцкие не раз совет держали, — опасались, что Алпамыш из темницы ушел. А проверить нельзя: без разрешения шаха никто не имеет права в зиндан спускаться. Мало-помалу и старшины притихли.

Алпамыш тем временем на родину возвращался. Мысли его в дороге такие были:

«Хорошо в горах, когда тумана нет,
Хорошо в пути, где каравана нет.
Хорошо в садах, когда хозяев нет,
Без народа — царства у султана нет!..
Если я народ свой потерял, то кем
Управлять я буду? Царствовать зачем?
Еду я, грустя, далекой стороной
По пескам безводным, по глуши степной.
Розы отойдут — печален гулистан,
В городе упадок — падает султан.
Был богатым — счета не было друзьям,
Обеднел — родне ближайшей нежелан.
В племени своем — в народе был я хан,
Времени худому я попал в капкан...»

Не в тумане ль Аскар-гора?
Правильным ли еду путем?
Стар отец мой и мать стара,
Ничего не знаю о них.
Ты, конгратское племя, где?
То счастливое время где?
Что с друзьями моими там?
Что с Барчин любимую там?»
Ехал сокол — так тосковал,
Эти он слова напевал.
Громыхал на кручах обвал,
Байчибар горами скакал.
Камни раздробляя в песок,
Искры из камней высекал.
Скачет одинокий седок,
Скажешь — сотни конников скок,
Буйный, многошумный улак!..
Вот уже пред ним Алатаг,

На гору поднявшись, на горе он стал,
Поглядел — родную местность увидал,
Там его народ байсунский летовал.
Увидал своих — душой затосковал,
Ожерелья слез горячих проливал.
Как живет родное племя без него?
Положение в Конграте какво?
И спросил бы он, да спросишь у кого?
Человека близко нет ни одного!..
На коне он шагом едет, огорчась.
А со стороны Конграта в этот час
Караван большой как раз прикочевал,
Здесь, поклажу сбросив, делает привал.
Караванщиков решил спросить Хаким,
Поворачивает Байчибара к ним.
Сколько слов припас он, поспешая к ним,
Как разволновался, подъезжая к ним!

Караванщики, утомленные с пути, только-только животных развьючили, только-только дали отдых ногам, кто совсем растянувшись, кто полулежа. Подъехал к ним Алпамыш и такое слово сказал:

— Кто скорбит, привержен думам и мечтам.
Караванщикам — бродить по городам.
Храброму — майдан во славу, а не в страх.
С беками гулял я часто на пирах.
В сердце мне страданья острый шип воткнул.
Чьи верблюды это, верблюжата чьи?
В Астрахань — обратно за семь дней дойдут,
Десятибатманский груз легко несут.
Чьи верблюды это, верблюжата чьи?
От себя ль они, к себе ль они бредут?
Я, судьбой гонимый, очутился тут...
Пастухом зовется, кто пасет стада.
Пастухи, откуда путь ваш и куда?
Это чьи верблюды, верблюжата чьи?

Караванщики, Алпамыша выслушав, так ему ответили:

— По равнине путь держать старайся свой.
Кровь бежит ручьем из раны копьевой.
Кто направо, кто налево повернет,
Мы идем своей дорогой кочевой.

По какому делу, спрашиваешь нас? ..
Те, кто караваны водят, не спешат.
Бархат и парча у нас в тюках лежат.
Привязали мы к верблюдам верблюжат. . .
По какому делу, спрашиваешь нас?
Мы тут прилегли, желая отдохнуть.
Каждому назначен путь какой-нибудь.
Надо думать — знаешь ты и сам свой путь.
Пляшет под тобой арабский твой тулпар, —
Не пора ль тебе поводья натянуть?

Алпамыш тогда еще одно слово сказал караванщикам:

— Где помощник сметлив — мудр судья всегда,
Если конь — калека, всаднику беда.
Ни ущерба нет от вопроса, ни стыда.
Гоните вы чьих верблюдов и куда?
Если знать хотите, правду вам скажу:
Странник я, на месте долго не сижу,
По краям-народам разным я брожу.
Болтунов-задир чванливых не люблю,
Им без разговоров головы рублю.
Видите — булат на кушаке ношу.
Это чьи верблюды, мне сказать прошу! . .

Слова эти услышав, караванщики между собой перемигнулись:

— Стоит ли нам спор начинать с таким джигитом? Не лучше ли дать ему прямой ответ и отделаться от него?

Так рассудив, сказали они:

— Мозг земли наружу лезет под дождем.
Караван с трудом плетется на подъем.
Девушка о милом думает своим.
Да стоит — не рухнет у героя дом!
Жив скорбящий раб несбыточной мечтой.
Знай: мы Ултан-беков караван ведем,
Ултан-беком был такой приказ нам дан.
Он — не караванщик, не простой чабан,
Всеконградским шахом сделался Ултан!

Алпамыш опять слово сказал караванщикам:

— В давние года в Байсун-Конграте был
Самым первым биём-шахом Дабан-бий.

Сын, его преемник, звался Алпин-бий.
Он после себя оставил сыновей:
Байбури был старший, младший — Байсары.
Шаху Байбури, хотя и был он стар,
Дал всевышний сына — то Хаким-кайсар,
Прозван Алпамышем был, когда подросток...
Вам я потому и задавал вопрос.
В племени конгратском я не раз бывал.
Доброе, худое часто узнавал,
С Алпамышем я встречался, пировал.
Слышу я впервые, что существовал
Там какой-то бек по имени Ултан.
Иль из-под земли он появился там,
Иль с небес упал неведомый султан?
Я таких чудес не слыхивал вовек.
Видно, самозванец этот человек, —
Никогда такой не проживал там бек!
Из какого к ним он племени пришел,
От кого он званье бека получил?
Кто ему дела Конграта поручил?
Станный ваш ответ мне душу омрачил.
Что произошло с конгратскими людьми?!

Это слово Алпамыш сказал, и караванщиков оно задело немного.

— Чего он к нам пристал со своими напоминаньями? Обругать его — совсем не отвяжешься. Не разговор — несчастье! Только-только, устав с дороги, пришли на ночлег — вытянули ноги, а он привязался — отдохнуть не дает!

Пошептавшись между собой, сказали Алпамышу караванщики так:

— Это говоря, поменьше б ты шумел,
Хоть бы перед дерзким словом онемел!
Сам бы на того Ултана поглядел —
Понял бы, что лучше не иметь с ним дел.
Разве есть его жестокости предел?
Сто раз десять тысяч доблестных людей
Всё равно не ставит ни во что злодей!
Если б он услышал имя «Алпамыш»,
Ты уже висел бы там, где ты стоишь,
Нам ты это всё напрасно говоришь,
Помни: мы не знаем слова «Алпамыш»!

Услыхав эту речь, Алпамыш подумал: «Шайтан их бери! Что с ними связываться? Пускай себе лежат!»

Едет дальше грозный сокол, бек Хаким,
Едет на Чибаре он путем своим.
Ночь темна, а день затмила пыль, как дым.
Байчибар бежит по тропочкам крутым,
Видит пред собой летовку Байчибар.
Весело заржав, он удила грызет,
Несомненно, местность эту узнает:
Видимо, на этих пастбищах гулял. . .
Слышат Байчибара голос табуны —
Ржанием его они возбуждены.
Сбились кони в кучи и ответно ржут,
Голос Байчибара, видно, узнают,
Весть ему из рощ укромных подают.
Дом батыра цел, благоустроен будь!
Хан конгратский держит на Чибаре путь.
Сивая кобыла, Байчибара мать,
Сына голос разве может не узнать?
Пленником ему пришлось, бедняжке, стать!
Как не поспешить ей сына повидать!
Только о Чибаре вспомнила она —
И от своего отбилась табуна,
В сторону дороги Сивая бежит,
А за ней слуга из табуна спешит.
— Курухайт! Курхайт! — тревожно он кричит,
Выбился из сил, беспомощный стоит, —
Видит, что кобылу он не возвратит. . .
Ржанье кобылицы услышал Хаким —
Сивая пришла и стала перед ним.
Думает Хаким: «Хотя и тварь она,
Всё же материнских чувств не лишена!»
Вздых тяжелой боли грудь его потряс,
Жарким ливнем слезы хлынули из глаз.
И сказал Хаким, душою сокрушась,
Своему Чибару слово он сказал:
— Добрая моя лошадка, Байчибар,
Преданный мой спутник, резвый мой тулпар,
Радость мне твою ужели не понять,
Но не в силах зависть я к тебе унять:
Сразу встретил ты свою старушку мать!
Боль мою, Чибар, обязан ты понять,
К дому моему помчать меня скорей,
И, как ты, я встречусь с матерью своей! . . . —
Сына увидав, счастливая теперь,
Радостней заржала Сивая теперь
И, семь раз Чибара обежав кругом,

Вся дрожь от счастья, стала пред сынком.
Жаль, что не был ты при зрелище таком!
Чудо пред Хакимом совершилось вдруг —
Вымя у кобылы размягчилось вдруг,
Как у молодой, наполняясь молоком!
Зрелищем таким, конечно, изумлен,
Спешился Хаким, сердечно умилен.
С головы коня узду снимает он:
— Да не буду силы я своей лишен,
Жалок для друзей, а для врагов смешон!
Конь мой, Байчибар, служил ты верно мне,
Был товарищем в калмыцкой стороне,
Ты в степях безводных путь мой сокращал,
Ты меня, Чибар, не раз в боях спасал.
Если ныне мать свою ты повстречал,
Пососи ее, как в детстве ты сосал.
Хочется и мне в родной свой дом скорей,
Встретиться с любимой матерью своей!
Ты сильнее разжег во мне тоску по ней.
Степь веселым ржаньем огласи, Чибар,
Мать свою, как в детстве, пососи, Чибар!.. —
Говорит Хаким, теряя вздохам счет,
Ливень жарких слез из глаз его течет.
К богу вознося смиренные мольбы,
Помощи в делах он просит у судьбы,
Про себя, однако, размышляя так:
«Сердцем бы от лишних слез я не размяк!»
— Э, Чибар, не время ль отправляться в путь? —
Материнскую Чибар оставил грудь,
На него узду накиннул Алпамыш.
К рощам камышовым направляя путь,
Он байсунский видит пред собой камыш,
Думает: «О чем, камыш родной, шумишь?
Радостью ли сердце мне увеселишь,
Или скорбной вестью душу омрачишь?..»

Сивую кобылу упустивший раб
Сел среди дороги, — он совсем ослаб.
Он сидит — горюет, думает: «Куда
Старая кобыла убежать могла б?»
Алпамыш подъехал — задает вопрос:
— Что ты в прах дорожный словно камень врос?
В чем, сынок, причина этих горьких слез?
Кто тебя, скажи, обидел без вины?
Это чьи, скажи, пасутся табуны?

Кто хозяин их? Кто жители страны?
Езжу на стоцветно-резвом я коне,
Истину ответить ты обязан мне:
Не в байсунской ли теперь я стороне?
Правду мне скажи о племени-родне,
У кого ты служишь в этом табуне?

Юный раб такой ответ ему дает:
— Твой вопрос, джигит, мне сердце разорвет.
Ты меня спросил, чей тут пасется скот?
Ты спросил — и сразу пожелтел я весь.
С кем я поделюсь тоской-печалью здесь?
Если хочешь знать, то вот тебе ответ:
Этому скоту хозяина и нет!
Где-то, видно, он погиб во цвете лет.
Спрашивай меня хоть десять раз, хоть сто:
«Этим табунам хозяин будет кто?» —
Что не существует, где возьмется то?
Знай, что бесхозяйны эти табуны!..

Алпамыш ответил пастушонку так:
— Разве я тебя вопросом оскорбил?
Изумлен я сам необычайно был:
Чтобы скот пасомый бесхозяйным был!
До ушей твоих пусть речь моя дойдет:
Разве есть на свете бесхозяйный скот?
Чей над этой степью тяготеет гнет?
Э, в такой стране утехи не найдем!
Вновь поедем вдаль изъезженным путем.
Если что узнаешь, не молчи о том,
Тайно как-нибудь мне сообщи о том!..

Алпамышу так ответил пастушок:
— Хаким-бек в стране у нас хозяин был,
Гордым и могучим наром, знай, он был!
Как кайсар, в народе уважаем был.
Криком боевой свой разжигая пыл,
Тьму врагов, бывало, он один губил.
Байсары сюда вернуться не хотел,
Горько он потом об этом пожалел.
Тестя выручать отправился мой хан.
Может быть, в калмыцкий он попал зиндан —
И в темнице умер, хан мой, Хакимджан.
Видно, вместе с ним погиб и дядя-тесть. .

У батыра здесь сынок-сиротка есть,
Только слишком юн и, не войдя в лета,
Заменить отца не может сирота.
А народ меж тем горюет неспроста:
Положенье очень тяжкое у нас.
Жив он иль погиб, законный наш султан, —
Сел на шею нашу самозванный хан:
Взял над нами власть паршивец Ултан-таз,
Все богатства также захватил Ултан.
Очень он всему народу нежелан, —
Если бы вернулся бек наш, Хаким-хан,
Горя бы не ведал край родной — Байсун!..

Услыхав эти слова пастушонка, Алпамыш, прикинувшийся ничего не знающим, так сказал:

— Если действительно умер Алпамыш — его не оживить. А что Ултан-таз у вас беком стал, что страна им угнетена, — это ваша вина.

Пастушонок на это так ответил:

— Правду тебе сказать, отец мой, Култай-раб, с Алпамышем был в большой дружбе. Алпамыш Култая очень любил. Кто не знал, что отец мой — раб Алпамыша, тот считал, что Алпамыш сыном ему приходится, так сердечны были они друг с другом. Такой человек, смотри, в калмыцкой стране погиб, а здесь Ултан-негодяй власть захватил! Не отправит на работу без того, чтоб не избить! Живем под гнетом насильника, очень обиженные, страдаем, ненавидим его...

Сказал Алпамыш:

— Молись, хозяин твой еще вернется! — И поехал дальше.

Ехал он краем озера, видит: белые, зеленые, голубые шатры стоят. Пастухи-рабы находились в них. Кто из них сидел, ноги поджав, кто полулежа, кто и совсем растянувшись валялся.

Подумал Алпамыш: «Давай-ка я подшучу над ними».

Подъехал он к ним, а они, путника увидев, беком его не признав, ног не подбрав, продолжали валяться.

Обратился к ним Алпамыш:

— Хорошо у вас расставлены шатры.
Э, батыры, вы, как вижу я, храбры.
Ноги подбрав, не будете ль добры
Путнику хоть чашку кумыса подать?

Выпью — и отправлюсь дальше степь топтать.
Много гор пройдя, немудрено устать, —
Чашку кумыса я вас прошу подать!

Пастухи, с места не вставая, так ему ответили:

— С нами говоря, над нами не глумись.
Хочешь кумыса — к тому шатру спустись.
Только если наш отведаешь кумыс,
В собственных словах, смотри, не заблудись.
Меру животу коль знаешь своему,
Время не теряй, спустись к шатру тому,
Нашим кумысом, проезжий, насладись. . .

Хоть и огорчился сердцем Алпамыш,
На слова рабов он улыбнулся лишь,
Привязав коня, спустился пеший вниз.
Видит он кумыса полные сабы.
Взял одну — единым духом осушил,
Но одной — едва лишь горло освежил.
Сколько было, столько он опустошил —
Всё до капли выпив, жажду заглушил,
Сел на Байчибара, дальше заспешил. . .
Захотели пить и пастухи-рабы.
В тот шатер приходят — пусты все сабы.
Смотрят и не верят: — Что за чудеса!
Кто же может выпить столько кумыса?
Для него саба — что для других каса!
Кто же он такой, откуда он взялся?
Бедствие на нас наслали небеса!
Кумыса ни капли ни в одной сабе!
Как же было нам вообразить себе,
Чтоб людской породы существо могло
Столько влить в себя и чтоб живым ушло!
Брюхо кумысом ему бы разнесло!

А меж тем от них всё дальше был Хаким.
Едет по летовкам тучным он своим, —
Озеро в степи раскинулось пред ним.
Замечает он у вод лежащий скот,
Собственный, ему принадлежащий скот.
Встречным Хаким-бек вопросы задает:

— Как зовется край? Какой народ живет?
Кто хозяин этих пастбищ, этих вод?
Чей такой обильный тут пасется скот? —
Ни одна душа его не узнает.
Думают: «Приезжий, человек чудной,
Может быть, имеет замысел дурной,
Может быть, подослан вражеской страной?
Лучше бы от нас держался стороной!»
Этот с опасеньем смотрит, а иной
Грубо повернется к путнику спиной,
Третий — за булат беретса поясной. . .
Едет Алпамыш вдоль озера Бабир,
По своим владеньям, по земле родной
Едет он, никем не uznанный батыр,
Говоря: «Какой несправедливый мир!»
Грустно покидая озеро Бабир,
Смотрит на верблюдов, думую томим
О своей сестре, о Калдыргач-аим.
Ничего о ней не ведает Хаким.
Будет иль не будет в жизни встреча им?

Верблюды, которых пасла Калдыргач, лежали себе на приозерной траве. Среди верблюдов, что в долю Алпамыша входили, был один старый нар черной масти. Алпамыша и он погибшим считал и, горя по хозяину своему, в течение семи лет пролежал, не вставая с земли. Возвращение бека своего почуяв, заревел он вдруг во всю свою былую мощь, вскочил на ноги — на дорогу вышел.

На Калдыргач-аим, пасшей верблюдов, одежды приличной не было, в лохмотья одета она была, голое тело сквозь дыры виднелось. Побежала она за верблюдом, покрикивая:

— Стой! . . . Земля уже вошла мне в пятки! . . .
Стой! . . .

Где он, брат мой милый, где хозяин твой?
Серебром сверкает ястреб молодой,
Золотой нагрудник, ворот золотой.
Всё же не совсем ты бесхозяйный нар:
Был бы жив-здоров растущий сиротой
Бедный мой племянник, брата сын Ядгар, —
Будет он твоим хозяином. . . Стой! Стой!
Солнце мне мозги насквозь уж пропекло!
От судьбы за что терплю такое зло?
Ултан-таз меня унизил тяжело.

Стой!.. Земля уже вошла мне в пятки!.. Стой!..
Муки неба грудь мою терзают... Ой,
Уши и в степи имеет Ултан-хан, —
Кто-нибудь услышит стон печальный мой,
Обернуться может худшею бедой!..
Стой! Тебе кричу, Хакимово добро,
Брата моего любимого добро!
Рушился Конграта царственный чинар!
Стой! Куда спешишь, упрямый черный нар?
Пролежал семь лет, беспомощен и стар,
А теперь бежишь резвее, чем архар!.. —
«Стой!» крича верблюду, Калдыргач-аим
Плачет, а сама едва бредет за ним.
Видит — одинокий всадник на пути.
Калдыргач боится близко подойти:
Человек проезжий, человек чужой, —
Девушке обиду может нанести.
Думает: «Укрыться б лучше от него!»
Спряталась в чангал колючий от него...
Подъезжает ближе Хаким-бек-шункар,
Стал пред Алпамышем старый черный нар,
Голову задрав, почтительно ревет.
Своего верблюда витязь узнает,
Думает: «Мой старый черный нар живет!
Как-то без меня живет родной народ?»
Вздых печальный сердце Алпамыша рвет,
А вокруг него верблюды семь раз подряд
Бодро пробегает — и глаза горят.
Посмотрел Хаким, подумал про себя:
«Хоть и бессловесны твари, а гляди —
И они любовь к хозяевам хранят!»
Сердце у него расстроилось в груди.
— Ну, мой нар, прощай, — теперь назад иди,
Будь здоров и жив, меня в Конграте жди. —
И назад побрел уныло черный нар,
И к сестре подъехал Хаким-бек-шункар.
Он сказал: — Родное племя, мой народ!
Чем ты стал за это время, мой народ!
Ты снесешь ли горя бремя, мой народ?.. —
И сестре своей вопрос он задает:
— К слову моему внимательно будь, —
На меня прошу я, девушка, взглянуть:
Этот витязь-путник схож ли с кем-нибудь?
Хочется мне, прежде чем продолжу путь,
Черному верблюду голову свернуть:

Вижу — в нем твоей растерянности суть.
Если же владелец требовать бы стал
За верблюда кун, я деньги б отсчитал!.. —
А сестра его, что скрылась под чангал,
Говорит: — Меня ты, путник, напугал, —
Лучше бы загадок мне не задавал.
Если ты верблюда черного убьешь,
То и в грудь мою вонзишь ты острый нож.
Черного верблюда, путник, пожалей,
Слез моих и крови даром не пролей:
Чуть о том прослышит Ултан-хан-злодей,
Голову мою тотчас отрубит он,
Сделает меня добычею ворон,
Станет мой народ жесточе угнетен!..

Услыхав слова Калдыргач, сестры своей, Алпамыш, не открывая себя, сказал ей в ответ такое слово:

— Ты какого ока доброго зрачок?
Чистых уст каких правдивый язычок?
Что забила ты, бедняжка, под чангал?
В племени конгратском чей ты есть росток?
Солнечной весной в саду не вянет цвет.
От достатка кто в такую рвань одет?
Как Ултан-паршивец власть над вами взял?!
Или у тебя опоры в близких нет?..

Сестра Алпамыша, Калдыргач, такое слово ему сказала:

— Тот, в чьем око я была зрачком, — далек,
Чьим устам служила языком — далек.
Если поняла я темный твой намек,
О беде о нашей как узнать ты мог?
Но, коль скоро сам ты правду разузнал,
Так и быть, я тайны отомкну замок.
Племенем своим конгратским я горжусь,
Дома своего я тоже не стыжусь, —
Шаху Байбури я дочкой прихожусь.
При верблюжьем стаде я в степи тружусь,
Разве в кармазу и шелк я наряжусь?
Знала ль я, какая ждет меня судьба?
Алпамыша-брата жду я не дождусь,
В странствие пустился он в далекий край.
Подвигов, бывало, много совершал;
Может быть, с врагами в стычке оплошал, —

Слух дошел, что умер он в стране чужой:
Слух еще дошел — он якобы живой;
Только от него пока от самого
Не было известья нам ни одного.
Думаем, что он погиб, скорей всего.
Если б жив-здоров он был и не погиб,
Неужель враги пленить его могли б?
Тысячу врагов один он устрашал!
Если б даже в битве он и оплошал
И попал в зиндан — давно бы убежал.
Будь он жив, узнал бы и в чужом краю,
Что у нас Ултан в Конграте ханом стал.
Он бы нас своей опоры не лишал!
Он бы убежал и прискакал давно!
Видимо, прибыть ему не суждено,
Видимо, с бедою горе заодно,
Видимо, погиб он, брат мой, Алпамыш!
Ты мой услышь печальные слова:
Пес Ултан дерзнул ступить по следу льва.
Брата моего красавица жена
(Может быть — жена, скорей всего — вдова),
И она Ултану подлому нужна:
Свадьбу негодяй сыграть намерен с ней!
Только у Барчин-сулу, сестры моей,
Не сумел согласьем заручиться он.
Плачет Ай-Барчин, осенних туч мрачней,
И не ест, не пьет, не спит уж сколько дней!
Ходят ежедневно, ей дары даря,
От Ултана сваты — речи тратят зря:
Дорогих его подарков не беря,
Не дает Барчин согласья, говоря:
«Жив мой Хаким-бек, мой дорогой супруг!»
Верит, что вернется муж ее, мой брат...

Алпамыш, обращаясь к сестре своей Калдыргач, такое слово сказал:

— Если хочешь знать, поверь словам моим:
Не погиб твой брат, он жив и невредим.
Сколько лет в зиндане мы сидели с ним!
Слово лжи не дам произнести устам,
Если говорю, то верь моим словам:
Твой Хаким-ака еще томится там, —
Скоро убежит он, на позор врагам.

Недругам коварным он за всё воздаст!
Не грусти, не плачь — он скоро будет здесь, —
Знай, Ултана также ждет батыра мести!

В ответ ему сестра так сказала:

— Если ты зовешься витязем, — смотри,
Зла не совершай, добро всегда твори.
Будь здоров — и прежде срока не умри.
Если ты мой брат — со мною не хитри.
Дальние пути, о боже, прокляни, —
Сколько причинили горя нам они!
От разрухи дом батыра сохрани,
Власти самозванной да затмятся дни,
Нам законного властителя верни, —
Дома Байбури да не сотрется след!
Уж не ты ли, путник, брат мой? Говори —
Если ты мой брат, со мною не хитри!
Шуткой не сочти мной заданный вопрос,
Сам спроси меня, как без тебя жилось.
Да не сгубит розу пышную мороз!
Тайную твою исполню я мечту:
Ты оставил здесь сыночка-сироту,
Если б на его взглянул ты красоту!
Хочешь — за Ядгаром сбегаю в юрту? —

Так сказала брату Калдыргач-аим.
Сидя на коне, задумался Хаким.
Если б он себя открыл перед сестрой,
Сердце б разорвал признанием таким.
Он подумал: «Правду лучше утаим!
Искренностью ранней делу повредим».
Говорит сестре он голосом глухим:
— Братом ты меня не называй своим —
Бедненькая, скоро встретишься и с ним! -
С этими словами повернув коня,
Сокол в путь пустился, тайну сохраняя.

«Уехал, что ли, путник?» — подумала Калдыргач-аим, не сразу выбравшись из-под чангала. Посмотрела — на расстоянии, доступном глазу, увидела: едет всадник, а конь, на котором верхом он сидел, похож на верхового коня брата ее, Алпамыша, на Байчибара похож.

Узнав его, побежала Калдыргач вдогонку путнику, убедилась, что действительно он — Алпамыш! Бежит она, такое слово говоря:

— Своего коня, э, путник, не гони!
 Осади его, поводья натяни!
 Ты меня не видел, на меня взгляни,
 О судьбе моей, терпение храня,
 Расспроси получше!.. Придержи коня!..
 Если из краев калмыцких держишь путь,
 Страхи все забудь — и не таись ничуть!
 Или я глупа, иль это ты, мой брат!
 На Чибара только стоит мне взглянуть —
 Или я слепа, иль это ты, мой брат!
 Мне подшитый ситцем твой чепрак знаком,
 Потрудилась я над этим чепраком...
 Птица кобчик любит сесть на горный склон.
 Как превратен свет, как бессердечен он!
 Что Барчин, бедняжке, испытать пришлось!
 Брата по его коню узнать пришлось! —
 И в слезах она бежит пешком за ним...
 Чей-то зов как будто слышит Хаким-бек,
 Ехать стал немного тише Хаким-бек;
 Обернулся, видит — Калдыргач идет;
 Повод натянув, остановился — ждет,
 Думает: к добру ли встреча приведет?
 Мужество в себе вторично ль обретет?
 Жалости слеза глаза батыру жжет...
 Подбегает к брату Калдыргач-аим,
 Конские поводья сразу же берет
 И себе на шею, бедная, кладет,
 Плачет и о стремя бьется головой:
 — Брат мой, ты вернулся!.. Брат мой, ты
 живой!.. —

Алпамыш, в седле сидящий, сам не свой,
 Размышляет: «Если ей откроюсь я
 И скажу: «Я брат твой, ты сестра моя», —
 Ведь она ко мне прилепится тогда,
 Не отстанет ведь, не пустит никуда.
 Надо сделать сердце холоднее льда!..»
 Как подумал, так и поступает он, —
 У нее поводья вырывает он,
 Говоря: — Хоть нам чубарый конь родня,
 Всё ж ты возвела неправду на меня... —
 Дернул он поводья — тронул в путь коня...
 Горько зарыдала Калдыргач-аим:
 — Поступаешь так зачем, ака Хаким?
 Пред родной сестрой прикинулся чужим!.. —
 И назад за черным нарм за своим,

Бедная, бредет — и стонет от тоски.
И своей дорогой едет бек Хаким,
Сердце у батыра рвется на куски:
«Бедная моя, несчастная сестра!» —
Плачет он — вся грива у коня мокра.
Содрогалось небо, слыша этот плач.
Алпамыш пускает Байчибара вскачь,
Едет — подъезжает к пастбищу батыр...

На пастбище этом паслось несметное стадо. Алпамыш, к пастухам обращаясь, спросил, чьих баранов пасут они.

— Слуги вы какого дома, пастухи?
Стадо вами чье пасомо, пастухи?
И налево брошу и направо взгляд —
Сколько здесь баранов, сколько здесь ягнят!
Не видал нигде таких больших я стад.
Кто хозяин их, узнать я был бы рад.
Дело пастуха — кормить стада в степи,
На хороших травах — ешь себе да спи.
Скот умножишь — сам силен тогда в степи!
Разузнать от вас мне надо, пастухи,
Чье вы тут пасете стадо, пастухи?..

Отвечают пастухи Алпамышу:

— Байбури-бий этим обладал скотом.
Бек наш Алпамыш, коль слышал о таком,
Бню Байбури наследовал потом.
Ныне Ултан-таз, наш самозванный хан,
Этим всем скотом владеет, негодяй!
Слуги мы его, — что ведает чабан?
Мало ль, что еще затеет негодяй!
Угнетеньем богатеет негодяй!..

Раскормленные бараны всю степь заполнили. Проезжает мимо несметного скота Алпамыш, удивляется: семь лет в темнице проведя, забыл он про такие богатства.

Едет он, едет, видит — на краю стада стоит почтенного вида белобородый человек, плачет, в горькой тоске восклицая:

— Э, с ребенком своим любимым разлучился я, нет на старости покоя душе моей!

Взглянул Алпамыш — узнал его: был это Култай-старик,

друг его дорогой. Подъехал к нему Алпамыш, не узнавшим притворился, спрашивает:

— Дедушка, о чем рыдаешь, слезы льешь?
Верблюжонком что на старости ревешь?
Печень просолишь и сердце разорвешь!..
Ты дитя ль какое ищешь — не найдешь?
Небо ль на тебя обрушило печаль?
Вспомнился ли кто давно ушедший вдаль?
Иль умершего тебе ребенка жаль?
Сын твой или внук? Узнать о том нельзя ль?

Отвечает ему старый Култай:

— Ой! Мною оплакиваемый — не сын и не внук мой, он сын Байбури. Были мы с ним друзьями большими. Алпамыш его имя. Между чужими слыл он сыном Култая, между своими — был его рабом дед Култай. Как хочешь — так и считай. Ушел он на чужбину, там и погиб. Такие богатства перешли к Ултану! Об этом думая, плакать не перестану...

Сказал Алпамыш:

— Э, дед, если я тебе Алпамыша покажу, что ты дашь мне за это?

Рассердился Култай, ответил:

— Требуху горячую брата его младшего!

Алпамыш сказал:

— Взгляни-ка, я на кого похож, дедушка?

— На могилу мою ты похож! — сердито закричал Култай. — Много бродяг, тебе подобных, приходило к нам, каждый говорил, что от Алпамыша весть принес. Сколько на радостях подарков мы роздали им, сколько пожрали они барашков и коз, а потом уходили! Каждый думал: «Придука и я, скажу: «Алпамыш!» Култай поверит — чего-нибудь мне даст, в дураках останется». Видно, и ты задумал обманом козу получить, а получишь — уйдешь своим путем. Еще и тебя принесло нам на горе.

— Э, дед Култай! — рассмеялся Алпамыш. — Не узнал ты меня. У Алпамыша твоего не было ли отметины какой-нибудь?

Ответил Култай:

— У Алпамыша на правом плече был святой пятёрни отпечаток.

Оголил Алпамыш плечо свое, посмотрел Култай — закричал:

— Ой, ты сам и есть ребенок милый мой!
Ты не снег ли чистый с той горы крутой?

В караване ль верблюжонок молодой?
Ока моего зрачок, ты вновь со мной,
Господин народа и страны родной!.. —
И вокруг Хакима, восклицая так,
Ходит дед Култай, его любовно чтя:
— Это ты ль, мое любимое дитя!
Ты ушел — и все мы, по тебе грустя,
Верблюжатами ревели день и ночь.
Где тебя найти и как тебе помочь?!
Думали, погиб во вражеской дали,
Думали, что ветры прах твой размели.
Но теперь, из дальней возвратясь земли,
Вражью грудь пронзи — и солью просоли!..
Благ былых найти в Конграте не мечтай,
Беды да обиды кровные считай.
На меня взгляни, мой дорогой сынок,
Выплакал глаза твой старый дед Култай!.. —
Плача, он Хакима к сердцу прижимал:
— Ты, сынок, в плохое время к нам попал, —
Свищет над Конгратом Ултан-таза плеть.
На его дела немислимо глядеть,
Поглядишь — и сам не сможешь утерпеть...

А теперь дело такое: тридцать дней уже идет свадебный пир Ултан-таза, жену твою взять он намерен. Если бездействию сидеть будешь, так он ведь своего и добьется!

Алпамыш ответил:

— Мы вот как сделаем, дедушка: оба на пир пойдем, вы — в моей одежде, я — в вашей. Кто друг мне, кто враг, своими глазами посмотреть хочу, чтобы, поскользнувшись, в яму, кем-нибудь вырытую, не попасть мне.

Култай сказал:

— Если так сделаешь, хорошо будет, сынок! В радостный день твоего прихода и я участие приму в пиршественном козлодранин.

Сняли они свои одежды — поменялись ими. Култай в роскошной одежде Алпамыша сел на Байчибара верхом, совсем как важный-важный аксакал. Алпамыш на плечи свои набросил рваный кебанак пастушеский, небрежно кушаком повязался, на голову чабаний тумак надел, на ноги — сапоги чабаны... Зарезали они белую козу, мясом и шурпой насытился Алпамыш. Вырезал батыр из белой козьей шкурки бороду себе, из кожи ножницами нос приставной выкроил.

Озеро было поблизости.

Посмотрел Алпамыш с берега в воду, увидел себя сгорбленным — точь-в-точь Култай-пастух. Култаев посох он взял — на пир отправился. Проходит он мимо одного ряда юрт, увидела его молодуха одна, подумала — Култай идет. Как-то пустила она в стадо к нему трех коз своих.

«Спрошу-ка о козах», — подумала она и побежала за мнимым Култаем, крича на бегу:

— Дед Култай, послушай-ка меня, стой!
Ты идешь на пир? Бежишь, как молодой!
Я тебе задать один вопрос хочу...
Ой, устала я! Остановись, кричу,
Про своих узнать красавиц коз хочу!..
Вы ко мне зайдите, я вас угощу...
Козочки мои здоровы, живы ли?
Веселы-резвы ль, набрались жиру ли?
Верно, утомились вы с пути, ой-бой!
Дедушка, прошу вас, в дом войдите мой,
Я вас накормлю отличною шурпой!..

Алпамыша озорство разобрало, отвечает:

— Козы твои жиреют, резвятся; бросили козла, с бараном имеют дела; рожают-плодятся, дают по двояшке-тройяшке в год, от трех твоих коз — сто четырнадцать приплод!

Женщина малосмышленной была: от трех коз сто четырнадцать родилось! Больше ста! Сердце в ней поднялось:

— Ой, бабаджан, масло ваши уста!.. — Так эта молодуха простовата была.

Уцепилась она за Алпамыша:

— Зайдем ко мне в дом!

Вошли в юрту — хлеба нет ни крошки. Говорит ему хозяйка:

— Дедушка, посиди немножко, сито у соседки возьму, — испеку тебе лепешку, даже маслом помажу.

Убежала за ситом она. У соседки пять-шесть женщин сидели, о том о сем болтали. У молодухи, за ситом пришедшей, было, как говорится, полсотни ртов. С женщинами села — без дела болтая, забыла про Култая.

А Култай-Алпамыш сидит, ожидая, обшарил всю юрту кругом, видит — масло в бараньем желудке, мешок с творогом, — тает во рту! Ради шутки всё съел, опустошил юрту — вышел.

Возвращается молодуха, несет сито.

— Что ж вы, дедушка, уходите не едено не пито?

Отвечает Алпамыш:

— На пир боюсь опоздать. Мы — сыты. Без вас, янга моя, дом осмотрели ваш, того-сего отведали, солью вашей пообедали.

Говорит женщина:

— На обратном пути ко мне заверните!

Входит она с ситом в дом — всё вверх дном. «Как видно, — думает она, — нечистый джинн похозяйничал в нем. Никакой не осталось еды! Если б, — думает, — это дед Култай был, столько пищи бы не истребил один, кишка у старика тонка. Или это джинн, или какой-нибудь батыр-пахлаван!» Так она решила...

А теперь расскажем об Алпамыше, отправившемся под видом Култая на свадебный пир.

Палку волоча, идет Хаким-Култай.

— Если суждено, вернусь я в дом родной —

Встречусь со своей красавицей женой,

Свадебный ее, бог даст, увижу пир... —

Много женщин с ним шло по пути туда, —

Надо им на пир богатый поглядеть!

Каждая несет в узле тяжелом снедь

(К тойхане дорога не близка, заметь!) —

Надоело им под тяжестью пыхтеть:

Женщины тучны, боятся похудеть.

— Если б ты хотел нам, дедушка, помочь,

Бога б за тебя молили день и ночь,

Чтоб тебе жену молоденькую дал,

Ханскую притом, единственную дочь...

Нам свои узлы ташить уже невмочь.

Если б на себя ты принял нашу кладь,

Мы порожняком могли бы погулять.

Наше затрудненье, дедушка, уладь,

Бога за тебя мы будем умолять!.. —

Алпамыш от них рассудок потерял.

Скатерти со снедью он у них забрал,

Всё в широкополый кебанак сложил,

Похвалу своих попутчиц заслужил.

Шел он с ними, шел, всё шутками смешил.

Проходить пришлось через большой пустырь.

Он идет, всё больше ускоряя шаг,

Ташит на спине со снедью кебанак, —

Неуклюжим бабам не поспеть никак!

Вовсе наконец из виду он исчез.
Так идет Хаким, тот мнимый старичок.
Видит на пути он пастбище-лужок,
Видит он журчащий, чистый родничок.
Снял поклажу с плеч — присел на бережок. . .
— Что за дастархан? Посмотрим, — он сказал,
Кебанак с узлами женщин опростал,
Скатерти со всякой снедью развязал
И на бережке на травке разостлал.
Было там всего припасено на пир:
Масло и творог, в орешках — козий сыр,
Жареное мясо и курдючный жир,
И слоеные лепешки — катлама,
И яичница с мукой была — куймак.

Озорства ради стал батыр всё, что нашел в узлах, доверенных ему женщинами, даже и крошки ни от чего не оставил этот мнимый дед Култай.

Уничтожив всё угощение, насбирал он валявшегося на пастбище сухого кизяка коровьего, поместных катышек овечьих-козьих, наполнил все посудыны, завернул, увязал скатерти, как раньше было, всё выставил на бережке родника, а сам отправился дальше. . .

Женщины, из виду его потеряв, не знали, как быть: то ли домой возвращаться, то ли догонять его. Споря между собой, до родника дошли они, скатерти и посуду увидели, обрадовались — стали благословлять старика:

— Господи, пусть ему толстая, добрая старуха приснится, о нас пусть уж не беспокоится!

Напились женщины воды родниковой, каждая свою посуду взяла — на голову поставила. Стали они через ручей переправляться, одна из них слишком неловко на берег прыгнула, посуда с головы упала, треск раздался — навоз вывалился.

Увидев это, другие женщины сказали так:

— У нее, наверно, соперница есть: подложила ей кизяк, придет, мол, на пир, скатерть развяжет, кизяк вместо угощения покажет — опозорена будет перед людьми.

Так они решили. Одна женщина сказала:

— Как бы и у нас кизяк не оказался! . .

Открыла каждая свое, смотрят — у всех навоз вместо еды!

Растерялись женщины — посыпались на Култая проклятия. Закопали они свои посудыны у края арыка, решив: «На

обратном пути посуду заберем». Скатерти на пояса под сорочки подвязали.

— Если кто спросит: «Почему вы ни с чем на пир пришли?» — скажем: «Култай так с нами поступил!»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Теперь слушайте дальше об Алпамыше, который отправился на пир в обличье старого Култая-пастуха. Едет Култай-Алпамыш верхом на Байчибаре на свадебный пир Ултан-таза...

Ултан-таз, временам Алпамыша подражая, такой порядок соблюдать приказал: если кто-нибудь козла в козлодранни добудет себе, то класть обязан его на бархатную юрту Барчин...

Тут Култай-Алпамыш подъехал, коротко Байчибара подвязал, улегся в тени своего коня на земле и говорит:

— Ну-ка, и я в улаке счастье свое попытаю!

Удивились люди: престарелый чабан в улаке скакать хочет! Смеются над ним — позор мнимому старику предсказывают... А его участие в козлодранни вот какво было:

Голова влюбленных мутна,
Сумеркам подобна она, —
Ей своя судьба не видна.
На улак ведут все пути.
Если крепок в счете — сочти,
Сколько силачей собралось:
Их двенадцать тысяч почти!
Все могучегруды они,
Как самцы верблюды они.
Что ж не начинают улак!
Скоро разъярятся, да как!
Сколько будет шума и драк!
Вот и козлодранню знак...
Зная, что Култай — Алпамыш,
Будем на Култая смотреть.
Конский поводок он рванул,
Крепко он Чибара стегнул,
И, как проволока, впилась
В Байчибара жгучая плеть.
Режет он толпу пополам —
Люди растерялись: гляди,
Этот дед Култай впереди!

Он уже козла подхватил,
Он коня быстрее пустил,
Он к юрте Барчин своротил,
Бросил он козла в чангарак,
Снова поскакав на улак...
Мчится Байчибар, как стрела,
Но вторую тушку козла
Рыжий конь Ултапа схватил,
Быстро поперек седла
Ултап-таз козла положил
И на Рыжем прочь поспешил.
Рыжий вражий конь преуспел!
Ой, какой досадой вскипел
Мнимый дед Култай — Алпамыш!
Плеткою Чибара огрел,
Сбоку подскочил он впримык,
За ногу он заднюю вмиг
Этого козленка схватил,
За ногу добычу сволок, —
В сторону метнулся ездок.
Перерезал рыжий конек
Байчибару путь поперек.
Рыжего толкнул Байчибар,
Сшиб его, лягнул Байчибар,
Сам ушел с добычей вперед.
Вот какой чудесный тулпар!
Ай да старичина Култай,
Ай да молодчина Култай!
Обликом — светлей, чем звезда,
Белая, как снег, борода!
Ты за ним — туда, он — сюда,
Этакий соперник — беда!
Людам удавиться со зла:
У него не вырвешь козла!
Э, народ, гадай, не гадай —
Это Алпамыш, не Култай!

Посмотрела Барчин, кто это козла на юрту бархатную бросил, увидела уходящего Байчибара, — сзади его по хвосту узнала, — и сыну своему Ядгару так говорит:

— Горько я рыдала день и ночь, Ядгар.
Знай, на пир явился твой отец-кайсар!
Я твоей счастливой верила звезде —
Божья воля нас да выручит в беде!

Это хвост Чибара, несомненно, был!
Видно, всех врагов отец твой перебил,
Видимо, сынок мой, волю он добыл!
Жив-здоров вернулся он издалека,
Но открыть себя не пожелал пока!

Услышав слова своей матери, так ей сказал Ядгар:

— Если в самом деле вернулся отец мой, мне следует отомстить чем-нибудь Ултан-тазу и его людям. Если я пострадаю от них — услышит отец мой стоны мои — придет, выручит. Если же неверно, что вернулся мой бек-отец, всё равно мне лучше умереть, чем под таким гнетом жить...

Схватил Ядгар палку и, подбежав к приготовленным для козлодранья козлам, разогнал их в разные стороны. Козлов гоняя, всё дальше уходил он от юрты материнской, и тут ему Алпамыш в образе деда Култая на дороге встретился. Сына своего увидав, сказал Алпамыш:

— Где, в каком саду расцвел такой цветок?
Хорошо козлов гоняешь ты, дружок.
Чей ты будешь сын, ответь мне, мой сынок?
Месяцу подобна красота твоя;
С сизым ястребом тебя сравнил бы я;
С крутогнутым луком бровь твою сравню;
Голос твой похож на пенье соловья.
Ты скажи, сынок мой, правды не тая,
Кто отец твой знатный, чей ты будешь сын?
У тебя родивших если есть одна
Тайная мечта — да сбудется сполна!
Знай, что мне от бога благодать дана,
Деду твоему судьба твоя видна!
Глядя на тебя, скажу я, не шутя:
Видно, ты породы не людской, дитя!
Раеликий отрок, чей ты будешь сын?
Любит смелый кобчик сесть на косогор.
Как ни юн, ты знал лишь горе до сих пор.
Будешь ты грозой батыров, как Рустам,
И с врагом сильнейшим выиграешь спор.
Шаху пред тобой быть пешим — не позор!

Слово это услышав, расстроился сердцем Ядгар и такое слово сказал в ответ:

— В теле, муки знавшем, ты душою был,
Мне от всех защитой ты большою был —

И гобой, увы, забыт я, бабаджан!
Сирота несчастный, умереть я рад.
Видно, не придет отец из дальних стран!
В тот злосчастный день, когда он уезжал,
В материнском чреве я еще лежал.
Но тобой, увы, забыт я, бабаджан!
Я в твоём саду раскрывшийся тюльпан,
Для кого-нибудь я тоже мил-желан,
Но тобой, увы, забыт я, бабаджан!
Бека, что давно ушел в калмыцкий край,
Бека Алпамыша я наследный сын!.. —
Мнимому Култаю так Ядгар сказал,
Глянул на дорогу — в страхе задрожал:
Всадников он двух в то время увидал,
Сердцем сокрушился, горько зарыдал:
— Смертно я тоскую, милый дед Култай,
Пожалей меня, спаси от бед, Култай!
Кебанаком ты меня укрой своим,
Этим дуракам в обиду не давай!
Страха смерти ради — ты на склоне дней
Не предай меня врагам семьи моей,
Спрячь меня от них, сиротку пожалей!..

Двое верховых со стороны байги
Подъезжают к ним, как злобные враги,
И плетью Ядгару-сироте грозят.
Он от них в испуге пятится назад.
— Бабаджан, они убить меня хотят! —
Так шептал сиротка, разумом смутясь,
За кушак Култая мнимого держась.
Перейдя предел жестокости своей,
За Ядгара взялись двое тех людей:
— Хватит нам о ханстве препираться с ним,
С этим сосунком покончим поскорей.

«Вот как с ребенком поступают, злодеи!» — подумал Алпамыш. Не стало его терпения и, к подъехавшим обращаясь, так он сказал:

— И у него ведь когда-то отец был, а теперь сиротою остался он. Можно ли сироту избивать?! Оставьте его, поезжайте на байгу, веселиться продолжайте! — Схватил он одного из джигитов за кисть руки, подумал тот: «Э, да ведь это настоящий батыр!» Косточки затрещали в руке у него, слезами глаза налилсь, попытался он вырвать кисть свою — не удавалось. А Култаю-Алпамышу мысль пришла:

«Лучше пусть настоящей силы моей не узнают они!» Отпустил он руку всадника, подарил ему и товарищу его двух козлов, на козлодранни добытых, сели джигиты на коней — уехали, друг другу сказав: «Человек человека, оказывается, сколько ни знал бы, все-таки не знает: кто думал, что Култай силой такой обладает!»

А Ядгар мнимому деду Култаю так сказал:

— Милый дед, позволъ-ка слово мне сказать:
Вижу я, ты хочешь смерти избежать.
Но нельзя ль, однако, правду мне узнать?
Ты меня от двух насильников отбил.
Если бы Култаем истинным ты был,
Где б такую силу ты, старик, добыл?
Ты ж ему все пальцы чуть не раздробил!
Не родной ли ты отец мой Алпамыш?
Если так, — напрасно ты со мной хитришь!

Мнимый дед Култай-Алпамыш так ему ответил:

— Слово нитка бус жемчужных порвалась,
При тебе роняю слезы я из глаз.
Кровь моя в груди от боли запеклась.
Я тебя, ягненок дорогой мой, спас,
Но смогу ль спасти в другой недобрый час?
Что поделать! Скорбь — один удел для нас!
Ты меня отцом не называй, Ядгар, —
Молод твой отец, а я, как видишь, стар.
Бедный твой отец в зиндане у врагов.
Если б он из вражких вырвался оков,
Иужели б он не выручил тебя?
Алпамыш-батыр, отец твой, не таков!
Если б только он из плена убежал,
Кто б ему к тебе примчаться помешал?
Как бы он тебя к своей груди прижал,
Как бы он тебя, лаская, утешал!
Сына дорогого всей душой любя,
Если бы вернулся он из дальних стран,
Разве на руках не внес бы он тебя
В тойхану, где справить свадьбу с Барчин-ай
Хочет пес Ултан, бесчестный негодяй?
Если б твой отец явиться мог, то знай —
Головы б лишился на пиру Ултан.
Но в земле калмыцкой, заточен в зиндан,
Он скопчался в муках, Алпамыш-султан!

Такие слова услышав, подумал Ядгар:

«Оказывается, я тоже деда Култая не знаю. Оказывается, наделен силой чудесной он! Надо мне с ним в укромном месте поговорить. Ни за что мать свою не отдам Ултану! Не стану дожидаться я прихода отца, сам покажу негодя!»

И так сказал Ядгар:

— Дедушка, давай в сторонку повернем,
По душам с тобой пошепчемся вдвоем:
Как бы не узнал собака Ултан-таз,
Что тут говорилось тайно промеж нас.
От руки Ултана пусть погибну сам —
Мать свою, Барчин, паршивцу не отдам!
Как в лицо народу мне смотреть потом,
Если на себя приму подобный срам!
Мать мою насильно хочет взять дурак!
Сколько сватов шлет, суля ей много благ, —
Мать моя согласья не дает никак.
Дедушка, что сделать, чтоб расстроить брак?..

Култай-Алпамыш так Ядгару ответил:

— Что Ултан — насильник, знает весь народ,
Но для тяжбы с ним кто силы наберет?
Ты дитя мое, прими и то в расчет:
Кто правитель — тот и заслужил почет.
Хоть Ултан — разбойник, власть в его руках,
С этим примириться следует, Ядгар.
Ты уже подросток — и должен понимать:
Для спасенья жизни в брак вступает мать.
Ты сними с души забот и горя кладь,
Мать отдав Ултану, дело с ним уладь.
Стал теперь Ултан грознее, чем дракон:
Если весь Конграт паршивцем угнетен,
Если перед ним трепещет весь Байсун,
Покорись и ты насильнику, мой сын.
На него обманом напусти туман,
Заслужи его доверье, Ядгарджан, —
Будешь вместе с ним Байсуном управлять.
Этим наставленьем сердце укрепи,
Мать свою Ултану в жены уступи...

Ответил на это Ядгар таким словом:

— Скорбный раб, кому открыться я могу?
Пред своим народом в тяжком я долгу.

Прежде чем отдам родную мать врагу,
От его руки готов я умереть.
Совесь, милый дед, и честь я сберегу:
Негодяй в Ядгаре не найдет слугу, —
Брачный этот пир испортить побегу!..

Такое слово от Ядгара услышав, воскликнул мнимый Култай:

— Молодец, сын мой! От честной матери рожденный, таким и оставайся всегда. Я тоже, от стада придя, отправлюсь-ка на пир этого сына потаскухи, — насколько смогу, праздник его расстрою... Ты хотя еще малое дитя, а я — седовласый старец, но, как говорится, из двух половин получается один. Такая в народе поговорка есть...

Такого теплого слова ни от кого никогда не слышал Ядгар. Этим словом его мнимый дед Култай обласкал. Сердце в сироте взыграло, не хочет он со стариком разлучаться.

Говорит ему Култай-Алпамыш:

— Если мы вместе с поля придем, скажут они: «Что между малым и старым? Наверно, сговор какой-то у Ядгара с Култаем». Врозь должны мы прийти: ты — со стороны улака, я — со стороны тойханы. Путь одинаковый — явимся в одно время с двух сторон; по данному тобою знаку я за тею ссору...

Теперь послушайте о приходе Култая-Алпамыша в пиршественный дом.

Вкус его речей отведай стар и мал!
Голосом своим весь мир он всколебал.
Он идет, дубинку-посох волочит,
У ворот Конграта на колени пал.
Через те ворота в город он идет —
Знатный и простой он видит свой народ,
И родную мать, кормилицу свою,
Сам неузнанный, он сразу узнает.

Чистя требуху и головы зарезанных для пира баранов, сидела его мать на краю арыка. Не выдавая себя, подошел к ней Култай-Алпамыш, говорит:

— Гай, как поживаете, тетушка? Живу я в степи при стадах, о вас не слыша...

Посмотрела на него мать-старуха, смотрит — пастуха Култая облик, слушает — Алпамыша голос.

И такие она слова ему сказала:

— «Гай» ты произнес — и сердце взвеселил,
Все мои больные кости исцелил:
Голос Алпамыша слух мой уловил...
За Култая ты не выдавай себя!
Слабые мои глаза опять сильны,
Внутренности все мои раскалены,
Высохшие груди молока полны.
Слезы счастья мне на старости даны.
Были мы с тобой семь лет разлучены —
Мне ни солнца свет, ни ясный свет луны
Без тебя ни разу не были видны;
Улыбнуться мне ни разу не пришлось,
Ворот мой от слез давно промок насквозь...
За Култая ты не выдавай себя!
Я терпела здесь и горе и позор,
Но жила святой надеждой до сих пор.
Не бросай же тело матери в костер!
Поспеши к Барчии — утешь супруги взор...
За Култая ты не выдавай себя!

Услышав слова матери своей, сказал ей Алпамыш:

— Э, тетушка, в своем ли вы уме? Я говорю с вами не во тьме, а среди бела дня. Посмотрите получше на меня — увидите сами, что я — Култай. Если б Алпамыш вернулся, он бы как Алпамыш и пришел. Зачем ему Култаем придти, мать свою в смущение вводить?

Подумала старуха: «Дай-ка я с ним пошепчусь!» — и такое слово сказала она:

— Чуть вздохну — и слезы падают из глаз,
Словно нитка бус жемчужных порвалась.
Сердце, милый мой, хочу с тобой отвесьть:
О сынке моем, быть может, вестка есть?
Добрый человек не ропщет без причины,
Сетованья эти слышишь ты один.
Страшен, Култайджан, мне Ултан-таза гнет!
Боязно пойти к невестке, к Ай-Барчии.
Всем опора нам она, Барчин-аим,
Вместо «Алпамыш» «Барчии» мы говорим.
Если скажешь — правду говори, но знай:
Огорчения Барчии не причиняй.
Только бы женой Ултана ей не стать!
Как оповестить бедняжку Барчин-ай?..

Култай-Алпамыш так ей ответил:

— Не беспокойтесь об этом, тетушка, я всё, что нужно, очень хорошо передам.

— Э, передай, передай, ведь ты друг дома нашего, Култай-ака! — так напутствовала его на прощание старуха...

Пришел мнимый Култай в свадебную тойхану, видит — Ултан-таз восседает на троне, а старик Байбури гостям прислуживает — на плече бурдюк черный, — воду носит старик. Некоторые гости, чтобы к Ултану подлеститься, грубо обращаются со стариком, толкают его, бранят, кулаками грозят, глумятся над ним.

Увидел это Култай-Алпамыш, сердце его от боли сжалось: подошел он к Ултан-тазу и, преподавая ему поучение, такое слово сказал:

— Носишь ты наряд зеленый, — так и быть!
Ты у нас не шах законный, — так и быть!
Мало ли подобных беков на земле?
Но не может подлость неостмщенной быть!
Если дерзкий сын отца побить посмел,
Станет от проказы белым он, как мел.
Бня Байбури как смеешь избивать,
На его седны честные плевать,
Вынуждать ручьями слезы проливать!
Он в летах преклонных, знатный человек, —
Не чини ему обиды, Ултан-бек!

Так сказал он Ултан-тазу и, обратившись к отцу своему, тоже слово сказал:

— Речь мою изволь послушать, мой мирза!
Много твоей соли скушал я, мирза!
Службу водоноса мне ты уступи, —
Я тебя избавлю от подобных мук:
Передай-ка мне тяжелый свой бурдюк.
Соли у тебя я скушал целый вьюк, —
Соль твою хочу я оправдать, мой друг.
Носишь в сердце ты мучительный недуг:
Сына потеряв, всего лишился вдруг!
На тебя смотреть я не могу без слез:
Старый бий Конграта — ныне водонос!
Передай-ка мне тяжелый свой бурдюк, —
Долго мне с тобой шептаться недосуг...

Выслушал его старый Байбури и сказал:

— Плачу я, — насквозь мой ворот влажен стал.
Бием был в народе я так много лет,
А теперь унижен и ничтожен стал, —
Не мила мне жизнь, я всем ненужен стал!..

На это Култай-Алпамыш сказал отцу:

— Как умею, к слову слово привяжу,
Что ношу я в сердце, то тебе скажу:
Если за тебя сегодня послужу,
И тебе и всем конгратам удружу.
Если водоносом стану на пиру,
Хитрую с врагами поведу игру, —
Много вражьих тайн я в уши наберу.
Знаю, что сказать лжехану на пиру:
Весел будет пес поганый на пиру,
Что затеял он себе же не к добру!.. —
Так он с Байбури беседовал тайком.
Долго препирался он со стариком, —
Байбури боялся в деле быть таким, —
Лжекултай забрал бурдюк почти силком.
Входит он в поварню с этим бурдюком, —
Повара готовят пиршественный плов.
Новый водонос толкает поваров,
К очагам подходит — и без лишних слов
Наливает воду в несколько котлов.
Рады плововары: — Бог здоровья дай,
Молодец наш дед, наш водонос Култай!

Вышел мнимый Култай из поварни — вернулся к Ултан-беку, поздравил его по случаю свадьбы, про себя думая: «Добра бы тебе не знать, нечестивцу!»

Польстил ему лжепастух — принял поздравление, мило-ство заговорил с ним Ултан-таз, про прежнее смелое слово не напомнил.

— Вашим поздравлением, Култай-баба, сердце наше очень тронута. Как поживает стадо? Счастливой пусть будет жизнь нашего преданного раба! — сказал он.

Ответил ему мнимый чабан:

— В стаде, сын мой, благополучно, бараны здоровы, тучны. Прослышав о том, что ты устраиваешь пир, жену Алпамыша в жены беря, подумал я: «Немного таких бы-

вает свадеб, — зря чего ради б торчать при стаде? Надо и мне побывать на пиру. Дело простое, в кои веки женятся бски! Плова нажреть до отвала и я, как добрые люди, — может быть, получу и платок в награду, погуляю, сколько надо, и вернусь в стадо.

Ултан-таз отвечает ему:

— Хорошо вы поступили, бабаджан, что в такой день не забыли про нас, явились на свадьбу. Жалеть не будете: назначаю вас плововаром. Станьте у любого котла, сверху и снизу ешьте на пробу, утешьте утробу, наештесь так, чтобы целый месяц быть сытым, пусть исполнится ваша мечта...

Отправился Култай-Алпамыш на поварню. Сорок джигитов-поваров стоят у сорока котлов — готовят плов. Сорок джигитов-истопников следят за огнем очагов. Пробирается между ними новый плововар — ни с того ни с сего сильно толкнул одного.

— Э, старик, — сказал тот, — что это с тобой!

— А то, — отвечает ему Култай, — что наконец-то наше время пришло. — Схватил он этого джигита за плечо и отшвырнул прочь.

— Да что я сделал тебе! — завопил тот.

— Помалкивай, сынок, я сам и огонек разожгу. — Схватил он кочергу, стал истопником у котла, развел огонь — занялся варкой плова. К одному котлу подошел, к другому подошел, помешал — готово! Оказывается, не доварив, засушил он мясо и рис. Ешь, Ултан, подавись!..

Был там слуга, звался он Парман-кулом. Освободил его когда-то Алпамыш от рабства. При Ултане начальником поварни он стал — бакавулом. Зашел в поварню маленький Ядгар. Увидел его бакавул — закричал:

— Чего тебе здесь надо, проклятый щенок! — Размахнулся он половником, ударил Ядгара, раскровенил ему рот.

Култай-Алпамыш, видя это, такое слово сказал Парман-кулу:

— Ветер шелестит густой листвою верб.

Косточка одна для плова не ущерб.

Э, дурак, за что Ядгара ты побил?

Ведь его отец султаном нашим был.

Вспомни, Алпамыш тебя освободил.

Иль тебе Ултан мозги перекрутил?

Так ты Алпамыша за добро почтил?

Косточка одна — для плова не ущерб!

С этими словами взял он из котла большую мозговую кость — дал Ядгару. Схватил кость обрадованный Ядгар, зубами в мясо вгрызся и, мясо жуя, побежал к матери. Видя это, один бек из прихвостней Ултана сказал:

— Что-то этот Култай мутит народ. Надо отнять кость у Ядгара.

Другие сказали:

— Ничего! Култай тоже ведь в чести сегодня. Поважничать хотел — костью угостил мальчишку. Пусть полакомится...

Узнала об этом случае жена Парман-кула, прибежала — на мужа раскричалась:

— Чванный, глупый сыч, над кем ты власть берешь?

Чувствую, что завтра в полдень ты умрешь.

Сироту избил, а сколько сам сожрешь?

Завтра смертный страх тебя повергнет в дрожь!

Ты мои слова печальные услышь:

Своего поступка ты не утаишь, —

Как бы не узнал об этом Алпамыш!

Лучше б ты подумал, кто тот муж седой,

Так легко носящий бурдюки с водой.

Это — не пастух Култай пришел на пир,

Это Алпамыш пришел из дальних стран!

Головы лишится завтра твой Ултан!

Выслушав ее речь, муж ее, бакавул Парман-кул, тоже одно слово сказал ей:

— С детства ты была пронырливой совой.

Дура! Придержи язык болтливый свой.

Кто тебе сказал? Узнает шах Ултан —

Ты за эту речь ответишь головой!

Тогда жена его сказала ему еще одно слово:

— Глупостью меня напрасно не кори.

Ты на это дело так, как я, смотри:

Разве дед Култай моложе Байбури?

Ты помог ли бию бурдюки таскать?

Старику ль такие бурдюки таскать?

А ему бурдюк — нестоящая кладь!

Тут-то я смекнула: борода — обман,

Бек наш Алпамыш вернулся, пахлаван!
Если ты при нем избил Ядгара тут,
Утром непременно кровь твою прольют!
Люди, видишь сам, его не узнают.
Он врагам своим устроит Страшный суд.
Ходит он в народе, как простой чабан, —
Завтра все увидят: он — Хаким-султан!
Завтра в полдень — темный упадет туман.
Сироту побить — позор для мусульман,
Голову ты завтра сложишь, как баран,
Завтра ты увидишь свой последний день!

Ответил ей опять муж ее, начальник поварни:

— Светом глаз твоих люблюсь я, жена.
Всё же за тебя мне боязно, жена!
Как с тобой теперь столкуюсь я, жена?
Если от рожденья ты была глупа,
Стала ты сегодня также и слепа.
Если Алпамыш и дед Култай — одно,
Значит, ты ослепла, может быть, давно.
Смолоду с тобой мне спорить суждено:
Я скажу — бело, ты говоришь — черно.
Я тебе, несчастной, не могу помочь.
Если так упряма ты, ишачья дочь,
Издыхай себе, но убирайся прочь!
Только знай, что, если ты сейчас помрешь,
Тратиться не стану даже ни на грош!

Так начальник поварни жену избранил и прогнал ее...
Тем временем, обгладывая свою кость, Ядгар, смею-
щийся, веселый, прибежал к матери. Увидала Барчин-ай,
что так весел мальчик, обрадовалась — и слово сказала:

— Что-то ты так весел, сын мой, Ядгарджан?
Может быть, себе позволил озорство?
Или слово ласки слышал от кого?
Что, скажи, причина смеха твоего?
Уточка упала, пронзена стрелой.
Будет мой сынок охотник удалой.
Меткою да будет у него рука,
Связанной рука да будет у врага,

Да зачахнет каждый недруг сына злой!
Будь благословен, сыночек милый мой!
Что, скажи, причина смеха твоего?
На высокий шест садится ястребок.
Дети провожают стадо на лужок.
Жертвой за тебя да буду я, сынок!
Что, скажи, причина смеха твоего?

! Ядгар, к матери обратившись, тоже слово сказал:

— Мать моя, ответу я на твой вопрос:
Больше не придется проливать мне слез.
В племени конгратском я в почете стал, —
Дед Култай мне кость хорошую поднес.
Вот я почему развеселился так!
В унижение жил я, много лет страдал,
Под туманом горя сиротой возрастал,
Окружен врагами, сердцем трепетал, —
Ныне дед Култай моей защитой стал.
Бакавул прогнал меня из тойханы,
Да к тому ж ударил без моей вины.
Как его Култай за это изругал,
Как он обличал его и попрекал!
А меня погладил, речью обласкал,
Мозговую костью угостил меня!..

Мать Ядгара, Ай-Барчин, тоже слово ему сказала:

— Дед Култай — бедняк и сам незванный гость,
Дед Култай не мог бы дать такую кость.
Старика того Култаем не считай:
Это — твой отец, одетый как Култай,
Мстителем пришел на Ултан-тазов пир!
Он увидел — ты обижен, угнетен,
Сын его, Ядгар, унижен, угнетен!
Знаешь ты отца — он в гневе как дракон,
Но себя еще не открывает он.
Жил в Байсуне он, не ведая тревог,
Не было врагам при нем путей-дорог.
Он алмазный меч от ржавчины берег,
Он в бою врагов крушить несметно мог.
Шаг его могучий слышу я, дитя!

Голос — гром гремучий — слышу я, дитя!
Сохранила Алпамышу я дитя!
Сын мой дорогой, твой бек-батыр-отец
Из страны калмыцкой прибыл наконец!

Такими словами обрадовала Барчин сына своего...

А теперь послушайте о состязании в стрельбе из лука на пиру Ултана.

Люди валят валом на пир:
Благородный род и худой,
Знатный человек и простой,
Старец и джигит молодой.
Будут сорок дней угощать
Свадебной богатой едой!
Грязных потаскушек сыны,
Прихвостни Ултана, хмельны;
Еле из дверей тойханы
Вышел сам паршивец Ултан.
Зрелища начаться должны!
Гролом загремел барабан,
Двинулся народ на майдан:
Лучшие из лучников там
Будут по мишеням стрелять,
Хана и гостей забавлять.
Озорны, ретивы стрелки,
Пробуют тетивы стрелки,
Проверяют силу руки.
Ходит между ними Култай,
Алпамыш — тот мнимый Култай.
— Ну-ка, дед Култай, не болтай,
Делом заниматься нам дай! —
Так ему стрелки говорят.
Алпамыш насмешкам их рад:
Значит, не опознан никем! ..

Посланцы Ултана меж тем
Снова к Ай-Барчин пристают,
Подлые советы дают:
— Раз тебя разумницей чтут,
Что ж ты заупрямилась тут?
Розы ведь не вечно цветут,
Годы молодые пройдут —
Сваты уж тогда не придут.
Ты не будь так чванна, Барчин, —

Выйди за Ултана, Барчин!.. —
Сватам отвечает она:
— Сколько я твердить вам должна, —
Самозванцу я не жена,
Мужу своему я нужна! —
Те ей говорят: — Без причин
Счастье отвергаешь, Барчин.
Ултан-бек — страны господин,
Отвечая «нет» вместо «да»,
Своего не видишь вреда. —
А Барчин свое: «Никогда!»
Кольцекудрой честь и хвала!
Сватов она вновь прогнала.
Видят сваты — плохи дела.
Что-то скажет бек Ултан-таз,
Как-то примет новый отказ?
Надо возвратиться им к ней:
Может быть, ответит умней.
Снова беки входят к ней в дом,
Разговор ведут всё о том:
— Слова мы разумного ждем, —
Не упрямся, думай путем.
Каяться ведь будешь потом... —
Ай-Барчин стоит на своем:
— Воду в решето с вами льем, —
Отнял у вас разум Ултан.
Он мне, говорю, нежелан.
Сколько б ни грозило мне бед,
Не скажу вам «да» вместо «нет».
Ултан-таз ваш — вор, людоед,
Да погибнет он не в черед,
Семя его бог да сотрет!
Пусть меня он силой берет!
Стонет угнетенный народ...
Ой, родное племя мое,
Непосильно бремя твое,
Но настанет время твое!..

Ходят-ходят сваты к ней в дом,
Ноги уж волочат с трудом.
Но не внемлет сватам Барчин,
Гонит от себя со стыдом...
Говорят Ултану потом:
— Так и так, мол, речь с ней ведсм,
Ай-Барчин стоит на своем.

Сердце у нее — словно лед,
Замуж, мол, за вас не пойдет,
Ултан-бек, мол, ей — не супруг,
Пусть он, мол, умрет не в черед,
Пусть ее, мол, силой берет.
Столько с нею раз говоря,
Время лишь теряем мы зря... —
Ултан-тазу так доложив,
Каждый сват — ни мертв и ни жив.
Ултан-таз, щербат и плешив,
Выслушал, пошел на майдан...

На майдане люди шумят:
Старый дед Култай, говорят,
Тоже по мишени стрелял,
Дальше всех стрелу он метнул!
Так он тетиву натянул,
Так упругий лук он согнул,
Надвое тот лук разломал,
Половинки прочь отшвырнул!
Много наломал он других
Луков, очень крепких, тугих,
Стрелы по мишеням забил!
Где он эту силу добыл?
Лучников он всех посрамил,
Всполошил народ, изумил.
Спрашивают люди его:
— Э, скажи, Култай, бабаджан,
Что за перемена в тебе?
Где ты научился стрельбе?
Ты же нам известен, Култай!
Что за чудеса, Култайджан!..

Говорит им Култай-Алпамыш:

— Если уж хотите правду знать — о своей силе скажу я так: издавна у меня она, да не была нужна. К чему, — думал я, — на старости лет силою хвастать? Похвальбы не любя, держал ее про себя, думал — так будет лучше. А тут — праздничный случай, народу куча, решил я: силу свою проявлю — народ удивлю, скажут: такой, мол, дед скрипучий, оказывается — батыр могучий! А дело так было: у Алпамыша от Алпин-бия, деда его, четырнадцатibatман-ный бронзовый лук был. Бывало, на озеро Арпали мы с ним приходим, лук тот поднимаем с земли — стрелять начинаем. Я стрелу пушу, он стрелу пустит — молнией стрелы

наши летят, до Аскарских гор долетают, большие вершины срывают, бывало. Но только мои стрелы всегда дальше Алпамышевых летели.

— Э, э, дед Култай, — перебил его кто-то, — на старости лет вы что-то путать стали. Если лук, — вы говорите, — имел вес в четырнадцать батманов, то — на свете нет чудес — такой вес тяжел и для великанов!

— Ай-ай, — ответил Култай, — говоря короче, не очень мы головы ломали над тем, легка, тяжела ли была эта вещь. Лук этот, впрочем, мы даже и за комара не считали.

— Э, — сказали ему люди, — жаль, что не знаем мы, где этот лук остался. Знали бы, постарались бы как-нибудь сюда его притащить.

Ответил Култай:

— Если вы не знаете, я знаю. Сам Алпамыш уже семь лет назад умер в своих оковах, сидя в калмыцком зиндане. А лук его оставался на озере Арпали. Ой-бой, он уже давно зарос степною травой!

Узнал об этом разговоре Ултан-таз, послал людей на то место — вернулись посланные, говорят: «Действительно, есть этот лук». Приказал Ултан несколько упряжек волов погнать на то место, собрал своих беков, сказал им такое грозное слово:

— Вы в Конграте жизнь привольную вели,
С Алпамышем часто говорить могли.
Быть того не может, чтоб никто не знал,
Как он этот лук тяжелый поднимал,
Как с такого лука стрелы он пускал,
Как шибал вершины столь могучих скал.
Требую от вас, чтоб к водам Арпали
Все вы, сколько есть, немедленно пошли,
Лук многобатманный чтоб из той земли
На волах моих сюда вы привезли, —
Мне бы, Ултан-беку, оказали честь.
Если не пойдете, сколько вас ни есть,
Помните: моя жестокой будет месть!
Что же вы затылки молча заскребли?
Краток мой приказ: ступайте в Арпали!

Такие слова услышав, сказали беки промеж себя:

— Теперь что будет с нами? — И страх охватил их...

Ай-Барчин, дома находясь, узнав о жестокости Ултана, увидела в душе своей, что сироте Ядгару суждено подвиг

совершить. Выйдя к растерянным бекам, сказала Барчин такое слово:

— Беки, просьба к вам униженна моя:
Да стоит, не рухнет хижина моя!
Листопад в саду — не уцелеть цветам.
Как же соловью теперь гнездиться там?
Сына своего, сиротку, я вам дам, —
Он для вас добудет тот пернатый лук.
Если пал верблюд среди пустыни вдруг,
Если надорвалась лошадь от потуг —
Должен верблюжонок взять верблюжий выюк.
Льва-батыра сын, мой львенок Ядгарджан,
Вытянет, доставит тот отцовский лук!..

Узнав о словах Барчин-ай, Ултан-таз подумал: «Наконец-то она полюбила нас! Этот проклятый Ядгар, оказывается, ее всё время расстраивал, против нас восстанавливал! Видно, решила она избавиться от него, сама его на смерть посылает!»

Ударил он Ядгара по голове камчой, погнал его. Сжалось сердце Ай-Барчин, и, к Ултану обратясь, она произнесла такое слово:

— Слово я тебе скажу от всей души.
Яблочко-лицо мое не засуши.
Мужа брат, как муж, его женою чтим,
Как мирза, отныне будешь мною чтим.
Только моего ягненка ты не бей,
Не глумись над ним, внемли мольбам моим.
Говорит невеста скорбная твоя:
Острым горем грудь распорота моя.
С плачем между вас должна метаться я!
Милость окажи — дитя мое не бей!
Бракосочетанья правя торжество,
Зря над ним чинишь такое озорство... —
А Ултан опять камчой хлестнул его.
Матери глядеть на это какво!
Молвит Ай-Барчин Ултану снова так:
— В шелесте листья есть ветра верный знак.
Плещет на ветру мой шелковый джелак.
Пред тобой дитя, а не могучий враг.
Гнев такой и крики для чего нужны?
Слишком далеко заходишь ты, дурак!..

Услыхав речь матери своей, льву подобен стал сердцем
сирота Ядгар и тоже слово сказал:

— Бей сильнее, бей! Черед покуда твой.
Плачу в скорбный день, поникнув головой.
Бей сильнее, бей, собачий гнев удвой, —
Сирота Ядгар что сделает с тобой?
Как-никак, в твоих руках покуда власть,
Краденою властью наслаждайся всласть!.. —
А камча его, как дождь, как снег, сечет,
Жаркий ливень слез из глаз его течет,
Только никакой пощады он не ждет.
Явится отец — и даст Ултан отчет!..
Бьет Ултан Ядгара, подлая душа!
К озеру Арпа он гошит малыша.
Рядом с ним шагая, тяжело дыша,
Давится слезами бедный Алпамыш.
Мальчика утешить хочет Лжекултай:
— Потерпи, сынок, что делать? Пострадай,
Властвовать не вечно будет негодяй.
Ай, приди, весна! Скорее, снег, истай,
Алпамыша месть, насильник, испытай!..

Далека тропа на озеро Арпа!
Не видать в горах просветов до сих пор.
Каждый стон Ядгара — небесам укор.
Озеро синее, зеленеет луг.
Вот он, тот старинный, тот чеканный лук!
Как ему поднять многобатманный лук?
Но отец пришел ему на память вдруг —
Сердце будто в нем разорвалось в тот миг,
Радости и страха испустил он крик.
Поглядел на лук — безмерно лук велик,
Тяжести подобной не потянет бык!..
Жалобно сиротка всем в глаза глядит:
От такой задачи кто освободит?
А Ултан его всё хлещет, не щадит.
— Ну, тyani! — кричит он, словно тигр сердит... —
Лук берет Ядгар в две детских пятерни,
Бьет его Ултан: — Тyani, щенок, тyani! —
Молится Ядгар: — Э, боже мой, взгляни,
Силу ты в меня отцовскую вдохни!.. —
Оплетен степной могучею травой,
Лук зарылся в землю, кверху тстивой.
Тужится Ядгар, мотает головой,

То наляжет грудью, то нажмет плечом —
Тяжесть одолеть не может нипочем.
Бьет его жестокий Ултан-таз бичом,
Чем он чаще бьет, тем всё больней удар,—
Сдвинуть лук бессилён сирота Ядгар...
Алпамыш страдает, глядя на него, —
Мучит ведь без смысла гадина его!
Из последних сил свой сдерживая гнев,
В ярости немой как бы оледенев,
Смотрит на Ултана благородный лев,
Мнимый тот чабан, неузнанный султан:
Перед ним Ултан, конгратский лжесултан.
Э, как низок ты, разнузданный султан!..

Тщетно бился над тяжелым луком бедняжка Ядгар, не мог он лук вытянуть, людям в глаза опять с мольбою по очереди смотрит.

Говорит сыну своему Алпамыш-Култай:

— Э, Ядгар, мой львенок, сын богатыря!
Жалостно в глаза людские смотришь зря!
Претерпи страданья, горд и духом тверд,
Мужественным будь, как твой отец-батыр!.. —
Словом он своим Ядгара укрепил:
Тот подумал: «Честь отца я посрамил!»
Спину во мгновение мальчик распрямил,
На врага он взор презренья устремил,
Ни одной слезинки больше не пролил.
Мошь батыра мальчик в мышцах ощутил!
Исполнинский лук пошатывать он стал,
Мощи той аркан разматывать он стал,
В землю вросший лук слегка пошевелил —
С треском стали рваться стебли крепких трав.
Пути трав густых на луке разорвав,
Тот многобатманный исполнинский лук
От земли Ядгар отваливает вдруг!
Волоком он тащит в сторону его,
Тащит за собой, как борону, его...
Весь народ подобным дивом изумлен,
Алпамыш героем-сыном умилен.
Мрачен Ултан-таз, не радуется он,
Страшным подозреньем в сердце уязвлен:
— Этот сирота — не слабая овца,
Как бы он не стал могучее отца,

Как бы не нажить беды от стервеца!
Хаанского не снял бы он с меня венца,
Не дожидаться б нам и худшего конца! .. —
Жизни цвет в тот миг сошел с его лица,
Даже затрясло от страха подлеца.
«Как теперь нам быть?» — подумал Ултан-таз.
Мальчика убить подумал Ултан-таз. . .
Подвигом Ядгара потрясен Конграт:
«Новый Алпамыш!» — в народе говорят.
У людей сердца от радости горят. . .
Правда ли, неправда ль — петь нам не мешай,
Сладость этой вести, слушая, вкушай. . .
Высоко летает смелый сокол!
Путь от Арпа-коля труден и далек!
Тот многобатманный древний медный лук
К воротам Конграта мальчик приволок.
От ворот он путь направил к тойхане,
Лук огромный внес — оставил в тойхане. . .
К тойхане меж тем спешит Барчин-аним, —
Как же не гордиться ей сыноком таким?
Столь великий труд им совершен одним!
Ходит вокруг него — любитесь им мать,
Обойдя семижды, стала обнимать,
Стала его в щеки, в губы целовать.
— Ты — моя отрада, — говорит она, —
Совершив, что надо, — говорит она, —
Дому ты — награда, — говорит она, —
Ты — оплот народа, — говорит она, —
Ты свершил такое чудо! — говорит. —
Жертвой за тебя да буду! — говорит. —
Будешь на отцовском месте, мой сынок, —
Станешь на весь мир известен, мой сынок! —
Слезы льет она, покуда говорит. . .

Минимый дед Култай с народом в стороне.
Он словам Барчин внимает, как во сне,
Всё не признаваясь сыну и жене.
Думает: «Не время открываться мне, —
Чудеса явить хочу родной стране. . .»
Еле помещаясь в шахской тойхане,
Лук его огромный прислонен к стене.
Алпамыш-Култай народу подмигнул,
Исполинский лук он поднял — повернул,
На плечо повесил, за порог шагнул —

И понес оттуда прямо на майдан
Бронзовый тот лук в четырнадцать батман.
А толпа шумит, как море-океан,
В головах людей — от тех чудес туман.
На майдан придя, он в руки взял свой лук,
На одну чинару дальнюю взглянул,
Тетиву тугую сильно натянул
И стрелу в чинару дальнюю метнул.
Молнией слетела с тетивы стрела,
Засвистела так, что весь народ вздрогнул.
Далеко чинара старая была,
Молнией стрела достигла цели той
И с чинары ветвь большую сорвала, —
Всю длину майдана покрыть бы могла!
Изумлен народ, — прекрасные дела!
Изумлен Ултан, — опасные дела!
«Ну и показал работу дед Култай!
Подозрителен мне что-то дед Култай...»
Новая грызет забота: дед Култай!
Зашумел в народе о Култае слух:
«Вот какой стрелок чудесный тот пастух!»
Говорят иные: «В нем нечистый дух».
Про себя кой-кто, а кое-кто и вслух
Говорят: — Будь проклят Ултан-тазов пир!
Сдох бы он, отродье шлюхи — Ултан-таз!
Дед Култай давно от старости протух:
Не вернулся ль тайно Алпамыш-батыр? —
Переполошился весь конгратский мир...

А теперь, помня свое обещание, расскажем о матери Ултан-таза.

Когда-то мать Ултан-таза называли «Бадам-поганша» — теперь величать ее стали «Бадам-ханша». Говорившему по привычке «Бадам-поганша» язык отрезали. В молодости персиянка Бадам пастушкой была. Привычку имела спать с высунутым языком. Отклевала ей однажды ворона кончик языка — стала Бадам косноязычной: вместо «р» говорила «й».

Стала она наложницей Байбурн-бия, родила от него сына — Ултана этого. Считал он себя Алпамышу братом, случая дождался — овладел страной. Мать его, Бадам-поганша, ставшая Бадам-ханшей, зла была, как бешеный верблюд. Чуть ей что нашепчут, сама чинит палево-направо суд и расправу. Ненавидел ее и простой и знатный люд...

Говорили про нее: «Поганый казан у хана не более благоуаает, чем у чабана».

Между тем Ултан-таз, обнадуженный словами Барчин, продолжал пировать, к свадьбе готовится. Время подошло девичник справлять, олан вести.

Сказала Бадам-ханша:

— В стайости моей дождавшись бъякосочетания бека сына своего, готова я на ядостях сама на двугойбом вей-блюде вейхом отпьявиться — девушек-къясавиц на олан собиять.

Села она на верблюда, поехала девушек-молодок склицать. Едет Бадам — поет:

— Медленно, быстьенько скачу,
Уличкой къяутенькой скачу,
Тъёпочкой узенькой скачу,
Гойлинкой сизенькой лечу,
Низко я, низенько лечу.
Видеть я, къясавицы, вас
На пню у сына хочю.
Пъёсьба — посетите наш пий!
Сами вы пъякъясны на взгляд,
Къясный надевайте наяд,
Язум ясный в девушке — клад,
В бойком слове ценится склад.
Вами же гойдятся Конгъят!
Пий мы задаем на весь мий —
Пъёсьба — посетите наш пий!..

Так поганша-ханша Бадам
Ездит по родам-племенам.
Речь убогой кто разберет?
Слушает — смеется народ,
Каждый закрывает свой рот...

Наступил вечер олана. Приходят девушки. Худышки — мышками шмыгают, козочками прыгают, порхают, как мушки, хохотушки-резвущки. Толстушки — мягки, как подушки, в ожиданье пирушки сидят или ходят — величавы, как павы...

...Со своего верблюжьего пастбища пришла и Ай-Калдыргач, сестра Алпамыша. Дошел до нее слух, что Барчин-ай дала согласие Ултану, что в этот вечер состоится бракосочетание их. Подумала: «После того, как бракосоче-

танье совершенно будет, перейдет она к Ултану во дворец, — когда-то еще придется мне с Барчин-ай, бедняжкой, свидеться?..» Как ни тяжело ей было думать, что Ай-Барчин женой Ултана станет, — решила она пойти.

Пришла она — Бадам-ханша дала ей два светильника в руки, третий на голову ей поставила. Тут Ядгар тоже пришел. Калдыргач Ядгару, любимцу своему, такое слово сказала:

— Ядгарджан, внимли-ка слову моему:
К племени пришла я снова моему.
В свадебном собрание для чего держать
Мне на голове светильник, не пойму.
Ты, мой джан Ядгар, так весел почему?
Иль обласкан теплым словом ты людским,
Иль над положеньем бедственным моим
Посмеяться хочешь, милый мой Ядгар?
В беспринутном сердце — только «ох!» да «ах!».
Слез ручей не сякнет у меня в очах:
Без вести пропал Хаким-ака, мой брат,
Сын его, Ядгар, да озарит Конграт!
Ядгарджан, чему ты радуешься так?
Одинокая, верблюдов я пасла,
Слезы горькие в сухой степи лила,
На костре разлуки сердце я сожгла,
Истомясь от муки, я сюда пришла.
Я пришла сюда, друзей не обретая,
Ты вбежал, смеясь и весело шутя.
Разве ты спросил, Ядгар, мое дитя:
Как, мол, поживаешь, тетя Калдыргач?
Не горюй, бедняжка тетенька, не плачь!
Кто же мне утеха, если не Ядгар?
Что ты так смеешься весело, Ядгар?..

Барчин-айм, как невеста Ултана, также тут находилась. Слова своей тетки Калдыргач услышав, опечалился о ней Ядгар и, к матери своей, к Ай-Барчин обратясь, так сказал:

— Слово обращаю к матери моей:
Всякое про нас болтают меж людей.
Участь бедной тетки облегчить нельзя ль?
Память моего погибшего отца,
Дорогая мать, усердней чтить нельзя ль?

Свадебный светильник выбросить нельзя ль?
Смерти пам у бога выпросить нельзя ль?.. —
Он слова свои промолвил в простоте.
Встала Барчин-ай, слова услышав те, —
Образ Алпамыша ей предстал в мечте.
В теле есть душа, в душе есть много мук,
Кольцеудрая вся побледнела вдруг.
Осень настает — цветник поблекший пуст,
Сядет и ворона на розовый куст...
Молвила Барчин: — Погибни этот брак! —
Выбросила прочь светильни в чангарак.
В праздничной юрте настал могильный мрак.
Девушки визжат — им страшно в темноте.
Очень был большой переполох в юрте...

Шла из степи Бадам-ханша, подходит к юрте, видит — темно в ней стало вдруг. Вошла, узнала, в чем дело, подумала: «Если мне сейчас избранить ее как следует, может Барчин оскорбиться, обратно свое согласие взять. Не буду ее пугать раньше времени, пусть уже невесткой моей станет, тогда с нею сочтусь как умею!..»

Зажгла она снова светильник, сказала строго:

— Больше чтоб этого не было! Начинайте, девушки, олан! — Сказала она так и села.

Тем временем Култай-Алпамыш входит.

— Что ты, Култай, шатаешься-болтаешься, без зова являешься? — сказала недовольно Бадам-ханша.

Отвечает ей Култай-Алпамыш:

— Мы, янга, с тобою в свойстве. На таком торжестве, на свадьбе сына твоего Ултана, как же не погулять мне? Хочу три-четыре олана спеть с тобою в паре.

Бадам-ханша ему:

— Если ты со мною оланы затянешь, пожалуй, возомнишь себя равным нам. — Так сказала Бадам, чванясь перед Култаем, и стала глумиться над ним:

— Что, спрашиваю, воспевать будешь ты? Горе-нужду раба-чабана, кибитку из самана, помет барана? Это не годится для олана на свадьбе моего сына хана Ултана.

Сказал ей Култай-Алпамыш:

— Зачем, янга моя, не боясь греха, своих не узнаешь, обижаешь бедняка-пастуха? Действительно, мы равны: ведь я — твой свояк. Разве не так?

Не знала Бадам, что не с Култаем, а с Алпамышем говорит. Согласилась Бадам несколько оланов с ним спеть, но захотела первой начать состязание.

Бадам-ханша

— Овцы, — ты сказал, — бегут на водопой.
Колос пьевьящен в солому молотьюбой.
То, что говойишь — да сбудется, Култай!
Вьема Ултан-бека, мой свояк, воспой! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

— За бараном вскачь бежит баран, Бадам!
Вербой стал кривой твой тополь-стан, Бадам!
В старости невесткой ты обзавелась!
За тебя я счастлив, янга-джан Бадам! — Яр-яр.

Бадам-ханша

Иижне баяны — вожаки отай.
Запою оланы — бьёсит мейтвых в жай.
Девушки-кьясотки, молодки, веселей!
Ултан-таз теньгу пожейтвует вам в дай. — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

Козы-безбородки — вожаки отар.
Старые уродки-тетки бросят в жар.
Разве я, красотки и молодки, стар?
Алпамыша деньги — граблений товар! — Яр-яр.

Бадам-ханша

Двен некаясывы без литых колец.
Девушки гьюстят без золотых колец.
Шуток-пънбауток вы не пьнпасли.
Позабавит вас олан мой под конец. — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

Двери некрасивы без литых колец.
Девушки грустят без золотых колец.
Шуткам-прибауткам время не пришло.
Будет ведь олан испорчен под конец! — Яр-яр...

— Э, Култай-джан, дуйная твоя голова, не ту игью игьяешь, — пеевняешь слова! — оборвала его Бадам-ханша.

Отвечает ей Култай-Алпамыш:

— Э, Бадам-янга, ворчливая карга, сердце не омрачай — не замечай, если я, твой свояк, что-нибудь не так скажу невзначай.

— Ну, — говорит ему Бадам, — яз так, то шайтан с тобой, — как умеешь, так пой.

И начала она снова.

Бадам-ханша

Ской на язговой он, яб-чабан, Култай!
Кайкающий воён, слаб мой джан-Култай! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

Ходят горя тучи, ой, Бадам-янга!..
Голос твой скрипучий мерзок мне, карга!
Человек я добрый, — честь мне дорога!
Ворон скорби каркнет в сердце у врага! — Яр-яр.

Бадам-ханша

Тычешь всюду нос, бьёдяжка-яб Култай.
Не шпыйай, как пес-двойняжка, яб Култай!
Не сладка вода, коль воду подает
Гъязный водонос-бедняжка яб Култай. — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

Огонек в печи — лепешки горячи.
Не ворчи, молчи, язык свой излечи.
Бросил бы собакам я твои кишки!
Щедро платишь бранью, сдачу получи! — Яр-яр.

Бадам-ханша

Острый язычок имеешь, своячок.
Словом, словно бытвой, бьёшь, своячок.
Помни, станчок, что сын мой — бек Ултан:
Язычок твой — чок! — заблещь, своячок! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

Бойким острословам хороша цена!
Родичам толковым вся душа — цена!
Выйдешь с Ултан-тазом на толчок-базар,
Скажут: «Раз парша, то полгроша — цена». — Яр-яр.

Бадам-ханша

Язычок остъя, зъя не болтай, Култай!
Складно говоя, слова взнуздай, Култай!
Если попадешься в слове — не пеняй.
Подвязать язык не опоздай, Култай! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш

Грешен мой язык, пошучивать привык,
Сам себе готов я откусить язык!

Ты не влюблена ль в Култая-пастуха?
Ха-ха-ха! Старик, пастух Култай, — шутник! —
Яр-яр.

Услышали это начальники пира, говорят:

— Култай-пастух, — чтоб он пропал! — пася стада,
упражнялся, оказывается, в острословии. Придя сюда,
мать Ултан-бека лишил уважения, во всех оланах ее победил!
Какая бы она ни была — все-таки важного человека,
нашего бека мать! Нехорошо старуху на смех поднимать!
Если он сделает то же с кем-нибудь помоложе — не так будет обидно. А что, если состязаться с ним мы дадим Барчин?

Задумались некоторые: «Не посмотрит ли на это косо Ултан-бек?» Пришли к нему — спрашивают:

— Как это получится?

Сказал пришедшим Ултан-таз:

— Култай уже стар. Пусть они поют в паре.

Пришли начальники пира — говорят Култаю:

— Оказывается, вы на острое слово мастер большой!
Посостязайтесь теперь с невестой.

Барчин с Култаем-Алпамышем начали петь оланы.

Ку л т а й-А л п а м ы ш

На склонах гор — цветов ковер,
В реке — бобер, — яр-яр.
Мне ваш супруг, — вам не в укор, —
Был близкий друг, — яр-яр.
Споем олан, чтобы остер
Был разговор, — яр-яр.
Известье есть, — яр-яр.
Лет семь иль шесть Анм-Барчин
Ткала ковер, — яр-яр, —
Узор — хитер! — Яр-яр.
Она скромна, Барчин-ай,
Она умна, — яр-яр.
Твой кушачок, твой поясок
Истрепан как! — Яр-яр.
Но это просто — платок,
А не кушак! — Яр-яр.

Б а р ч и н

Олан поешь — и в сердце мне вонзаешь нож.
Слова плетешь — и голос твой, ой, как хорош!
На голос мужа моего он так похож! — Яр-яр.

Култай-Алпамыш

Э, глупая ты женщина, на свете нет чудес.
Ну, кто же видел, чтоб мертвец когда-нибудь
воскрес?! — Яр-яр.

Барчин

Настанет осень — пышный сад увянет, — говорю!
Но соловья и куст пустой приманит, — говорю!
Мой витязь-муж из мертвецов восстанет, — говорю!
Ядгар мой, обрета отца, воспрянет, — говорю! —
Яр-яр.

Култай-Алпамыш

Возбуждена, наряжена в парчу и шелк,
Своей судьбой угнетена, забыла долг.
Но, коль надежды и любви напев не смолк,
Паршивый волк зачем тебе? Где в этом толк? —
Яр-яр.

Барчин

В парчу и шелк наряжена, огорчена,
Блюла б я долг, не будь судьбой угнетена,
Мне эта свадьба не нужна, — она страшна!
Но жизнь Ядгару сохранить ведь я должна! — Яр-яр.

Култай-Алпамыш

Спесив, но властен Ултан-таз, к тому ж богат,
Плешив, но страстен — чем не муж, чем я —
не сват! — Яр-яр.

Барчин

Хоть он и властен и богат — мне мерзок он!
Народ несчастен, угнетен, повсюду стон.
Мой оланчи! Ядгар тобой заморожен, — яр-яр.
Отца мечтает он иметь опять.
Проказник хочет бороду отца трепать.
Он шапку с головы отца желает снять, — яр-яр.

Култай-Алпамыш

Болит моя душа, скорбит, я в том клянусь,
Я плачу, слез, горячих бус, я не стыжусь.
Разгорячусь — и петь берусь я до зари,
Но шапку снять я не решусь, хоть я не трус, — яр-яр!

Б а р ч и н

Что я сказала, оланчи, — то знак любви,
Пой, не молчи, себя скорей разгорячи,
Не жди зари — и с головы тельпак сорви, — яр-яр.

К у л т а й - А л п а м ы ш

Не говори, чтоб до зари, не торопи,
Дух укрепи, терпи-гори, не торопи.
Блеснет заря — тьм на мои дела смотри, — яр-яр.

Б а р ч и н

Лакомство вкусней на зуб, чем у губ,
Снимет шапку, кто неглуп, кто мне люб, — яр-яр.

К у л т а й - А л п а м ы ш

Срок весны пришел — расцвел в срок цветок.
Стоя поперек дорог, рок — жесток.
Шапку снять нельзя тому, кто плешив,
Иль парша на голове — не порок?! — Яр-яр.

Б а р ч и н

Нет весны — и свежей здесь розы нет пока,
Нет от рока ни угроз и ни бед пока,
Друг-супруг мой не плешив и не сед пока, — яр-яр.

К у л т а й - А л п а м ы ш

Горе мне, моя судьба истинно горька,
Я держу твое дитя, — льется слез река, —
Тяжело его держать, — затекла рука, — яр-яр!

Б а р ч и н

Срезала с ребенка я жертвенную прядь.
Сам — по запаху — сумел он отца узнать,
Мальчик на руках отца хочет подремать, — яр-яр.

К у л т а й - А л п а м ы ш

В паре петь со мной олан ты не рада ли?
Вражки выведала ль ты силы, клады ли?
Говорить: «Возьми дитя!» — дважды надо ли?
От опасностей ему ты ограда ли? — Яр-яр.

Б а р ч и н

Осень ходит по садам — всем кустам отцвесь, —
Может и на куст пустой соловей присесть.

Если мать дает отцу сына приласкать,
Для ребенка неужель в том опасность есть? — Яр-яр.

Ку л т а й-А л п а м ы ш

Если «Алиф-бе» не знать — не писать письма!
Сына, говорю, возьми! Не сходи с ума!
Это ль не во вред ему? Посуди сама! — Яр-яр.

Б а р ч и н

Плакала над сиротой я день и ночь: «Ой-бой!»
Мой сиротка золотой, масляный такой!
Но тебя отец родной гонит прочь! Ой-бой! — Яр-яр.

Ку л т а й-А л п а м ы ш

Ай, Барчин-ай,
Ай, Барчин-гуль!
Луны светлей, цветка нежней,
Ты будь умней, — яр-яр.
За Ултан-таза не иди, —
Смерть караулит впереди!
Гуль-Барчин-ай, яр-яр,
Ты так и знай, — яр-яр!

Б а р ч и н

Так говоря,
Пугаешь зря, —
Ведь на джиду сядет в саду
Мой соловей, — яр-яр.
Супругой врагу стать не могу,
Честь берегу, — яр-яр.
Муж мой султан, мой Хакимджан,
Он лишь один, — яр-яр, —
Люб Ай-Барчин, — яр-яр.

Ку л т а й-А л п а м ы ш

Оставили мы тут козлят —
Застали коз.
Без нас расцветшая Барчин
Не краше ль роз?
Мир изумляя красотой,
Пир задает, — яр-яр,
Пир обручальный, говорят, —
Как он богат! — яр-яр.

Мы оставляли жеребят —
Коней нашли.
Мы думали: нет жен верней,
Нежней Барчин,
Но стала Ай-Барчин большой —
И нам чужой, — яр-яр!

Б а р ч и н

У Барчин-ай от многих дум
Развился ум.
Нет, я не стала вам чужой,
Клянусь душой, — яр-яр!
Ах, в проигрыше я, мой сват!
Вы — снова шах, — яр-яр,
Мне снова — мат, — яр-яр!

Пение оланов закончилось. Заря взошла, утро прошло, день к полуденному рубежу приближался. Кучками-кучками между тем народ везде собирается, слухи по всей стране летят, разговор всё один. Где ни столкнется голова с головой, там только и слышно: «Этот Култай — не Алпамыш ли?»

Тем временем приезжает Култай настоящий. На нем — Алпамышев батырский ватный кушак, шишак блестящий. Встретились Култай с Алпамышем, Алпамыш ему и говорит:

— Дедушка, созови людей Ултана, оповести о приходе моем.

Отвечает Култай:

— Э, умножились теперь прихвостни его; если, собрав их, объявлю: «Алпамыш вернулся!» — как бы не убили они меня.

Успокоил его Алпамыш:

— Не бойся, я близко буду, чуть что — выручу тебя.

Послушался дед Култай, — на Байчибара сел, поехал дальше — делать как Алпамыш сказал. Никто его, настоящего Култая, не узнает, смотрят люди — диву даются: кто такой этот важный витязь-аксакал?

Подъехал Култай ко дворцу, привязал Байчибара, созвал людей и сказал им такое слово:

— Праздника часы настают,
Цветники-сады расцветут.
Племени конгратского люд,

Ведай, что пришел Алпамыш! . .
Нужно эту весть разгласить,
Радостью кипеть — не остыть,
Цвет сине-зеленый носить,
Блиzkих и друзей посетить:
Здесь он, ваш султан Алпамыш! . .
Голос дать великой трубе,
Пушечной начаться пальбе:
Внял господь народной мольбе, —
С вами ваш султан Алпамыш! . .
Саду по весне зеленеть,
Розам — распускаться, алеть,
Соловьям — любовью пьянеть,
Песням соловьиным звенеть.
Самозванным ханам — конец,
Гнету всех ултанов — конец!
Знайте, что пришел Алпамыш! . .
Разойдись, печали туман,
Кайся, безрассудный тиран,
Радуйся, Конграт-Байсунстан, —
Здесь он, твой законный султан!
Друг живи в чести и в любви,
Недруг да потонет в крови!
Смерть врагу — пришел Алпамыш! . .
Род байсун-конгратский, живи!
Дружно и по-братски живи!
В славе и в геройстве живи!
И в благоустройстве живи,
Меч тебе и щит — Алпамыш! . .
Байбури-бий, старец седой,
Бурдюки носящий с водой,
Кличет тебя сын молодой,
Встреть его, — он здесь, Алпамыш! . .
Тот, кто, твой нарушив запрет,
Чести исполняя обет,
Не страшась опасностей-бед,
В дальний край враждебный ушел.
Пролежал в зиндане семь лет,
Кто весь край калмыцкий потряс, —
Он вернулся, жив и здоров,
Встреть его, — он здесь, Алпамыш! . .
Ты, чье сердце скорбью кипит,
Много натерпевшись обид,
Ты, его сестра, Калдыргач,
Больше не терзайся, не плачь.

Брат твой не был врагом убит,
Встреть его, — пришел Алпамыш! ..
Ты, чьим вскормлен он молоком,
Чьим он был любимым сынком,
Мать его, страдалница, знай:
Не был сын твой убит врагом,
Встреть его, — он здесь, Алпамыш! ..
Родичи, друзья его, вы —
Сверстники, товарищи-львы,
Всё конгратское племя мое,
Под врагом жестоким семь лет
Были без вожатого здесь,
Были верблюжатами здесь!
Знайте, здесь ваш друг Алпамыш! ..
Юною оставшись вдовой,
Знай, Барчин, супруга его,
Хаким-бек, возлюбленный твой,
Вырвался из плена живой,
Встреть его, — он здесь, Алпамыш! ..
Ханский Байчибар подо мной,
Прилетел он в край свой родной.
Эту весть, народ мой, услышь,
Встреть его, — он здесь, Алпамыш! ..

Эту весть на пир чабан Култай принес, —
Зданье тойханы от криков сотряслось,
Светопреставленье будто началось.
Сразу все ултаны опустили нос.
— Что-то будет с нами! — говорят они, —
Страшного суда он нам покажет дни! ..
Кто он, этот важный витязь-аксакал,
Что на Байчибаре ханском присакал? .. —
Так никто из них Култая не узнал:
Ведь Култаем там считался Алпамыш! ..
Алпамыш меж тем пастуший кебанак
Сбрасывает с плеч, а с головы — тельпак,
Козий белый мех с лица срывает вмиг,
Сбрасывает их — отбрасывает их,
Золотой на нем сверкающий кушак,
Перед красотой его немеет враг.
Бек-батыр Хаким, прекрасен и велик,
Открывает людям подлинный свой лик! ..
В это время счастья раздается вскрик:
В тойхану вбегает Байбури-старик,
Семена ногами, он бежит, пыхтя,

Очи его блещут, радостью блестя.
— Ой, дитя мое, воскресшее дитя! —
К сыну он бежит, объятия простер,
Обнимает сына, гордо говоря:
— Стал ты величав, как истинный кайсар!
Сколько мук терпело бедное дитя! .. —
В это время крик послышался опять:
То его старуха прибежала — мать,
Дорогого сына стала обнимать,
Обнимает, речи ласки говоря,
Жаркой материнской радостью горя:
— Э, мое дитя, мой Хакимджан-султан! —
В это время крик послышался другой:
— Ой, мой Хакимджан, супруг мой дорогой! .. —
Это Барчин-ай, его жена, бежит,
Слезы счастья льет на грудь ему рекой.
Плачет сам Хаким от радости такой...
Пасшая верблюдов — вслед родным своим —
Прибегает с плачем Калдыргач-айм,
Обнимает брата: — Ака-джан Хаким!
Ой, мой дорогой, мой долгожданный брат! .. —
Так они стоят и с гостем говорят,
Каждый в свой черед к нему прижаться рад.
Все, ликуя, плачут — и сто раз подряд
О его здоровье разузнать хотят.
Любящие вновь друг друга обрели:
Сына, брата в нем, супруга обрели! ..

А уже в народе слух о том бежит —
И туда народ со всех сторон спешит,
Стар и млад, тем слухом возбужден, спешит.
Не одна дорога в град Конграт лежит,
Каждая людьми, как саранчой, кишит:
Если Алпамыш вернулся в свой народ,
Зрелища такого кто себя лишит?
Алпамыш меж тем, роднею окружен,
Знак подав, садится на отцовский трон,
А Ултан, пред всем народом посрамлен,
Голову повесил, сердцем огорчен,
И, заплакав, так сказал при этом он:
— Лучше бы я умер — и не знал вовек,
Что такое власть и что такое бек!
Лучше бы я жил, как всякий человек,
Если бы соблазна властвовать избег!
Всех богатств и власти мне милей сейчас

Тот укрюк, с которым табуны я пас!
Стыдно мне, конгратцы, и глядеть на вас!.. —
В горе и позоре избивать себя
Кулаками стал несчастный Ултан-таз.
Если Алпамыш вернулся в свой народ,
Беку-самозванцу — умереть черед:
Кто бы о его бесчинствах не сказал?
Если б хоть Ядгара он не истязал!..
В это время с места вдруг вскочил Ядгар,
Он вскочил, как юный разъяренный нар,
Подбежал к Ултану — и нанес удар.
Тот пощады просит — мальчик не дает,
Руки ему вяжет и к отцу ведет.
К трону подойдя, он пред отцом предстал,
Косточкою каждой он затрепетал
И отцу слова приветствия сказал...
Бека увидав, затрясся Ултан-таз,
Ужаса озноб преступника затряс,
В землю он глядел, не поднимая глаз.
Раздается грозный Алпамышев глас —
Обвиненья речь в собрание полилась.
Кончив гнева речь, он отдает приказ —
И под стражу взят злосчастный Ултан-таз...
Увели Ултана... Спрашивает хан:
— Что случилось? Где же друг мой Караджан?!
Почему в такой счастливый день и час
Друга своего не вижу среди вас?

Отвечает один из присутствовавших:

— После ухода вашего, когда Ултан-таз правителем народа себя объявил, он всех при вас состоявших людей на разную службу назначил. Караджана же ни на какую должность не определил и, к людям его не пуская, отправил на Алатаг. Лишил он его права с людьми встречаться. Ултан приказ написал, печать приложил к нему — вручил бумагу Караджану: если, мол, увижу тебя хоть раз с кем-нибудь из людей не только разговаривающим — рядом стоящим, сам себя вини: вздерну на виселицу и голову отрублю. По этой причине никто Караджана всё это время не видел и ничего о нем не знает. Бумага эта у Караджана в руках должна быть, если только он на Алатаге не дождался уже своего смертного часа...

Услыхав такие слова, Алпамыш отдает приказ:

— Немедля седлайте лучших скакунов, в одиночку не отправляйтесь, — трое-четверо поезжайте, — разыщите, при-

везите Караджана. Одежду ему от меня, коня отборного в дар от меня доставьте, весть обо мне передайте: вернулся, мол, Алпамыш в Конграт, друга своего скорее видеть мечтает!..

Четыре всадника на Алатаг отправились. Прибыли — разыскали Караджана. Увидел их Караджан-батыр, удивился:

— В чем дело? — спросил он.

Сказали ему люди Алпамыша:

— Прибыл бек Хаким, наш султан!
Живо снаряжись, Караджан!
Малое, великое ль будь —
Ни о чем не думай, забудь
И — без промедления в путь!
В дар тебе прислал Хакимджан
Этого коня и чапан!..

Мешкать и не думал шункар.
Принял побратима он дар,
В сердце его — радости жар,
Быстро им оседлан тулпар.
Ехали туда вчетвером,
Ехали назад впятером.

Едет Караджан, а весть вперед бежит.
Приезжает он, за ним народ бежит.
Кто-то Алпамыша известить спешит,
Алпамыш, узнав, нисходит с трона вниз.
Старые к нему вазирьы тут сошлись:
С почестями нужно гостя встретить им,
Вышли, смотрят — едет гость желанный к ним!
Вот он подъезжает: — Здравствуй, побратим!

После приезда Караджана совет собрали — дела обсудили, — пир готовить стали.

Много белых юрт разбили для гостей,
Много было в них припасено сластей.
В золото из луков шла стрельба в тот день, —
Золотые тыквы — для стрельцов мишень.
Вечера на землю опустилась тень,
А народ на пир валил, кому не лень.
Шествием веселья с факелами шли,
Из умолкших пушек вновь пальбу вели.
Множество котлов на поле принесли,

Множество костров на поле разожгли.
Резали баранов — счета им не чли,
Повара варили, пекари пекли.
А людские толпы всё текли-текли,
Собрался там весь байсун-конгратский мир.
Неразлучны были, возглавляя пир,
Алпамыш-батыр и Караджан-батыр...

Знатный и незнатный пировал народ,
Пир отпировав, большой созвали сход.
Алпамыш дела с народом обсудил, —
Сердце от печали он освободил.
Верных слуг своих он щедро наградил,
Прихвостней Ултана бек не пощадил:
Строгий розыск он немедля нарядил,
Недругов своих повсюду находил,
Пойманных врагов допрашивал-судил.
В темные зинданы многих посадил,
Самых вредных он и на смерть осуждал.
Самого Ултана сорок дней подряд
Алпамыш со всей суровостью пытал,
Через сорок дней он приказанье дал —
Кончить Ултан-таза... Мир в стране настал.
Алпамыш теперь порядок утверждал:
Он дела правленья мирно обсуждал,
Малое, большое строго наблюдал, —
Он благоустроить родину желал.
Он свою родню счастливой увидал.
С Ай-Барчин себя любовью услаждал,
Пыль страданья он из сердца выметал...

А время шло. Заря однажды вставала, — когда солнце
взошло, прибыло во дворец несколько всадников. Вышел
к ним Алпамыш, Алпамышу они такое заявление сде-
лали:

— В слове сказанном всегда ошибка есть.
Вам Байсары-бай, отец Барчин, шлет весть.
Осень наступает — всем цветам отцвести.
Очень на чужбине тосковал ваш тесть,
Все-таки домой вернуться он решил.
Много он труда на это положил,
Много испытаний тяжких пережил.
Кто с ним оставался — с ним откочевал.

Берег Коккамыша — им теперь привал,
Там Байсары-бай, как встарь, залетовал.
По своей Барчин старик затосковал:
— Мне разлука с ней невмочь, — он говорит, —
Ведь единственная дочь, — он говорит, —
Глаза моего зрачок! — он говорит.
Так, вздыхая день и ночь, он говорит. . .

Эти слова услышав, распорядился Алпамыш вестников дяди-тестя своего с коней спустить. Хорошо накормив их, подарками снабдив, отправил он их обратно: скорей, мол, пусть дорогие гости прибывают. Назначив еще человек десять почтенных людей, он их вместе с вестниками на Коккамыш послал с наказом — сопровождать Байсары. Пастбище озера Коккамышского, если напрямик идти, недалеко было.

Прибыли люди на Коккамыш, — наказ Алпамыша сообщили. Выслушал их добрые слова Байсары, добрыми словами сам им ответил, оставил давнюю свою обиду, родичам своим за оказанный ему почет много благодарности высказал, — принял приглашение. Страстно желая Барчин свою увидеть, на родине своей снова жить, поставив десять посланцев Алпамыша впереди каравана своего, отправился Байсары-бай со спутниками в Конграт.

Об их приближении навстречу высланный человек сообщил во дворец. Ай-Барчин пешком на дорогу вышла, увидела издали родителей своих и такие сказала слова:

— Боли сердца мне ужель теперь не знать?
Явь или сон я вижу — не могу понять!
Вправду ль предо мной моя родная мать?!
Чресла кушаком украсив золотым,
Не родной ли мой отец передо мной?! —
Распахнув объятья, к ним бежит Барчин,
Слезы счастья из очей струит Барчин.
Дочь свою увидев, ослабел старик,
Шевельнуть не мог суставами в тот миг,
Грузом радости раздавлен был в тот миг.
Дочь свою увидев, слез не удержал,
К старческой груди свое дитя прижал.
Далеко-далёко край врагов теперь!
Как бы ни был тот далекий путь тяжел,
Старый Байсары на родину пришел!
Дочь свою в объятья принимает мать, —
Радость этой встречи надо понимать!

Байсары стоит пред зятем дорогим:
— Ты здоровым ли пришел домой, Хаким? —
Алпамыш обласкан словом был таким.
Кто семь лет скитался по краям чужим,
Знает, как отрадно встретиться своим.
Все обиды их растаяли как дым.
Встретить Байсары пришел и Байбури,
Все-таки — два брата, что ни говори!
Братская любовь их вспыхнула опять,
Друг о друге всё хотят скорей узнать.
Слезы друг о друге стали проливать.
То, что было — было, — стыдно вспомнить,
Рану распри старой надо ль растревлять?
Лучше о делах страны потолковать, —
Край родной им надо благоустроить.
Солнце между тем уж начало пылать,
Ко дворцу пришли — уводит мать Барччи.
Стали дастархан гостям приготавливать,
Знатные мужи пришли их поздравлять.
Вскоре собрались и сазандары там:
Карнайчи пришли и сурнайчи пришли,
Трубный рев стоял, звенели тары там,
Бубнов, барабанов громы — тара-там!
Кто на чем умел, на том он и играл,
Юных забавляя, как и старых, там.
Девушек, молодежь толпа собралась —
И огонь веселья долго там не гас.

Но концу игры пришел, однако, час, —
Люди по своим стоянкам разбрелись.
Кое-кто остался: жалобы нашлись,
Просят Алпамыша: — Вникни, разберись! —
Беки на совет державный собрались,
Сообща разбором жалоб занялись.
Выслушав обиды, «да» сказав или «нет»,
Беки встали с мест — закончили совет. . .

Так-то возвратился после всех невзгод
В ту страну родную, в свой родной народ
Алпамыш-батыр, могучий сокол тот.
Так, семь лет пробыв у недругов в плену,
Милую свою увидел он страну,
Так вернул себе любимую жену,
Так объединил байсун-конгратский мир. . .

Эти все дела случились в старину,
Их свершил тот сокол, Алпамыш-батыр,
О котором слава облетела мир.
Свой дастан о нем поет Фазыл-шаир.
Если, воспевая Алпамыша тут,
Клики «гай!» от вас я часто слышу тут,
Лучшие слова на память мне придут.
Я — Фазыл, простой дехканин и певец,
Как умел, так пел, — и песне тут конец!

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые записи узбекской версии дастана «Алпамыш» были осуществлены в 1922 г. профессором Г. А. Юнусовым, зафиксировавшим большую часть произведения из уст сказителей Фазыла Юлдаш-оглы и Хамракула (фамилия последнего неизвестна) в Самаркандской и Сырдарьинской областях. Текст этих ранних записей не сохранился, и лишь отрывок из них был опубликован самим Г. А. Юнусовым в ташкентском журнале «Билим учаги» (1923, № 2—3, с. 39—59). С этого времени и вплоть до 1964 г. дастан «Алпамыш», привлекая к себе пристальное внимание фольклористов и культурной общественности Узбекистана, записывался 33 раза от 28-ми сказителей (полностью, частично и в пересказе). Следует отметить, что в настоящее время в Узбекистане сохраняется традиция живого устного бытования памятника. Известны имена таких современных исполнителей дастана, как Хазраткул Худайберды-оглы (р. 1920), Чары Ходжамберды-оглы (р. 1927), Кадыр Рахим-оглы (р. 1941) и др.

Сравнение существующих вариантов «Алпамыша» приводит к выводу о сохранении в каждом из них основных сюжетных линий памятника, несмотря на весьма значительную в ряде случаев разницу в пространности текста. Так, например, в варианте Бури Садык-оглы всего 350 строк, в варианте Пулкан-шанра — 5855, а в изложении Фазыла Юлдаш-оглы текст дастана насчитывает 14 000 строк. Каждый вариант дастана отличается своеобразием своего словесного воплощения, идущим, несомненно, от индивидуальности сказителя.

Наибольший интерес в художественном отношении представляют тексты памятника, записанные от Пулкан-шанра, Берды-бахши, Саидмурада Панах-оглы, Бекмурада Джурабай-оглы, Бури Садык-оглы, Умира Сафар-оглы. Совершенно уникальной ценностью для воссоздания формы и содержания памятника обладает вариант дастана Фазыла Юлдаш-оглы. И по мастерству рассказа и по своей полноте и по обилию хорошо сохранившихся архаических подробностей этот текст, записанный в 1928 г. в кишлаке Лайка Булунгурского района Самаркандского округа известным собирателем фольклора Махмудом Зарифовым,¹ превосходит все другие известные нам версии «Алпамыша». На узбекском языке текст Фазыла Юлдаш-оглы печатался неоднократно. После уже упоминавшейся публикации отрывка в журнале «Билим учаги» дастан был представлен в хрестоматии «Узбекский фольклор» (Ташкент, 1939, публикатор Х. Т. Зарифов), а затем вышел в 1939 г. отдельным изданием под редакцией и с предисловием Хамида Аллм-

¹ Текст этой записи хранится в Архиве узбекского фольклора им. Х. Т. Зарифова Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.

джана. Второе и третье издания дастана вышли соответственно в 1957 и 1958 гг. Самое полное издание, подготовленное Х. Т. Зарифовым и Т. М. Мирзасевым, вышло в Ташкенте в 1979 г.

Кроме варианта Фазыла Юлдаш-оглы на узбекском языке изданы варианты Берды-бахши (Ташкент, 1969) и Саидмурада Панах-оглы (Ташкент, 1972). Также на узбекском и русском языках в «Известиях Академии наук Узбекской ССР» (1956, № 11, с. 77—88) был опубликован пересказ дастана, записанного А. К. Боровковым из уст народного сказителя Мавлана Пирмат-оглы.

Работа над переводом дастана «Алпамыш» на русский язык была начата в годы Великой Отечественной войны. Об этом поэт-переводчик Л. М. Пеньковский (1894—1971) вспоминает так: «К переводу эпоса «Алпамыш» я приступил еще в начале 1942 г. Известный узбекский поэт Хамид Алимджан (ныне покойный), бывший в то время ответственным секретарем Союза советских писателей Узбекистана, и узбекский фольклорист Х. Т. Зарифов предложили мне тогда для перевода отрывок четвертой песни первой части эпоса, а именно — с того места, где начинается подготовка к байге, т. е. все эпизоды спортивных состязаний калмыцких богатырей с Караджаном и Алпамышем. Эта часть моей работы, изданная в 1943 г. филиалом издательства «Советский писатель» в Ташкенте под редакцией и со вступительной статьей члена-корр. АН СССР, проф. В. М. Жирмунского, явилась первой публикацией узбекского «Алпамыша» на русском языке».¹

После этого был издан сокращенный перевод первой части дастана, выполненный В. Державиным, А. Кочетковым, Л. Пеньковским (Ташкент, 1944). В 1946—1948 гг. Л. М. Пеньковский осуществил полный перевод дастана на основе подстрочного прозаического перевода, сделанного с узбекского издания дастана 1939 г. под редакцией Хамид Алимджана. Перевод Л. М. Пеньковского публиковался в Москве и Ташкенте неоднократно (М., 1949 и 1958; Ташкент, 1949, 1958 и 1974). В настоящем издании воспроизводится текст московского издания 1958 г.

Перевод Л. М. Пеньковского, удачно передающий многие черты узбекского оригинала, не лишен некоторых отступлений от подлинника. К числу отступлений следует отнести прежде всего текстовые сокращения. Так, например, опущен эпизод паломничества Байсары и Байбури к могиле халифа Али, где они молятся о ниспослании им потомства (ч. 1, песнь 1). Остался непереведенным комический окрашенный эпизод, посвященный неудачной попытке хищения скота Кайкубатом (ч. 2, песнь 2). Имеются отступления от оригинала в строках (той же песни), рассказывающих об отношениях Кайкубата и Тавки. Расхождение между подлинником и переводом кое-где обнаруживается в несовпадении количества строк стихотворных фрагментов. В оригинале прозаические фрагменты текста построены по канонам саджа, т. е. ритмизованной и рифмованной прозы, составляющей типическую особенность узбекских народных дастанов. Перевод не всегда удерживает эти черты оригинала. В целом же своеобразная художественная природа памятника и его идейно-эстетическое богатство нашли достаточно верное отражение в публикуемом переводе.

В примечаниях к настоящему изданию разъясняются малопонятные русскому читателю идиоматические выражения, иносказания, намеки, упоминания о тех или иных старинных обрядах, обычаях и легендах. Пояснения имен собственных, специфической лексики из области

¹ Пеньковский Л. М. Некоторые стилистические особенности эпоса «Алпамыш» и принципы его перевода. — В кн.: Об эпосе «Алпамыш», Ташкент, 1959, с. 132—133.

быта, культуры, религии и мифологии старого Узбекистана и других стран Востока вынесены в Словарь. При подготовке справочного аппарата книги частично был использован комментарий В. М. Жирмуцкого к ташкентскому изданию 1974 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Песнь первая. *Сидевший у самого порога*. Место у порога считалось непочетным, оно предоставлялось бедным и незнатным гостям. *Дать детям имена обещал*. Подразумевается распространенный среди тюркских народов древний обряд наречения имени, который совершался обычно на пиру патриархом племени, а в мусульманскую эпоху — странствующим дервишем. Считалось, что выбор имени предопределял всю судьбу человека. *Отдали их всех троих в школу*. Мусульманская школа привнесена сказителями из среды оседлых землепашцев, столетиями исповедовавших ислам. *Последственный бронзовый лук* и т. д. Согласно эпической традиции, первый свой подвиг герой совершает в юном или даже в детском возрасте. *Пусть он зовется Алпамышем!* Переименование Хакима в Алпамыша — отзвук древнего обычая тюркских народов, в соответствии с которым отроку присваивалось его подлинное, «настоящее» имя, как только он совершал свой первый воинский подвиг. *Мой стройный кипарис*. Кипарис — символ стройности, традиционный образ восточной поэзии, зачастую подразумевающей красоту. *Родинку иметь ты хочешь над губой* и т. д. Имеется в виду искусственная родинка «холь», которую делают (обычно на щеке) путем надрезания или накалывания кожи в нужном месте, куда вводится краска. *Кривой, коварный небосвод*. Кривой небосвод — метафора несправедливой, жестокой судьбы. *В государство Тайча-хана*. Правители — потомки Чингисхана — именовались «тайчжи» или «хунтайчжи». Калмыцкие князья и крупные феодалы присвоили себе в XVI—XVII вв. этот титул, к которому, очевидно, восходит собственное имя калмыцкого шаха в «Алпамыше».

Песнь вторая. *Старшего звали Кокальдаш, а остальных: Кэкаман, Коккашка, Байкашка, Тойкашка, Кошкулак, а самый младший звали Караджаном*. У всех семи «калмыцких» богатырей — имена тюркские, без труда этимологизируемые на основе даже современной узбекской лексики. Так, Кокальдаш означает «Молочный брат», Коккашка — «Звездочка голубого цвета на лбу лошади», Кошкулак — «Пара ушей», Караджан — «Черненький» (с ласкательным оттенком). *То ли взять ее общей женою для всех?* — отголосок группового брака в древнем патриархально-родовом обществе. *Сговорив невесту, ей надев платок*. Надевание платка — древний свадебный обряд, знак за сватания. *Лисою ты иль волчихой пришла?* — широко распространенное среди узбекского народа иносказательное выражение, связанное с тотемом волка. Прийти волчихой — значит, добиться удачи. *Нет кумыса тебе! На исходе лета, глупый ты калмык*. Реальные калмыки-скотоводы не могли не знать: кумыс готовят в начале лета, когда кобылы только что ожеребились и жеребята еще не высасывают у маток всего молока. *Схватит... за ворот* — т. е. потребует у него ответа в потустороннем мире. *Год мыши*. У многих народов Востока летосчисление ведется по двенадцатилетним циклам, каждый год которых носит имя какому-нибудь животному.

Песнь третья. *Девяносто высится гор*. Число девяносто, как и четырнадцать, сорок, пятьсот, — одно из магических в узбекском

фольклоре. *Калдыргач... сама оседлала коня и брату передала.* Эпизод седлания коня, сопровождаемого напутствием-благословением, — один из традиционных мотивов узбекского эпоса. *Вижу — привлечен его товаром ты.* Сватание невесты у родителей проводилось на условном языке купли-продажи, совершаемой купцом-женхимом. Этот обряд, распространенный у многих народов, связан с обычаем выкупа невесты. *Счету дуков равен счет твоих врагов.* Как правило, остов юрты складывался из девяноста вертикальных жердей — дуков, которые своим верхним концом упирались в деревянный круг — чангарак, т. е. дымовое отверстие юрты. В данном случае продырявленный чангарак и поломанные дуки предвещают поражение калмыцких богатырей, угрожающих Барчин, число которых тоже равно девяноста. *Я как-то упустил Утицу одну...* Сокол я и т. д. Ответ Алпамыша пересыпан иносказаниями, использующими традиционные уподобления народной свадебной песни: невеста — утка (или верблюдница), которую ищет жених.

Песнь четвертая. *Он же моего не смыслит языка!* Сетования Барчин опровергаются предшествующим и последующим ходом событий, когда она свободно разговаривает и с Караджаном (предполагаемым женихом), и с его братьями, и с другими «калмыками». *Конь Алпамыша Байчибар, на котором взялся скакать Караджан.* В испытании коней (байге), согласно обычаю, мог принимать участие не только хозяин, но и представляющий его наездник. В данном случае представителем Алпамыша выступает его друг Караджан. *Посещать невесту тайком — наш старинный обряд.* Тайные посещения невесты женихом до свадьбы — старинный обычай, известный у многих народов, в том числе среди узбеков, сохранившийся и поныне. *Но скакун соловый был белокопыт.* Белокопытный конь — скакун, чьи копыта не выдерживают каменистой почвы. *Из ружей по теньге стрелять* и т. д. Стрельба из ружья в теньгу (монету) — явная модернизация второго вида состязания — стрельбы из лука.

Песнь пятая. *Ставленники мулл — так водится притом.* Слова «ставленники мулл» далеки от оригинала. Речь идет о «духовных отцах» невесты («вакил-ата»). Из среды наиболее уважаемых людей обычно назначаются два человека. Они спрашивают у невесты, согласна ли та выйти замуж за жениха. После получения ответа они отправляются туда, где происходит бракосочетание, и перед собравшимися и муллой подтверждают согласие невесты. Затем мулла читает молитву, и обряд бракосочетания считается совершенным. *«Смерть старухи» и «собачье рычание».* Подразумеваются старинные свадебные обычаи. У входа в юрту ложилась старуха, представлявшая мертвую; другая, изображавшая собаку, не пускала жениха к невесте; получив от него подарок, обе старухи уходили. *«Поглаживание волос», «держание руки».* Согласно свадебному обряду, жених через решетку юрты подавал невесте обернутую шелковым платком руку, потом он поглаживал ее волосы, обычно снизу вверх. За это женщины, составлявшие свиту невесты, получали от жениха подарки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Песнь первая. *Сделал он из двух четыре* — смотрел как бы в четыре глаза, т. е. очень внимательно. *Ни стрелой, ни пулей не ранишь.* Неуязвимость — широко распространенный мотив в эпосе и сказке тюркоязычных народов.

Песнь вторая. *Была у Байбури рабыня, наложница-персиянка — Бадам имя ей было.* В оригинале Бадам не персиянка, а просто рабыня, от которой Байбури имел сына Ултана. Эту справку о Бадам добавил переводчик, ссылавшийся на разъяснения самого сказителя: «Я счел себя вправе внести соответствующие пояснительные фразы в прозаическое вступление ко второй песни второй части эпоса, касающей истории захвата власти в Конграте Ултан-тазом... В один из моих приездов в Ташкент я встретился со сказителем Фазылом Юлдашем и попросил его растолковать эти непонятные места. Старый сказитель объяснил мне, что и рабыня Бадам, и единомышленники Ултана, с помощью которых ему удалось захватить власть, были кызылбашиами, т. е. пленными персами» (Пеньковский Л. М., Некоторые стилистические особенности эпоса «Алпамыш» и принципы его перевода. — В кн.: Об эпосе «Алпамыш», Ташкент, 1959, с. 135). Здесь сбереженная памятью сказителя историческая реальность: на протяжении веков пленные персы (иранцы) часто бывали домашними рабами у жителей Средней Азии. *Раньше, позже ли — мне достанется.* В соответствии с древним обычаем (так называемый «левират»), вдова старшего брата становилась женой младшего. В этом обычае, распространенном у многих народов, следует видеть пережиток права всего рода на вдову своего родича. Ултан-таз, как сын всего лишь наложницы Байбури, не имел бесспорного права на вдову брата, поэтому эпос осуждает его притязания на Барчин. *Помощь получу ль такую, как Юсуф?* Согласно популярной на Востоке легенде, восходящей к Корану, ее герой Юсуф (см. Словарь) был брошен своими братьями в пустыне в высокий колодезь и спасен проходившим мимо купеческим караваном. *Написал Хаким-бек письмо, гусю под крыло подвязал.* Письмо родным или жене, посылаемое на родину с птицей, — традиционный мотив в эпосе тюркоязычных народов. *Тот, кто, честь поставив на круг — т. е. уподобил честь ставке в азартной игре. Мне-то всё равно — в зиндане иль гробу.* Перевод не точен: по мусульманскому обычаю, покойников хоронят, как правило, в саване. *Красные жезлы — эмблемы ханского чиновника.* Тавка вручает их своим девушкам, чтобы они могли исполнить данное им поручение. *Свояком стал ему Кайкубат.* Будучи пастухом Байсары, Кайкубат, по обычаям патриархального быта, считался домохозяином, членом его семьи. В этом смысле он и называется «свояком» Алпамыша. Преобразование Кайкубата в китайского принца — эпизод, встречающийся только в варианте Фазыла Юлдаш-оглы. Герой-бедняк, часто с безобразной внешностью (в тюркских волшебных сказках — «лысый паршивец»), в конечном итоге оказывается царевичем. *Привела козла подобная луне.* Луна — распространенная в поэзии Востока метафора прекрасной женщины. *Покупатель я хороший для нее — т. е. жених.* Старинный обычай требовал, чтобы мужчина, берущий себе жену, выплачивал ее родителям калым (см. Словарь). В данном случае калымом служат бараны калмыцкого шаха, которых Кайкубат сбрасывал Алпамышу в зиндан.

Песнь третья. *Нам узбек свое узбекство показал.* Слово «узбек», исторически прилагавшееся к кочевым и полукочевым племенам, лишь в новое время вошедшее в состав узбекской нации, здесь этимологизируется как сложное слово: «уз» — «сам», «бек» — «князь»; иначе говоря, узбек — сам себе властитель. *Видишь — падишахом стали Кайкубат.* Алпамыш употребляет форму множественного числа, подчеркивая новое высокое положение Кайкубата.

Песнь четвертая. *Алпамыш тем временем на родину возвращается* и т. д. Этот эпизод находит многочисленные параллели в фольклоре и средневековой литературе европейских и восточных народов. Муж после долгой отлучки возвращается в свой дом. Неузнанный, он появляется в день свадьбы его жены, принуждаемой к новому браку нечестивым претендентом. Близкое сходство с «Алпамышем» обнаруживает аналогичный эпизод в «Одиссее» Гомера. *Конские поводья... себе на шею, бедная, кладет* — в знак покорности, согласно обычаю. *Святой пятерни отпечаток*. У Алпамыша на правом плече был отпечаток пальцев каландара, который дал ему имя, а на левом плече был отпечаток пальцев деда Култая, воспитателя героя.

Песнь пятая. *Мы... с тобою в свойстве* — намек на рабское происхождение Бадам, которая, возвысившись, надменно обращается со «своёком» — пастухом Култаем. *Ведь на джиду сядет в саду мой соловей* — образное выражение, означающее что-либо невозможное. *Золотые тыквы — для стрельцов мишень*. Стрельба в золоченую тыкву — вид праздничного состязания у народов Средней Азии. В репертуаре узбекских сказителей есть самостоятельный дастан «Золотая тыква», посвященный этой игре.

СЛОВАРЬ

- Азраил* — в мусульманских верованиях ангел смерти.
- Аим* — женщина из аристократической, богатой семьи или из семьи духовного лица; госпожа; прибавляется к именам собственным при почтительном обращении.
- Аимча* — уменьшительно-ласкательное название молодой, красивой женщины; прибавляется к именам собственным.
- Аир* — болотное лекарственное растение, корни которого содержат эфирное масло.
- Ай* — луна; в переносном смысле — красавица; прибавляется к имени женщины при почтительном или ласковом обращении к ней: Барчин-ай, Ай-Барчин и т. п.
- Айна* — стекло, зеркало; в дастане — название озера.
- Айна-коль* (буквально: зеркальное озеро) — название озера, которое было отдано калмыцким шахом для водопоя скота Байсары.
- Ака* — старший брат; вежливое обращение к старшему по возрасту или положению мужчине; прибавляется к именам собственным при почтительном обращении.
- Ака-джан* — милый, дорогой брат (см.: джан).
- Аксакал* (буквально: белобородый) — старейшина, почтенный старец.
- Алакарак* — конь, теряющий способность к продолжению бега после его остановки; болезнь лошадей.
- Аламан* — набег; толпа, готовая совершить набег, самосуд и т. д.
- Алатаг* (буквально: пестрая гора или большая гора) — название горы, через которую Байсары и Алпамыш переезжают, направляясь в страну калмыков.
- Алача* — род полосатой хлопчатобумажной или полушелковой ткани.
- Али* — двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, четвертый его преемник на халифском престоле; почитается мусульманами как святой. Согласно легендам и историческим данным, отличался храбростью, умом, великодушием.
- Алиф* — название первой буквы арабского алфавита, имеющая вид вертикальной черты.
- Алиф-бе* — азбука.
- Алияр* — песенка, исполняемая с чашей в руке в качестве тоста. Алияр-алияр (буквально: Али-друг) — обычный припев застольных песен, припев алияра.
- Алп* — богатырь, витязь; с таким же значением изредка присоединяется к именам собственным.
- Альчик* — игральная бабка, косточка из коленного сустава задней ноги барана или теленка.

- Амальдар* — должностное лицо; чиновник.
- Аму* — Амударья.
- Анаша* — гашиш, смолистое наркотическое средство, получаемое из индийской конопли.
- Апа* — старшая сестра; почтительное обращение к женщине, прибавляется к именам собственным.
- Арак* — водка.
- Арба* — одноосная телега, подвода.
- Арбакеш* — возчик на арбе (см.).
- Арбоб* — почитаемое лицо; староста селения или городского квартала.
- Аргамак* — порода быстрых и легких скаковых лошадей.
- Арзачи* — податель заявления; ходатай.
- Арпали* (буквально: ячменное) — название озера.
- Архар* — горный баран.
- Арык* — оросительный канал; канава.
- Аскар* (буквально: воин) — название горы.
- Ассалам-алейкум* (буквально: «да будет мир с вами») — приветствие.
- Ачик-коль* (буквально: горькое озеро) — название озера.
-
- Бабá* — дед, прибавляется к именам стариков при почтительном обращении к ним.
- Бабаджан* — милый, дорогой дед, дедушка (см. джан).
- Бабахан* — название горы, где происходит байга (см.), расположена в южной части Узбекистана.
- Бабир-коль* (правильнее: бабур — слово, вышедшее из употребления, со значением: пантера) — название озера, на берегах которого Калдыргач пасет стадо верблюдов.
- Бай* — богач, богатый; прибавляется независимо от имущественного положения к мужским именам, придавая им уважительный оттенок.
- Байбача* — байский сын, барчук; прибавлялось к именам байских сыновей.
- Байбури* — мужское имя, состоящее из слов: бай (см.) и бури (волк) — тотем древних тюрок.
- Байвуча* — молодая женщина, девушка из богатой семьи; хозяйка, супруга.
- Байга* — конное состязание, скачки.
- Байгуш* — бедный, несчастный; нищий.
- Байсары* — мужское имя, состоящее из двух слов: бай (см.) и сары (буквально: желтый).
- Байсун* — горная местность в Южном Узбекистане, в нижнем течении Сырдарьи.
- Бакавул* — начальник придворной кухни; старший повар.
- Бастрык* (байстриук) — незаконнорожденный.
- Батман* — мера веса, колебавшаяся в разных местах Средней Азии от 2-х до 11-ти пудов.
- Батыр* — богатырь, смельчак, удалец; присоединяется с тем же значением к именам собственным.
- Бе* — название второй буквы арабского алфавита в виде петли с точкой под ней.
- Бек* — князь, правитель какого-либо района или города в среднеазиатских ханствах; составная часть мужских собственных имен, придающая им оттенок уважения.
- Бекиджан* (правильнее: бегимджан) — ласкательная форма слова «бек» (см.).
- Бий* — глава рода, племени; судья.

Бисмилла (буквально: во имя Аллаха), возглас, произносившийся обычно перед началом любого дела или перед едой.

Вазир (везир, визирь) — главный советник шаха, первый министр в мусульманских государствах.

Гай — возглас одобрения, приветствия.

Гуль — цветок; роза; употребляется в значении «красавица» при женских именах (Барчин-гуль, Гуль-Барчин).

Гулистан — сад роз; цветущий край, благословенная страна.

Гурия — вечно юная и вечно прекрасная райская дева.

Дад-дад — восклицание, выражающее горечь.

Дастан — сказание, поэма, большое сюжетно-организованное произведение.

Дастархан — скатерть с угощением; трапеза, угощение.

Дервиш — отшельник; монах-аскет, в переносном смысле — странник, нищий.

Дехканин — крестьянин-земледелец.

Джан — душа, душечка; дорогой; употребляется как приставка к именам собственным для выражения приязни и ласки.

Джаным — то же, что «джан» (см.), но с прибавлением притяжательного местоимения «мой», «моя».

Джелак — короткое женское покрывало с рукавами и украшениями; летний халат без подкладки.

Джига — металлическое украшение овальной формы на мужском головном уборе со вделанными в него цветными камешками и с перьями филина.

Джида — лох восточный узколистный, дерево со съедобными сладко-терпкими плодами.

Джинн — злой дух, бес.

Дувал — стена, глинобитный забор.

Дуки — вертикальные жерди, служащие остовом юрты, на которые стелется кошма (войлок).

Забар — надстрочный знак в арабской письменности, обозначающий краткий звук «а».

Зер — название подстрочного знака в арабской письменности, обозначающего краткий звук «и».

Зеру-забар — грамота.

Зиль — очень тяжелый; в дастане — название горы.

Зиндан — яма, подземная тюрьма.

Зякет (правильнее: закят) — обязательный налог в пользу бедных в размере одной сороковой стоимости имущества, взимавшийся мусульманской церковью как «очистительная милостыня».

Исфаганский алмаз — сабля или меч, изготовленные в иранском городе Исфагане, который славился выделкой этого вида оружия.

Исрык (исырык) — пахучая трава, применявшаяся для ритуального окуривания.

Кавуши — кожаные калоши кустарного производства.

Кайсар — кесарь (от имени Цезарь); в дастане — витязь, богатырь.

Каландар — отшельник, странствующий дервиш (см.).

- Калдыргач** — имя собственное, происходящее от глагола «калдыр» (оставлять на месте).
- Калима** — символ веры у мусульман.
- Калым** — выкуп, уплачиваемый за невесту женихом.
- Каль** — плешивый, лысый.
- Калям** — орудие письма — тростниковое перо.
- Камча** — кнут, плеть, нагайка.
- Канджигали** — название одного из колен рода конграт (см.).
- Караван-баши** — старший в караване; начальник обозного двора хана, эмира.
- Караван-сарай** — постоянный двор.
- Карагач** — разновидность вяза.
- Карга** — ворона.
- Кармаза** — красный, алый; красная шелковая ткань.
- Карнай** — большая длинная медная (латунная) труба типа горна, используемая как сигнальный и музыкальный инструмент.
- Карнайчи** — музыкант, играющий на карнае (см.).
- Каса** — чаша, по форме напоминающая пиалу (см.).
- Катлама** — слосная лепешка, жаренная в масле.
- Кебанак** — войлочный халат или халат на войлочной подкладке (верхняя одежда пастухов).
- Кетмень** — ручное орудие для обработки почвы, род мотыги с широким лезвием.
- Кизяк** — высушенный помет рогатого скота или лошадей, используемый как топливо.
- Коккамыш** (буквально: Голубое камышовое озеро) — название озера.
- Коль** — озеро; составная часть географических названий.
- Комуз** (кобуз) — старинный струнный музыкальный инструмент.
- Конграт** — тюркоязычная группа племен, с XVI в. входившая в государство кочевых узбеков в Дешт-и-Кипчаке, а затем влившаяся в состав узбекского, каракалпакского, казахского и других народов Средней Азии.
- Копкари** — козлодрание, особый вид конного состязания, распространенный у народов Средней Азии, во время которого всадники выхватывают друг у друга тушу козла или теленка.
- Кочкар** — баран.
- Куймак** — род омлета; блин.
- Кул** — раб; входит как составная часть в мужские собственные имена и имеет уничижительное значение. В дастане имя Култай означает: подобный рабу (или: малый раб).
- Кумган** — металлический кувшин с ручкой наподобие чайника.
- Кун** — выкуп за кровь, плата за убитого родича; возмещение убытка.
- Кунтугмыш** (буквально: рожденный солнцем) — имя матери Алпамыша, а также героя одноименного узбекского народного сказания.
- Курган** — крепость, огороженный двор.
- Курухайт** — возглас, которым кличут коней и понукают овец.
- Куса** — безбородый или имеющий редкую бороду и усы: популярная комическая фигура многих узбекских сказок и дастанов (см.).
- Кыбла** — направление в сторону Мекки, священного города мусульман, куда верующие обращаются лицом во время молитвы; запад.
- Лат** — идол, истукан.
- Латманат** — в Коране идолы арабов-язычников; употребительное обозначение языческих богов вообще.

Ляббай — формула вежливости: «Что прикажете?», «Я здесь», «Слушаюсь!» и т. д.

Мазар — кладбище; съятое место.

Майдан — площадь; поле битвы, арена для борьбы.

Манат — см.: Латманат.

Мат — поражение.

Махрам — доверенный слуга; придворная должность в Бухарском и Хивинском ханствах: махрам ведал перепиской по делам придворных чиновников.

Мешхед — город в Иране; среди восточных косметических товаров славились мешхедская сурьма.

Миргазаб — тюремщик.

Мирза — писарь, секретарь, благородный человек.

Мулла — мусульманский священник; образованный человек; учитель; употребляется при почтительном обращении в сочетании с именами собственными.

Мультак — ружье старинного образца.

Мурад-тюбе (буквально: холм желания) — название холма.

Нагма — губная гармоника; мелодия, музыка.

Намаз — одна из обязательных мусульманских молитв, совершаемых пять раз в день.

Нар — одногорбый верблюд-самец.

Насывай — жгучая смесь табака с известью и специями, закладываемая под язык.

Нашаванд — курильщик гашиша, наркоман.

Ой-бой — приблизительно переданное восклицание «ох-вой», выражающее сожаление, страх.

Олан — особый вид свадебных песен, состязание парней и девушек в пении импровизированных стихов (типа частушек).

Оланчи — исполнитель олана (см.), певец.

Омач — соха с чугунным наконечником.

Падишах — царь.

Палас — ковер без ворса; кошма, подстилка.

Пахлаван (палван) — силач, богатырь; в нужных случаях в этом значении присоединяется к именам собственным.

Парман-кул (буквально: раб царского указа); в дастане собственное имя слуги.

Пери — райская дева, нечто вроде феи; синоним красавицы.

Пиала — чашка без ручки с расширяющимся верхом полусферической или усеченно-конической формы.

Регистан — центральная городская площадь в Самарканде и Бухаре; городская площадь вообще.

Рустам — богатырь-великан, герой эпосов Фирдоуси «Шах-наме» и многочисленных народных сказок. По преданию, сын Дастана, поэтому среди народа популярен под именем Рустам-Дастан.

Саба — большой кожаный бурдюк для приготовления кумыса.

Садак — колчан для лука и стрел.

Сазандар — музыкант.

Сайга (сайгак) — вид антилопы.
Салам — приветствие при встрече.
Саман — ботва пшеницы и других злаковых, используемых в корм скоту и как строительный материал в соединении с глиной.
Сардар — военачальник, предводитель; главарь; иногда прибавляется к собственному имени богатыря.
Симург — сказочная птица огромных размеров и необычайной силы.
Сипахи — солдат, воин; должностное лицо при дворе хана или эмира.
Сулу — красивый, миловидный; употребляется в сочетаниях с женскими именами: Барчин-сулу и т. п.
Сумбуль — шестой месяц солнечного года (старого мусульманского календаря), соответствующий периоду с 22 августа по 21 сентября.
Сурнай — деревянный духовой музыкальный инструмент, отчасти напоминающий флейту.
Сурнайчи — музыкант, играющий на сурнае (см.).
Суюнчи — подарок за сообщение радостной вести.

Таз — парша; лысый человек, плешивый.
Талкан — толокно; мука из жареной пшеницы.
Танбур — струнный музыкальный инструмент.
Тар — струнно-ударный музыкальный инструмент.
Тартувли — название одного из колен рода конграт (см.).
Тельпак — меховая шапка.
Теньга — мелкая серебряная монета.
Тилля — золото; золотая монета.
Тильчи — толмач; доносчик.
Тобучак — скакун.
Той — свадьба; пиршество.
Тойхана — помещение, где устраивается пиршество.
Токаистан (буквально: страна токаев) — страна камышовых зарослей; в «Алпамыше» — местность, где живут девяносто великанов калмыцкого шаха.
Тугай — заросли камыша или густая роща.
Тулпар — породистый скакун; боевой конь; сказочный крылатый конь.
Тумак — теплая меховая шапка с наушниками.
Тумар — амулет, ладанка; женское украшение.
Тюря — знатный сановник, господин; прибавляется к мужским собственным именам при почтительном или ласковом обращении.

Укрук — жердь с петлей (арканом) для поимки пасущихся лошадей.
Улак — то же, что копкари (см.).
Улус — название феодального государственного образования в Средней Азии; народ; страна.

Фанза — китайский тонкий шелк, из которого делают платки.
Фирман — указ властителя.

Хай, хой — возглас, выражающий одобрение.
Хаким — ученый, мудрец; врачеватель; в дастане — первое имя Алпамыша.
Хан — правитель; титул присоединяется к мужским и женским именам, придавая оттенок уважения.

Харвар — мера веса, груз, поднимаемый одним ослом.
Хауз — пруд, искусственный водоем.
Хумарюн — волшебная птица, приносящая, по поверью, счастье тому, на кого упадет ее тень.
Хурджуи — переметная сума.

Чагатай — монгольский хан (1224—1242), второй сын Чингисхана; в фольклоре «чагатайская» — постоянный эпитет сбруи.
Чайрикёр — издольщик, работавший на чужой земле чужими орудиями и получавший часть урожая.
Чангавуз — миниатюрный музыкальный инструмент, один край которого исполнитель держит зубами, а пальцами перебирает струны.
Чангал — заросли колючих кустарников.
Чангарак — верх юрты, деревянный круг, служащий дымовым отверстием.
Чапан — верхний халат.
Чилбир-чоль — степь Чилбир, отданная калмыцким шахом для пастбища стадам Байсары.
Чильтаны — сорок неразлучных духов; в мусульманской народной мифологии таинственные святые, управляющие различными областями жизни; призываются верующими как заступники в беде.
Чин (или Чин-Мачин) — Китай.
Чинар (чинара) — платан.
Чоль — безводная степь.
Чубарый — пестрый.
Чув-ха и *чух-чу* — возгласы, которыми понукают лошадь.

Шавля — рисовая каша с мясом, луком, маслом и морковью.
Шаир — поэт, сказитель, певец.
Шакаман (буквально: шахский лук) — название горы.
Шайтан — черт, дьявол.
Шапак — лошадь, которая не может бежать в сторону восходящего или заходящего солнца.
Шихан — островерхий холм, острая вершина горы.
Шункар — охотничий кречет; в эпосе употребляется как метафора героя, богатыря.
Шурпа — мясной суп, похлебка.

Эльчи — посланник, посол.

Юрт — страна; родина; в эпосе удел, а также дом кочевника.
Юсуф — Иосиф Прекрасный, сын библейского патриарха Иакова, известен на Востоке по легенде (из Корана), герой многочисленных средневековых поэм и сказаний, повествующих о любви Зюлейхи к Юсуфу.

Ягач — мера расстояния (около семи км.).
Ядгар — имя сына Алпамыша (означающее: памятный); его подвигам посвящена эпическая поэма «Ядгар».
Яйла — горное летнее пастбище.

Янга — жена старшего брата по отношению к младшему брату или младшей сестре; сваха невесты или жениха, остающаяся при новобрачных после свадебной церемонии; слово «янга», употребляемое как приставка к женским именам, выражает почтение.

Янги-базар — новый базар.

Яр — возлюбленный, милый; друг.

Яр-яр — название одного из видов свадебных песен; припев к свадебной песне.

Яртыбай (буквально: полубай) — человек, богатство и знатность которого ниже того, кого именуют «бай» (см.).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. С. 39. Страница рукописного текста «Алпамыша», записанного (арабскими буквами) в 1928 г. от Фазыла-Юлдаш-оглы.

2. С. 63. Барчин. Рисунок Г. Маковской (воспроизведен из книги: «Алпамыш», Ташкент, 1974).

3. Между с. 96 и 97. С фотографии 1927 г. Фазыл Юлдаш-оглы с домброй в руках.

4. *На обороте*. С фотографии 1944 г. Первый ряд (слева направо): профессор Е. Э. Бертельс, народные сказители Ислам Назар-оглы и Фазыл Юлдаш-оглы, академик В. М. Жирмунский, профессор Х. Т. Зарифов; второй ряд (стоят): языковед И. А. Киссен, фольклористы Б. Каримов и М. И. Афзалов, поэт Куддус Мухаммади.

5. Между с. 128 и 129. Сражение Алпамыша с воинами Тайча-хана. Рисунок Г. Маковской (воспроизведен из указ. изд.).

6. *На обороте*. Барчин. Рисунок В. Е. Кайдалова (воспроизведен из книги «Узбекские народные поэмы», Ташкент, 1958).

7. С. 287. Алпамыш. Рисунок Г. Маковской (воспроизведен из книги: «Алпамыш», Ташкент, 1974).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бессмертный памятник узбекского героического эпоса. <i>Вступительная статья Т. М. Мирзаева</i>	5
---	---

АЛФАВИТ

Часть первая

Песнь первая	35
Песнь вторая	60
Песнь третья	92
Песнь четвертая	136
Песнь пятая	182

Часть вторая

Песнь первая	206
Песнь вторая	239
Песнь третья	273
Песнь четвертая	302
Песнь пятая	323
Примечания	365
Словарь	373
К иллюстрациям	381

А Л П А М Ы Ш

Л. О. издательства «Советский писатель»,
1982, 384 стр.

План выпуска 1982 г. № 417

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. С. Орлов*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Е. Я. Лапиль* и *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 3193

Сдано в набор 7.04.82. Подписано к печати 14.07.82. М 33736. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 20.37. Уч.-изд. л. 22,77. Тираж 25 000 экз. Заказ № 289.
Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Цевский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

